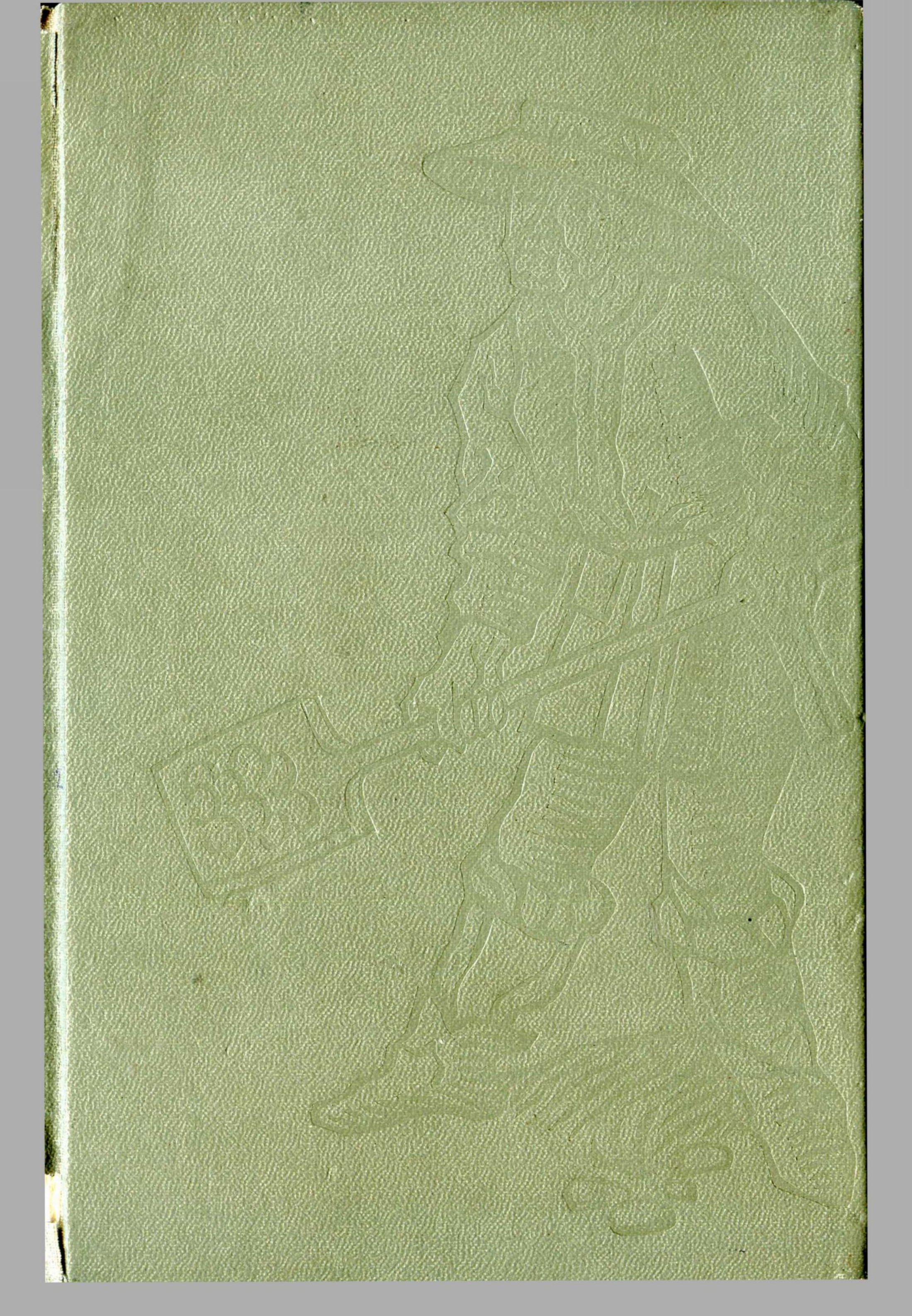

С. Д. СКАЗКИН

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В СРЕДНИЕ ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1968

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

1—6—3
87—67

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга возникла в результате многократного чтения специального курса по истории средневекового крестьянства для студентов и аспирантов исторического факультета Московского университета. Этим обстоятельством определяется характер работы. Как и всякий курс лекций, особенно если дело идет о специальном курсе, посвященном частной тематике, настоящий курс ставит себе целью подвести итоги тому, что сделано вообще по данной теме как за рубежом, так и в советской литературе, которая, как известно, много занималась и продолжает заниматься проблемами, связанными с историей трудовых масс. Само собой разумеется, что лишь часть материала есть результат исследовательской работы самого автора. Во многих вопросах автор опирается на труды своих коллег — советских медиевистов (Е. А. Косминского, А. И. Неусыхина и др.), которые являются базой для собственных выводов автора. Много взято из работ буржуазных авторов, ибо буржуазная наука накопила громадный материал фактов и сделала немало полезных обобщений. Учет этих фактов и обобщений, после проверки их с точки зрения марксизма-ленинизма, является обязательным для всякого ученого, строящего

свою концепцию, тем более что никакой исследователь не может быть специалистом по многим из тех проблем, которых ему приходится касаться в процессе синтеза. Так, например, автор по ряду причин не мог заниматься самостоятельным изучением эволюции сельскохозяйственной техники и принужден был, понимая важность этой проблемы для социально-политической истории крестьянства, ограничиться изложением основных фактов по наиболее авторитетным монографиям обобщающего характера, имеющимся в европейской специальной литературе (работы Парэна, Слихера ван-Бата, Дюби и др.).

Выбор темы спецкурса вполне понятен в нашей стране — первом обществе и государстве трудящихся. Изучение истории трудовых масс — долг нашего общества и ученых-историков нашей страны. Это особенно верно, когда речь идет об истории крестьянства при господстве феодальных производственных отношений. В этот период всемирно-исторического развития положение крестьянства как основного класса трудящихся имело свои особенности. Это был класс, создававший материальные ценности, необходимые для существования всего общества, класс, который в то же время меньше всего пользовался результатами своего труда; он создавал материальные предпосылки для развития культуры, а сам был наименее культурным. Он почти был лишен самосознания как класс, не имел собственной, им написанной истории, и то, что мы знаем о нем, идет от его классовых врагов, упоминавших о нем лишь в тех случаях, когда он отказывался работать и безропотно нести свою тяжелую долю всеобщего кормильца. А между тем именно он, производящий необходимые для человечества продукты и постоянно соприкасающийся с силами природы, донес до нас сокровища первобытного народного творчества, сверкающего всеми цветами непосредственного и не осложненного никакими теориями художественного отношения к окружающему миру, к природе и к людям, являлся неиссякаемым источником не только материальных, но и духовных ценностей, из которых последующие художники черпали свои образы и свое вдохновение, далеко не всегда понимая, кому они обязаны своим духовным богатством. В этом отношении судьба крестьянства оказалась менее благоприятной, чем судьба основного класса следующей за феодализмом капиталистической

формации — пролетариата. Рожденный новым социально-экономическим строем буржуазного общества с его революционной техникой, пролетариат как класс, сознающий себя таковым, сложился под влиянием передовой интеллигенции, часть которой стала идеологами пролетариата и впервые создала науку о развитии общества, такую же точную, как естествознание. Эта наука установила законы развития общества и положение каждого класса во всех классово-антагонистических обществах, в том числе и положение крестьянства в феодальном обществе. Впрочем, для того чтобы быть точным, следует сказать, что первыми, кого заинтересовала история крестьянства, были «реакционные романтики» первой половины XIX в., которые противопоставляли «здоровую» деревенскую жизнь городской «испорченности» и в классе крестьянства видели панацею против «язвы пролетариата». Это, однако, не помешало им сказать много верного о крестьянстве, что не раз и с уважением констатировали классики марксизма-ленинизма.

Идеологи пролетариата, создав подлинно научную теорию развития человеческого общества, бесконечно углубили наше познание и проникновение в существо исторического процесса, дали нам возможность совершенно объективно судить о значении каждого класса в предшествующем развитии человечества, в частности, о значении крестьянства при господстве феодальных производственных отношений, о его революционной роли в буржуазных революциях, о его судьбе при господстве буржуазных производственных отношений, когда крестьянство перестает быть единым классом и создается деревенский пролетариат, союзник пролетариата промышленного в его борьбе за полную ликвидацию феодализма, за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, за установление диктатуры пролетариата. Эта роль крестьянства делает его историю актуальнейшей проблемой современности, особенно если принять во внимание господство в ряде стран Востока, Африки и Латинской Америки феодальных производственных отношений, вследствие чего аграрный вопрос, ликвидация крупной феодальной земельной собственности и наделение крестьянства землей в этих странах — одна из наиболее важных проблем в наши дни; мы не говорим уже о ряде стран современной Европы, где остат-

ки феодальных порядков в сфере аграрных отношений все еще дают о себе знать (Италия, Испания) и где их окончательная ликвидация будет, надо надеяться, задачей уже не буржуазно-демократических, а социалистических революций.

Прежде чем приступить к изложению конкретной истории крестьянства при господстве феодальных отношений, необходимо остановиться на некоторых общих вопросах и характере тех проблем, которые мы пытаемся разрешить или по крайней мере осветить на страницах этой книги.

Прежде всего, мы не собираемся излагать историю крестьянства по отдельным странам Европы со всеми ее конкретными особенностями. Конечно, не лишена была бы смысла попытка изобразить такую конкретную историю крестьянства для каждой европейской страны в отдельности. Но эти особенности так же велики, как и особенности истории каждой страны европейского континента в целом; поэтому такой задачи автор книги, как и лектор специального курса, из-за ее грандиозности себе не ставил. Его задача заключалась в другом: изучить закономерности в истории тех институтов, которые или были общими для различных стран, либо, будучи специфическими для отдельной страны, позволяют более точно и основательно вскрыть основные общие тенденции аграрного развития во всех странах Европы. Именно эти общие задачи делают вопрос о периодизации истории крестьянства и о принципах, лежащих в основе этой периодизации, особенно важным.

Излагая историю крестьянства при феодализме, мы исходим из обычной периодизации истории средних веков: ранее средневековье с его единственной экономической основой — сельским хозяйством и единственным эксплуатируемым классом крестьянством; развитый феодализм или классический период средневековья, когда наряду с сельским хозяйством и деревней появляется город и ремесло, а вместе с развитием того и другого развиваются товарно-денежные отношения; и, наконец, позднее средневековье, период разложения феодальных производственных отношений и зарождения элементов капиталистических отношений в недрах феодального хозяйства. Каждый из этих периодов, поскольку речь идет об истории основного эксплуатируемого класса — кресть-

янства, имеет свои собственные проблемы, которые необходимо здесь предварительно наметить для того, чтобы стала ясна структура работы.

Основная проблема первого периода истории средневековья — становление системы феодальных производственных отношений и возникновение крестьянства как класса феодального общества. Эта проблема в свою очередь состоит из ряда проблем общего для всей Европы порядка.

Проблема перехода так называемых «варварских» народов — германцев и славян от первобытнообщинной формации к феодальной, минуя формацию рабовладельческую. Само собой разумеется, что в данном случае дело идет не о том, чтобы доказывать, что такой путь неизбежен для всех народов и во все времена, а лишь о том, чтобы объяснить фактическое положение в истории Европы, ибо здесь такой переход оказался не подлежащим сомнению фактом не только для тех племен и народностей, развитие которых совершалось во взаимодействии с разлагающимся рабовладельческим строем, но и для тех, где такого взаимодействия не было или оно было очень слабым, как, например, на севере Европы — в Скандинавских странах или в Восточной Европе, у восточных славян.

Другая проблема — проблема общины. Значение этой проблемы очень велико и учение основоположников марксизма о стадиях развития общины от родовой до общины-марки и роли последней в аграрной истории средневековья подтверждает необходимость подробного освещения этой проблемы. Мы увидим, что многое в истории крестьянства как зависимого класса феодального общества становится понятным только в свете существования общинных порядков.

Третья проблема — сам процесс феодализации и становления феодальных производственных отношений — не нуждается в подробном обосновании.

Следующая проблема нами озаглавлена «Феодальная собственность и крестьянское землевладение». Она посвящена раскрытию правового содержания феодальной собственности и коррелятивного с ним понятия землевладения, ибо чем безусловнее понятие о собственности, тем ограниченнее понятие владения как правового состояния, связанного с собственностью. А так как фео-

дальная собственность на землю есть особая форма, отличающаяся и от рабовладельческой, и от буржуазной собственности, то иным оказывается и владение землей при господстве феодализма. Тщательное изучение этого вопроса, как мы увидим, предохранит нас от многих возможных ошибок в суждении о собственности и владении, когда дело идет о применении этих правовых понятий к феодализму. У нас за последнее время создалось несколько подозрительное и даже пренебрежительное отношение к изучению юридической стороны реальных правовых отношений. Известная доля основания для такого отношения, конечно, есть; нельзя только по нормам объективного права судить о том, каковы были реальные отношения. Все это верно, но, с другой стороны, нельзя и пренебрегать изучением юридической документации, особенно в тех случаях, когда всякая другая документация по тем или иным причинам историку недоступна. И в то же время работа над юридическими источниками, когда они сопровождаются другими, более близкими к реальным отношениям документами, весьма плодотворна. Нельзя забывать, что всякая действующая в жизни правовая норма является отражением реальных правовых институтов, и поэтому как исторический источник служит для понимания подчас весьма сложных и для нас не всегда понятных правовых обычаев и порядков. И как раз понятия феодальной собственности и владения — один из примеров сложности юридического мышления давно исчезнувших правовых обычаев, всякая модернизация которых с точки зрения более поздней эпохи была бы неправомерной и внесла бы лишь путаницу в историческое исследование.

И, наконец, последняя проблема этой первой части нашей книги говорит о формах классовой борьбы крестьянства в раннее средневековье. Говоря о формах классовой борьбы, необходимо помнить, что классовая борьба есть факт конкретный и формы ее зависят от объективной обстановки, в которой она протекает. Борющиеся люди ставят себе определенные цели и действуют при помощи определенных средств — и все это зависит от конкретной обстановки, которая с течением времени изменяется. Поэтому в каждый период истории средневековья история крестьянских движений и восстаний должна изучаться особо. Здесь, в первой части нашей работы,

мы даем историю классовой борьбы крестьянства раннего средневековья.

Вторая часть нашей работы открывается главами, посвященными развитию производительных сил и структуре феодальной вотчины, под каким бы названием в Западной Европе она ни существовала. Можно задать вопрос, почему вотчиной мы начинаем вторую часть своей работы, ведь вотчина завершает собой процесс феодализации, и вследствии этого главе о вотчине естественнее оказаться в первой части? В общих чертах ее описание читатель найдет там. Во вторую же часть книги мы поместили подробное описание и эволюцию вотчины в период развития товарно-денежных отношений в интересах удобства и цельности изучения вотчины как основной ячейки феодального хозяйства и общества, ячейки, в которой происходит образование феодальной ренты и ее распределение. Именно эта последняя функция вотчины — распределение феодальной ренты — претерпевает существенные изменения во второй период средневековья, а вместе с нею происходят важные изменения в аграрном строе феодализма в целом, а следовательно, и в положении класса крестьянства. Важность этой темы заставила автора проделать ее анализ на материале Англии и Франции, двух стран, где она нашла свое классическое выражение. Заканчивается вторая часть общим очерком материального положения крестьянства в средние века и подведением итогов тех изменений, которые произошли в аграрном строе и положении крестьянства под влиянием развития товарно-денежных отношений во второй период средневековья.

Третья часть книги, соответственно третьему периоду средневековья, посвящена тем изменениям, которые произошли в аграрном строе Западной Европы и в положении западноевропейского крестьянства под влиянием развития в недрах феодальных производственных отношений элементов капиталистического хозяйства. Формы так называемого первоначального накопления по отдельным странам Западной Европы, проблема так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе и формы классовой борьбы крестьянства в этот, третий период средневековья в сравнительно-историческом освещении, — таковы основные проблемы третьей части книги.

В заключение считаю необходимым еще раз подчеркнуть, что автору этой книги, может быть, больше, чем кому-нибудь другому ясно, что он не затронул весьма многих проблем истории крестьянства в период господства феодальных производственных отношений и что эта работа лишь частично является подведением итогов всего того, что сделано по этим проблемам в советской и зарубежной историографии. Задача автора заключалась в том, чтобы познакомить изучающих историю средневековья и, в первую очередь историю трудовых масс средневековья, по крайней мере с основными и наиболее общими проблемами этой истории и наметить пути дальнейшей работы по этим вопросам. В какой мере такая задача решена автором, судить, конечно, не ему, а читателям.

Считаю своим приятным долгом поблагодарить моих товарищей по кафедре истории средних веков исторического факультета Московского университета и по сектору истории средних веков Института истории АН СССР за ценные замечания, сделанные при ознакомлении с проблемами этой книги.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

ТЕХНИКА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В АНТИЧНОСТИ И В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Оценка источников. Хозяйственные занятия «варваров» в эпоху Салической правды. Характеристика римского сельского хозяйства. Плуг и рало; другие сельскохозяйственные орудия. Виды вспашки. Удобрение земли. Уход за посевами и уборка урожая. Скотоводство. Садоводство. Агрикультура раннего средневековья в сравнении с римской. Орудия производства; системы земледелия. Виды сельскохозяйственных культур; их урожайность. Огородничество, садоводство. Скотоводство. Взаимоотношение римской и средневековой агрикультуры. Так называемый «Каролингский ренессанс».

Развитие производительных сил определяет возможность революционного перехода от одной формации к другой. Для «варварских» народов, вступавших на сцену истории в период разложения у них первобытнообщинного строя, а также для рабовладельческого общества, на территории которого «варвары» обосновались, этот уровень производительных сил состоял прежде всего в уровне развития сельского хозяйства. Как известно, древние германцы и славяне не знали развитого рабовладельческого строя и перешли прямо к феодальным производственным отношениям. Однако уже здесь можно задать себе вопрос относительно того, в какой мере этот переход был обусловлен состоянием развития производительных сил, уровнем, который позволил этим народам перешагнуть, так сказать, через одну формацию и подняться до феодализма, минуя рабовладение. «Феодализм вовсе не был перенесен в готовом виде из Германии; его происхождение коренится в организации военного дела у варваров во время самого завоевания, и эта организация лишь после завоевания,— благодаря воздействию производительных сил, найденных в за-

воеванных странах, — развилась в настоящий феодализм»[1].

Для решения этого вопроса необходимо изучить, с одной стороны, состояние сельского хозяйства у «варваров» до их окончательного расселения на территории бывшей Римской империи или вне ее на окраинах европейского континента, с другой — состояние сельского хозяйства у римлян ко времени соприкосновения с римлянами «варваров». Последнее необходимо для того, чтобы иметь представление о том, что могли позаимствовать «варвары» от римлян и что они позаимствовали от них в действительности.

Одна из самых больших трудностей, которые приходится преодолевать при решении этих вопросов — крайняя ограниченность и скудость источников. Никаких агрономических трактатов, подобных тем, которые нам оставили римские агрономы, от времени раннего средневековья у нас нет. «Варвары» были еще слишком «некультурны» для того, чтобы создавать ученые сочинения по сельскому хозяйству. До нас дошли лишь случайные замечания и отрывочные данные в источниках юридического характера, например, в «Варварских правдах» и документах хозяйственного порядка, вроде известного всем медиевистам «Capitulare de Villis», в полиптиках и картуляриях или в таком своеобразном источнике, как знаменитые «Этимологии» Исидора, епископа Севильского, — памятнике VI в., в котором в перечне слов, подлежащих объяснению, мы находим также ряд терминов, относящихся к сельскому хозяйству. Некоторые данные мы имеем от времени так называемого Каролингского Ренессанса, но это в основном замечания любителей и практиков сельского хозяйства и сочинения их специально агрикультуре не посвящены. Агрономические сочинения в Западной Европе относятся к гораздо более позднему времени, не раньше XII в. Таково, например, сочинение испанско-арабского агронома Ибн-аль-Авама «Книга об агрикультуре» (XII в.), трактаты итальянца Крешенци (XIV в.), Фицгерберта (Англия), Хересбаха (Германия) и француза Оливье де Серр (все три относятся к XVI в.). Правда, в этих сочинениях мы встречаем отдельные указания, относящиеся к более раннему

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 74.

времени, но это опять-таки случайные факты. Несколько больше дают археологические памятники, но и они случайны и редки, так как первобытные орудия создавались главным образом из дерева и вследствие этого не сохранились, а железные части к ним оказались деформированы ржавчиной и временем. Более полное представление дают рисунки и мелкие скульптурные изображения римских сельскохозяйственных орудий, образцы которых приводит советский историк М. Сергеенко в интересном и важном исследовании о сельском хозяйстве древней Италии[2]. Но такого документального материала для раннего средневековья нет (рисунки, главным образом — миниатюры, относятся к более позднему времени). В целом напрашивается естественное заключение относительно скудости наших сведений о сельскохозяйственной технике и агрикультуре раннего (да и в значительной мере развитого) средневековья.

Наше представление об уровне производительных сил, и прежде всего об уровне сельского хозяйства — основного вида хозяйственной деятельности германских и славянских народов в период их окончательного расселения на почве Европы, складывается из фактов, засвидетельствованных источниками двух видов: сведений самих «варваров», главным образом франков, и сведений римлян (Цезарь, Тацит, Страбон и др.), с которыми «варвары» вошли в это время в соприкосновение.

«Основным занятием салических франков (еще задолго до основания Франкского государства) было земледелие, с которым было тесно связано весьма развитое скотоводство»[3], — так в целом характеризует хозяйство франков один из крупнейших современных специалистов по истории раннего средневековья. Салическая правда упоминает стада крупного рогатого скота, лошадей, овец, коз, свиней и различные породы домашней птицы. Скот мог пастись и без пастуха (этим объясняются штрафы за покражу колокольчика с вожака свиного стада или

[2] См. М. Е. Сергеенко. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 40—51.

[3] А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 96 и др. Все споры о том, были ли германцы того времени номадами или полуномадами и в какой мере у них еще сохранялись самые примитивные формы землепользования, существенного значения сейчас уже не имеют.

стада мелкого скота, а также за кражу бубенчика и пут с коня), но часто при стадах имелись пастухи. Это явствует как из упоминания о пастушеской собаке и о свинопасе, так и из следующего указания: «Если кто, заставши на своей ниве чужой скот без пастуха, загонит его и никому не заявит об этом...»[4]. Очевидно, стадо обычно паслось под надзором пастуха, но от него могли отбиться отдельные животные. Наряду со скотоводством франки занимались охотой, рыболовством, пчеловодством. Важнейшую роль у них играло, конечно, земледелие, но, по-видимому, издавна было развито и огородничество.

Казалось бы, что, войдя в соприкосновение с римлянами, германцы очень много должны были заимствовать от высокоразвитой римской агрикультуры, но исследователи, специально занимавшиеся этим вопросом, обращают внимание на то, что потребовались века, прежде чем новые народы освоили чрезвычайно высокую во всех отношениях сельскохозяйственную технику античного Рима, и что, например, в огородничестве и особенно садоводстве уровень римской агротехники был достигнут в Западной Европе не раньше XVI в. Когда «варвары» осели окончательно на территории империи, они, будучи земледельцами, встретились с культурой гораздо более высокой, чем их собственная. Нет и не может быть никакого сомнения в том, что германцы, особенно те их племена, которые поселились непосредственно на римской территории, например в Италии, в современной Франции и в Западной Германии, воспользовались многим из того, с чем они встретились. «Синтез» разлагавшегося рабовладельческого общества и разлагавшегося первобытнообщинного строя выражался в подъеме производительных сил в «варварском» обществе», и, несомненно, здесь имело место заимствование «варварами» римской техники сельского хозяйства. Но римская сельскохозяйственная техника была чрезвычайно высока, и «варвары» могли позаимствовать только некоторые элементы ее.

Итак, познакомимся прежде всего с техникой сельского хозяйства древних римлян той поры, когда «варвары» стали расселяться по территории Римской империи.

Расцвет сельского хозяйства древней Италии относится к II в. до н. э. Книга Катона «О земледелии», в кото-

[4] Lex Salica, IX, § 2.

рой говорится о создании комбинированных культур и о значительном повышении уровня полеводства и маслиноводства — свидетельство этого расцвета. В I в. до н. э., по выражению Варрона, Италия представляла собой сплошной фруктовый сад, и в мире не было ни пшеницы, ни вина, ни оливкового масла, которые могли бы соперничать с италийскими. Он же говорит о прогрессе сельского хозяйства и считает нормальным урожаем зерновых урожай в сам-десять. Италия не только снабжает продуктами внутренний рынок, но и посылает свое вино и оливковое масло за пределы страны, преимущественно в западные провинции.

Однако уже к середине I в. картина резко меняется. Рабовладельческое хозяйство все больше приходит в упадок; провинции развивают каждая свою отрасль хозяйства и чем дальше, тем все меньше нуждаются в привозе из Италии. Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания; «варвары» попали на территорию, которая с точки зрения хозяйственной техники была не ниже италийской.

Говоря о технике полеводства, следует прежде всего отметить, что наиболее распространенной системой и в Италии, и на окраинах Империи было трехполье с интенсивным удобрением как при помощи навоза, так и зеленым. Были известны посевы кормовых трав, стойловое содержание скота, значительного развития достигли животноводство и птицеводство. Впрочем, следует оговориться, трехполье было известно и распространено не везде. Побережье Средиземного моря, особенно Южная Франция, вплоть до XIX в., не знало трехполья. Здесь основной системой полеводства было двухполье, так как недостаток влаги не позволял сеять яровые хлеба.

Доисторическая агрикультура, равно как и классическая римская, были прежде всего агрикультурой на легких и не особенно влажных почвах. В Британии и Галлии в римскую эпоху предпочитались высокие почвы; в более позднюю эпоху они были заброшены и заросли лесом. Но в Италии, которая по своим природным условиям была переходной зоной между средиземноморским ареалом и влажным севером, мы находим и легкие, и тяжелые почвы, относительно особенностей и свойств которых древние агрономы-писатели имели достаточно ясное представление. В провинциях более тяжелые почвы на-

чали очищаться и запахиваться во времена Империи; культивация их была несомненным прогрессом. Римляне умели также расширять посевные площади путем дренажирования. В Понтийских болотах и в некоторых местах Этрурии мы встречаем даже подпочвенные туннели (cuniculi), лежащие иногда глубоко под поверхностью. Менее сложные системы дренажа были известны много раньше. В остальной Европе осушка болот и дренаж стали известны значительно позже.

Для вспашки земли римляне употребляли два вида орудий: рало (aratrum) и плуг. У нас очень часто латинский термин aratrum переводится русским словом «плуг»; при этом добавляются для уточнения «небольшой плуг» или «бесколесный плуг» и т. д. Такое словоупотребление неточно. Aratrum (франц. araire) лучше и точнее всего переводить общеславянским термином «рало» (орати — пахать, оратай — пахарь), который лучше всего передает значение этой древнейшей формы орудия конной и воловьей тяги, одним из видов которого является русская соха. Французские этнографы Одрикур и Деламар, написавшие большую и чрезвычайно интересную работу о плуге в различных странах мира в различные эпохи[5], дают определение «рала» и «плуга». Как ни велико разнообразие форм рала (а их действительно чрезвычайно много; русский этнограф Д. К. Зеленин насчитал только в одной Вятской губернии 30 различных типов; в Бельгии в XIX в. существовало более чем 20 их видов; такое же количество — в Англии и Германии, где почти в каждой местности находим свою форму рала), — всем им одинаково присущи некоторые основные черты, которыми они отличаются от плуга. Главными чертами рала и плуга Одрикур и Деламар считают следующие. Термины araire (латинское aratrum) — рало и charrue (плуг) означают орудия, предназначенные для одной цели — разрыхлять и переворачивать почву; это осуществляется путем проведения борозд; но и форма орудия, и форма борозды различны у рала и у плуга. Рало — симметричное орудие. Проводя борозду по поверхности почвы, рало отбрасывает поднятую и взрыхленную лемехом землю на обе стороны равномерно. Это происхо-

[5] A. Haudricourt et M. Delamare. L'homme et la charrue. Paris, 1955.

дит оттого, что лемех у рала имеет симметричную форму и его бока (иногда с прикрепленными к нему под одним и тем же углом одинаковыми планками, «ушами»), расширяя борозду, создают по обе стороны от лемеха одинаково высокие стенки из взрыхленной земли. Итак, рало — это орудие, все существенные элементы которого расположены симметрично. В результате этого ось тяги и ось сопротивления совпадают с грядилем, который приходится на середину орудия (см. рис. 3).

Наоборот, плуг — асимметричное орудие. Глыба земли, которую он подрезает по горизонтали, с одной стороны шире и больше, чем с другой. При пахоте земля отваливается на одну сторону с помощью той части плуга, которая называется отвалом. Этот последний своей кривизной повернут либо на правую, либо на левую сторону плуга. Вследствие этого обе стороны плуга всегда не похожи друг на друга, и работа плуга всегда несимметрична. В противоположность тому, что мы наблюдали у рала, ось тяги и ось сопротивления у плуга не совпадают с осью грядиля (см. рис. 6). Таким образом, рало — симметричное орудие пахоты, плуг — асимметричное.

Те же исследователи устанавливают, что рало — более простое и более древнее орудие, которое, однако, употребляется и в наши дни в случаях, когда не требуется глубокой вспашки или когда по тем или другим причинам применение плуга оказывается затрудненным (например, пахота на небольших участках, имеющих близкую к квадратной форму, особенно в лесу, вспашка на огороде, междурядовая пропашка для удаления сорняков и т. д.).

Простейшая форма рала (aratrum), которая не имела передка на колесах, была хорошо приспособлена к неглубокой средиземноморской почве и поэтому была широко распространена в Италии. Тяжелый плуг с колесным передком появился в Италии, по-видимому, не раньше I в. н. э. Один из римских писателей I в., Сервий говорит о Вергилии, что он познакомился с таким плугом на своей родине. Плиний прямо указывает, что эта форма орудия вспашки недавно стала известна в Италии. Он говорит: «Недавно в Реции придумали к плугу прибавить пару колесиков; этот вид плуга называется plaumoratum»[6].

[6] C. Plinius. Naturalis historia. Libr. XVI, Cap. 172 (далее — Plin.).

Мы не можем детально и с полной уверенностью решить, что заимствовали германцы от римлян, а что было им известно раньше. Вероятнее всего, что рало было им знакомо до соприкосновения с римлянами, ибо этот род сельскохозяйственного орудия в той или другой из бесчисленных своих форм был известен, можно сказать, по всей земле.

Тяглой силой для рала обычно служили быки. Иногда, впрочем, для обработки очень легких почв Кампании употреблялись коровы и мулы (в хозяйствах беднейших французских крестьян коровы впрягались в рало еще в XVIII в.). К прежним формам рала римляне сделали усовершенствование: они прикрепили так называемые «уши» (aures) — планки у лемеха — для расширения борозды и для покрова семян, так как борона была мало распространена в Италии. Есть также упоминание о «ноже» (culter); латинская форма его названия почти во всех европейских языках говорит о его римском происхождении. Но в то время как «уши» широко распространены и до сих пор еще употребляются в странах Средиземноморья, «нож» в наши дни редко встречается даже на древних формах рала.

Лопата употреблялась тоже, но гораздо реже. Для глубокой ручной обработки земли вместо плуговой запашки и наряду с ней употребляли мотыгу, простую или зубчатую. Pastinum — род двузубой мотыги — использовался для поднятия земли на два-три фута глубины. Колумелла упоминает о двузубой мотыге в виноградниках; она была, очевидно, широко распространена, так как Палладий советует работать ею в огороде и в саду. Но он же замечает, что в некоторых провинциях этот род инструмента не употребителен. Едва ли можно сомневаться, что обработка земли такой мотыгой существовала на всем протяжении средних веков в дополнение к пахоте ралом. Оливье де Серр в XVI в. хвалит тех хозяев Дофине, которые каждые 10 или 12 лет глубоко обрабатывают свою землю с помощью мотыги. В его время они применяли удлиненную мотыгу (conchet), которая вместе со своим названием пришла с севера. На юго-западе Франции подобного рода работа совершалась в недавнее время многозубыми вилами; на о. Майорка раз в четыре года жители для такой работы и до сих пор употребляют мотыгу.

Кроме рала и плуга, борона с зубьями — наиболее употребительный инструмент в хозяйстве. Была ли она известна римлянам? О ней упоминает Варрон и, кроме того, имеется подробное описание у другого римского писателя, Феста. Но даже в наши дни она редко встречается в Южной Италии и лишь в последнее время получила распространение в северной части полуострова. В Южной Франции ее распространение относится только к XIX в. Вообще история этого инструмента весьма своеобразна. Варрон, например, говорит о том, что борона употребляется для удаления сорняков. По его словам, семена в борозде покрываются плугом, а не бороною. Однако Плиний явно говорит об употреблении бороны для покрытия семян. Из этого же текста[7] явствует, что эта древняя борона, как правило, была деревянной рамой с зубьями, вплетенными поперек, — простое усовершенствование примитивной связи шипов, влекомых поперек вспаханной земли для того, чтобы разбить комья земли. Эта операция (occatio) совершалась также и, по-видимому, гораздо чаще, зубчатой киркою (rastrum) или же, если комки были твердыми — мотыгою (ligo). Но на легких почвах повторной пахоты было достаточно.

У римлян существовала сложная система вспашки и подготовки пашни к посеву. Так, в Италии практиковалось многократное вспахивание одного и того же участка — до 3—4 раз, а в некоторых местах, например в Этрурии — даже 8—9 раз. Вспашка велась в продольном, затем в поперечном направлениях. Насколько была распространена такая практика, видно из того, что существовали даже особые термины для обозначения каждой вспашки: proscindere — пахать в первый раз, поднимать землю; iterare — перепахивать, двоить; tertiare — пахать в третий раз; lirare — пахать в четвертый раз с тем, чтобы произвести покров семян[8].

Полное представление о пахоте дают нам Варрон и Плиний. Первая вспашка — это взмет пара или нови (proscindere—взрезывать); вторичная вспашка обозначалась словом offringere — разбивать большие комья земли. Колумелла для вторичной вспашки употреблял

[7] Plin., XVIII, 180.

[8] См. М. Е. Сергеенко. Пахота в древней Италии. «Советская археология», вып. VII, 1941, стр. 220—229. См. также ее «Очерки...», стр. 54—63.

обычно глагол iterare (двоить). Далее Варрон говорит: «Когда пашут в третий раз уже после посева, то про волов говорится, что они lirant, т. е. с помощью дощечек, добавленных к лемеху, одновременно и прикрывают посеянный хлеб, забирая его в гребни (in porcis), и проводят бороздки, по которым стекает дождевая вода»[9]. Дальнейшее объяснение мы находим у Колумеллы и Плиния. «Прежде чем пахать, — говорит Плиний, — подними дерн. Это полезно потому, что если перевернуть дерн, то корни трав погибают»[10]. Итак, при первой вспашке дерн переворачивают (inverso caespite). Колумелла добавляет: пахарь должен идти по взрезанной земле и держать плуг, проводя им глубокую борозду, попеременно — на одном заходе наискось, на другом — прямо»[11]. То есть пахарь проходил одну и ту же борозду дважды: в первый раз он подрезал дерновый пласт и отваливал его, а так как у плуга еще не было отвала, то следовало держать его наклонно; возвращаясь по той же борозде обратно, он глубоко рыхлил землю. За первой вспашкой следовала вторая (offringere), часто отделенная от первой промежутком в несколько месяцев. Целью ее было разбить крупные комья земли, вывернутые при взмете пара или целины; теперь борозды пахались перпендикулярно к бороздам, проведенным в первый раз. Тяжелую почву пахали трижды, легкую — дважды.

На тяжелых почвах пахали глубоко. На этом настаивал Колумелла: ...на глубоко вспаханных полях лучше будет урожай зерновых и крупные плоды... В Италии хлебное поле, засаженное деревьями, по которым вьются виноградные лозы, и маслинами, требует глубокого рыхления и глубокой вспашки»[12]. Он же так объяснял необходимость повторных вспашек: «...пахать надо, проводя борозды столь густо и часто, чтобы с трудом можно было разобрать, в какую сторону шел лемех; после нескольких вспашек земля превращается в порошок, так что после посева приходится разбивать мало глыб, а то и не приходится вовсе. Римляне в старину говорили, что пло-

---

[9] M. E. Varron. De re rustica. Libr. I, Cap. 29, No. 2 (далее — Var).

[10] Plin., XVIII, 176.

[11] L. Columella. De re rustica. Libr. II, Cap. 2, No. 25 (далее — Colum.).

[12] Colum., II, 2, 25.

хо вспахано поле, на котором, посеяв семена, надо еще разбивать глыбы»[13]. Плиний по поводу повторных вспашек говорит: «Полагают, что Вергилий, называя самой лучшей ту ниву, которая испытала дважды зной и дважды холод (т. е. долго была под паром. — *С. С.*), рекомендует сеять после четырехкратной вспашки. Почву более плотную, которая обычна для Италии, лучше обсеменять после пятикратной вспашки, а в Этрурии и после девятикратной»[14].

Посев семян производился только после третьей вспашки. Затем пахарь проводил рало еще раз по уже вспаханной и засеянной ниве. Четвертая вспашка забирала землю вместе с семенами в высокие и узкие гребни (lirae), между которыми оставались довольно широкие борозды. Плиний о них говорит следующее: ...за повторной поперечной вспашкой следует, где это нужно, бороньба плетенкой или граблями. После посева ее производят вторично, где это принято, туго сплетенной плетенкой или доской, привязанной к плугу (это называется lirare) и прикрывающей семена...»[15]. Это — высокая, как мы видим, культура пахоты; она была связана с высокой культурой земледелия в целом. Римляне умели хорошо удобрять землю как навозом, так и различными видами зеле-

---

[13] Colum., II, 4, 1; см. также Plin., XVIII, 179: «Нельзя оставлять меж двух борозд огрехов и громоздящих глыб. Худо вспахано поле, если после посева его приходится боронить. Только то поле хорошо обработано, где не разберешь, в какую сторону шел лемех».

[14] Plin., XVIII, 181. Плиний прямо говорит о том, что племена «варваров» перенимали способ обработки земли у римлян. «Нельзя, — говорит он, — обойти еще один способ вспашки, до которого дошли в Транспаданской Италии под гнетом войны. Салассы, опустошая поля у подножья Альп, отведали уже отросшего проса и могара. Организм, естественно, не принимал этой пищи, и тогда они перепахали поле. И вот эти многократно увеличивающиеся жатвы научили тому, что ныне называют artrare, или, как думаю, говорили тогда aratrare. Работа эта производится, как только образуется стебель, а все растение развернет два-три листа. Не умолчим также о недавнем примере, имевшем место три года тому назад в земле Треверов. Жестокая зима побила посевы; в марте поля вновь засеяли, и урожай получился богатейший» (Plin., XVIII, 182, 183). Приводим этот текст лишь для того, чтобы засвидетельствовать непосредственное заимствование варварами технических приемов обработки земли у римлян. Сам же текст требует объяснений, так как мало понятен.

[15] Plin., XVIII, 180.

ного удобрения. Достаточно сослаться только на Плиния: «Одно, во всяком случае, известно всякому: сеять следует только на унавоженной земле, хотя и здесь есть особые правила для каждого отдельного случая. Просо, могар, репа и брюква сеются только на унавоженной земле. На неунавоженной лучше сеять хлеба, чем ячмень. То же и относительно пара, хотя на нем советуют сеять бобы, как и на любой свежеудобренной земле. Если хозяин собирается сеять что-либо осенью, он должен в сентябре месяце вывезти на поле кучи навоза — только непременно после дождя. Если он будет сеять весной, пусть он разложит навоз зимой. На каждом югере полагается разложить по восемнадцать возов; нельзя их разбрасывать до начала пахоты. Если этот способ удобрить поле упущен, то есть другой: после посева, перед окучиванием, рассей, как семя, помет из птичников, обращенный в порошок... Неудобренное поле вымирает, чрезмерно удобренное выгорает. Лучше удобрять его чаще, чем сверх меры»[16].

Итак, римляне не только понимали значение удобрений для урожайности, но и использовали пары для посева бобовых и кормовых растений. Сеяли они отборным зерном. «На семена, — говорит Плиний, — следует сохранять зерно, которое на току оказывается на самом низу: оно самое лучшее, потому что самое тяжелое, и нет более целесообразного способа его отличить»[17]. «Хорошо возделанное поле не требует бороньбы», — говорит Колумелла; но в его время бороньба была обязательной полевой работой, так же, как и прополка, производившаяся вручную. «Вручную... и боронили поле, разделанное гребнями (lirae.— *С. С.*),— привычную для нас борону со впряженным в нее животным по такому полю пустить невозможно»[18]. Боронить такое поле с гребнями можно было только граблями и мотыгой. Поле же, на котором не было гребней, боронили обычным образом бороной. Этим и объясняется тот факт, что борона, хотя и была известна римским сельским хозяевам, была малоупотребительна.

Очень мало мы знаем в подробностях о том, какова была в древней Италии система севооборота. Существо-

[16] Plin., XVIII, 192—195.
[17] Ibid., XVIII, 195.
[18] М. Е. Сергеенко. Очерки.., стр. 59.

вание паров может говорить и о трехполье, и о двухполье. Писатели времен Республики о системах севооборота ничего не говорят, только Плиний упоминает о порядках, существовавших в отдельных местностях. В долине реки По, например, сняв полбу, сеяли весной бобы; на флегрийских полях (Кампания) земля не знала отдыха: «Засевается она круглый год: раз могаром, дважды полбою»[19]. Другой кампанский севооборот таков: после ячменя (его убирали в июне) сеяли просо; сняв просо, сеяли (в августе или начале сентября) репу; по осени сеяли пшеницу или опять ячмень. О других местностях Италии нам ничего не известно, но, принимая во внимание не столько почвенные условия, сколько географическое положение Италии, можно сказать, что в ряде местностей земля могла быть под посевом круглый год, и это обстоятельство позволяло италийским хозяевам давно уже перейти к севооборотам более сложным, чем трехполье.

Во время роста зерна почва должна очищаться от сорняков. Со времени Катона обычным было дважды мотыжить землю (sarrire, sarculare): один раз в январе—феврале и затем в начале марта. Наконец, в начале мая земля снова очищалась от сорняков. В виноградниках работы было еще больше. Колумелла советовал по крайней мере дважды обрабатывать землю мотыгами в старых виноградниках (зимой и весной) и ежемесячно — в молодых насаждениях. Эти повторные земледельческие работы были прогрессивной чертой римской агрикультуры, и эти обычаи частично перешли в средневековое хозяйство. Интересно отметить, что в Африке и в наши дни кабилы, сохранившие многие римские традиции, особое внимание обращают на мотыженье и прополку сорняков, в то время как арабы с их восточными обычаями, посеяв зерно, оставляют его нетронутым до жатвы.

Способы жатвы и уборки хлеба были, как замечает Плиний, весьма различны в зависимости от местности, размера арендной платы и стоимости рабочей силы. Иногда стебель вырывался с корнем — самый примитивный способ, наиболее истощающий землю. Чаще употреблялись серпы, и в таком случае солома срезалась

[19] Plin., XVIII, 110.

наполовину, как это было вблизи Рима, или под самый корень, как в Умбрии. Но был еще один способ, который исчез и в средние века не был известен в Европе: при помощи инструмента, похожего на гребень, срезались одни колосья. На высоких долинах Галлии галлоримляне превратили этот инструмент в некоторый вид машины (см рис. 7). Бык толкал впереди себя большой короб на двух маленьких колесах. На передней части короба были зубья. Они срывали колосья, которые падали в короб. Так описывают эту «машину» Плиний и Палладий. Должны ли мы считать исчезновение ее в средние века шагом назад в техническом отношении? Едва ли. Такой способ был расточительством соломы. В Риме он употреблялся вследствие либо отсутствия, либо дороговизны рабочей силы. Но в средние века солома была нужна для многих целей, и поэтому такая «машина» не была пригодна.

Молотьба в странах Средиземноморья совершалась при помощи простой палки, выбивавшей из колоса зерно. Употреблялись и более совершенные способы молотьбы, сохранившиеся вплоть до XIX в. Самым древним является выколачивание зерна прогоном волов по хлебу на гумне. На место вола позже стали использовать лошадь, но это случилось значительно позже, например, в некоторых местах Верхнего Прованса — не раньше XIX в. Интересно тут же отметить, что так как достаточного количества лошадей в крестьянском хозяйстве не было, то наем лошадей для молотьбы у сеньора сделался в некоторых местах обязательным для крестьян и рассматривался как один из видов баналитета. Более совершенным способом была молотьба особыми деревянными приспособлениями или каменным катком. Этот способ был распространен там, где было мало скота. Деревянное tribulum — как называли этот инструмент — делалось из доски, снабженной зубьями из кремня или железа. Его волокли два быка, а для того, чтобы сделать его более тяжелым, погонщик стоял на доске. Второй инструмент — plaustellum: зубья были заменены режущими колесами. Оба эти инструмента, которые одновременно резали солому для корма скоту, еще до наших дней употреблялись в Тунисе и Испании. Чтобы отделить зерно, бросали на ветер обмолоченную массу: зерно падало, солома и полова отлетали.

Для средиземноморской культуры огромное значение имели виноградарство и культура олив. Вино и оливы, особенно вино, привлекают наибольшее внимание и занимают главное место в сочинениях античных агрономов. Техника этих отраслей сельского хозяйства была настолько высока, что и в наши дни агрономия следует ей. В Испании была и теперь еще практикуется низкая посадка винограда; в Италии существовали различные способы; в Этрурии и в долине реки По виноградная лоза, как и сейчас, опиралась на вязы, клены и другие деревья (высокая посадка); плодовые деревья и виноград сажаются на полях, где выращивается хлеб.

С развитием хлебопашества изменило свой характер скотоводство. В то время как в прежние времена крупный и мелкий скот содержался главным образом на естественных пастбищах, создание искусственных лугов и выращивание кормовых растений позволило ввести стойловое содержание скота и улучшить его породу путем скрещивания.

Искусственные луга не очень продуктивны, если они не имеют ирригации; но сухие луга, если они хорошо обработаны, дают хороший укос травы. На них в итальянских широтах скот может кормиться и летом, и зимой; они также могут дать достаточно сена. Там, где лугов нет, или их трудно обрабатывать, или они недостаточно осушены, римляне вначале употребляли на корм скоту листву деревьев. Но уже со времен Катона весьма рекомендуются кормовые травы (люцерна, вика, смесь из ячменя и вики и других растений).

Мы не знаем, практиковались ли во времена Катона перегонные стада, но значение их в течение всего средневековья в некоторых частях Европы (в Испании, например) заставляет нас особо остановиться на этой системе хозяйства. Некоторые агрономы рассматривают ее как переходную форму от номадного к оседлому животноводству. Средиземноморье благоприятствует перегонам по той причине, что территории зимних низменных пастбищ здесь обычно лежат рядом с обширными горными лугами. В большей части средиземноморских областей многие местности простираются от подножья гор к равнине или к морю. Весьма возможно, что здесь перегонные стада существовали с незапамятных времен. Перегон на большие расстояния возможен при наличии политическо-

го объединения и достаточно сильной центральной власти. Развитие латифундий в Римской республике и во времена Империи, несомненно, способствовало распространению перегонного скотоводства.

То, что нам известно из истории средневековья (в Италии и особенно в Испании), дает хорошую иллюстрацию изменений, которые происходили в агрикультуре в результате того, что в связи с перегонным скотоводством животноводство начинало играть преимущественную роль по сравнению с хлебопашеством. В Южной Италии равнина Тавольере все более и более становилась местом, куда зимой пригонялись стада овец. Эта система была организована и поощрялась в XIII столетии Фридрихом II Сицилийским; за проход стад через таможенную границу у Фиджии платился налог с поголовья и королевская казна получала значительные суммы. Нечто подобное было и в Папской области, где доходы шли в папскую казну, монастырям и крупным светским феодалам. Умножение перегонных стад разоряло сельское хозяйство, и разоряло не только потому, что стада поедали все, что росло на земле, но и потому, что огромные пространства земли превращались в пастбища, недоступные для земледелия и содержания рабочего скота. Кроме того, перегонное хозяйство не требовало большого количества рабочей силы; огромные пространства земли становились пустыней, и очень часто низкие земли мало-помалу превращались в малярийные болота — такова была судьба, постигшая Agro Romano, Тосканскую Маремму, часть Апулии. Перегонные дороги, часто в несколько десятков метров ширины (в Испании «каньяды» иногда были шириною в несколько километров) и все более расширявшиеся, в Южной Италии еще в начале нынешнего столетия занимали около 15 тысяч гектаров. Образование крупных феодальных вотчин в Кастилии после Реконкисты подобным же образом содействовало развитию перегонного овцеводства. Альфонс IX в конце XII в. позволил жителям Сеговии пасти стада овец по всем землям Кастилии, за исключением виноградников, садов и засеянных полей. Альфонс X (XIII в.) разрешил владельцам стад в Мурсии (вотчинникам — феодалам и монастырям) искать пастбищ по всему королевству. В 1357 г. новые привилегии, пожалованные Альфонсом XI, создали основу для деятельности печальной памяти

Месты, нанесшей непоправимый удар испанскому крестьянству, да и самому государству. Попытки в этом направлении делались и в Южной Франции XIII—XIV вв. Так, в 1212 г. король Филипп II пожаловал монахам св. Марии Ронсевальской свободный выпас на 50 лет по всему диоцезу Байонны и Дакса. Документ 1368 г. говорит, что на зиму из Ронсеваля и Саразаса в Наварру, к Бордосским ландам спускались 37 стад. Но в отличие от Южной Италии и Кастилии, где перегонное овцеводство продолжало наносить непоправимый вред хлебопашеству вплоть до XIX в., земледельцы Южной Франции восстали против него и в Провансе, например сельские общины, объединившись, успешно боролись с владельцами крупных стад в течение всего XIV в. Постепенный упадок крупных сеньорий привел к тому, что установился более простой и менее вредный для сельского хозяйства способ выпаса овец. Так, например, в середине XIV в. монахи аббатства Лионсель вынуждены были отказаться от прогона своих стад и держали их в течение зимы в болотах.

О садоводстве античные агрономы говорят сравнительно немного. В то время как виноградарство и разведение оливок занимало их внимание, как важнейшие отрасли хозяйства, продукты которого шли не только на внутренний рынок, но и на вывоз, италийские груши и персики не были известны за пределами Италии. Если наиболее подробные сведения о садах мы находим у Плиния, то это объясняется тем, что в I в. н. э. садоводство стало излюбленной отраслью хозяйства римской аристократии. Однако перечень фруктов есть уже в «Земледелии» Катона. Из него мы узнаем, что в италийских садах были груши, яблоки, айва, гранаты, винные ягоды, причем большинство этих плодов представлено несколькими сортами. Не упоминает Катон ни об абрикосах, ни о персиках, ни о вишнях. По-видимому, этих плодов римляне в его пору еще не знали. После Катона садоводство в Италии сделало большие успехи. Лукреций пишет о «разнообразной красе» италийских садов. Варрон в первой книге своего «Сельского хозяйства» (около 50-х гг. I в. до н. э.) заявляет, что Италия представляется сплошным фруктовым садом. У Колумеллы мы находим такую картину пейзажа: оставленное под паром поле засажено яблонями, грушами, орехами, сливами и смоковницами.

Город Рим потреблял огромное количество фруктов, и садоводство в маленьких городках, расположенных вокруг Рима, получило большое распространение. Римлянам были известны такие способы разведения культурных плодовых растений, как черенкование и окулировка. Во времена Плиния к сортам фруктов, названным Катоном, прибавляются персики, абрикосы, вишни, миндаль. Увеличивается количество сортов прежних плодов.

Для того чтобы закончить наш краткий очерк римской агрикультуры, остается сказать несколько слов о тех нововведениях, которые имели огромное прогрессивное значение в истории сельского хозяйства Италии и которые были осуществлены в Европе только к концу XV в.: речь идет о новых способах удобрения полей и параллельной ликвидации паров.

Мы уже говорили выше о том, что значение навоза как средства удобрения было хорошо известно римлянам; «stercus quod plurimum prodest», — заявлял Варрон. Там, где было стойловое содержание скота, как его описывает Катон, навоз заботливо сохранялся. Высоко ценился птичий навоз, особенно голубиный (его использовали для удобрения лугов; это продолжалось в течение всех средних веков и за пределами Средиземноморского ареала). Но стойловое содержание скота давало все-таки недостаточное количество удобрений. Были попытки создать и иные способы унавоживания: на поля перед посевом выгоняли скот; удобрением служила и солома, которую прежде подстилали скоту. Установилась такая практика (в средние века она была известна в Англии, во всей Южной Франции и в Испании): сельские улицы и окрестности ферм были устланы гниющим навозом; этот вид они сохранили местами и в наши дни. Там, где было мало соломы, дубовые листья, солома и всякого рода остатки растений, опилки и стружки, — все это, как и в наши дни, употреблялось как удобрение. Иногда сжигали иглы, сухой кустарник и пр. и удобрением служил пепел. Надо заметить, что значение пепла как удобрения было известно с незапамятных времен; на этом основывалась подсечная система. Пастухи сжигали высохшие пастбища осенью и находили лучшие пастбища после первых дождей. Однако в этом было больше невыгодных сторон, чем выгодных: такая практика содействовала уничтожению лесов во всем Средиземноморье. Часто жгли соло-

му. В начале средних веков сжигание соломы на полях после жатвы было известно Исидору Севильскому, а в XVI в. мы имеем свидетельство Оливье де Серра.

Римская агрикультура знала и другой заменитель навоза, заменитель, которому в будущем суждено было сыграть крупную роль в прогрессе сельского хозяйства — зеленое удобрение. Уже Катон советовал засев земли люпином, бобами и викой. Эти овощные культуры, поглощающие азот непосредственно из воздуха, истощают почву значительно меньше; закопанные в землю, они обогащают ее. Зная это по опыту, римляне, которые придавали такое значение сохранению плодородия почвы, были в состоянии отказаться от оставления земли под паром и обрабатывать часть своей земли каждый год, называя такие поля restibiles (Варрон говорит — terra qua quotannis obsita est, vocatur restibillis) [20]. Колумелла советует для таких земель следующий плодосмен: пшеница, вика, пшеница, эммер (полбяная пшеница, употребляемая на корм скоту). Колумелла же весьма советовал перед посевом пшеницы на паровом поле высеивать турнепс или репу. Впрочем, следует сказать, что ликвидация паров в римском земледелии практиковалась далеко не везде и была скорее исключением, чем правилом.

Таков был в общих чертах уровень сельскохозяйственной техники в Римской империи того времени, когда «варвары» заняли часть ее территории и образовали свои первые государства. Спрашивается, что они конкретно заимствовали у римлян и стали применять в своей агрикультуре?

Мы уже говорили выше, что в земледелии древних римлян и германцев того времени, когда они впервые осели на территории Римской империи, распашка велась главным образом на легких землях. Обработка тяжелых почв при помощи тяжелого плуга началась лишь в первые века Империи и это был несомненный прогресс римской агрикультуры. В соответствии с этим и старое рало (aratrum) было распространенным, а в древности, вероятно, и единственным римским инструментом пахоты. Но нет оснований утверждать, что те многочисленные формы рала, которые были известны в средневековой Евро-

---

[20] Var., I, 44.

пе, были заимствованы «варварами» от римлян. Рало в его различных видах известно по всему миру и, вероятно, было изобретено, или, лучше сказать, было преобразовано из мотыги во многих местах; поскольку древние германцы и славяне издавна занимались земледелием, вполне естественно, что у них были свои формы и виды этого орудия. Второй, не менее важный в истории сельскохозяйственной техники вопрос — знали ли древние германцы и славяне до соприкосновения с римлянами домашних животных, в особенности употребление их как рабочей силы в сельском хозяйстве? Едва ли на этот вопрос следует отвечать отрицательно. Существование домашних животных и использование их как тяглой силы восходит к древним временам и было результатом длительного приспособления животных к использованию их человеком. Как бы мы ни относились к работам Эдуарда Гана[21], поставленная им проблематика не теряет своего значения и его вывод, с которым мы не можем не согласиться, гласит, что появление в хозяйстве человека домашних животных и их применение в качестве тяглой силы в сельском хозяйстве было делом многих тысячелетий и было фактом, известным многим народам задолго до появления древних европейских народов на тех территориях, на которых их застала история. Вместе с тем этот факт говорит также в пользу древнего, доримского происхождения нашей «плуговой» системы обработки земли, понимая, конечно, под «плугом» древнейшие формы «рала» — первобытного орудия пахоты при помощи тяглых домашних животных. Сложнее дело обстоит с собственно плугом. Тяжелый плуг с передком на колесах (или без передка) был известен «варварам» уже с VI в., как это видно из «Этимологий» Исидора Севильского и из Варварских правд, и хотя мелкое хозяйство «варваров» и не имело достаточного количества рабочего скота, наличие тяжелых почв и вследствие этого необходимость применения тяжелого плуга заставляла отдельных хозяев соединять рабочую силу скота (супряга) для того, чтобы пахать землю именно этим плугом. В не-

---

[21] Ed. Hahn. Die Haustiere und ihre Beziehungen zur Wirtelhaft der Menschen. Leipzig, 1896; Die Entstehung der Pflugsystem. Heidelberg, 1909 и другие многочисленные его работы по истории сельского хозяйства.

го впрягали от одной до четырех (в Англии) пар волов. Возможность таких супряг облегчалась тем, что местами существовала еще родовая община, а в эпоху Варварских правд отдельной ячейкой хозяйства была, по-видимому, большая семья[22]. Для этого времени характерны были следующие черты сельскохозяйственной техники: чересполосица, вследствие этого принудительный севооборот и обычай открытых полей, т. е. такой порядок, в силу которого после уборки урожая поля всех членов общины были доступны для общего выпаса; ограды, — если таковые были — снимались, и поле до следующего посева оставалось «открытым». Основной системой полеводства у «варваров» были двухполье и, возможно, остатки более примитивных систем, вроде перелога и подсечной системы. «Хотя Салическая правда,— говорит профессор А. И. Неусыхин, — не содержит прямых указаний на двухполье и даже ни разу не упоминает ни о земле, находящейся под паром, ни о чередовании яровых или озимых посевов, тем не менее очевидно, что переложная или залежная система сельского хозяйства совершенно несовместима с тем строем земледельческой общины (особенно на поздней стадии ее развития), который рисуется на основании всей совокупности данных этого памятника. ...С другой стороны, полное отсутствие упоминаний о правильном чередовании пара, озими и яра в Салической правде заставляет нас отнестись осторожно к возможности наличия трехполья у салических франков и принять гипотезу о наличии у них двухполья, тем более, что оно было распространено в эту эпоху как раз в бассейне Мозеля и Рейна, т. е. там, где частично могли быть расположены и франкские поселения»[23].

Большим достижением в Западной Европе в средние века было трехполье. К какому времени относится появление этой системы полеводства? Указание на нее мы имеем в памятниках Каролингской эпохи. Трехполье развилось либо из средиземноморского двухполья, либо из системы временных посевов (переложной или подсечной системы). Оно было широко распространено в Галлии и Британии еще стараниями римлян, а может быть существовало и до их появления. Однако в наиболее бедных

[22] См. А. И. Неусыхин. Ук. соч., стр. 27.
[23] См. там же, стр. 103.

частях этих стран, а также во всей Германии довольно долго были распространены более примитивные системы временных посевов с забрасыванием земли на много лет — на болотистых участках и особенно на открытых землях, заросших травой, на лесных полянах и т. д. Двухполье было нормальной системой в V в. и не совсем исчезло кое-где и к позднему средневековью.

Лесная земля иногда регулярно расчищалась, иногда занималась на время (после того как лес сжигался для удобрения). Расчистки начинались на равнинах, в долинах и на больших террасах. На крутых склонах и в труднодоступных местах люди довольствовались временной обработкой земли с предварительным сожжением леса, как это еще до сих пор происходит на Корсике или в Арденнских лесах. Как правило, такая земля годится только для одного посева овса (со средины XVIII в. — ржи).

Расчистка новых земель путем выжига леса практиковалась около Парижа в XII в. и была широко распространена в Альпах вплоть до XVIII в. Еще в 1447 г. жители одной деревни в Верхнем Дофине объясняли, что они держались такой практики вместо того, чтобы производить полную корчевку части леса, потому что у них, де, мало лугов и мало скота, а следовательно, нет достаточного количества навоза для того, чтобы вести регулярную обработку земли. Однако этот варварский способ уничтожения лесов был запрещен во Франции приблизительно в середине XIV в. При таком способе земледелия удобрения, конечно, не нужны, но он уничтожал природные богатства и часто превращал землю, занятую раньше лесом, в совершенно непроходимую заболоченную трясину.

Временное использование полян, покрытых травой, также предполагает относительно редкое население и избыток пространства, но его результаты менее разрушительны. Преимущества этого хозяйства заключались в том, что на новых землях оно давало возможность варьировать порядок посева и этим подготавливало переход к травопольной системе. Часть земли засевалась год или несколько лет подряд, затем ее на несколько лет пускали под пар, и на ней пасли скот (Feldgraswirtschaft). Посадка деревьев на таком поле исключалась, но не нужны были и удобрения — хотя навоз от выпаса животных был не очень обильный, запуск под травы восста-

навливал питательность почвы. Вплоть до XVI в. эта система была весьма распространена в некоторых областях Европы, например, во Фризии. В Виваре в XVI в. раз в двадцать лет запахивались луга. В Шотландии обработка «внешнего поля» периодически, хотя и с большим разрывом, соединялась с регулярной обработкой на «внутреннем поле», на котором по этому случаю даже ликвидировались чистые пары.

Переход к трехполью с его озимым, яровым и паровым клиньями осуществился по понятным причинам. Во-первых, трехполье дает больший валовой продукт, чем двухполье. Во-вторых, уменьшается риск получения плохого урожая, так как посев распространяется на осень и весну с различными условиями роста и жатвы. В-третьих, лучше и равномернее распределяются сельскохозяйственные работы — пахота, обработка поля, жатва. В средиземноморских районах жатва происходит ранним летом, и в хорошую осень посев озимых может происходить очень поздно. Римляне использовали эти преимущества, однако несистематичность яровых посевов из-за недостатка влаги не дала им возможность установить постоянную систему трехполья. Но Колумелла все-таки определял наиболее полное использование воловьей упряжки и высчитывал дополнительный продукт от посевов яровых хлебов.

Не следует, впрочем, говоря о выгодах трехполья, замалчивать и его теневые стороны. Оно уменьшало площадь пастбищ по жнивью, а это обстоятельство учитывалось даже там, где было достаточно лесных и общинных пастбищ. Другой недостаток начал проявлять себя с течением времени; чересполосица при уменьшении размера надела отдельного общинника (а это было естественным результатом наследования) становилась препятствием для хозяина, которому приходилось в течение дня несколько раз переходить с одной полосы на другую и, таким образом, бесполезно терять часть рабочего времени. Кроме того, — постоянные стычки с соседями, так как при вспашке легко было прихватить чужую полосу. Количество судебных тяжб по этой причине, особенно во Франции, было чрезвычайно велико. Вследствие этого крупные землевладельцы, например монастыри и светские крупные феодалы издавна стремились перестроить свои владения путем концентрации разбросанных полос.

Некоторые из историков сельского хозяйства выдвигают предположение, что применение лошади как тяглой силы в сельском хозяйстве связано с распространением трехполья; по крайней мере во Франции, где люди редко употребляли овес для питания. В противоположность волу лошадь требует зернового корма — а именно овес и высевался на яровом клине. Возможно, что в раннюю пору средневековья, когда лошадь как тяглое животное была крайне редка и использовалась главным образом под седло, тогда и существовала естественная связь между районами мелких держаний, использованием на работе волов и двухпольной системой, с одной стороны, и между районами средних и крупных держаний, хозяйствами, применявшими лошадей на сельскохозяйственных работах и трехпольем, с другой.

Исходя из этих соображений, можно нарисовать общую картину распространения трехпольной системы. Она появляется незадолго до Каролингской эпохи и, вероятно, прежде всего стала распространяться в больших и более-менее хорошо организованных королевских и монастырских доменах в Северной Галлии. Но даже и здесь она внедряется постепенно. Дело в том, что и двухполье допускает посев яровых на севере, где влаги для них было достаточно. В одном из английских сельскохозяйственных трактатов более позднего времени мы находим совет засевать половину поля озимым зерном, другую — яровым: «De terris bipartitis debent ad carrucam octies viginti acres computari, ut medietas pro waresto habeatur et medietas alia hieme et quadrageseme seminetur»[24].

Строго трехпольную систему, при которой земля делится на три равные части, мы встречаем в Северной Франции уже при Каролингах, но и здесь озимое поле часто больше, чем яровое, чему доказательством многочисленные примеры из полиптика Ирминона: arat perticas VII ad unaquamquam sationem; arant ad hibernaticum perticas III ad tramisum II; arant hibernaticum perticas X, ad tramisum III et cetera... Можно предположить, что часть земли идет по двухпольной системе, а другая

[24] Fleta seu commentarius juris Anglicani... London, 1735, 11, 72; «Флета или комментарий английского права» — английский юридический трактат, написанный около 1290 г. неизвестным автором в тюрьме Флит.

часть — по трехпольной, или же что пары, так сказать «эластичны», т. е. часть земли отдыхает один год, а часть — два и больше. Некоторые факты, известные нам из более позднего времени, подтверждают, что и та и другая практика встречается одновременно. Например, в Пуату, в Нантрэ, недалеко от Шательро, мы встречаем обе системы в одной и той же коммуне. Поля, засеянные пшеницей, идут по трехпольной системе (пшеница, яровой ячмень, пар), поля под рожью идут по двухпольной системе (рожь, пар). В XVI в. в Верхнем Пуату мы находим иногда поля, разделенные на четыре части; одна из них получает отдых более, чем на один год. В Германии XIII в. неравенство озимых и яровых полей было постоянным явлением. Объяснение такой нерегулярности всегда одно и то же: либо луга вспахивались время от времени, либо кроме и вне регулярных «Gewanne» (клиньев) были и другие, явившиеся, быть может, результатом недавней расчистки и еще не вошедшие в правильный севооборот. В Англии распределение двухполья и трехполья в пределах районов открытых полей ясно показывает, что трехполье, будучи формой сельскохозяйственного прогресса, не везде, однако, с одинаковой легкостью внедрялось. Возможно, что в XIII в. двухполье еще преобладало. Оно господствовало на известковых и на не очень плодородных почвах юго-западной возвышенности, в то время как более богатые почвы на большей части территории страны были под трехпольной обработкой. Имеются сведения, что в конце XIII — начале XIV в. такой переход от двухполья к трехполью в Англии встречается чаще, но эта прогрессивная тенденция становится заметной лишь в XVI в. и в данном случае переход от двухполья (быть может, под влиянием усиления товарности хозяйства и проникновения капиталистических отношений) идет не к трехполью, а к более сложным системам полеводства. Во Франции система двухполья сохранилась на юго-востоке из-за климатических особенностей; но и на юго-западе, в центре и на западе двухполье долго держалось по разным причинам, среди которых бедность почв значительной части французских земель была одна из основных.

Наибольший прогресс, который может быть достигнут при трехполье — ликвидация паров; но и на континенте, и в Англии это прогрессивное явление стало за-

метно лишь во второй период средневековья и было связано с увеличившимся спросом городов на сельскохозяйственные продукты.

Как и в римское время, пахота в раннее средневековье производилась волами. На легких почвах и на землях бедняков для этой цели использовались иногда коровы и ослы.

Уже в IX в. в «Полиптике аббата Ирминона» вол всегда тянет рало или плуг и телегу, лошадь везет на себе людей и поклажу. Упоминание в Lex Salica о лошади, запряженной в плуг — исключение, которое, может быть, объясняется относительным изобилием лошадей у франков. В других странах применение лошади в качестве тяглого животного относится к гораздо более позднему времени.

По всей вероятности, в раннее средневековье был известен в качестве удобрения навоз, во всяком случае в некоторых местностях. Исидор Севильский еще в VI в. в своих «Этимологиях» говорит о stercoratio (унавоживание почвы) и, следуя Плинию, называет его laetamen (радующее). Значит ли это, что его указание следует принимать как доказательство того, что таковы порядки в Испании (по крайней мере в больших церковых вотчинах, что весьма вероятно) или что в данном случае автор просто переписывал античные руководства (в частности, Плиния),— сказать трудно. Во всяком случае, общие соображения позволяют сделать заключение, что если в раннее средневековье «варвары» и удобряли землю, то навоза для этого у них было мало. Поскольку стада кормились на открытых полях, в лесу, на лугах и т. д., их навоз терялся или поле удобрялось очень слабо, даже в тех случаях, когда скот выгоняли на жнивье. Удобрение из городов доставлять было трудно. Еще в 1447—1448 гг. навоз из конюшен архиепископа Руанского выбрасывался в Сену. Когда феодализация уже завершилась, крупные землевладельцы могли покупать навоз или требовать его от своих держателей в качестве повинности. Такова, например, в Англии jus faldae. Само собой разумеется, что крестьянское хозяйство от этого только проигрывало. Так как на земле под паром не хватало навоза, то в условия держания часто входило указание, какую землю предпочтительно унавоживать, а также запрещалась продажа соломы, сена или травы.

Английские писатели ранней поры особенно интересовались удобрениями. Они детально объясняют, как заготавливать навоз в хозяйстве и как его использовать на различных почвах, советуют срезать солому не более, чем это нужно для того, чтобы починить кровлю, а остальное запахивать на стерне и т. п.

Важным нововведением средневековья было употребление мергеля. Плиний считает, что еще галлы и бритты открыли этот способ удобрения; в Британии, говорит он, они вырывали колодцы глубиною в 100 футов для того, чтобы достать «особый сорт мела» [25]. Принимая во внимание древность употребления мергеля в качестве удобрения, можно было бы ожидать, что он в средние века был распространен во всей Западной Европе. Однако это не так. Английский агроном XVI в. Фицгерберт замечает, что мергель нужен всякой почве, но он очень дорог. Потому ли, что употребление мергеля не было повсеместным в Галлии, или потому, что в раннее средневековье о нем забыли, Edictum Pistense 864 г. заставляет «ленивых колонов» привозить мергель. Систематическое мергелевание относится к более позднему времени.

Несколько слов о расчистке новых территорий и удобрении почвы путем сжигания леса. В основном это относится ко второму и третьему периоду средневековья, но так как подсечная система была весьма древней, то такого рода расчистки могли быть и в раннее средневековье. Производилось это следующим образом: срезали нижние слои растительности, высушивали ее, затем сжигали тлеющим огнем, а пепел разбрасывали. В наши дни такого рода способ справедливо рассматривается как варварство, так как он постепенно разрушает структуру почвы и обедняет ее; но на некоторое время он дает повышенный урожай. Этим объясняется его распространение в Германии, Центральном французском массиве, в Мо, Провансе, Лангедоке и в Северной Испании. В Англии в XVII в. этот способ называли «девонширинг»; ясно, что это был средневековый способ удобрения, по крайней мере на юго-западе. Исидор Севильский (VI в.) проводит различие между разными видами «удобрения огнем» — incendio stipularum и cinis. Incendio stipularum — это сжигание соломы в качестве удобрения. Го-

---

[25] Plin., XVII, 45—48.

воря же о cinis, он прибавляет: «Cinis est incendium per quod ager inutilem humorem exundat»[26]. Речь идет, вероятно, о сжигании более крупной растительности (например, терновника), которое было давно известно в Испании. Что касается Франции, то Бернар Палисси в XVI в. говорит о таком способе как о необычном, употребляемом крестьянами в Арденнах, как правило, раз в 16 лет. Более ранние сведения такого же рода встречаем в картулярии Notre Dame de Paris: после того как крестьяне срубят деревья, они берут ветви, расстилают их в тех местах, которые предназначены под посев, и сжигают их. Такие земли дают хороший урожай, но после двух или трех посевов они истощаются настолько, что их забрасывают, и крестьяне начинают действовать далее тем же порядком в другом месте. Этот древнейший способ удобрения существовал в Арденнах, например, почти до наших дней. Пожоги обыкновенно производились в конце лета. Дым от них расстилался в виде туманной завесы над всей местностью и доходил временами до Шампани; после этой операции землю слегка пропахивали (cherbottage), затем засевали рожью и два года получали хороший урожай; после чего землю забрасывали на пятнадцать лет. Этот обычай настолько был освящен давностью, что когда в 1835 г. его хотели ликвидировать, то жители заявили, что это значило лишить их продовольствия. Слух о запрете «сартажа» вызвал настоящее восстание местного населения (emeute des sarteux). Еще в 1897 г. в округе Рокруа половина общинных лесов (около 6000 гектаров) подвергалась такому периодическому пожогу.

Из зерновых культур в Европе с древнейших времен были известны просо, пшеница, ячмень. В средние века к ним прибавилась полба, рожь, овес, гречиха — их возделывание либо только началось, либо получило широкое распространение в течение средневековья.

Пшеница — один из самых древних злаков; ее мы находим уже в неолитических озерных поселках Швейцарии. Это так называемая мягкая пшеница (triticum vulgare), которая пришла в Европу из Юго-Западной Азии; затем различные виды полбы: triticum dicoccum (emmer), русская крахмалистая пшеница (один из видов

[26] Isidori Hisp. Ethymologiarum., XVII, II.

полбы, по происхождению из Абиссинии и соседних с нею районов), вид monococcus (einkorn — полба однозернянка, один из видов которой растет в диком виде в Малой Азии и на Балканах). В Северной Европе пшеница стала распространяться из придунайских районов. Два других вида пшеницы появились позже: в бронзовом веке в районе Альп появилась полба (spelta, франц. epeutre) и еще позже — твердая пшеница (triticum turgidum), которая могла расти только в средиземноморском районе Западной Европы. Обычно считают, что она была принесена арабскими завоевателями. Необходимо, впрочем, иметь в виду, что упоминаемые в ранних средневековых документах сорта растений выступают под такими названиями, что часто бывает трудно, а иногда и просто невозможно определить вид растения. Например, французское слово epeutre не всегда, по-видимому, употреблялось для обозначения только triticum spelta. Эта же неопределенность встречается и в римских трактатах. Виды беспокровной пшеницы, зерно которых не имеет сверху пленки — triticum vulgare (мягкая пшеница) и triticum turgidum (твердая пшеница) отличались от различных видов полбы-пшеницы, зерно которой покрыто пленкой и у которой эта пленка так плотно прилегает к зерну, что отделяется от него только с трудом (dicoccum, spelta, monococcum). Римляне рушили и мололи беспокровную пшеницу на ручной мельнице, полба рушилась пестом в ступке; этот способ применялся и в средние века, но для какого именно вида полбы—мы не знаем. Наиболее распространенным видом полбы были triticum spelta, которая вытеснила другие виды полбы, но когда и где это произошло, нельзя сказать точно. Тем не менее археологические данные позволяют нам представить в общем историю пшеницы в Западной Европе. Прежде всего о мягкой пшенице, которая дает лучший сорт белой муки. Она была мало распространена в раннее средневековье, но распространялась все больше по мере совершенствования агрикультуры. Иногда ее высевали даже в садах. Сеньоры, по-видимому, требовали посевов этого вида пшеницы, так как предпочитали есть белый пшеничный хлеб. В 1281 г. в Гессене одно церковное поместье было сдано на 12 лет; согласно контракту держатель должен был 18% озимого поля засевать пшеницей в течение первых шести лет и 25% — в течение последующих шести

лет. Твердая пшеница (triticum turgidum) была распространена в Западной, Центральной и Южной Франции, и ее посевы были более обширными, чем посевы мягкой (triticum vulgare). Хлеб из нее не так хорош, как из мягкой, но зато он, как и ржаной, не так скоро высыхает и вообще лучше сохраняется.

Несколько слов о различных видах полбяной пшеницы (triticum monococcum) Она дает небольшой урожай, но зато хорошо растет даже на тощих почвах. Этот вид злака был распространен в Центральной Европе еще в неолитические времена и доходил до нынешней Дании. В настоящее время она выращивается на очень ограниченном пространстве, главным образом в Испании и Южной Германии. Этот вид полбы постепенно вытеснялся рожью и другими видами полбы. Во Франции сеялась главным образом triticum spelta, т. е. тот вид покровной пшеницы, который называется просто полбой (spelta) Она давала довольно тонкую муку. В документах времени Карла Великого она упоминается как наиболее распространенный вид зерновой культуры. В «Полиптике аббата Ирминона» повинности, выплачиваемые полбой (spelta), составляют главную часть оброка. Согласно статуту Адальгарда, 400 монахов Корбийского монастыря питались хлебом из мешанки (meteil) и полбой. Ею кормят также лошадей. Но к XV в. полбу сеют все меньше, и в наши дни ее можно встретить только в Швабии, Швейцарии и на бедных почвах Бельгии и Испании. Это объясняется тем, что хотя этот сорт полбы лучше, чем два предыдущие (т. е. triticum monococcum и triticum dicoccum), тем не менее полба по качеству уступает мягкой пшенице (triticum vulgare), которая в конечном счете и завладела всей умеренной частью Европы.

Из всех древних зерновых культур Европы ячмень наименее чувствителен к изменениям климата. Он выдерживает засуху, а его раннее созревание дает ему возможность расти и в холодных странах. В Скандинавии он растет даже севернее, чем рожь. Ячмень, известный в Европе еще со времен неолита, был весьма распространен в средневековье и употреблялся как для каши, так и для выпечки хлеба. Перебродив, он дает пиво; лошади, особенно на юге, едят его вместо овса. Он растет или в качестве озимого хлеба (hordeum hexasticum), или чаще как яровой (hordeum disticum). Меровингские короли

получали ячменем дань из Германии, ячмень занимал главное место и среди зерновых эпохи Каролингов. Но уже к XV в. значение его пало. Вероятнее всего, что его вытеснила рожь, которая не требует такой плодородной и обработанной почвы, как ячмень.

Просо было занесено на Запад с Дальнего Востока степными номадами; оно было весьма подходящим для их кратковременных сельскохозяйственных занятий — некоторые сорта проса вызревают в три месяца и могут выдерживать большую жару. Культура проса распространилась в Европе со времен неолита и хорошо подходит к почвам, слишком легким для пшеницы, если они плодородны или хорошо унавожены. В древности и в средние века были известны главным образом два сорта проса: Panicum miliacenum, распространенный по всей Европе, и Panicum italicum, культивировавшийся в Южной Европе и Альпийских областях. Во времена римского владычества просо было важным средством питания в Британии и Галлии (особенно в Аквитании), в Паданской равнине и в Кампании. В средние века оно было распространено в Северной Италии, в Пиринеях, в Юго-Западной и Западной Франции, где крестьяне питались главным образом просом, отдавая пшеницу в качестве оброка. В южных районах с просом после арабского нашествия конкурировал еще один продукт — сорго (индийское пшено). Еще Плиний упоминает о крупнозернистом просе, ввезенном из Индии, и очень хвалит его: «урожайностью превосходит все злаки»[27]. Но, по-видимому, оно не привилось и снова было введено арабами. В Северной Италии сорго появилось самое позднее в XII в.; беднякам оно часто заменяло хлеб. Но, как мы уже сказали, больше всего в Европе было распространено просо и оно продолжало сохранять свое значение вплоть до появления маиса (XVII в.), оказавшегося более сильным, чем сорго, соперником.

В средневековой агрикультуре, придавая ей своеобразный облик, заняли особое место еще две хлебные культуры: овес и рожь; первая — высеваемая как яровой хлеб, вторая — как озимая культура. В Германии, например, озимое поле часто называют «ржаным полем» (Roggenfeld), а яровое «овсяным» (Haferfeld). Овес по-

---

[27] Plin., XVIII, 55.

явился в Европе вначале как сорняк, в виде примеси к полбяной пшенице (triticum dicoccum). Но в некоторых северных областях он оказался более устойчивым, чем тот вид культуры, при которой он был сорняком. Плиний говорит об овсе: «Первым бедствием для пшеницы является овес. И ячмень вырождается в овес настолько, что сам овес заступает место пшеницы; в самом деле, народы Германии сеют его и живут одной овсяной кашей» [28]. Похоже на то, что овес именно в Европе был выделен и культивирован как особая культура. Археологи находят его в озерных постройках бронзового века. Овсяная каша занимала одно из главных мест в питании населения средневековой Германии, Англии и Шотландии. Он идет также на пиво; но больше всего, и чем дальше, тем все больше, он шел на корм лошадям, и его посевы росли по мере того, как лошадь заменяла вола в качестве тяглого животного.

Рожь тоже сначала была сорняком при пшенице, которую она заменила в холодных районах континентальной Европы, так как она растет быстрей и лучше противостоит холодам (только ячмень может расти севернее ржи). Происхождение ржи объясняет также и появление смешанного хлеба (meteil) или «мешанки», которая в средние века стала важной зерновой культурой в районах, расположенных несколько южнее области распространения ржи. Этот хлеб был результатом естественной смеси ржи и пшеницы на поле. Первым упоминает о ржи Плиний, говоря, что она распространена среди тавров. «Таврины у подножья Альп называют рожь asia. Это наихудший хлеб и употребляется в пищу только с голода. Растение это урожайное, но с тонкой соломой мрачного черного цвета, замечательное своей тяжеловесностью. К нему подмешивают полбу, чтобы смягчить его горечь, но и в таком виде желудок с трудом ее выносит. Растет она на любой почве с урожаем сам-сто и сама служит удобрением» [29]. Но уже в Эдикте Диоклетиана рожь под названием centenum sive secale стоит на третьем месте после пшеницы и ячменя. Для того же периода археологические раскопки указывают следы ржи в Швейцарии, Венгрии и Трансильвании. Вероятно, около

---

[28] Plin., XVIII, 55.
[29] Ibidem, 141.

этого времени рожь распространяется и в Галлии, особенно в центре современной Франции и на севере Бельгии, где к концу этого периода она стала главной зерновой культурой на бедных и каменистых почвах. Ее широкое распространение в центральной и северной Германии, где она сделалась господствующей зерновой культурой, имело место только после падения Рима, и возможно, под влиянием славян: в раннее средневековье она была особенно распространена в районах, заселенных славянами — в Гольштейне, Мекленбурге, Бранденбурге, Саксонии и Силезии. Англо-саксы, вероятно, знали эту культуру еще до их переселения на острова; она занимала важное место в средневековом сельском хозяйстве Англии, особенно на мелких держаниях, хотя к концу средних веков стала терять свое значение. В Италии варварские нашествия способствовали распространению ржи, причем она дошла даже до юга, где (среди других названий) именовалась «германским хлебом» (Germanum).

Низкая культура земледелия, особенно в раннее средневековье, находила свое выражение в слабой продуктивности почвы и плохой урожайности. Некоторые данные, которыми мы располагаем по этому предмету, чрезвычайно интересны. Прежде всего следует отметить, что земля, недостаточно обработанная и мало удобренная, не могла густо засеваться. Лучшие земли аббатства Сент-Аманд или Сен-Жермен-де-Пре засевались обычно четырьмя мюидами пшеницы на bonnier, т. е. около двух гектолитров на гектар; посевы на менее плодородных землях едва достигали половины этого количества. Урожаи были более чем скромные. Мы имеем от эпохи Каролингов интересные данные — показания обследователей, которые проверяли состояние хозяйства королевского двора д'Аннат (Северная Франция). В них дан валовой урожай предыдущего года и количество семян, которое должно быть оставлено для следующего посева. Из 1320 мюидов полбы, полученных с полей в последний год, надо было оставить в качестве семян 700 мюидов; из 100 мюидов пшеницы — 60 мюидов; из 1800 мюидов ячменя — 1100 мюидов; и, наконец, из 90 мюидов ржи — все 90 мюидов должны быть оставлены на семена. Другими словами, урожай в этот год составлял по полбе 46% посева, по пшенице — 40%, по ячменю — 38%, т. е. сам 1,8, 1,7, 1,6

в год! И никакого урожая по ржи; взяли только семена. Показания, правда, отрывочные; но данные по другим местностям вполне совпадают с этими: в редких случаях урожай достигает сам 2 для полбы и сам 1,6 для ржи (в Сизуэн); ячменя — сам 2,2 (в Витри), сам 1,5 (в Сизуэн), сам 2 (в Сомэн). В целом от каждой жатвы для потребления остается значительно меньше, чем идет на следующий посев. Конечно, возможно, что эти данные были составлены в неурожайный год, и некоторые намеки на это имеются в нашем документе; в нем, например, говорится о некотором количестве зерна, оставшемся от предыдущих годов. Но и из материалов, относящихся к более позднему времени, тоже можно сделать вывод, что урожаи были весьма низкие. Так, данные по аббатству Сан-Джулия в Брешии за 905—906 гг. говорят о том, что урожай зерновых был немногим больше того количества, которое необходимо было оставить на семена, а по некоторым видам зерновых не собрали даже семян.

Все эти данные, собранные в работе Ж. Дюби[30] (даже принимая во внимание то обстоятельство, что при низкой технике сельского хозяйства урожаи были чрезвычайно различны и сильно зависели от местных условий, погоды, осадков и т. д.), приводят автора к выводу об очень малой доходности почвы и слабой обеспеченности сельского населения продуктами питания. Можно без преувеличения сказать, что сельский житель всегда был на грани голодовок.

Кроме зерновых, раннее средневековье знало и другие растения, идущие в пищу и употреблявшиеся как сырье для деревенской промышленности. Их количество резко увеличивается с конца XV в.; об этом мы скажем ниже. Здесь же назовем растения, известные в Европе с самого раннего средневековья: турнепс, бобы, горох и чечевица, упоминаемые в Салической правде. Для полноты перечня следует добавить вику, не раз встречающуюся в ранних средневековых документах. Бобы, иногда использовавшиеся как примесь в хлеб, горох, которого существовало несколько сортов, и вика были более распростра-

[30] G. Duby., L'economie rirale et la vie des campagnes dans l'Occident médievale. 2v. Paris, 1962; см. также Slicher van Bath. Jield ratios (810—1820), Wayblingen, 1963.

нены, чем чечевица, которая требует влажных земель. Турнепс (brassica rapus) и особенно репа (brassica rapa) были важными сортами растений, но они были распространены не везде, а, например, в южных частях Германии или в центре Франции. Для Транспаданской Италии Плиний в первом столетии до н. э. ставит репу тотчас же за зерновыми и вином[31]. Вика на корм скоту употреблялась не только в зерне. В XIII в. мы встречаем посевы вики с ячменем, овсом или рожью специально для откорма скота на корню. В начале XVI в. ее сеют на искусственных лугах Фландрии, передовой страны земледельческой культуры.

Что касается масличных культур, то, разумеется, опыт римлян, получавших из них оливковое масло, был мало пригоден для Европы (за исключением ее южных зон). Люди средневековья использовали грецкий орех, который растет севернее и дает превосходное масло, но его урожаи неустойчивы и страдают от ранних холодов; поэтому позднее стали употреблять в качестве масличных плоды бука и ряда других растений.

Из технических растений лен был известен с самых отдаленных времен. Конопля стала известна значительно позднее и была занесена в Европу с Востока; но все же ее появление относится, вероятно, еще ко времени Римской империи. Культивируемая с большей легкостью, чем лен, она заняла важное место в домашнем хозяйстве. Ее выращивали около проточных вод на сырых плодородных почвах. По мере развития текстильного производства увеличивались также посевы растений для окраски и отделки тканей. «Capitulare de villis» дает название следующих технических растений: вайда, вермель, крап (для окраски) и ворсянка (для наведения лоска на ткани). Кроме них были известны красильный дрок, марена, шафран. В связи с пивоварением большое значение получила культура хмеля. Первое упоминание о нем мы находим под 768 г.

Средневековое огородничество вплоть до XVI в. не внесло ничего нового в сравнении с тем, что знали и умели римляне. Только в XVI в. Америка дала такие новые и важные — огородные по преимуществу, но не исключительно — растения, как картофель, зеленый горошек, по-

---

[31] Plin., XVIII, 126—132.

мидоры, маис и табак. Средневековая Европа заимствовала свою огородную культуру с побережья Средиземного моря; быть может, одна жеруха (water cress) была принесена с севера. И весьма вероятно, что галлы научились собирать дикий кресс-салат у франков (французское слово cresson происходит от франкского kressa); затем, как об этом упоминают документы XIII в. он выращивался на регулярных землях.

Долгое время огороды существовали с теми же растениями, которые были известны уже римлянам. Об этом свидетельствуют перечни названий растений в «Capitulare de villis» и в «De observatione ciborum» Анфимия, написанном вскоре после 500 г. Во-первых, это овощные растения — горох, бобы, чечевица, корнеплоды — репа, турнепс, которые росли также и на полях; затем — редис, морковь, пастернак. Последние два сорта шли под одним и тем же названием вплоть до XVI в. — смешение, которое еще и до сих пор держится в некоторых диалектах Юго-Восточной Франции. (Существование древнего тевтонского слова «Möhre» для моркови нельзя рассматривать как доказательство германского происхождения этого растения. По-видимому, это слово употреблялось для обозначения всякого съедобного корня). Кроме бобовых и корнеплодов в пищу употреблялись капуста, порей, различные виды лука и чеснока. Упоминается ряд растений, служащих приправой к пище — салат, латук, цикорий, горный шпинат, свекла, садовый кресс, дикая горчица, портулак. Перечень плодов в «Capitulare de villis» и в сочинении Анфимия включает в себя также растения, которые за пределами Средиземноморского ареала были акклиматизированы позже: спаржа, дыня, возможно также — огурец и так называемые «courge» (франц.) или «cucurbitas» (лат.) — термины, которые до ввоза тыквы из Америки, вероятно, употреблялись для какого-то вида тыквенных растений. К этим растениям следует присоединить еще некоторые ароматические травы, тоже служившие приправой к пище; а эти приправы чрезвычайно ценились средневековой кухней, весьма, на наш взгляд, сложной. Трактат о пище Анфимия, написанный для сына Хлодвига, показывает, с какой тщательностью эти «варварские» короли придерживались традиций древней кухни; как правило, к каждому вареву рекомендуется примешивать сельдерей, кориандр, укроп или порей. Уп-

рощение в меню французской кухни, как замечает Парэн, впервые было проведено в XVII в.

Те районы Европы с умеренным климатом, которые оккупировали римляне, уже давно были знакомы с наиболее распространенными и в наше время плодовыми деревьями; яблоки, груши, грецкие орехи, сливы, персики, вишни, айва, кизил, рябина, терн, орешник — таков перечень этих плодов. Плиний рассказывает нам о том, как быстро вишня распространилась по Римской империи после того, как в 74 г. до н. э. великий гурман античности Лукулл привез ее из Малой Азии. Фиги уже в римскую эпоху распространились к северу до возможных пределов: император Юлиан рассказывает, что жители Лютеции (Париж), чтобы защитить фиговые деревья от мороза, применяли шалаши из соломы. Как и в наше время, в средние века страсть к новинкам и, кроме того, трудности с транспортом приводили к попыткам акклиматизации растений. Поэтому нет ничего удивительного в том, что многие плодовые деревья произрастали тогда там, где теперь их нет, потому что позже стало выгоднее привозить их плоды издалека, чем прилагать много труда для разведения их на месте. Однако, с другой стороны, так как уход за плодовыми деревьями сложен и особенно трудно сохранять культуру плода в последующих поколениях, настоящая садовая культура в раннее средневековье было неизвестна. Для многих поколений людей средневековья существовали только дикие фрукты, собираемые в лесах. Деревья сажали на опушке и даже в самой чаще леса; но это были дички, приносившие небольшой урожай. Н. С. Цемш, тщательно обследовавший документы каролингского периода, замечает: «Фруктовые сады (pomaria) встречаются довольно часто в документах Каролингской эпохи. Они являются принадлежностями не только королевских и церковных поместий, но и частных имений... По своему расположению в эту эпоху они еще не обособились от усадебного двора и занимают часть его. Для того времени мы не можем представлять себе их в виде более или менее значительных участков земли, засаженных плодовыми деревьями: в большинстве случаев это несколько деревьев, стоящих рядом или на самой приусадебной земле... На проекте плана монастыря Сен-Галлен в Швейцарии, составление которого относится к IX в., фруктовый сад соединен с кладбищем.

Вперемежку с деревьями расположены могилы. Насколько можно судить по плану, разные сорта деревьев были посажены группами: отдельно стояли яблони, груши, сливы и т. д.» [32]. Большой перечень плодовых деревьев в знаменитом «Capitulare de villis» не должен вводить нас в заблуждение, и не следует представлять себе дело так, что в вотчинах Карла Великого было развито садоводство. Речь идет лишь о сборе плодов с деревьев, которые, вероятно, росли в диком виде и при расчистке лесов, — а таковые производились в эпоху Каролингов в значительных размерах, — оставлялись несрубленными. Так, известно, что в диких лесах Нормандии можно было встретить двенадцать сортов яблок.

Разведение плодовых деревьев в те времена наталкивалось не только на сохранившуюся то там, то здесь систему временных запашек с забрасыванием полей на долгий срок под пар, но гораздо чаще на существование общинных прав, в силу которых поля после покоса, еще до того, как созревали фрукты, «открывались» для выпаса скота, вследствие чего молодым деревьям наносился непоправимый ущерб. Древнейшие списки Салической правды не говорят о садах или огородах. Более поздние упоминают о pomaria и piraria, но в данном случае, вероятно, имеются в виду огороженные места вблизи жилища. Если такие огораживания были неудобны, то любящие солнце растения (вишня и персики, например) сажали среди виноградников. Настоящие сады — явление значительно более позднего времени (XIII—XIV вв.).

Но если плодовые сады как регулярные посадки были для раннего средневековья делом будущего, то виноградники были распространены в Европе еще в римское время и были восприняты «варварами» с самого начала их появления на этих территориях. Мало этого, новые пришельцы старались продвинуть культуру винограда возможно дальше на север, и поэтому в средние века виноград возделывался далеко за пределами нынешней зоны, например во Фландрии, в Англии, в горных долинах Пиренеев. Виноград разводили почти везде — для получения вина, необходимого в церковной службе, для потребления населением. Способы приготовления вина

[32] «Агрикультура в памятниках западного средневековья». М.—Л., 1936, стр. 67, прим. 2.

могут вызвать наше удивление, хотя, с другой стороны, они дают нам понять, почему виноградники существовали даже в таких местах, где виноград не мог вызреть. Грозди — незрелые или совсем зеленые — отжимались и сок незрелого винограда смешивался затем с медом, кинамоном, кориандром и другими пахучими травами. Этот способ практиковался даже в тех частях Европы, где виноград созревал полностью. Получалось «вареное вино» (vin cuit), которое являлось жалким суррогатом настоящего вина.

Акклиматизация винограда по Рейну началась еще римлянами. Во II в. н. э. славились мозельские виноградники; «варвары» только частично разорили их, но скоро сами стали разводить виноград. Со времени Каролингов культура винограда стала быстро распространяться, особенно на королевских и церковных землях. В IX в. виноградники существовали в окрестностях Вормса и Шпейера и в последующее время быстро распространились по Рейну. Дальнейший прогресс виноградарства выражался в росте количества виноградников и во все улучшавшемся качестве винограда. Из долин виноградники перешли на холмы. В Рейнской области жители Энблингена и Рюдесгейма в XI в. уничтожили на склонах гор леса и посадили виноград. К 1200 г. монахи Эбербаха развели знаменитые виноградники на Шрейнберге. Вандельберт Прюмский (I половина IX в.) в поэме «О двенадцати месяцах» так описывает октябрь: «Этот месяц целиком заполняет сбор винограда, и на всех полях, украшающихся мягкими гроздьями, виноградники кишат работниками, собранными отовсюду»[33]. Эта картина красноречиво говорит о распространенности и значении виноградарства.

Культура винограда во Франции и Германии этого времени была перенесением и приспособлением средиземноморской культуры к менее благоприятным климатическим условиям более северных районов. Для получения большего солнечного тепла виноградная лоза ставилась на подпорки. В XI в. хартия Мурсийского аббатства (к юго-западу от Цюриха) излагает следующую программу работ на виноградниках, которая с некоторыми вариан-

---

[33] «Агрикультура в памятниках западного средневековья», стр. 117—118.

тами сделалась обязательной для всего средневековья. Виноградарь должен был: 1) удобрить землю, 2) произвести обрезку лозы, 3) вскопать на лопату землю (перед пасхой), 4) поднять лозы на подставки и подвязать их, 5) еще раз промотыжить землю (в начале лета), 6) положить некоторые из ветвей на слеги и 7) помочь кистям созреть, освободив их от прикрывающих их листьев. Порядок, указанный в этом расписании работ — стандарт, но несомненно, что в хорошо обрабатываемых виноградниках существовала тенденция к большему количеству операций. Например, хорошо известное римским писателям и упоминающееся в более поздних документах, идущих из Пуату и Прованса, отгребание от корней лозы окружающей ее земли (dechaussage); оно проводилось перед подвязкой лозы.

Как и в античные времена, посадки ивы шли одновременно и вместе с посадками виноградников. Ивы давали лыко для привязывания лозы и обручи для бочек. В рейнских областях Эбербахский монастырь, отводя земли под луг, оставлял нетронутыми ивы.

Долгое время в средние века рогатый скот, который в большом количества разводили уже древние кельты и германцы, продолжал составлять главный вид собственности. У Тацита есть известное и весьма выразительное высказывание об этом: «Хотя (их) страна и различна до некоторой степени по своему виду, но в общем она представляет собой или страшный лес, или отвратительное болото... для посевов она плодородна, но не годится для разведения фруктовых деревьев; скотом изобильна, но он большей частью малорослый; даже рабочий скот не имеет внушительного вида и не может похвастаться рогами. Германцы любят, чтобы скота было много: в этом единственный и самый приятный для них вид богатства»[34]. Покоренные саксы платили Хлотарю I ежегодную дань в 500 коров, позже — 300 коней Пипину. Скот кормился за счет естественных ресурсов, которые давали многочисленные леса, болота, поляны и открытые луга. Искусственных лугов, конечно, еще не было; зернового корма при отсутствии регулярных севооборотов тоже еще не могло быть. На крайнем севере, в Ирландии и Шотландии, куда не простиралось римское влияние, хозяйствен-

[34] Тас., Germania, V.

ные условия были в еще более примитивном состоянии. Согласно Диону Кассию каледонцы в начале третьего столетия жили в хижинах и не имели ни городов, ни полей; они питались молоком, дичью и дикими плодами. У них были большие стада рогатого скота и овец и маленькие быстрые лошади, которых они разводили в горных областях и пасли на болотистых лугах. Подобные же условия долго сохранялись в Уэльсе и особенно в Ирландии. Ирландцы мало сеяли хлеба и жили главным образом молоком, сыром и маслом. В XIV в. английские наблюдатели отмечали, что в Ирландии группы семей владели общим правом выпаса на больших пространствах, существовали крытые загоны и общие зимние пастбища в долинах. Ирландия еще в XV в. оставалась в значительной степени страной бродячих пастухов; ее климат давал богатые пастбища в течение всего года. Они не косили траву на сено и не строили стойл для скота, но снимались со своими примитивными хижинами и передвигались вслед за передвижениями скота.

Описанные выше отношения являются для Европы скорее исключением, чем правилом. Агрикультура и скотоводство, в частности, таких стран, как Англия и особенно Франция, развивались под сильным влиянием Рима. Известно, что галлы были мастера разводить лошадей и в этом отношении превосходили германцев. В Испании римляне обращали особое внимание на овец, и как бы ни был для них неясен путь улучшения породы, они все же подготовили почву для селекции и скрещивания, результатом которых позже явилось появление знаменитых мериносов.

Таковы в общих чертах те сельскохозяйственные знания и приемы, которые были известны практике раннего средневековья и которые дают нам представление об уровне агрикультуры в этот период времени. Следует, однако, заметить, что этот период не представляет собой единства. Мы уже говорили, что римская агрикультура была настолько высока, что «варвары» не могли сразу позаимствовать от нее многое. Для этого не было достаточно благоприятной объективной обстановки; как в том смысле, что климатические и почвенные условия в области расселения «варваров» были в большинстве случаев иными, чем в ареале Средиземного моря, так и в том смысле, что социальные отношения в среде «варваров»

4*

были мало приспособлены к тому, чтобы перенять культуру, выросшую на почве развитой рабовладельческой формации. «Варварам» предстояло жить и развиваться в условиях господства мелкого хозяйства; мало того, даже те крупные хозяйства, которые были захвачены «варварскими» вождями и старейшинами у римлян и которые обслуживались рабами и колонами, сами чаще всего превращались в конгломераты крестьянских хозяйств с типичным для последних мелким производством. Мелкое производство распространяло свои закономерности и особенности на домениальную землю крупных барских хозяйств, обслуживаемых живым и мертвым инвентарем крестьян, сохранявших свою хозяйственную самостоятельность в самые тяжелые времена крепостного строя. Поэтому те отрасли сельского хозяйства, которые были больше всего связаны с аристократическими потребностями рабовладельцев (например, садовая культура), позже других были восприняты «варварами» и их потомками — феодальным обществом средневековой Европы. Этим обстоятельством объясняется еще один факт в истории сельскохозяйственной культуры раннего средневековья. Время окончательного становления феодального общества и появления феодальной аристократии было также временем больших успехов и больших заимствований раннесредневековой сельскохозяйственной культуры от агрикультуры римской. Так называемый «Каролингский ренессанс» был не только временем подъема «варварского» общества вообще, но и подъемом его сельскохозяйственной культуры.

Подъем сельскохозяйственной культуры при Каролингах нашел свое отражение в довольно большом количестве источников, непосредственно посвященных описаниям сельскохозяйственных работ, посевных культур и др. Каролингское время было первым в истории средневековья, которое сохранило ряд имен любителей и практиков сельского хозяйства — Адальгарда, Ирминона, Валафрида Страбона и др. «Мы, — говорит советский исследователь Н. С. Цемш, — стоим перед процессом известного усовершенствования технической базы главных тогда видов производства: земледелия и скотоводства»[35].

[35] «Агрикультура в памятниках западного средневековья», стр. 43.

Это было время относительного порядка внутри огромных владений Каролингской «монархии», время образования крупной феодальной собственности и закрепощения крестьян. В хозяйственный оборот путем расчистки лесов и подъема нови вовлекались новые земли. Большее распространение получает трехпольная система севооборота, более тщательно ведется обработка земли (например, двойная вспашка под озимое). Наиболее красноречивым памятником этого времени является знаменитый «Capitulare de villis», дающий представление о сложном и многоотраслевом хозяйстве крупных королевских вотчин VIII—IX вв. Улучшаются сорта зерновых хлебов. В «Полиптике аббата Ирминона», например, на землях барской запашки пшеница явно превалирует над полбой; расширяется животноводство. Но господство в целом мелкого производства, естественное перенесение его законов и правил даже на крупное хозяйство феодала (поскольку домениальная земля обрабатывалась барщинным трудом, живым и мертвым инвентарем крестьянского хозяйства), и были большим препятствием для всякого рода усовершенствований и нововведений, которые лишь частично и очень медленно проникали в сферу хозяйства. Некоторое оживление сельское хозяйство в Европе испытало в тот период, когда развитие городов и городского хозяйства впервые втянуло деревню в товарно-денежные отношения, а спрос города на сельскохозяйственные продукты создал новый импульс для расширения сельскохозяйственного производства. Как это произошло и какие классы феодального общества от этого выиграли, — об этом мы скажем во второй части книги.

Глава II

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ПЕРЕХОД ОТ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОЙ ФОРМАЦИИ К ФЕОДАЛЬНОЙ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Марксистское учение о формациях и закономерностях их развития. Понятие основного закона и основного противоречия формации как закона ее движения. Основной закон рабовладения и развитие основного противоречия рабовладельческой формации. Развитое рабовладельческое общество и его характерные черты: невозможность воспроизводства рабочей силы в недрах самого хозяйства; низкая производительность рабского труда; экстенсификация труда по мере роста хозяйства. Необходимость перехода к колонату. Элементы феодальной формации в недрах рабовладельческой формации. Возможность перехода от первобытнообщинной формации к феодальной, минуя рабовладельческую. Мелкое индивидуальное производство как отличительная черта всех докапиталистических формаций. Личная зависимость как необходимая черта эксплуатации при мелком индивидуальном производстве.

В своем основополагающем учении о закономерной последовательности формаций в общем поступательном движении всемирной истории К. Маркс не только дал конкретную картину всемирно-исторического развития от первобытнообщинной формации вплоть до социализма и коммунизма, но и установил закономерности внутреннего развития каждой формации от ее зарождения в недрах предшествующей вплоть до ее разложения, в результате которого совершается революционный переход к новой, более прогрессивной формации. Маркс показал, что это развитие внутри каждой формации совершается с такой же закономерностью, с какой совершается и всемирно-историческое развитие в целом. Много раз возвращаясь к этому вопросу, Маркс дал ряд формулировок, позволяющих нам ясно представить себе тот путь, следуя которому мы можем установить движение в пределах каждой формации, движение, в основе которого лежит развитие производительных сил.

Советские историки и философы в последнее время выдвинули учение об основном законе каждой форма-

ции[1], связав этот основной закон с понятием основного противоречия, лежащего в основе формации, ибо, говорит Маркс, «развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой»[2].

Как же определяются основной закон и основное противоречие рабовладельческой формации, разложение которой с необходимостью вызывает переход к феодальным производственным отношениям? «Производство прибавочного продукта для паразитического потребления рабовладельцев путем открытого внеэкономического принуждения к труду непосредственных производителей — рабов составляет основной экономический закон рабовладельческого общества»[3].

Как создалась самая возможность эксплуатации рабского труда? Рабство возникло в период разложения первобытнообщинной формации. Общий труд в период господства первобытнообщинной формации был результатом не обобществления труда и средств производства, а вызывался при тогдашнем уровне развития производительных сил и особенно техники невозможностью получения необходимых для жизни человека средств к существованию в результате индивидуальных усилий, в результате невозможности заниматься производством в одиночку. Неизбежность коллективных усилий была причиной коллективной собственности на средства производства. Отсюда общее владение племенем или родовой группой территорией, на которой осуществлялась охота и рыбная ловля, или землею, на которой происходил выпас стад первобытных скотоводов.

Развитие техники шло по линии совершенствования орудий производства, которые сделали бы возможным и производительным индивидуальный труд, достаточный для существования индивида. Когда этот уровень был

---

[1] Не вдаваясь детально в существо вопроса о правомерности такой постановки проблемы и о содержании терминов, хотелось бы лишь подчеркнуть, что эта дискуссия имела определенное значение, активизировав теоретические и конкретно-исторические изыскаая исследователей.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 499.

[3] «Курс политической экономии, в двух томах». Учебник для экономических факультетов Государственных университетов и экономических вузов, под ред. проф. Н. А. Цаголова, т. I. М., Экономиздат, 1963, стр. 23.

достигнут и когда дальнейшее совершенствование орудий труда дало возможность создавать в одиночку сверх необходимого для жизни добавочный продукт, создалась возможность деления рабочего дня на необходимое и избыточное время, а вместе с этим создалась возможность эксплуатации одного человека другим.

Эта эксплуатация возможна была только в результате подчинения одного человека другому, ибо источником обогащения являлся индивидуальный труд. При таких условиях средством эксплуатации оказывался сам человек как непосредственный производитель, а средством овладения его прибавочным трудом было овладение самим человеком. Так возникло рабство, источником которого стал в первую очередь плен. Пленников стали превращать в рабов, которых заставляли работать путем прямого принуждения. Масса прибавочного продукта, на которой зиждилось существование и процветание господствующего класса рабовладельцев в рабовладельческом обществе, дала возможность господствующему классу рабовладельцев заниматься управлением, политикой, искусством и т. д., переложив на плечи рабов физический труд, который вследствие этого стал позорным для свободного человека [4].

Рабовладельческое общество было более прогрессивно, чем первобытнообщинное, так как труд массы рабов создавал такие возможности, каких не могло знать первобытнообщинное общество. Но рабовладельческое общество столкнулось с внутренним противоречием, которое рано или поздно, развиваясь и углубляясь, должно было привести к его крушению. Суть этого противоречия вытекает из основного закона рабовладельческой формации. Маркс говорит, что формой, адекватной индивидуальному мелкому производству, является собственность мелкого производителя на все средства производства, в том числе и на землю. При господстве рабовладельческого способа производства дело обстояло как раз наоборот. Раб, будучи мелким производителем, работал на земле своего господина, которому принадлежали также скот и все орудия производства. Мало этого, сам раб полностью принадлежал господину, юридически был его вещью (res) и рассматривался господином как часть инвентаря

[4] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 292—293.

его хозяйства, как орудие, обладающее речью (instrumentum vocale), в отличие от орудия, имевшего голос, но не говорящего, т. е. скота (instrumentum semivocale), в отличие от прочих орудий труда (instrumentum mutum). Таким образом, положение непосредственного производителя находилось в резком противоречии с рабовладельческой собственностью, и это противоречие выражалось в том, что раб ненавидел свою работу и свое положение, лишавшее его достоинства человека, и мстил за это попранное достоинство всеми имевшимися в его распоряжении средствами: он ненавидел труд и работал только из-под палки, он наносил ущерб рабочему скоту, он портил орудия производства [5]. «Поэтому,— говорит Маркс, — экономический принцип такого способа производства — применять только наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, которые как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее подвергаются порче» [6]. Результатом этого была крайне низкая производительность рабского труда. Более того, преследуя свою цель — получение от незаинтересованного в своем труде раба возможно больше прибавочного продукта, — класс рабовладельцев достигал этого такими средствами, которые непрерывно углубляли противоречие, лежащее в основе производственных отношений рабовладельческой формации.

Во-первых, он достигал этого, отнимая у раба значительную долю продуктов его труда — не только весь прибавочный продукт, но и часть необходимого, оставляя рабу минимум того, что было необходимо для восстановления сил, но что было недостаточно для того, чтобы раб мог прокормить свою семью. В результате рабам, как правило, нельзя было иметь семью; если раб болел, ему уменьшали и эту небольшую долю [7] Такая «забота» рачительного хозяина о том, чтобы не потратить на раба ничего лишнего, прямо свидетельствовала о том, что хо-

---

[5] К. Маркс и Ф Энгельс. Соч., т. 23, стр. 208, прим. 17: ...рабочий (в данном случае раб. —*С. С.*) дает почувствовать животному и орудию труда, что он не подобен им, что он — человек. Дурно обращаясь с ними и con amore (со сладострастием) подвергая их порче, он достигает сознания своего отличия от них».

[6] Там же.

[7] *М. Р* Caton. De agricultura, Cap 2, No. 4 (Далее—Cato.). «Если рабы болеют, им не надо давать столько же еды» (т. е. сколько здоровым. — *С. С.*).

зяйство, основанное на эксплуатации труда незаинтересованных и бессемейных рабов, было столь малодоходным, что воспроизводство рабочей силы естественным путем в самом хозяйстве оказывалось невыгодным. Где же был тот источник рабской силы, откуда пополнялась ее естественная убыль? Таким источником были пленники, в большом количестве прибывавшие в Рим в результате многочисленных войн, которые вело Римское государство. Эта легкость получения новых рабов приводила к тому, что вся или почти вся физическая работа выполнялась рабами, а свободные стали считать физический труд трудом, позорящим человека.

Отсюда вытекало второе положение, которое обостряло основное противоречие рабовладельческого способа производства. Стремясь к увеличению общей массы прибавочного продукта в условиях низкой производительности рабского труда, рабовладельцы старались увеличить количество рабов и расширить свое хозяйство. Это достигалось захватом государственной земли (ager publicus), обезземеливанием мелких крестьян-собственников, которые либо уходили в город, пополняя ряды античного пролетариата, либо становились арендаторами крупных землевладельцев. Так создавались знаменитые римские латифундии, которые, в конце концов, по утверждению естествоиспытателя и агронома Плиния, погубили Италию. В самом деле, применение рабов, абсолютно незаинтересованных в своем труде, оказывалось еще до некоторой степени возможным в небольших хозяйствах, в которых сам хозяин наблюдал за работой рабов. В больших имениях, как правило, хозяин отсутствовал, предпочитая жить в городе, заниматься политикой и т. д. Античные агрономы отлично понимали невыгоды такого положения вещей. Колумелла прямо не советовал расширять хозяйство, указывая на то, что отсутствие хозяина в имении пагубно отзывается на хозяйстве. «В отдаленных имениях, куда хозяину трудно наезжать, лучше поручить ведение отраслей хозяйства свободным колонам, чем поставить раба-приказчика» [8], ибо в отсутствие хозяина «рабы совершенно расшатывают (хозяйство,—С. С.): они сдают в наем на сторону волов, плохо кормят их и остальной скот, небрежно вспахивают землю, сеют зерна гораздо

---

[8] Colum., I, 7, 6.

меньше, чем показывают, не обрабатывают посевы таким образом, чтобы (они) хорошо шли, и во время молотьбы ежедневно переводят хлеб, лежащий на току, растаскивают его сами, не стерегут от других воров и не показывают честно, сколько его ссыпано»[9]. Колумелла делает вывод: «Поэтому такое имение следует отдать, по-моему, в аренду, если, как я сказал, хозяин не будет в нем жить»[10]. Рост латифундий не был, как мы видим, выражением укрупнения производства и, следовательно, интенсификации хозяйства и труда. Наоборот, увеличение хозяйства при сохранении его основы — рабского труда — и при вытекавшей отсюда затруднительности надзора за работой рабов приводило к естественному падению производительности труда и еще более обостряло основное противоречие рабовладельческого способа производства, противоречие между целью производства — увеличением массы прибавочного продукта и средством — увеличением хозяйства, основанного на рабском труде. Агрономы ясно понимали это и советовали либо уменьшить хозяйство для того, чтобы сделать надзор за работой рабов более эффективным, жить самому хозяину в поместье — что было безнадежным пожеланием; либо сдавать имение в аренду; либо, наконец, перейти к такой системе эксплуатации рабского труда, при которой раб оказался бы в какой-то мере заинтересованным в повышении производительности своего труда. Так появилась система колоната; рабов сажали на землю, превращали в самостоятельного хозяина, имеющего семью и детей. К такому решению, которое в сущности было свидетельством разложения рабовладельческого способа производства, побуждали рабовладельцев перемены, происшедшие в рабовладельческом обществе в целом. Рост крупного землевладения, латифундий, расширявшихся не только за счет государственной земли, но и за счет земель мелкого крестьянства, приводили к исчезновению этого слоя римского общества, из которого рекрутировалась римская армия. Рим как государство слабел, а вместе с этим уменьшался приток рабов, ряды которых обычно пополнялись за счет разоряемых и ограбляемых после завоеваний территорий. Вопрос о воспризводстве рабочей

---

[9] Colum., I, 7, 7.
[10] Ibid.

силы, таким образом, превращался в первостепенную задачу. Колонат и решал эту задачу, поскольку колон мог иметь семью и потомство. Разоряемое крестьянство, потеряв свою землю, частично превращалось в арендаторов чужой земли и становилось мало-помалу слоем зависимых от крупных землевладельцев, т. е. фактически, а затем и юридически оказывалось в положении колонов. Так в разлагавшемся рабовладельческом хозяйстве появились элементы будущего феодального строя. Мелкое производство и здесь было господствующим, но при этом мелкий индивидуальный производитель находился в таких условиях, которые позволяли ему, платя оброк, восстанавливать и воспроизводить свою рабочую силу. В этом заключалась прогрессивность новых общественных отношений в сравнении с прежними, чисто рабовладельческими.

Нам остается решить вопрос о том, чем же объясняется то обстоятельство, что так называемые «варварские» народы не знали развитого рабовладельческого способа производства, а перешли к феодализму на основе распада первобытнообщинного строя?

Предшествующее изложение уже подготовило ответ на этот вопрос. Мы видели, что рабовладельческое общество в его развитом виде, в каком оно существовало в древней Греции или в Риме, представляло собой сочетание двух классов: рабовладельцев (действительных или потенциальных, ибо всякий свободный человек мог стать рабовладельцем) и рабов. Воспроизводство общественных отношений в этих обществах шло за счет завоеваний новых территорий и массового обращения их жителей в рабов. Но такой строй производственных отношений в силу специфики воспроизводства самой рабочей силы не мог быть универсальным и охватывающим все общества древности. Напротив, одно конкретное общество существовало за счет другого, ибо это другое выполняло для первого роль поставщиков рабочей силы. Когда завоевания стали затруднительными, как это было в поздний период Римского государства, рабовладельческое хозяйство принуждено было перейти к системе колоната, т. е. к системе эксплуатации относительно самостоятельного мелкого хозяина — земледельца, имевшего собственную запашку и собственную семью, т. е. создать такую систему хозяйствования, при которой воспроизводство рабочей

силы совершалось в хозяйстве непосредственного производителя. Последнее оказалось возможным потому, что как ни медленно развивались производительные силы в рабовладельческом хозяйстве и даже, может быть, не столько в самом рабовладельческом хозяйстве, сколько в недрах оставшегося, хотя и обреченного на гибель крестьянского хозяйства, все же был достигнут известный прогресс, который и обусловил доходность мелкого хозяйства колона, доходность, достаточную для удовлетворения нужд господствующего класса.

По-иному обстояло дело у «варваров», тех германских и славянских племен, которые окружали Римское государство. Для тех слоев «варварского» общества, которые начинали возвышаться в качестве «благородных» (nobiles, как называл их Тацит) над массой просто свободных своих соплеменников — сородичей (ingenui — по той же терминологии) и знаменовали собой начало имущественного неравенства в этом обществе, рабы (а они были и в таком обществе) не составляли класса, на который возлагалась бы вся тяжесть физического труда. Здесь рабы представляли прослойку несвободных, характерную для самой ранней ступени рабовладения, для так называемого «патриархального рабства», при котором отдельные, имевшиеся лишь у некоторых членов племени, рабы или входили в состав семьи такого «рабовладельца» и вели образ жизни мало чем отличавшийся от жизни господина, наряду с ним выполняя те или другие хозяйственные функции, либо, как римские колоны, были мелкими самостоятельными хозяевами, сидевшими на земле господина и уплачивавшими ему определенный оброк. Именно так и определяет их положение тот же Тацит, подчеркивая, что рабы у германцев используются «не по-нашему», не так, как в Риме, а каждый имеет свое хозяйство и своих пенатов (т. е. богов своего очага) наподобие римских колонов (ut coloni) и платит своему господину оброк. Такое положение рабов у древних германцев и у древних славян объясняется, во-первых, невозможностью получать рабов в большом количестве, как это было возможно для сильного Римского государства, а во-вторых, и отсутствием необходимости в таком количестве рабов для формирующегося господствующего класса, который не был так развит, как господствующий класс рабовладельческого общества эпохи расцвета и

не требовал той массы прибавочного продукта, который нужен был римским или греческим рабовладельцам для поддержания их образа жизни и уровня развитого рабовладельческого общества. Отсутствие специфических исторических условий, давших возможность появлению развитых рабовладельческих обществ (большое и сильное государство, добывающее войной рабочую силу в виде пленных, превращаемых в рабов), и, наоборот, наличие условий, благоприятных для воспроизводства рабочей силы в недрах хозяйства самого непосредственного производителя, обусловили переход разлагавшегося первобытнообщинного строя у «варваров» прямо к феодальному, минуя развитый рабовладельческий строй. То обстоятельство, что сам рабовладельческий строй на почве Европы с развитием своего противоречия и в процессе своего разложения стал переходить к формам производственных отношений, аналогичным феодальным (колонат), только ускоряло процесс разложения первобытнообщинного строя у «варваров», давая им в руки те достижения производительных сил, которые были созданы в недрах рабовладельческого общества.

В связи с этим следует поставить еще один вопрос — о природе зависимости в докапиталистических формациях.

Само собой разумеется, что господствующий класс всякого антагонистического общества есть класс эксплуататоров, противостоящий классу эксплуатируемых, ему подчиненному. Но формы и виды зависимости и эксплуатации могут быть весьма различными, и это различие зависит в первую очередь от степени развития производительных сил. Самая возможность эксплуатации вытекает из того факта, что отдельный непосредственный производитель владеет такими орудиями производства, которые дают ему возможность получать не только необходимый продукт, но и продукт сверх необходимого, который и может стать объектом захвата, а следовательно, источником эксплуатации одного человека другим. Эта эксплуатация и осуществляется раньше всего в форме обращения непосредственного производителя в раба. И раб, и крепостной — мелкие производители, как бы ни было велико хозяйство представителя господствующего класса, будь то огромная латифундия римского рабовладельца или огромная вотчина средневекового феодала.

И в том, и в другом случае хозяйство есть арифметическая сумма индивидуальных усилий рабов или совокупность мелких индивидуальных хозяйств крепостных и необходимо внеэкономическое принуждение, чтобы выжать из них прибавочный труд или его продукт. Поэтому и тот, и другой являются в большей или меньшей степени собственностью другого человека, который смотрит на них в первом случае (т. е. в том случае, когда непосредственный производитель является рабом), просто как на рабочий скот, как на живой инвентарь своего хозяйства, и может неограниченно им распоряжаться, во втором — распоряжается их рабочей силой по своему усмотрению и до известной степени тоже рассматривает крепостного как живой инвентарь своего хозяйства, хотя и ограничен в праве распоряжения крепостным как личностью. Непосредственным результатом таких отношений является «срастание» работника со своими орудиями и средствами производства: прикрепление раба к набору орудий труда или живому инвентарю господского хозяйства, при помощи которых он выполняет специфические работы, или надел крепостного, к которому крепостной часто прикреплен наследственно. Вполне естественно, что такое срастание работника с условиями его труда достигает своей высшей классической формы и получает наиболее полное адекватное выражение в случае свободной частной собственности работника на условия его труда и средства производства.

Однако этот способ производства, т. е. мелкое производство на основе индивидуального труда мелких производителей даже в том максимально благоприятном для производителя случае, когда он является «свободным частным собственником своих, им самим применяемых условий труда»[11], лишь до известной степени гарантирует развитие производительных сил, и эта степень весьма невысока. «Этот способ производства,— говорит Маркс,— предполагает раздробление земли и остальных средств производства. Он исключает как концентрацию этих последних, так и кооперацию, разделение труда внутри одного и того же производственного процесса, общественное господство над природой и общественное регулирование ее, свободное развитие общественных произ-

[11] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 771.

водительных сил. Он совместим лишь с узкими первоначальными границами производства и общества» [12].

Итак, весь ход всемирно-исторического развития в исследуемых пределах можно было бы определить в следующих словах: от индивидуального мелкого производства и индивидуальной несвободы непосредственного производителя (раб, крепостной) к общественно концентрированным условиям труда и средствам производства и индивидуальной свободе производителя, лишенного, однако, всех жизненных средств и средств производства, находящихся в руках немногих и превратившихся в капитал. Крупное производство, т. е. общественно концентрированная форма производства, создается только капиталом. Все формации, предшествующие капитализму, характеризуются мелким производством, как бы ни было велико хозяйство представителя господствующего класса, и именно мелкое производство обусловливает различные виды несвободы непосредственных производителей (рабство, крепостничество) в докапиталистических обществах.

---

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 23, стр.

Глава III

ОБЩИНА — ДЕРЕВНЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

«Большая семья» и соседская община-марка в Западной Европе в эпоху расселения «варваров». Эволюция общины в Западной Европе по Марксу. Патриархальная община, земледельческая община с уравнительными переделами, община-марка. Маркс и Энгельс об общине-марке и ее роли в классовой борьбе средневековья. Община и процесс феодализации. Принципиальное различие между крупным хозяйством и крупным производством. Средневековая вотчина как пример крупного хозяйства, основанного на мелком производстве. Споры по поводу общины и отсутствия частной собственности на землю, как определенной ступени в развитии человеческого общества. «Живая община» и ее история. Работы Ефименко и Кауфмана и их значение для решения вопроса об исконном существовании общины. Община-марка и ее распространенность в германских поселениях в Европе.

В раннее средневековье деревня была единственной формой поселения и вместе с тем единственной организационной формой мелкого экономически независимого хозяйства непосредственного производителя. Деревенскую общину в Западной Европе мы застаем уже в виде либо «большой семьи», либо соседской общины варварских правд с большими или меньшими пережитками родовых отношений. Не касаясь специфической восточноевропейской общины с ее уравнительным характером, отметим, что в период формирования феодального способа производства европейская деревня уже знает наследственное владение по крайней мере основной частью земли — пашней и, таким образом, для запада Европы все споры и контроверзы, связанные с русской передельно-уравнительной общиной, не существуют. На это в свое время обратил внимание Маркс: «Ее (русской общины. — *С. С.*) эквивалент на Западе — *германская община,* возникновение которой относится к весьма недавнему времени. Она еще не существовала в эпоху Юлия Цезаря и уже не существовала, когда германские племена покоряли Италию, Галлию, Испанию и т. д.

В эпоху Юлия Цезаря уже производился ежегодный передел пахотной земли между группами, между *родами* и *кровнородственными объединениями,* но еще не между индивидуальными семьями общины; вероятно и обработка велась группами, сообща. На самой германской почве эта община более древнего типа преобразовалась путем спонтанного развития в *земледельческую* **общину** в том виде, в каком она описана Тацитом. С того времени мы ее теряем из виду. Она погибла незаметно в обстановке непрестанных войн и переселений... Но... печать этой «земледельческой общины» так ясно выражена в новой общине, из нее вышедшей, что Маурер, изучив последнюю, мог восстановить и первую. Новая община, в которой пахотная земля является *частной собственностью* земледельцев, в то время как леса, пастбища, пустоши и пр. остаются еще *общей собственностью,* была введена германцами во всех покоренных странах. Благодаря характерным особенностям, позаимствованным у ее прототипа, она на протяжении всего средневековья была единственным очагом свободы и народной жизни» [13].

Ф. Энгельс отмечает значительное влияние на общину галлоримских порядков. «Чем дольше,— говорит он,— жил род в своем селе и чем больше постепенно смешивались германцы и римляне, тем больше родственный характер связи отступал на задний план перед территориальным; род растворялся в общине — марке... Так незаметно, по крайней мере в странах, где удержалась община-марка — на севере Франции, в Англии, Германии и Скандинавии,— родовая организация переходила в территориальную и оказалась поэтому в состоянии приспособиться к государству» [14].

Значение марки-общины в истории средневековья очень велико. Энгельс, говоря о германском «варварстве», обновившем угасавшую римскую цивилизацию, высказал чрезвычайно плодотворную мысль об общине-марке. «Если они,— говорит он о германцах, да и обо всех «варварах»,— по меньшей мере в трех важнейших странах, в Германии, Северной Франции и Англии, сумели спасти и перенести в феодальное государство оско-

[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 417—418.
[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 150.

лок настоящего родового строя в форме общины-марки и тем самым дали угнетенному классу, крестьянам, даже в условиях жесточайших крепостнических порядков средневековья, локальную сплоченность и средство сопротивления, чего в готовом виде не могли найти ни античные рабы, ни современные пролетарии,— то чем это было вызвано, как не их варварством, не их способом селиться родами, свойственным исключительно периоду варварства?» [15].

Община в ее западноевропейской форме, только что выше охарактеризованной, была, по-видимому, распространена повсюду в Европе (за исключением славянского Востока). Кое-где она приняла своеобразные формы. Так, Маркс отмечает, например, румынскую общину, в которой «...часть земель самостоятельно возделывалась членами общины как свободная частная собственность, другая часть — ager publicus [общинное поле] — обрабатывалась ими сообща. Продукты этого совместного труда частью служили резервным фондом на случай неурожаев и других случайностей, частью государственным фондом на покрытие военных, церковных и других общинных расходов. С течением времени военная и духовная знать вместе с общинной собственностью узурпировала и связанные с нею повинности» [16].

В целом Маркс называет общинную собственность в той форме, в какой она сохранилась на Западе, «старогерманским институтом, сохранившимся под покровом феодализма» [17] И что в данном случае Маркс имеет в виду весь период средневековья, доказывает тот факт, что Маркс говорит об этом в связи с «огораживаниями» в Англии в XVI—XVIII вв. которые окончательно уничтожили эту общинную собственность.

Нет никакого сомнения в живучести общины-марки.

Во Франции, особенно на севере, она просуществовала вплоть до буржуазной революции конца XVIII в. приблизительно в том же виде, в каком она сложилась в пору «варварских» завоеваний. Lex Salica уже знает наследование земли, правда, по мужской нисходящей линии, за отсутствием которой земля переходила к об-

---

[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 155.
[16] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 249.
[17] Там же, стр. 736.

щине. В последующее время круг наследников расширился и уже к VIII в. мы имеем ту форму общины, которая стала классической для всего запада Европы: частное владение на приусадебную и пахотную землю плюс общинные угодья (леса, выгоны, пастбища, пустоши и т. д.).

Каковы были те изменения, которые внес процесс феодализации в общинные порядки? Нет никакого сомнения в том, что община как организация мелких производителей пережила период крепостничества и существовала не только там, где мы имеем впоследствии подчиненные вотчинной власти первоначальные поселения свободных германцев, но часто даже и там, где мы встречаемся с поселениями, возникшими из хозяйств рабов, посаженных на землю. Можно сказать поэтому, что вотчина — сеньория была наложена на общину, так сказать, сверху, причем там, где мы встречаем в средние века наряду с хозяйствами общинников хозяйство самого сеньора-вотчинника, последнее всегда подчиняется распорядку деревенской общины, а не наоборот. Это вытекает и из самого существа феодальной формации, в основе которой лежит мелкое экономически самостоятельное хозяйство непосредственного производителя. Само хозяйство сеньора, его запашка, как сфера применения барщинного труда крепостных, является на первых порах лишь в такой мере более крупным хозяйством, чем крестьянское, в какой барский двор как потребительская единица больше, чем двор крестьянский. Но как производственная организация барский двор (домен) вначале — простая сумма мелких хозяйств и вследствие этого сама пахотная земля вотчины обычно разбросана чересполосно между полосами крестьян.

Нельзя смешивать два понятия: «крупное хозяйство» феодала раннего средневековья, которое использует крестьянскую барщину и является организацией для осуществления этой барщины, и собственно «крупное производство», ведомое в расчете на рынок, которое в средние века, да и то уже сравнительно поздно, оказалось возможным только в виде экстенсивных систем вроде английского овцеводства, но именно здесь оно сразу же стало применять не барщинный, а вольнонаемный труд, как более интенсивный и, самое главное, не наносящий ущерба для хозяйства, главную ценность ко-

торого составляет «капитал», т. е. в данном случае скот.

Итак, факт существования наряду с вотчиной общины-марки не подлежит никакому сомнению. Сложнее обстоит дело с вопросом, является ли община институтом, из которого впоследствии развились все другие учреждения средневековья, и не следует ли смотреть на саму марку как на результат организационной деятельности той же вотчины?

Когда впервые Маурер обосновал свою теорию общины-марки, наиболее крупные и передовые представители науки, как Гирке, Лампрехт, Бруннер, Глассон, в России — Виноградов, Ковалевский приняли ее без особых возражений. Но позже она вызвала резкий отпор со стороны приверженцев извечности существования частной собственности (Фюстель де Куланж, Сибом, Мэтланд, Допш). Однако, только насилуя материал источников, можно опровергать то, свидетелем чего мы можем быть сами (славянская задруга, русская община до революции и т. д.). И не может быть никаких сомнений в том, что община-марка лежит в основе вотчины феодального времени, а не наоборот. Если мы кое-где встречаемся с использованием общины в деле поступления оброков или, впоследствии, государственных налогов, то это говорит лишь о том, что общиной и общинными порядками воспользовались для этих целей и, следовательно, были заинтересованы в ее сохранении; но это отнюдь не доказывает, что такого рода потребности господствующего класса ее, эту общину, создали.

Более сложным является вопрос о том, в какой мере марка-община с ее учреждениями лежит в основе города и городских учреждений. Но рассмотрение этого вопроса выходит уже за рамки нашей работы и относится к проблеме происхождения и развития города.

Мы уже видели, что история западноевропейского крестьянства фактически имеет дело с той формой общины, которую Маркс назвал поздней формой земледельческой общины, т. е. марковой общиной, сущность которой заключается в том, что в ней наряду с общей альмендой усадебная и пахотная земля находятся в частном владении. Эта земля сначала представляет собой собственность, затем, с развитием феодализма,— разнообразные формы феодальных держаний, большин-

ство которых носит наследственный характер, выражается ли это в наследственности крепостного состояния и наследственной связи крепостного с землей (glebae adscriptitio) или в наследственности феодального владения землей на манер английского копигольда или французской цензивы.

Поэтому для западноевропейского крестьянства проблема первобытной земельной общины интересна в настоящее время лишь в теоретическом отношении. Тем не менее в связи с теми спорами, которые еще и до сих пор не прекратились, спорами о том, является ли отсутствие собственности на земле необходимой ступенью исторического развития, свойственной всем народам и пройденной у германских и славянских народов на заре их исторически засвидетельствованного бытия,— необходимо еще раз остановиться на этом вопросе.

Мы, советские ученые, имеем в этом отношении важные преимущества и теоретического и, так сказать, эмпирического характера. Единственно научная основа истории — исторический материализм — в конкретном рассмотрении исторического процесса исходит из положения, что частная собственность на средства производства есть лишь определенная стадия в общем развитии человечества и что, следовательно, собственность вовсе не вечна. С другой стороны, мы, как историки и экономисты, можем наблюдать, или по крайней мере могли не так давно наблюдать своими глазами существование уравнительно-передельной общины; мало этого, первичное ее зарождение на просторах Европы и Азии, во владениях бывшей Российской империи.

Западноевропейскому ученому, привыкшему к праву прочного владения, существование неустойчивости, неопределенности и постоянной изменяемости в сфере правовых представлений о земле кажется настолько невероятным, что он либо начисто отрицает возможность частого перехода земли из одних рук в другие в порядке получения своей доли,— как это имеет место при уравнительно-передельных формах, либо отодвигает такую форму владения на доисторические времена. В последнее время, когда в связи с распространением социалистических идей представление о собственности как исторически преходящем явлении стало все более укрепляться некоторые буржуазные ученые резко выступили против

довольно обычных даже и в буржуазной науке XIX в. представлений об изначально общинном землевладении у народов Европы, основавших современное европейское общество. Русскому человеку прежних времен и советскому человеку наших дней непонятно то упорное отрицание казалось бы очевидных фактов, та ярая враждебность, с которой современная буржуазная наука высказывается обо всякой теории первобытной общины со свойственной ей коллективным владением землей. Разумеется, что это явление находит объяснение только в обострении классовой борьбы в эпоху империализма.

Споры сосредоточены вокруг показаний известных источников, из которых европейские ученые доимпериалистической эпохи черпали свой материал для суждения о том, чем была земельная община у германцев и славян в самые ранние засвидетельствованные историей времена их существования (Цезарь, Тацит, Lex Salica и т. д.). Они всем известны, и на них нет смысла здесь останавливаться. Отметим лишь, что все они столь же предельно кратки, сколь и непонятны, или во всяком случае дают настолько суммарные характеристики, что сверх утверждения об отсутствии частной собственности на землю извлечь из них можно лишь очень немногое. Это и позволило буржуазным историкам эпохи империализма истолковывать источники так, что сама возможность общинного землевладения была поставлена под вопрос, а существование общины у древних германцев полностью стало отрицаться. Но даже и те авторы, которые признавали наличность общинного землевладения у древних германцев и славян в ту эпоху, мало могли сказать о том, какова же была эта земельная община, так как тексты упомянутых источников очень кратки, а иногда и крайне неясны, вследствие чего их обсуждение пошло по линии филологического истолкования и всевозможных более или менее остроумных догадок и контроверз.

Подлинное значение земельной общины и история ее развития, существование ее различных форм и вариантов возможно понять только советским историкам, которые располагают огромным материалом по истории зарождения, развития и различных форм русской земельной общины, изученных современниками, отлично понимавшими значение и существо этой проблемы. Споры

славянофилов с западниками, народников с марксистами о сущности и судьбах существовавшей в России уравнительно-передельной общины отразили глубокую классовую борьбу, шедшую в недрах русского общества и жизненно важный вопрос о дальнейшем развитии русского общества и государства. Ученые исследования по этому вопросу были лишь отражением важности крестьянского вопроса для дореволюционной России, первостепенного значения крестьянства в развитии и осуществлении грядущей революции.

Вполне естественно поэтому, что ни у одного народа мы не имеем такого материала об общинном землевладении, о земельной общине, как у русских, и ни одна наука кроме советской не может сказать таких нужных и решительных слов о проблеме земельной общины в целом с момента ее зарождения до ее ликвидации.

Каковы же эти документы и материалы и в какой мере они могут быть привлечены к разрешению вопроса о возникновении и развитии земельной общины и ее возможных формах?

Ниже мы расскажем о той огромной работе, которая была проделана русскими дореволюционными статистиками, экономистами и отчасти историками по изучению русской общины и общины у тех народностей, которые входили в состав Российской империи. Здесь достаточно лишь упомянуть имена наиболее крупных из них. А. С. Лаппо-Данилевский смотрел на существующую в его время русскую крестьянскую общину как на форму, которая «в результате естественной эволюции родовых отношений превратилась в общинное землевладение со свойственными ему краткосрочными и долгосрочными переделами»[18]. Особенность взглядов К. Р Качоровского состоит в том, что он обнаруживал существование «общинного сознания» даже там, где еще не существует собственно землевладения. Он усматривал «полное и всеобщее сознание и признание общинного права» даже там и тогда, где и когда вследствие земельного простора существовала практика свободного захвата и первичной заимки, потому что «лично захваченные участки представляют только островки среди общинного

---

[18] См. А. А. Кауфман. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907, стр. 3.

района захвата, право (общее, равное для всех общинников) на который для всех безусловно ясно и твердо»[19]. Такое же мнение высказывал и И. Н. Миклашевский. Для него первобытная община — это родовая группа, в основании которой лежала кровная связь, вытекавшая из происхождения данной группы лишь от одного действительного или воображаемого родоначальника: «...современная община — продукт разложения такого рода первобытных форм. Этот процесс разложения создавал в одних случаях так называемые семейные общины, в других — общины все менее родовые, все более и более территориальные — путем создания новых дворов по соседству со старинными; так получала начало обыкновенная сельская община»[20] И у К. Р. Качоровского и у И. Н. Миклашевского «община, творящая общинное право, община, предшествующая этому последнему, имеет свои корни в самой старине»[21].

Таковы наиболее яркие представители теории изначального существования и древнего происхождения земельной общины. Их противники, не оспаривая факта наличия уравнительно-передельной общины в России, доказывали ее позднее происхождение и утверждали, что она обязана своим происхождением государственной власти, насаждавшей ее якобы для того, чтобы иметь основание установить круговую поруку при сборе с крестьян налогов и повинностей. Историки, отстаивающие эту точку зрения, не все отрицали существование первобытной общины. Они лишь утверждали, что эта когда-то существовавшая община с общинным землевладением была давно разрушена под влиянием индивидуалистических начал и что новая, ныне (т. е. в 80—90-х годах XIX в.) существующая община устроена правительством под непосредственным влиянием «государственных начал» (Б. Н. Чичерин, П. Н. Милюков).

Исключительное значение в области изучения разнообразных форм общины имели работы А. Я. Ефименко и А. А. Кауфман. Оба эти автора исходили из совершенно бесспорного положения, что исторических доку-

---

[19] К. Р. Качоровский. Русская община. М., 1906, стр. 109—110.

[20] А. Н. Кауфман. К вопросу о происхождении..., стр. 3.

[21] Там же.

ментов для суждения о происхождении земельной общины недостаточно и что картина архаической общины, нарисованная на основании имеющихся документов, может соответствовать документации, но нет никаких гарантий в том, что она, эта картина, соответствует действительности. Поэтому Ефименко изучила так называемую «долевую общину» на севере России и постаралась воссоздать ее генезис; Кауфман попытался на основании статистических обследований русских и национальных поселений в Сибири, ее кочевого и оседлого населения не столько понять, сколько описать поземельную общину в ее развитии и различных формах. И как бы критически мы ни подходили к его выводам, они имеют не меньшее, а, пожалуй, большее значение для понимания земельной общины и ее прототипа — первобытной общины, чем толкования таких источников, как Цезарь или Тацит. В свое время Энгельс под влиянием работ М. М. Ковалевского весьма существенно изменил свои первоначальные представления о поземельной общине древних германцев. Статистические данные по Сибири имеют несравненно большее значение, чем работы Ковалевского. Они дают нам картину «живой» общины и, что особенно важно, историю этой общины, являвшейся предметом непосредственного наблюдения многочисленных статистиков — исследователей Сибири.

Но прежде чем перейти к вопросу об истории земельной общины в Сибири, вспомним тот отрывок работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в котором он говорит о значении работ Ковалевского и о том, к каким выводам пришел последний относительно земельной общины у древних германцев. «Горячий и бесконечный спор о том, окончательно ли поделили уже германцы времен Тацита свои поля или нет и как понимать относящиеся сюда места, — принадлежит теперь прошлому. После того как доказано, что почти у всех народов существовала совместная обработка пахотной земли родом, а в дальнейшем — коммунистическими семейными общинами, которые, по свидетельству Цезаря, имелись еще у свевов, и что на смену этому порядку пришло распределение земли между отдельными семьями с периодическими новыми переделами этой земли, после того как установлено, что этот периодический передел пахотной земли местами со-

хранился в самой Германии до наших дней, едва ли стоит даже упоминать об этом. Если германцы за 150 лет, отделяющих рассказ Цезаря от свидетельства Тацита, перешли от совместной обработки земли, которую Цезарь определенно приписывает свевам (поделенной или частной пашни у них нет совсем, говорит он), к обработке отдельными семьями с ежегодным переделом земли, то это действительно значительный прогресс; переход от совместной обработки земли к полной частной собственности на землю за такой короткий промежуток времени и без всякого вмешательства извне представляется просто невозможным. Я читаю, следовательно, у Тацита только то, что у него лаконично сказано: они меняют (или заново переделяют) обработанную землю каждый год, и при этом остается еще достаточно общей земли. Это та ступень земледелия и землепользования, какая точно соответствует тогдашнему родовому строю германцев»[22].

Дальше Энгельс говорит буквально следующее: «Предыдущий абзац я оставляю без изменений, каким он был в прежних изданиях»[23]. И затем он вставляет три новых абзаца (1891 г.) «За это время дело приняло другой оборот. После того как Ковалевский доказал широкое, если не повсеместное, распространение патриархальной домашней общины как промежуточной ступени между коммунистической семьей, основанной на материнском праве, и современной изолированной семьей, речь идет уже больше не о том, как это было в споре между Маурером и Вайцем, — общая или частная собственность на землю, а о том, какова была *форма* общей собственности. Нет никакого сомнения, что во времена Цезаря у свевов существовала не только общая собственность, но и совместная обработка земли общими силами. Еще долго можно будет спорить о том, был ли хозяйственной единицей род, или ею была домашняя община, или какая-нибудь промежуточная между ними коммунистическая родственная группа, либо же, в зависимости от земельных условий, существовали все три группы. Но вот Ковалевский утверждает, что описанные Тацитом порядки предполагают существование не общи-

---

[22] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 139.
[23] Т. е. в 1884 г.

ны-марки или сельской общины, а домашней общины; только из этой последней много позднее, в результате роста населения, развилась сельская община.

Согласно этому взгляду, поселения германцев на территориях, занимаемых ими во времена Рима, как и на отнятых ими впоследствии у римлян, состояли не из деревень, а из больших семейных общин, которые охватывали несколько поколений, занимали под обработку соответствующий участок земли и пользовались окружающими пустошами вместе с соседями, как общей маркой. То место у Тацита, где говорится, что они меняют обработанную землю, следует тогда действительно понимать в агрономическом смысле: община каждый год запахивала другой участок, а пашню прошлого года оставляла под паром или совсем давала ей зарасти. При редком населении всегда оставалось достаточно свободных пустошей, что делало излишними всякие споры из-за обладания землей. Только спустя столетия, когда число членов домашних общин так возросло, что при тогдашних условиях производства становилось уже невозможным ведение общего хозяйства, эти общины распались; находившиеся до того в общем владении пашни и луга стали подвергаться разделу по уже известному способу между возникавшими теперь отдельными домашними хозяйствами, сначала на время позднее — раз навсегда, тогда как леса, выгоны и воды оставались общими.

Для России такой ход развития представляется исторически вполне доказанным. Что же касается Германии и, во вторую очередь, остальных германских стран, то нельзя отрицать, что это предположение во многих отношениях лучше объясняет источники и легче разрешает трудности, чем господствовавшая до сих пор точка зрения, которая отодвигала существование сельской общины еще ко временам Тацита. Древнейшие документы... в общем гораздо лучше объясняются при помощи домашней общины, чем сельской общины-марки. С другой стороны, это объяснение, в свою очередь, вызывает новые трудности и новые вопросы, которые еще требуют своего разрешения. Здесь могут привести к окончательному решению только новые исследования; я, однако, не могу отрицать большую вероятность существования домашней общины как промежуточной ступени также в

Германии, Скандинавии и Англии»[24]. Эта большая семья, по мнению Энгельса, еще существует в форме, например, славянской «задруги»[25].

Подведем итоги мысли Энгельса: общинное землевладение и общинное землепользование во времена Цезаря; «большая семья» и возможность свободного захвата вначале, переделы позже, с увеличением населения и, наконец, переход к окончательному переделу и установлению частной собственности в так называемой европейской соседской общине-марке. Впрочем, Энгельс сам взывает к результатам дальнейших исследований.

Работы русских статистиков и экономистов 80—90-х годов прошлого столетия как раз являются такими исследованиями. Итоги их подвел проф. А. Кауфман в своих работах, посвященных проблеме русской (и не только русской, но и других народов, населявших бывшую Российскую империю) земельной общины[26].

Для наших целей пока нет необходимости останавливаться на всех его работах в целом. Достаточно взять итоговую книгу «К вопросу о происхождении русской земельной общины».

Книга эта, базирующаяся на громадном материале различных районов Сибири, делится на три части: в первой Кауфман излагает результаты обследований кочевого и полукочевого населения Сибири, среднеазиатских степей и Закавказья (якуты, киргизы, буряты и др.); во второй — результаты обследования русского переселенческого населения, в том числе давно переселившегося (казаки); в третьей он делает выводы, касающиеся истории русской земельной общины вообще.

У кочевых и полукочевых народов Сибири и Средней Азии Кауфман различает следующие стадии в развитии землевладения.

Чисто кочевой быт, т. е. такой, в котором хозяйство основывается исключительно на одном скотоводстве, скот содержится круглый год на подножном корму, нет ни земледелия, ни сенокошения. Это не мешает тому,

---

[24] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 139—141.

[25] Там же, стр. 62.

[26] См. А. А. Кауфман. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908; его же. К вопросу о происхождении... М., 1907.

что при таком хозяйстве возможно резкое социальное расчленение, носящее в себе ясно выраженные следы феодально-крепостнических отношений. При таких условиях землевладение отсутствует, и вопрос о земле вообще не поднимается. Дальнейшее развитие представлений о владении землей стоит в тесной связи с развитием хозяйства и с «утеснением», т. е. увеличением народонаселения. В кочевом быту, постепенно переходящем к полукочевому, с развитием земледелия как побочного промысла и сенокошения развиваются и представления о владении землей.

Первый шаг к их установлению — обособление путей для отдельных кочующих групп (в большинстве случаев родов или больших семей). Это обособление первоначально чисто практическое, без всякого юридического значения; каждая кочевая группа для своего же удобства может передвигаться своим путем, но может передвигаться и каким угодно другим, что она и делает, если к тому ее побуждает какая-либо потребность. Вторая стадия — зимняя стоянка и при ней «орыс» — пространство для выпаса мелкого скота; признаком принадлежности стоянки аулу (несколько больших семей) служит помет зимовавшего здесь скота, откуда и само название зимней стоянки-«коун», т. е. уплотненный, растоптанный помет. Возникает обычное право: если киргиз оставит коун, то он имеет право на будущую зиму занять то же место. Безграничная свобода пользования степью уже стеснена. Потребность в таком регулировании землепользования создается тогда, когда сокращаются зимние кочевки и многие хозяева приходят на одно и то же место ежегодно. Третья стадия — постоянное жилище на месте зимней стоянки. Появляется первая форма селидебной группы: у казахов — аул, у бурят — хоттон и около них — орыс, пахотные земли, сенокосы. На лето жители выселяются в «летние аулы»; причем часто эти летние аулы представляют собой соединение нескольких зимних. Это объединение аулов объясняется, по-видимому, тем, что совместная пастьба стад и удобней и дешевле; большому числу людей легче уберечь свои стада как от зверя, так и от человека; при совместном выпасе возможен обмен услугами; наконец, летнее время — праздник для казахов; в это время они вершат общественные дела, устраивают торжества и т. д. Чет-

вертая стадия — сенокошение и захваты сенокосных угодий. Ввиду того что сенокосы в степи редки, здесь раньше всего проявляется необходимость установления прочных границ. До сенокошения аулы мелки — 4—5 семейств; они окружены большими орысами, на которых происходит выпас мелкого скота. С сенокошением и появлением запасов зимнего корма аулы возрастают. Но в большинстве случаев даже и при сенокошении каждая семья вначале имеет свое направление, в котором она выгоняет свой скот, свой орыс, и лишь с дальнейшим «утеснением» выгоны для скота становятся снова общими. Сначала, следовательно, — подворное пользование землей, затем — общее.

Изменяется и способ использования основных пастбищ. С установлением зимних лугов, орыса, пахоты и сенокосов площадь свободных пастбищ сокращается. Прежде единая и безраздельная, всеми вольно использовавшаяся степь испещряется бесконечным множеством площадей обособленного пользования, закрытых для кочевания. Например, обследования начала 90-х годов XIX в. показали, что на северной окраине Уральской области уже нельзя было выделить «летовки» (летние пастбища); кочевки оказались, следовательно, фактически невозможными. На этой почве начинаются раздоры и споры из-за пастбищ, так как скот, привыкший к переходам, продолжает вольно ходить по степи, а за ним следуют его хозяева, которые вторгаются в чужие границы. Сокращение вольных пастбищ и их исчезновение приводит к обособлению пастбищ, принадлежащих аулам. Аул начинает также регулировать отношения между отдельными дворами. Первоначальное право вольной заимки и первого захвата заменяется уравнительными переделами. Селидебная группа превращается в общину, т. е. коллектив, владеющий землей в определенных границах и распоряжающийся этой землей при наделении ею отдельных хозяйств.

Для кочевого и полукочевого хозяйства, постепенно оседающего на земле, характерно появление уравнительного принципа прежде всего для сенокосов. И это понятно: сенокосов мало и земельная теснота сказывается прежде всего именно здесь. Пахота занимает второстепенное место; участки пахоты невелики и поэтому еще допускается их вольный захват.

На основании изучения большого местного статистического материала Кауфман приходит к выводу, что правовые, в частности, обычно-правовые отношения являются надстройкой, воздвигающейся на фундаменте чисто экономических отношений. Вмешательство государства не создает их, а следует за установившимися обычаями, которые отражают определенные хозяйственные потребности. Окончательный его вывод таков: «Общинно-уравнительные формы, поскольку они существуют у кочевого и полукочевого населения Азиатской России, являются продуктом естественной эволюции, и причин, коренящихся во всей совокупности условий быта и хозяйства и идущей строго параллельно эволюции хозяйственных форм, параллельно переходу от чисто кочевого к полукочевому и от последнего к оседло-земледельческому быту» [27]. И далее «...не община творит уравнительные порядки землепользования, а наоборот, на общинно-уравнительных порядках слагается и спаивается земельная община» [28].

В такой же мере сложен путь появления и развития общины у оседлого русского крестьянского населения той же Сибири. Различны лишь отдельные стороны ее и порядок возникновения земледельческих прав в общем движении от свободной заимки к уравнительно-передельной общине. И здесь мы имеем материалы, аналогичные тем, какие мы только что рассмотрели у кочевого и полукочевого населения Сибири и среднеазиатских народов. Это статистические обследования 80—90-х годов XIX в. четырех сибирских губерний и Забайкальской области. Кауфман характеризует их как материал, единственный в своем роде, потому что в Сибири в то время наблюдались процессы, которые в большей части Европейской России уже отошли в область преданий; с другой стороны, еще и потому, что процессы установления землевладения и землепользования в Сибири проходили независимо от административного воздействия, которое, например, на севере и в казачьих областях Европейской России успело наложить специфическую окраску на многие явления.

Первая стадия — процесс образования заимок. На заимки выселяются крестьяне других селений и пере-

[27] А. Н. Кауфман. К вопросу о происхождении... стр. 25.
[28] Там же, стр. 30—31.

селенцы из европейской части России. Заимки были либо «однопородные», разросшиеся из одной семьи, либо «разнопородные» — из присельников к одной-двум семьям. Первоначально это вольная заимка: паши где хочешь, владей «куда топор, соха и коса ходят». Но и заимка, разросшаяся в большое село, при земельном избытке ничем от малой заимки не отличается. Здесь также царит неограниченный захват как первоначальная, зачаточная форма пользования землей. Здесь еще нет владения в собственном смысле, потому что против распашки земли никто не протестует. Если первый заимщик бросает ее и она задернеет, всякий другой может ее распахивать. Земля застроенная, запаханная и т. д. даже может продаваться без всякого контроля и разрешения.

По-иному обстоит дело с сенокосами, особенно если их мало. Первоначально каждый косит «по силе». Затем, когда претендентов становится много, устанавливается право ежегодного определения индивидуального сенокосного участка. Оно могло приобретать весьма своеобразную форму, например «ударное сенокошение» у уральских казаков. В уральской общине в условленный момент по удару колокола все бросаются врассыпную — кто верхом, кто на телеге — и каждый старается доскакать до облюбованного заранее участка и скосить здесь одним прикосом возможно большее пространство; все, что ему удается окосить за этот день, и есть его участок. Участки оказываются разными и размеры их зависят от «силы» данного хозяина. Но по мере «утеснения» вступает иной порядок и чем дальше, тем все больше утверждается уравнительный принцип. На пахотной земле он выражается в уравнительных переделах через определенный промежуток времени, на сенокосах — в ежегодном дележе и распределении делянок. Итак, эволюция от первоначального захвата у русского населения или общего пользования бескрайними степями у кочевников к уравнительно-передельным порядкам, к общине, распоряжающейся в качестве собственника земли всеми угодьями на принципе равенства,— такова картина, одинаковая для самых разнообразных народов независимо от их этнической принадлежности.

Вкратце остановимся здесь на вопросе о русской поземельной общине. Это необходимо прежде всего для

того, чтобы стало ясно одно принципиальное отличие русской общины от общины-марки, существовавшей на Западе. Это отличие заключается в том, что русская община на всем протяжении своего существования сохранила принцип периодического уравнительного передела, тогда как в западной общине-марке пахотная земля являлась, насколько позволяют судить самые ранние источники, собственностью малой семьи, переходящей по наследству. Русская община сохранилась в форме уравнительно-передельной общины на крестьянских и казачьих землях вплоть до перехода к формам коллективного землевладения и землепользования в системе колхозов. Открытые для Европы еще в первой половине XIX в. Гакстгаузеном русские общинные порядки поразили западноевропейского читателя: оказывается, в абсолютистской России для весьма многочисленных слоев населения не существует частной собственности на землю. Возник вопрос, в какой мере такого рода учреждение является архаическим, т. е. является ли русская уравнительно-передельная община остатком первобытнообщинного строя или она возникла позже и в таком случае, каковы те причины, которые привели к ее возникновению?

«Среди множества спорных вопросов русской истории, — говорит А. Кауфман, — едва ли найдется более спорный, нежели вопрос о происхождении русской поземельной общины и характерных для нее форм уравнительно-душевого пользования землею. Вот уже сорок пять лет, как предмет спора поставлен с совершенной ясностью, и как резко высказаны два диаметрально противоположных, друг друга исключающих взгляда: с одной стороны, взгляд Гакстгаузена, Аксакова и Беляева, по мнению которых принятая у русских крестьян система равного дележа земли основана «на первоначальной идее единства общины и равенства прав каждого члена на соответствующую долю земли, принадлежащей общине»; с другой — взгляд Чичерина, полагавшего, что первобытная община на Руси была бесповоротно и бесследно разрушена вторжением новых стихий, разложивших патриархальные родственные отношения, и эта современная русская община, «не образовалась сама собою из естественного союза людей, а устроена правительством под непосредственным влия-

нием государственных начал»[29]. Прошло более сорока лет с того времени, как были высказаны эти взгляды, но и к началу 90-х годов прошлого столетия вопрос о происхождении русской поземельной общины не сдвинулся ни на шаг вперед. Кауфман приводит, с одной стороны, мнение А. С. Лаппо-Данилевского, полагавшего, что происхождение крестьянской общины следует объяснять расширением круга родовых отношений, в пределы которого стали входить посторонние элементы, объединяемые уже не столько кровными связями, сколько общими экономическими и духовными интересами. Общность экономических интересов выражалась в существовании общей поземельной собственности, которая, с постепенным переходом прав к великому князю, мало-помалу сменялась потомственным земельным владением. Неопределенные границы этой собственности вызывали захватный способ землевладения; в более населенных местностях он превращался в общинное землевладение со свойственными ему краткосрочными или долгосрочными переделами. С другой стороны, П. Н. Милюков писал, что русская община есть принудительная организация, связывающая своих членов круговой порукой для отбывания лежащих на них платежей и повинностей и обеспечивающая это при помощи уравнительно-передельной системы. На этой же точке зрения стоял Сергеевич. Он без оговорок принимал мнение Чичерина, который приписывал возникновение общины правительственным мероприятиям, а потому и называл ее государственной. Единство общины, считал Сергеевич, создавалось оброком, который возлагался на крестьянское общество; благодаря этому у крестьян возникают общие дела по управлению землями и угодьями, причем одинаковый оброк, налагаемый на ряд сел, должен был повести к равномерному распределению угодий между разными селами и деревнями. В допетровскую же эпоху одинакового надела землею не было, и каждый крестьянин брал участок таких размеров, какой был ему нужен. Повинности определялись по земле, а не земля нарезалась для платы повинностей.

Обследовав порядки, которые создавались в Сибири у кочевых народов, постепенно оседающих на землю, или

---

[29] А. А. Кауфман. Русская община..., стр. 408.

создающуюся «живую», как он ее называет, общину русских переселенцев, Кауфман весьма убедительно показывает, что государственное вмешательство в естественное появление уравнительно-передельного землепользования и общины либо полностью отсутствовало, либо имело успех только тогда, когда оно ускоряло установление порядков, самопроизвольно выраставших из хозяйственных потребностей заимщиков. На основании этих наблюдений он решительно высказывается против взглядов Чичерина-Милюкова и склоняется к мнению тех ученых, которые видели в русской уравнительно-передельной общине (существовавшей, прибавим мы теперь, вплоть до 20-х годов XX в.) определенную ступень в эволюции архаической общины. Наблюдения над «живой» общиной приводят его, во-первых, к выводу, что такие уравнительно-передельные порядки никоим образом не следует рассматривать как простое перенесение привычек и воззрений, приносимых с родины русскими переселенцами, так как такие же порядки складываются и у кочевых и полукочевых народов при оседании их на землю. С другой стороны, появление у русских переселенцев уравнительного передела и основанного на нем общинного землевладения, равно как и существование самой общины, есть результат длительного развития, началом которого был простой захват земли и пользование ею, не ограниченное никакими правилами и нормами. Во-вторых, наблюдение над «живой» общиной приводит его к выводу, что такие порядки могут естественно сложиться там и тогда, где и когда имеются налицо исторические условия, аналогичные тем, в которых происходило оседание на землю или переселение, наблюдаемые при возникновении и эволюции общины в Сибири. Прав М. М. Ковалевский, когда он говорит, что для того, чтобы пополнить пробелы, оставляемые документальными источниками, «мы обращаемся к изучению действующих в наше время обычаев и обрядов, с целью найти в них какие-нибудь следы исторической старины» [30].

С этих позиций и с должной осторожностью А. А. Кауфман резюмирует свои исследования «живой»

---

[30] М. М. Ковалевский. Общинное землевладение. Причины, ход и последствия его разложения, ч. I. М., 1879, стр. 80.

общины и к его заключению нельзя не присоединиться: «Изучая живую историю, применяя метод переживаний, мы можем с достаточною, мне кажется, научной объективностью прийти к тому заключению, что эволюция форм крестьянского землевладения и землепользования в прошлом не могла быть продуктом административного воздействия, что это последнее могло играть и здесь лишь более или менее случайную, более или менее побочную роль, что оно могло, в известных случаях, только ускорять естественную эволюцию, но не в состоянии было навязать крестьянской жизни чуждые и нежелательные ей формы. Но наше положение станет гораздо более рискованным, если мы пойдем дальше этого, чисто отрицательного заключения; если мы захотим путем приложения метода переживания достигнуть и положительных заключений, — если, в частности, мы будем пытаться этим способом реконструировать картину действительной эволюции крестьянского землевладения и землепользования в нашем отдаленном прошлом, а тем более, если этим методом мы захотим выяснить причины интересующей нас эволюции. Я лично думаю, что при полном тождестве условий эволюция крестьянского землевладения и землепользования в Европейской России должна была идти, в общих чертах, тем же путем, каким она еще и в настоящее время идет в наших многоземельных окраинах. Но я не могу не сознавать, что такого рода основанное на аналогии заключение будет убедительно только для того, кто так или иначе предрасположен к теории самопроизвольного зарождения и развития форм общинного землевладения и землепользования» [31].

Необходимо, однако, наперед предостеречь себя от всякой идеализации общины, тем более, что такая идеализация была издавна распространена среди русской интеллигенции. В общине видели чуть ли не залог безболезненного перехода от феодальных или полуфеодальных порядков прямо в царство социализма и социальной справедливости (народники). Более трезвое рассмотрение, конечно, допускает тот факт, что существование до последнего времени у нас в России, а затем в СССР уравнительно-передельной общины облегчило

[31] А. А. Кауфман. Русская община..., стр. 439—440.

переход к коллективному хозяйству нашего времени, но на западе, где уравнительно-передельный характер в общине давно уже исчез и установилась частная собственность (или наследственное держание, как в средние века) на пахотную землю, развитие капиталистического хозяйства встретило в деревенской общине с ее трехпольем или даже принудительным севооборотом препятствие для перехода к более интенсивным формам полеводства. Энгельс прямо говорит, что на известной ступени общественного развития общинная собственность превратилась в оковы, в тормоз сельскохозяйственного производства. Да и у нас в России община, несмотря на ее весьма архаическую форму, стала разлагаться изнутри в результате развития в ней капиталистических отношений (кулачество), и если бы не революция, которая создала строй совершенно новых, построенных на принципе социализма отношений, и русская община, вероятно, при дальнейшем развитии капитализма скоро перестала бы существовать. ...общинная собственность в России, — писал Энгельс в 1875 г. — давно уже пережила время своего расцвета и по всей видимости идет к своему разложению. Тем не менее бесспорно существует возможность перевести эту общественную форму в высшую, если только она сохранится до тех пор, пока созреют условия для этого и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне станут обрабатывать землю уже не раздельно, а совместно, причем этот переход к высшей форме должен будет осуществиться без того, чтобы русские крестьяне прошли через промежуточную ступень буржуазной парцелльной собственности»[32].

Перейдем теперь к изучению европейской деревни как формы поселения и как организации мелких непосредственных производителей, а затем посмотрим, чем эта община-деревня стала в феодальной структуре европейского общества. При этом надо заметить, что в целом в течение всего господства феодальной формации роль деревни-марки в этой структуре подвергалась относительно небольшим изменениям. «Марка, — говорит Энгельс в одноименной статье, — сохранялась на протяжении всего средневековья в тяжелой непрерывной борь-

[32] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., . 18, стр. 545—546.

бе с землевладельческой знатью»[33]. Даже несмотря на закрепощение крестьян и появление вотчины, марка продолжала сохраняться. «Когда феодал — духовный или светский — приобретал крестьянское владение, он вместе с тем приобретал и связанные с этим владением права в марке. Таким образом, новые землевладельцы становились членами марки и первоначально пользовались в пределах марки только равными правами наряду с остальными свободными и зависимыми общинниками, даже если это были их собственные крепостные. Но вскоре, несмотря на упорное сопротивление крестьян, они приобрели во многих местах привилегии в марке, а нередко им удавалось даже подчинить ее своей господской власти. И все же старая община-марка продолжала существовать, хотя и под господской опекой»[34].

Наличие общины-марки во всех районах Европы, занятых германскими и славянскими племенами, само по себе является достаточно веским аргументом в пользу того положения, что с самого появления этих племен им было свойственно общинное землевладение, а, может быть, на ранних ступенях развития, даже общинное землепользование. Однако поскольку ряд современных исследователей, защитников изначального существования частной собственности на землю, стараются доказать ее вечность и незыблемость как основы человеческой культуры, — нам необходимо, помимо общих теоретических соображений, приведенных выше, остановиться на прямых доказательствах существования общинного начала у так называемых «варваров» в период расселения их на территориях, принадлежавших Римской империи. Каким образом шло расселение «варваров»? Вероятнее всего, что они, захватывая земли у местных жителей, боялись распылиться среди побежденных, т. е. среди галло-римского или чисто римского населения, и поэтому предпочитали селиться такими организациями, которые были привычными и в работе и в борьбе, т. е. какими-то кровнородственными группами[35].

---

[33] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 19, стр. 337
[34] Там же, стр. 338.
[35] Известно, что древнегерманские военные отряды выстраивались в бою по группам родственников.

Об этом свидетельствуют «варварские кладбища» (les cimetiéres barbares) на территории современной Франции, раскопки которых убеждают нас в родственной близости захороненных. Об этом свидетельствуют также и имена деревень, начинающиеся со слова Fer (например, Fer-champenoise) и происшедшие, как думает М. Блок, от древнегерманского слова «фара» (род или даже скорее клан). Об этом же говорят многочисленные названия деревень, представляющих собой видоизменение родительного падежа собственного имени, имени родового старшины, например Busonis villa или Bousonville (сама постановка родительного падежа собственного имени перед определяемым словом есть чисто германский порядок слов, примененный к латинской речи).

А. И. Неусыхин на основании тщательного анализа Салической и других Варварских правд пришел к выводу, что такими кровнородственными группами были большие семьи, включавшие в себя, как показывает счет родства по Салической правде, три поколения родичей и ведущие свое происхождение от одного предка. Однако большая семья у франков находится в процессе разложения и образования индивидуальных семей. Салическая правда уже знает случаи отказа от родства и всех тех прав и обязанностей, которые были связаны с родством (участие в уплате виры и получении части виры, право наследования, соприсяжничество). Эти обязанности (уплата виры, например) были тогда настолько тяжелы, что разоряли франка-члена такого союза родственников, и поэтому вполне понятно, что многим свободным франкам, особенно зажиточным, такой отказ от родства казался выгодным. Он терял при этом право на получение виры, но зато более не был обязан платить свою долю виры, не был обязан выступать в качестве соприсяжника и т. д. Его отказ от родства в пределах большой семьи приводил, естественно, к образованию малой индивидуальной семьи, со всеми вытекающими последствиями, из которых самым главным было установление наследственного владения на землю (двор и раньше был в его собственности, теперь же прибавлялось право распоряжения пахотным участком и права пользования общинными угодьями), т. е. аллода. Община мало-помалу превращалась в совокупность домо-

хозяйств, главы которых юридически не были родственниками (в случае отказа от родства), или не были ими и фактически, — явление, свойственное всякой земледельческой общине, прочнее связанной с территорией, чем с сородичами, так как при оседании непосредственного производителя на землю всегда возможны посторонние присельники, связанные с общинниками только единством своей производственной деятельности и территорией, на которой эта деятельность осуществляется. Так и возникает соседская община-марка.

Эти общие замечания относятся, конечно, не только к франкам, о которых выше шла речь, но и к другим германским и славянским племенам, расселявшимся по Европе в IV—VII вв.

Быть может, наиболее ярко говорят об общине и об общинном землевладении источники по истории лангобардов [36]. Причину этого следует, вероятно, искать в том факте, что завоевание лангобардами бывшего центра позднеримского государства и римской культуры не могло не вызвать бурной реакции римлян, часто изгоняемых и истребляемых в ходе завоевания. О том, как проходило завоевание, рассказывает современник этого события Павел Диакон. Он говорит, что приемник Альбоина (лангобардского герцога, под главенством которого лангобарды вторглись в Италию) Клеф умертвил или изгнал из Италии много влиятельных римлян и что после его смерти (конец VI в.) вновь было перебито значительное число знатных римлян, а остальных лангобардские поселенцы поделили между собой с тем, чтобы они вносили в их пользу (очевидно, в пользу каждой семейной или родовой группы) третью часть своих доходов. Те же источники совершенно определенно говорят нам о том, что лангобарды расселялись по Италии какими-то кровнородственными группами. Бургундский хронист VI в. Марий Авентик говорит под 568 годом, что Альбоин со всем войском и всем народом (в число которого хронист включает и женщин) занял Италию in fara, т. е. кровнородственными группами (род, клан) Это же явствует из заявления Павла Диакона о том, что многие пункты поселения в разных областях Италии носят название, включающие слово fara (как и во

[36] См. А. И. Неусыхин. Ук. соч., гл. 5.

Франции) Это следует также из того, что по этикту Ротари лангобарду (вероятно, дружиннику) в пределах королевства разрешалось переселение вместе со своею fara.

Однако уже постановления эдикта Ротари свидетельствуют о том, что в эту эпоху малая индивидуальная семья была собственником аллода и что более широкие кровнородственные связи потеряли свое значение. Община, следовательно, уже переходила в форму марки, хотя некоторые остатки большой семьи еще дают себя чувствовать в постановлениях, касающихся наследственного права; но как раз эти постановления говорят одновременно о том, что большая семья находится в процессе распада. Так, имущество, добытое на войне одним из членов большой семьи, считалось общей собственностью, тогда как имущество, приобретенное им на королевской службе или полученное в дар, считалось личной собственностью этого члена общины. На основании всего этого А. И. Неусыхин приходит к выводу, что в лангобардском обществе VI—VIII вв. идет процесс превращения земледельческой общины в соседскую общину-марку с возникновением характерной для нее регулировки хозяйственных взаимоотношений между соседями. В эдикте Ротари деревня выступает как населенный пункт, жители которого (соседи) разбирают на собраниях перед церковью вопросы потравы или ущерба, наносимых скотом; соседи выступают в качестве оценщиков стоимости сгоревшего от поджога дома; проступки нередко определяются как совершенные виновником в «пределах соседства» (vicinia), т. е., как разъясняет эдикт, «недалеко от своего села»[37] Но наряду с охраной семейно-индивидуальных прав владения в эдикте Ротари имеются распоряжения, свидетельствующие об общинном пользовании лугами и об общем выпасе скота.

Для нас было бы в особенности интересно знать о земельных порядках тех германских племен, которые оставались жить на местах первоначального расселения по североевропейским областям, в пределах собственно Германии и которые мало или вовсе не соприкасались с римским населением. Это, например, саксы, или сканди-

[37] Rothari, § 340.

навские народы. Однако именно от таких обществ до нас дошло наименьшее количество документов. Обычное право тем дольше сохраняется в виде устной традиции, чем более прочно и устойчиво само общество, породившее это право. Записи в таком обществе правовых обычаев начинаются обычно лишь тогда, когда общество начинает жить новыми обычаями и постепенно начинает забывать старое право. Вполне понятно поэтому, что меньше всего мы знаем об архаических порядках именно у таких племен, как саксы. Говоря о кровнородственных связях и поземельных отношениях у саксов, А. И. Неусыхин отмечает [38], что ввиду общеизвестной краткости постановлений Саксонской правды эти данные не позволяют нам представить структуру саксонской общины и большой семьи, а также и характер сельскохозяйственного производства в саксонской деревне с той степенью отчетливости, как это можно сделать на основании материалов Салической правды.

По Саксонской правде легче установить сам факт существования кровнородственных связей и общины, чем точно определить ее характер; наличие у саксов более широкого круга родственников, чем те, которые составляют малую индивидуальную семью, вытекает из порядка уплаты виры, из формы брака и семейных отношений, из характера покровительства (tutela) мужчин над женщинами, из права родственников на предпочтительную покупку и т. д.

Анализ всех этих постановлений Саксонской правды и саксонских капитуляриев Карла Великого приводит А. И. Неусыхина к выводу, что к этому времени у саксов уже складывалась община-марка, хотя этот процесс еще не завершился, так как, хотя аллод и мог в некоторых случаях отчуждаться, тем не менее он еще не был аллодом в собственном смысле слова и продолжал сохранять свой прежний характер наследственного свободного общинного надела [39].

Исследования проф. А. И. Неусыхина и ряда молодых советских ученых по другим странам [40] не остав-

---

[38] См. А. И. Неусыхин. Ук. соч. гл. 4.

[39] См. там же, стр. 164.

[40] См. работы М. А. Абрамсон, А. Я. Гуревич, Л. А. Котельниковой, М. Н. Соколовой и др., приведенные в библиографии.

ляют места для сомнений в том, что община в ее поздней форме либо большой семьи, либо общины-марки была явлением общеевропейским. Лишь там, где поселения «варваров» происходили непосредственно на римской почве и где процесс романизации был особенно силен, могли возобладать римские формы собственности и наоборот, общинные начала, свойственные древним германцам, проявились слабо. Например, А. Р. Корсунский указывает, что в такой стране, как Испания, можно говорить лишь о существовании следов германской марки, но и там они сильны в стране басков, в Лузитании, в Таррагоне[41].

А. Р. Корсунский. О развитии феодальных отношений в готской Испании V—VII вв. Сб. «Средние века», вып. 10. М., Изд-во АН СССР, 1957.

Глава IV

ОСНОВНЫЕ ФАКТЫ ПРОЦЕССА ФЕОДАЛИЗАЦИИ

Сущность генезиса феодализма; замечание Ф. Энгельса. Образование крупной земельной собственности как основы феодальных производственных отношений. Постепенное закрепощение мелких самостоятельных производителей. Формы установления зависимости аллодистов от крупных землевладельцев; прекарий и его формы, бенефиций, иммунитет. Средневековая вотчина и ее структура, ее хозяйственное значение; вотчина — крупное хозяйство, основанное на мелком производстве. Крестьянская зависимость в средние века и ее различные формы: личная, поземельная и судебно-административная форма зависимости. Политическо-административное значение вотчины. Сложность отношений зависимых крестьян и господствующего класса; роль традиции в оценке К. Маркса. «Реальный» характер этих отношений.

Нам нет нужды в нашей работе подробно останавливаться на процессе феодализации, т. е. на образовании феодальной собственности господствующего класса, с одной стороны, на постепенном закрепощении масс непосредственных производителей и превращении их в класс зависимого или крепостного крестьянства, с другой. Основные направления этого процесса общеизвестны, а многие важные подробности и конкретно-исторический ход феодализации не везде достаточно изучены, особенно если принять во внимание историю таких стран, как Швейцария, некоторые части Балтийского побережья и, наконец, Скандинавские страны, где процесс феодализации принял столь своеобразные формы, что позволил ряду ученых вообще сомневаться в его наличии. Поэтому нашей задачей является показать лишь самые общие факты и направления той эволюции, в результате которой сложилось типичное феодальное общество на территориях нынешних наиболее крупных государств Западной Европы. При этом мы будем обращать главное внимание на изучение тех внутренних экономических и социальных процессов, которые лежат в основе и составляют содержание этого процесса.

Следует иметь в виду, что государственная власть содействовала и ускоряла эти процессы, но отнюдь не создавала их, как это утверждали многие историки прежнего времени. Мы должны твердо помнить то предостережение, которое сделал в свое время Энгельс, имея в виду как раз процесс феодализации. «Господствующим классом, который постепенно складывался здесь (у германских племен после завоевания ими Римской империи, — *С. С.*) с ростом имущественного неравенства, мог быть лишь класс крупных землевладельцев, формой его политического господства — аристократический строй. Поэтому, если мы увидим, как на возникновение и развитие этого класса неоднократно и как будто даже преимущественно оказывали влияние политические средства, насилие и обман, то мы не должны забывать, что эти политические средства только содействуют усилению и ускорению необходимого экономического процесса» [1].

Первым вопросом при изучении процесса феодализации является вопрос об образовании в «варварских» обществах крупной земельной собственности, а с нею и класса крупных земельных собственников — будущих феодалов.

Там же Энгельс говорит: «Аллодом создана была не только возможность, но и необходимость превращения первоначального равенства земельных владений в его противоположность. С момента установления аллода германцев на бывшей римской территории он стал тем, чем уже давно была лежавшая рядом с ним римская земельная собственность,— товаром. И таков уж неумолимый закон всех обществ, покоящихся на товарном производстве и товарном обмене, что распределение собственности делается в них все более неравномерным, противоположность между богатством и бедностью становится все резче и собственность все более концентрируется в немногих руках... с того момента, как возник аллод, свободно отчуждаемая земельная собственность, земельная собственность как товар, возникновение крупной земельной собственности стало лишь вопросом времени» [2].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 497—498.
[2] Там же, стр. 497.

Итак, концентрация земельной собственности, говорит Энгельс, происходила прежде всего в недрах самой общины-марки путем обогащения одних общинников и обнищания других. Этому естественному процессу способствовало и помогало вмешательство государственной власти; Энгельс указывает, как это происходило. Во-первых, после «варварских» завоеваний на территории бывшей Римской империи сохранилось много поместий крупных римских землевладельцев, поместий, которые обрабатывались свободными или зависимыми поселенцами, платившими оброк; во-вторых, к фиску «варварских» государств были присоединены римские государственные земли, «народная земля» самих франков и конфискованные королями во время многочисленных гражданских войн земли бунтовщиков. Все эти колоссальные государственные земельные фонды так же быстро растаяли, как и появились, розданные приближенным короля, его дружине (антрустионам) и церкви. Затем, сначала во Франкском государстве, а позже и всюду в Европе, началось массовое создание бенефициев, условных владений с обязательством несения военной службы королю — явление, которое Энгельс, говоря о Франкском государстве ранних Каролингов, называет «переворотом в аграрных отношениях»[3]. Итак, оседание королевских дружинников на землю, рост церковного землевладения, бенефициальная система, — вот те процессы, которые ускорили образование крупной земельной собственности. Целью всех этих пожалований королевской власти, как и целью тех лиц из бывших общинников, которым удавалось концентрировать в своих руках землю, было средоточие богатства и влияния. Последнее в феодальном обществе оказывалось связанным со значительными политическими правами; об этом мы скажем ниже. Здесь же мы остановимся на влиянии образования крупной земельной собственности и класса крупных земельных собственников на положении непосредственных производителей этого времени.

Те самые условия, которые способствовали образованию крупного землевладения, приводили с необходимостью к тому, что массы свободных общинников-аллодистов в определенном смысле теряли свою землю и

---

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 495.

превращались в безземельных, сначала свободных, а затем получивших землю, но потерявших свою свободу общинников. Ускорению процесса утери общинниками своих аллодов способствовали общие неблагоприятные условия времени: ...гражданские войны и конфискации имуществ, а с другой стороны, уступки земель церкви, вынужденные большей частью давлением обстоятельств и стремлением к безопасности»[4]. При таких условиях терявший землю и разоряемый общинник, не находивший себе защиты ни у народных судебно-административных организаций, ни у королевской власти, вынужден был становиться под покровительство местных сильных людей, получая одновременно от них и земельный участок, и часто даже средства производства, но теряя взамен этого свою свободу и превращаясь в зависимого или просто крепостного человека своего нового господина-сеньора. В свою очередь крупный землевладелец обеспечивал свое хозяйство рабочими руками зависимых от него людей, кроме того уплачивавших за земли и помощь, которые они получали от нового господина, своей работой и приношениями (барщина и оброк).

Остановимся вкратце на том, как устанавливались эти отношения зависимости.

К концу VIII и началу IX в. в самом крупном из «варварских» государств, во Франкском, «переворот в земельных отношениях» идет уже полным ходом, а вместе с ним создается тот социально-экономический строй, который мы называем феодальным. Крупная феодальная собственность здесь господствует и ее господство распространяется по всей остальной Европе. Мелкие непосредственные производители, общинники-аллодисты мало-помалу исчезают и превращаются в держателей.

Выше мы сказали, что аллодисты теряли свою землю в определенном смысле. Здесь следует пояснить эту мысль. Мы не должны представлять себе дело так, что крестьянские земли были подвергнуты экспроприации, а самих крестьян сгоняли с земли, как это было, например, в Англии XVI в. При низком уровне производительных сил того времени требовалось «много земли и много рабочих рук» для того, чтобы получить достаточ-

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 502.

ное для жизни количество продуктов сельского хозяйства. Господствующий класс был заинтересован не в захвате земли у крестьян, а, наоборот, в обеспечении земли достаточной рабочей силой. Поэтому, как говорит Энгельс, не экспроприация земли, а аппроприация ее трудящемуся человеку была характерна для средневековья. Сущность захвата земли в это время заключалась в том, что аллодист терял свое право собственности на эту землю и превращался в держателя на феодальном праве, т. е. становился обязанным платить за нее и нести повинности, устанавливающиеся либо обычаем, либо соглашением. Эта перемена в положении аллодиста и составляла содержание понятия верховной собственности феодала на определенную округу. О том же, как сам сеньор получал эти права и становился соответственно сеньором, следует сказать подробнее.

Захваты феодалами крестьянской земли и крестьянских наделов приобретают с начала IX в. массовый характер. В капитулярии Карла Великого от 811 г.[5] читаем: «...бедняки жалуются на лишение их собственности; одинаково жалуются на епископов, и на аббатов, и на их попечителей, на графов и на их сотников». «Показывают, — говорится далее в том же капитулярии, — что, если кто отказывается передать свою собственность епископу, аббату, графу или ...сотнику, ищут случая, чтобы осудить такого бедняка, а также заставить его идти на войну, и это до тех пор, пока, оскудевши, волею-неволею собственность свою не передаст, или не продаст, и те, кто совершит передачу, проживают дома без всякого беспокойства». Так крупные землевладельцы, особенно те из них, которые в качестве графов располагали всеми средствами принуждения, «утесняли свободных людей рабскими службами в свою пользу», превращая их в зависимых от себя людей.

Наиболее распространенной формой установления зависимости разоряющегося бедняка от крупного землевладельца была практика так называемых прекариев, известная еще с римских времен и распространенная во Франкском государстве со времен Меровингов. Прекарий, что дословно означает «переданное по просьбе» (от

---

[5] «Хрестоматия по истории средних веков», т. I. М., Госполитиздат, 1961, стр. 436.

лат. precor), есть условное земельное держание, которое крупный земельный собственник передавал либо во временное, либо в пожизненное держание безземельному или малоземельному бедняку с обязательством последнего нести в пользу собственника те или иные повинности и оброки. Существовали три вида прекариев: 1) когда держатель земли получал ее всю от собственника (precaria data); 2) когда он отдавал свою собственную землю крупному землевладельцу и получал ее же обратно, но уже не как свою собственную, а как уступленную ему землевладельцем с обязательством несения барщины и оброков (precaria oblata); смысл этой операции заключался в том, что, отдавая свою землю, бедняк получал от крупного землевладельца покровительство и в случаях нужды — помощь против других сильных людей; 3) в некоторых случаях, особенно когда крупным землевладельцем была церковь или монастырь, бедняк, отдавший свою землю своему будущему господину, получал обратно не только ее, но и некоторое прибавление в виде лесного или заболоченного участка, который надо было превратить в участок, годный для посевов (precaria remuneratoria). Само собой разумеется, что «раз попав в такого рода зависимость, они (бедняки. — *С. С.*) мало-помалу теряли и свою личную свободу; через несколько поколений они были уже в большинстве своем крепостными» [6].

Система прекариев предполагала зависимость отдельных крестьян от отдельных местных землевладельцев, причем форма и степень зависимости устанавливалась каждый раз индивидуально. Были, однако, и такие формы, которые распространялись сразу на многих, ставили в зависимость от крупного землевладельца целые деревни и даже несколько деревень. Таков был прежде всего бенефиций. Король, жалуя бенефиций и требуя за него военную службу, разумеется, давал землю населенную и передавал бенефициарию доходы от жителей этой территории, что при натуральном хозяйстве, господствовавшем в то время, было единственным способом вознаграждения. Жители территории бенефиция становились людьми, зависимыми от бенефициария, если только они не сделались таковыми еще до этого. Если

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 152.

учесть общие условия этой эпохи — стремление «маленьких людей» получить от крупных землевладельцев защиту и покровительство, нетрудно представить себе, как быстро бенефициарий расширял круг зависимых от него людей — прекаристов, кабальных людей, коммендировавшихся ему лиц и т. д. В IX—X вв. бенефиций из условного владения, каким он был вначале, превратился в феод — наследственное владение и, таким образом, зависимость жителей бенефиция укрепилась и стала постоянной.

Естественным результатом роста крупного землевладения было постепенное сосредоточение в руках крупных землевладельцев судебных, административных, финансовых функций и функций военного руководства. «Высшая власть в промышленности, — говорит Маркс,— становится атрибутом капитала, подобно тому как в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности»[7]

Эти новые функции крупного землевладельца получают свое окончательное юридическое оформление в виде так называемого иммунитета. Королевская власть, конечно, не была заинтересована в расширении публичноправовых функций частных лиц. Но она была слишком слаба для того, чтобы противодействовать этому, и принуждена была санкционировать то, что происходило на местах вопреки ее желанию. Советские историки[8] показали, что это расширение прав крупных землевладельцев совершалось постепенно. Например, права частной юрисдикции крупные землевладельцы имели по отношению к своим людям издавна — посаженные на землю рабы и колоны судились у своего господина; иммунитет как учреждение известен был еще в Римской империи. Это была привилегия, даваемая как целым общественным группам (например, людям свободных профессий, некоторым коллегиям ремесленников или торговцев), так и отдельным лицам. Сущность этой привилегии заключается в том, что людей, получивших такую привилегию, освобождали от экстренных податей и некоторых видов государственных или муниципальных повинностей.

---

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 344.

[8] См. указанные в библиографии работы Д. С. Граменицкого, А. Д. Удальцова, Л. Т. Мильской и др.

√ Сущность иммунитета в «варварских» королевствах была несколько иной. Франкский иммунитет, например, заключался в том, что представителям королевской власти в областях (герцогам, графам и их должностным лицам) запрещалось вторгаться во владения лица, получившего иммунитетную грамоту, и в передаче судебных, административных, полицейских и всяких других обязанностей владельцу иммунитета, который получал право исполнять их лично или через поставленных им должностных лиц. Итак, представители общественной власти не могли вступать в пределы иммунитетной территории, откуда подобного же рода установления на Руси получили название «невъезжих» или «несудимых грамот». Иммунитетные права крупного землевладельца обычно сводились к следующему: он пользовался на своей земле судебной властью, председательствуя на судебных собраниях подвластного ему населения; имел право взимать на территории иммунитета все поступления, которые до этого шли в пользу короля (налоги, судебные штрафы и иные поборы); наконец, он являлся предводителем ополчения зависимых от него людей. Его юрисдикции обычно были подведомственны гражданские иски и мелкие правонарушения. Высший уголовный суд оставался, как правило, в руках короля и осуществлялся его представителями; впрочем, в каролингский период некоторые иммунисты получали и право высшего суда. Иммунист выполнял функции государя в пределах иммунитетной территории, причем и сам король, и иммунист рассматривали свои функции с точки зрения тех доходов, которые были связаны с их осуществлением, а самые функции расценивались как частное управление своим землевладением. Этот частноправовой характер — отличительная черта феодального мышления, в течение долгого времени не различавшего публичноправовых видов деятельностей от частноправовых или, лучше сказать, смотревшего на все виды деятельности с точки зрения частного права и усматривающего в самом государстве лишь форму частной собственности государя. Вполне понятно поэтому, что когда мы говорим о феодальной вотчине средних веков, нам приходится рассматривать ее одновременно и как собственность, и как государство, а те связи и формы подчинения, которые существовали внутри ее и определяли положение под-

властного населения как вытекающие из еще недифференцированного представления о власти сеньора над населением его вотчины, в которой он был одновременно собственником — хозяином и государем. Таков смысл известного замечания Маркса о том, что «в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности».

Наша задача теперь заключается в том, чтобы, принимая во внимание указанный двойственный характер средневековой вотчины, с этой точки зрения изучить положение зависимого населения — непосредственных производителей, сформировавшихся в основной эксплуатируемый класс феодального общества — в класс крепостного или зависимого крестьянства.

Остановимся сначала на хозяйственном значении вотчины. Феодальная вотчина была своеобразным учреждением. Как форма хозяйства господствующего класса она была не столько производственной организацией, сколько организацией для эксплуатации подвластного господствующему классу населения, организацией для получения феодальной ренты. Вотчина предполагала уже существующей организацию производителей, т. е. общину-марку. С появлением вотчины, т. е. с завершением процесса феодализации, эта община-марка из общины свободных людей превратилась в зависимую, чаще всего в крепостную общину, но при этом никаких существенных изменений марка как хозяйственная организация не претерпела. Производство в общине легло в основу производства в вотчине, поскольку вотчинное хозяйство не существовало отдельно от хозяйства общины-марки. Производственный процесс в общине совершался при помощи индивидуальных мелких орудий производства, поэтому и в средневековой вотчине, как бы ни была велика эта вотчина, производство было мелким и таким оно оставалось в течение всего существования феодальной формации. Прогресс в области производительных сил и прежде всего в технике был чрезвычайно медленным, так как раз найденная эмпирически форма индивидуального орудия удовлетворяла непосредственного производителя и поэтому имела тенденцию к своему длительному сохранению. Отсюда тот консерватизм техники всех формаций, существовавших до капитализма, о которых говорит Маркс, противо-

полагая ему революционизирующее значение для технического базиса капиталистического способа производства [9]. Прогресс же в сельском хозяйстве средних веков выражался главным образом в увеличении культурной площади, которая обрабатывалась неизменными орудиями труда, соответствующими мелкому хозяйству непосредственного производителя.

Итак, феодальная вотчина была крупным хозяйством, покоящимся на мелком производстве.

Эти общие замечания позволят нам лучше понять внутреннюю структуру и хозяйственное значение средневековой вотчины.

Земля средневековой вотчины состояла из двух частей: земли, находившейся в хозяйстве самого феодала, и крестьянских наделов. В документах раннего средневековья первая обычно называлась домениальной землей (terra dominica, terra indominicata, dominium), отсюда и французское слово «домен». Вторая часть — крестьянские наделы — обычно обозначаются либо как держания, ибо крестьянин не является собственником земли, а лишь ее владельцем и «держит» (tenet) эту землю от крупного землевладельца; либо определяются со стороны юридического характера держания, откуда их название — mansi serviles, mansi ingenuiles, mansi lidiles — где первое слово обозначает размер держания (надел, достаточный для существования крестьянской семьи, и в то же время обеспечивающий крупному землевладельцу соответствующее количество дохода), часто принимаемый за единицу, — второе же слово (serviles, lidiles, ingenuiles) означает число и характер тех повинностей, которые идут с такого надела в пользу землевладельца и которые определяются степенью зависимости держателя.

Говоря о чисто экономической стороне этого вопроса, следует отметить, что земля домена была обычно меньше, чем совокупная земля всех крестьянских держаний, так как при низком уровне производительных сил труд, затрачиваемый на поддержание сил семьи непосредственного производителя, или, как Маркс его называет, необходимый труд, поглощал бо́льшую часть

---

[9] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 497—498; см. также т. 20, стр. 279—280.

трудового времени крестьянской семьи и прибавочный труд не мог быть особенно большим, а следовательно и сфера его приложения, т. е. барская запашка, не могла быть велика. Обычно, как показывают источники раннего средневековья, пахотный домен составляет не более одной трети совокупности пахоты крестьянских наделов. Этим же объясняется и то обстоятельство, что в состав домена входят главным образом не пахотные земли, а леса, пустоши, болота и т. д. В прежнее время при существовании свободных общин они составляли общинные угодья, так называемую альменду, а неопределенность прав на них общинников сделали их первыми жертвами корыстолюбия феодалов, которые раньше всего захватили как раз общинные угодья и пользование ими общинниками обусловили дополнительными повинностями в свою пользу.

Пахотные земли домена лежали чересполосно с крестьянскими наделами и обрабатывались держателями при помощи принадлежащего им не только фактически, но и юридически инвентаря. Особенность средневекового производства в деревне (а в раннее средневековье все производство было деревенским) заключалась в том, что с точки зрения хозяйственных интересов крупного феодального землевладельца само крестьянское хозяйство рассматривалось прежде всего как средство обеспечения господского хозяйства рабочей силой и инвентарем.

Существование мелкого крестьянского хозяйства, лежавшего в основе всего производства в средние века, позволяет нам понять другую весьма существенную отличительную черту феодального хозяйства в целом. Феодальный собственник земли не мог получить дохода от своей земли иначе, как путем передачи своей земли небольшими наделами в руки крестьян. Земля оказывалась в более или менее прочном владении крестьянина, и господин был заинтересован в том, чтобы каждый клочек принадлежащей ему земли был передан крестьянину, так как только находящаяся в руках крестьянина земля приносила доход, который мы, следуя Марксу, называем феодальной рентой. В какой бы форме ни существовала феодальная рента, она, будучи частью труда (или его продукта) непосредственного производителя, зависела от исправности и благосостояния крестьянско-

го хозяйства и крестьянской общины. Следствием этого факта была относительная экономическая независимость и отдельного крестьянского хозяйства, и крестьянской общины в целом от хозяйства феодальной вотчины. Больше того, хозяйство самого господина-вотчинника, обслуживаемое мелким крестьянским хозяйством с характерным для него мелким производством, целиком зависело от хозяйственных распоряжений и порядков общины — организации производителей феодальной формации. Лежавшие чересполосно с крестьянскими полями домениальные земли при господстве двухполья или трехполья входили в соответствующие клинья деревни-общины и подлежали принудительному севообороту наравне с крестьянскими наделами. Господин, заинтересованный в получении феодальной ренты, не вмешивался ни в хозяйственные распоряжения деревни-общины, ни в хозяйство отдельного крестьянина, ибо не только крестьянское, но и его собственное хозяйство регулировалось общиной-деревней.

Таким образом, непосредственный производитель феодальной формации мог быть владельцем всех средств производства и экономически самостоятельным хозяином на своем наделе, верховная собственность на который принадлежала феодалу. О чрезвычайно важных для положения непосредственных производителей следствиях этого обстоятельства Маркс говорит так: «Согласно предположению, непосредственный производитель владеет здесь своими собственными средствами производства, предметными условиями труда, необходимыми для осуществления его труда и для производства средств его существования; он самостоятельно занят своим земледелием, как и связанной с ним сельской домашней промышленностью... При таких условиях прибавочный труд для номинального земельного собственника можно выжать из них (непосредственных производителей. — *С. С.*) только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее» [10]. Другими словами, внеэкономическое принуждение как средство получения прибавочного труда или прибавочного продукта от экономически самостоятельного хозяина и личная зависимость как средство внеэкономиче-

---

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, . II, стр. 353.

ского принуждения — таковы специфические черты феодального способа производства, в основе которого лежит феодальная собственность на землю и вытекающая из нее необходимость передачи земли во владение непосредственных производителей.

Итак, основная масса крестьян в средние века состояла из несвободных или крепостных крестьян. Но сказать так — это значит дать лишь самую общую характеристику правового положения крестьян. Средневековые юристы углубляли эту характеристику, подвергая детальному анализу существо тех связей, в результате которых складывалось подчинение крестьянина феодалу. И такой детальный анализ не лишен основания, в особенности для понимания дальнейшей судьбы крестьянства, которое на западе Европы начало рано, но медленно и постепенно освобождаться от крепостной зависимости, выкупая ее сразу или частично освобождаясь от различных форм подчинения, составлявших в совокупности то, что мы называем крепостным состоянием. Поэтому постараемся понять крепостное состояние во всей сложности тех связей, которые привязывали крестьянина к его господину, или к его земле, или, наконец, к нему как иммунисту.

Средневековые юристы различали три вида подчинения крестьянина сеньору, причем собственно крепостным считался человек, который зависел от одного и того же сеньора сразу во всех трех отношениях. Это — личная, поземельная и судебная зависимость. Для раннего средневековья было не столь характерно существование людей, зависимых во всех трех отношениях от одного и того же сеньора, но для поздних форм зависимости, например, для так называемого «второго издания крепостного права», такое положение было почти всеобщим.

Каждый из этих видов зависимости отличался как по своему происхождению, так и по тем специфическим формам повинностей, которые были с ним связаны. Личная зависимость вела, по-видимому, свое происхождение от рабства. Холоп (а таких было много среди барской челяди), посаженный на землю, оставался сервом со всеми вытекавшими из этого факта юридическими последствиями, хотя как самостоятельный хозяин на господской земле он фактически был уже не рабом, а крепостным. Юридическими признаками серважа были

следующие права господина: серв не имел права передавать по наследству свой надел кому бы то ни было, не уплатив своему сеньору особого взноса — mortuarium, состоявшего либо из части имущества (лучшая голова скота, венчальное украшение и платье его жены и т. д.), либо, в более поздние времена — из определенной суммы денег; он выплачивал «поголовный» налог — capaticum; запрещались браки между лицами, зависимыми от разных сеньоров, и за разрешение на такой брак требовался особый взнос, forismaritagium, так как он считался сервом, т. е. юридически — рабом; все прочие повинности не были фиксированы и взимались по воле сеньора, когда, где и сколько угодно (tallagium non fixum vel ad misericordiam domini).

Поземельная зависимость вытекала из факта принадлежности крестьянского надела сеньору. Земля надела юридически составляла часть вотчины, в силу чего крестьянин должен был нести разнообразные повинности — в форме барщины или оброков, обычно пропорционально размерам надела и сообразно тем обычаям, которые были закреплены традицией и были точно перечислены в кадастрах вотчины. Крестьянин периодически должен был «признавать», что земля его надела — не его земля, а сеньора, и тем самым признавать себя обязанным уплачивать традиционные повинности, следуемые с надела.

Судебная зависимость непосредственных производителей средних веков вытекала из иммунитетных прав сеньора и выражалась в большом количестве разнообразных повинностей. Иммунитетная грамота давала право феодалу осуществлять суд на территории, в ней указанной, территории, часто выходившей за пределы собственно вотчины иммуниста. В этом случае все население территории иммунитета попадало в сферу судебной и административной власти сеньора вне зависимости от того, было ли оно до получения сеньором грамоты зависимым от него или нет. Эта зависимость выражалась в том, что население должно было судиться в суде иммуниста, а все судебные штрафы, равно как и те повинности, которые шли раньше королю или его представителям за отправление ими судебных и административных функций, шли уже не в пользу короля, а в пользу сеньора. Поскольку сам король смотрел на вы-

полнение им данных функций с точки зрения тех доходов, которые они ему приносили, пожалование иммунитетной грамоты рассматривалось как пожалование части королевских доходов тому или другому частному лицу, на которое возлагалось теперь и выполнение соответствующих этим доходам функций. В иммунитетных грамотах короли обычно оставляли за собой право суда за особо тяжкие преступления (разбой на больших дорогах, изготовление фальшивой монеты), все же остальные случаи подлежали суду иммуниста. Если иммунист был крупным феодалом, имевшим своих вассалов, то он мог вместе с феодом передать вассалу право суда над населением этого феода, оставляя в свою очередь за собой право суда по тяжким уголовным преступлениям; в таком случае право суда делилось между несколькими сеньорами. В более позднее время в некоторых странах такое деление судебной власти вошло в обычай. Во Франции сеньориальная юстиция обычно делилась на высшую, среднюю и низшую в зависимости от тяжести преступления или величины штрафа; и каждая из этих ступеней сеньориальной юстиции могла принадлежать отдельному феодалу. Другими словами, один и тот же житель вотчины мог иметь трех судебных сеньоров, что, как мы увидим, было ощутительно для крестьян не только тогда, когда крестьянин совершал преступление или нуждался в судебной защите своих прав, но и вообще всегда: ведь иммунист не только владел юридическими правами, но и осуществлял на иммунитетной территории конкретные функции, приносившие немалый доход. Как представитель административной власти сеньор следил за порядком в общественных местах, например на рынках, больших дорогах и т. д. и в соответствии с этим взимал рыночные, дорожные, паромные, мостовые и прочие пошлины и имел право на доход с так называемых баналитетов. Наиболее распространенными были три вида последних — баналитеты печи, мельницы и виноградного пресса. Лица, зависимые от сеньора в судебном отношении, обязаны были печь хлеб только в печи, специально указанной сеньором или принадлежащей ему, обязаны были давить вино только под прессом сеньора и молоть зерно только на его мельнице. Весьма вероятно, что это право сеньора выросло из необходимости охранять мир и спокойствие в местах обычного

скопления народов (пресс, мельница) или из-за опасности пожаров, но уже издавна установился обычай, согласно которому любой из судебно-зависимых людей мог за особую пошлину не выполнять этих обязанностей, т. е. мог печь хлеб в собственной печи и т. д.

С судебно-административными правами сеньора было связано также право сеньора требовать барщину по починке дорог, мостов и т. д. На это последнее обстоятельство необходимо обратить особое внимание, ибо нередко бывали случаи, когда такого рода «общественная» барщина использовалась феодалами для своей личной выгоды и превращалась в сеньориальную, облегчая таким путем новое закабаление крестьянства. Например, в заэльбской Германии в XVI в. владельцы рыцарских имений, как правило, переводили барщину по исправлению дорог на свои поля и таким путем превращали общественную повинность в обычную господскую барщину. Другой такой случай отмечен Марксом в уже цитированном замечании об усилении барщины в позднее средневековье в Румынии [11].

Особенностью средневековых форм зависимости, как мы уже говорили, было то, что непосредственный производитель не обязательно был зависим от сеньора во всех трех видах зависимости сразу, хотя такие случаи и не исключались. Собственно крепостничество в полном смысле этого слова имело место тогда, когда крестьянин зависел от одного и того же сеньора во всех трех видах зависимости, и именно это имел в виду Энгельс, когда он говорил, что в раннее средневековье еще были заметны остатки древнего рабства. Но более распространены были случаи, когда непосредственный производитель был зависим лишь по одному или двум видам зависимости, либо зависел не от одного, а от нескольких сеньоров. Крестьяне, будучи лично зависимыми от одного сеньора, могли поземельно зависеть от другого и быть в судебной зависимости от третьего. И, наконец, как мы уже говорили, нередки были случаи, когда один и тот же крестьянин в одном судебном отношении мог зависеть от нескольких сеньоров. Степень зависимости непосредственного производителя от сеньора могла быть, следовательно, чрезвычайно различна, и этим зависи-

[11] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 248—249.

мость крестьян вплоть до конца XV в. резко отличается от зависимости, установившейся в некоторых областях Европы в позднее средневековье. Кроме того, мы должны здесь указать еще на некоторые моменты, усложняющие структуру вотчины и существо отношений зависимости, которые складывались в ней между господами и непосредственными производителями.

Такими моментами были (уже в раннее средневековье) усложнения, которые вытекали: а) из иерархической структуры самого господствующего класса, б) из своеобразия и огромного значения традиции, обычая, которые в этом обществе заменяли писаное законодательство и, наконец, в) из тех изменений, которые в более позднее время, с развитием товарно-денежных отношений возникали в результате мобилизации земли, продажи и покупки земли не только собственной, но и различных форм феодальных держаний.

Известно, что в результате широкого применения института вассалитета господствующий класс феодального общества представлял собой лестницу подчинений одних феодалов другим. Каждый крупный землевладелец считался вассалом короля и каждый феодал мог иметь своих вассалов путем уступки тому или другому лицу части своей земли с ее населением в качестве феода. «Сословная иерархия спускается от короля через крупных бенефициариев к их свободным держателям и, наконец, к несвободным, становится признанным и официально действующим наряду с другими элементом государственного порядка»[12], — говорит Энгельс. Крупный феодал, передавая бенефиций или феод вассалу, передавал ему и феодальную ренту (или ее часть) с населения феода, которое таким образом становилось в зависимость от нового сеньора, не теряя своей зависимости и от вышестоящего. Установление вассалитета приобретало характер распределения феодальной ренты между различными слоями и даже различными индивидуумами господствующего класса — с одной стороны, а с другой — ставило непосредственных производителей в зависимость от многих сеньоров, причем зависимость от каждого из них выражалась в обязанности уплаты определенного вида повинностей и платежей. Крупный

---

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 511.

землевладелец, например, предоставляя феод своему вассалу, мог сохранить за собой право суда по особо важным преступлениям или даже право на сбор рыночных пошлин в том или другом городке или местечке. В таком случае крестьяне феода по важным преступлениям подлежали суду не своего непосредственного сеньора, а суду сеньора своего сеньора должны были уплачивать рыночные пошлины в случае, если они посещали город, оговоренный в иммунитетной грамоте, не своему непосредственному сеньору, а сеньору вышестоящему на ступенях феодальной иерархической лестницы. Так как иерархическая лестница могла иметь много ступеней и у вассала крупного сеньора могли быть в свою очередь собственные вассалы, то такая зависимость непосредственных производителей приобретала чрезвычайно запутанный характер.

Еще большую сложность и вместе с тем путаницу вносило то обстоятельство, что по сложившемуся обычаю, традиции отношения между людьми приобретали характер отношений между вещами и из «личных» превращались в «реальные». Феодальной формации свойственно чрезвычайно медленное развитие производительных сил и вследствие этого длительное, продолжающееся иногда в течение столетий воспроизводство одних и тех же отношений. Поскольку условия хозяйствования не изменялись в течение долгого времени, феодальный держатель и его потомки несли в пользу своего сеньора одни и те же повинности иногда в течение нескольких столетий. Самый размер и характер повинностей становится обычаем, и эти повинности рассматриваются и крестьянами, и сеньорами как законные, а отступление от них — как нарушение стародавнего обычая, как нечто противозаконное. На эту особенность феодального общества обратил внимание Маркс в замечательной 47-й главе III тома «Капитала», которая является главным нашим источником научного понимания феодальной формации. ...ясно, — говорит Маркс, — что при том примитивном и неразвитом состоянии, на котором покоятся это общественное производственное отношение и соответствующий ему способ производства, традиция должна играть решающую роль. Ясно далее, что здесь, как и повсюду, господствующая часть общества заинтересована в том, чтобы возвести существующее положение в

закон и те его ограничения, которые даны обычаем и традицией, фиксировать как законные ограничения. Это же, — оставляя все другое в стороне, — делается впрочем само собой, раз постоянное воспроизводство базиса существующего состояния, лежащих в основе этого состояния отношений, приобретает с течением времени урегулированную и упорядоченную форму, и эти регулярность и порядок сами суть необходимый момент всякого способа производства, коль скоро он должен приобрести общественную устойчивость и независимость от простого случая или произвола. Урегулированность и порядок являются именно формой общественного упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипации от просто случая и просто произвола»[13].

Этим Маркс объясняет неизменность размеров феодальной ренты, но сама эта неизменность порождает еще одно явление, чрезвычайно характерное для феодализма: превращение определенных отношений между людьми, и в данном случае отношений между сеньором и его держателем в юридическое качество самого держания. За наделом, однажды отданным серву, закрепляются все повинности, свойственные сервскому держанию и сохраняющиеся тогда, когда земля серва переходит, например, к лично свободному человеку, даже если этот человек сам принадлежит к господствующему классу. Французский юрист XIII в. Ф. Бомануар говорит: «Отнюдь не исключена возможность того, чтобы дворянин держал землю на вилланском праве... только он должен выполнять за вилланские держания то, что следует, как если бы эту землю держали зависимые люди, ибо свобода лица не делает вилланского держания свободным»[14]. И наоборот, серв мог иметь свободное державие. Эти сложные отношения стали еще более усложняться позже, когда с развитием товарно-денежных отношений земля и отдельные повинности феодально-зависимых людей стали объектом купли-продажи. Говоря о переходе к денежной форме феодальной ренты, Маркс замечает, что при ней «становится существенным моментом капитализированная рента, цена земли, а

[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 356—357

[14] P. de Beaumanoir. Les Coutumes de Clemort en Beauvaisis. Paris. 1899—1900, § 1502.

следовательно, ее отчуждаемость и отчуждение, и что благодаря этому не только прежние оброчные крестьяне могут превратиться в независимых крестьян-собственников, но и городские и прочие денежные люди могут покупать участки земли с той целью, чтобы сдавать их крестьянам или капиталистам и пользоваться рентой как формой процента на свой таким образом употребленный капитал...»[15]. В какой мере запутываются при этом отношения между непосредственным производителем и сеньором или сеньорами-феодалами, можно судить на основании следующих примеров. Покупка земли в более поздний период, когда укрепляются экономические связи между городом — потребителем сельскохозяйственных продуктов, и деревней, нуждающейся в товарах ремесленного производства, становится иногда необходимой из чисто хозяйственных расчетов желающего округлить свое хозяйство, нередко ведущееся в расчете на продажу его продуктов на рынке близлежащего города. В таких случаях сельский хозяин часто вынужден прикупать землю, не считаясь с теми повинностями, которые лежат на покупаемом участке. Феодальный собственник такой земли в большинстве случаев охотно разрешает крестьянину продать землю, так как надеется, что с переходом земли в руки предприимчивого хозяина неуклонное поступление всех следуемых с земли повинностей будет более обеспеченным. Поэтому во всех странах Западной Европы очень часты случаи, когда крестьянские держания покупаются не только крестьянами, но и горожанами, и лицами привилегированных сословий, причем эти лица вместе с землей принимают на себя обязательство выполнять все повинности, лежащие на покупаемом участке в пользу сеньора. Отсюда ведет свое происхождение еще одно чрезвычайно распространенное явление: продажа и покупка не земли, а отдельных видов феодальной ренты. С развитием товарно-денежных отношений, главным образом в городе, складывается определенный процент на капитал и вследствие этого каждый доход, в том числе и любой вид феодальной ренты, может капитализироваться, т. е. рассматриваться как процент на капитал, затраченный на его приобретение. Поэтому каждая форма ренты, каждый отдель-

---

[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 366.

ный доход, из суммы которых складывается феодальная рента в целом, может стать предметом купли-продажи. На этой основе складывается прежде всего обычай констатуированной ренты, распространенный во всех странах Европы. Суть его заключается в том, что сельский хозяин мог продать право на получение определенного дохода со своей земли, например обязанность вносить покупателю ежегодно определенное количество зерна или других сельскохозяйственных продуктов, которые, таким образом, рассматривались как процент на капитал, полученный в виде цены этой повинности. Можно было, например, купить мешок зерна в качестве ежегодной ренты, и если, предположим, мешок зерна стоил на рынке 10 рублей, а обычный процент в это время равнялся 5%, то цена «вечной» ренты в один мешок ежегодно равнялась бы 200 рублям $\left(\frac{10 \times 100}{5}\right)$. Такая конституированная рента была чрезвычайно распространена в Западной Европе при феодализме повсюду и представляла собой своеобразную феодальную форму ипотечного кредита, т. е. кредита под залог земли.

Не менее распространенной была купля-продажа различных видов феодальной ренты. Можно было, например, купить у сеньора право на оброк с определенных держаний (или на часть оброка), можно было купить право на барщину, на рыночные, дорожные, мостовые пошлины, на баналитеты и даже на суд; можно было купить право на получение феодальных повинностей со всей вотчины или какой-либо ее части. Единственным ограничением лишь было правило, по которому владение некоторыми видами феодальной ренты могло принадлежать только лицам привилегированных сословий. Таким, например, было право охоты, держать голубей (право голубятни), иметь кроличьи садки и т. д., права, которыми обладали только сеньоры, имеющие права высшей юстиции, но и здесь находились обходные пути, которые позволяли французским сеньорам сдавать так называемым Генеральным откупщикам всю сумму феодальных повинностей с определенной территории своих сеньорий. Такие случаи особенно были часты в XVIII в., накануне буржуазной революции во Франции, где чванливое дворянство считало ниже своего достоинства заниматься хозяйством и сдавало все

свои феодальные ренты на откуп предприимчивым буржуа или деревенским богатеям, которые затем выколачивали из своих же односельчан колоссальные прибыли.

Представим теперь себе, в какое положение попадал феодальный держатель земли по отношению к такому откупщику или рантье. Зависимость от сеньора сохранялась, но к ней присоединялась не только фактически, но и юридически зависимость от владельца ренты, часто своего же брата-мужика, который как владелец хотя бы одного вида ренты фактически являлся заимодавцем по отношению к крестьянину, право на ренту с которого он купил, вследствие чего он становился частичным сеньором крестьянина, продавшего ренту.

«Если в средние века деревня эксплуатирует город политически повсюду, где феодализм не был сломлен исключительным развитием городов, как в Италии, то город повсюду и без исключений эксплуатирует деревню экономически своими монопольными ценами, своей системой налогов, своим цеховым строем, своим прямым купеческим обманом и своим ростовщичеством» [16].

---

[16] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 365.

Глава V

ФЕОДАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ ПРИ ФЕОДАЛИЗМЕ

Феодальная земельная собственность как основа производственных отношений при феодализме. Значение внеэкономического принуждения. К. Маркс и В. И. Ленин о внеэкономическом принуждении. Некоторые ошибки, связанные с понятием внеэкономического принуждения. Отличие феодальной собственности от собственности рабовладельческой и буржуазной. Феодальная собственность как основа распределения феодальной ренты среди господствующего класса. Крестьянское землевладение при феодализме. Теория «разделенной собственности» и ее критика. Маркс о «феодальной собственности» крестьян-держателей при господстве феодальных производственных отношений. Классовая борьба крестьянства в период раннего средневековья.

Итак, результатом процесса феодализации было почти повсеместное исчезновение аллода, превратившегося в держание, исчезновение свободных общинников и превращение их в зависимых или крепостных держателей — с одной стороны, с другой — образование феодальной собственности на землю и образование господствующего класса феодалов, класса землевладельцев-воинов. Наша задача заключается в том, чтобы установить значение феодальной собственности на землю как основы феодализма и роль внеэкономического принуждения, т. е.— выяснить специфические черты самой феодальной собственности, отличающие ее как от более ранней рабовладельческой собственности, так и более поздней буржуазной. Ясное представление об этом поможет нам понять и своеобразие производственных отношений при феодализме, и вытекающее из них своеобразие самой феодальной собственности.

Собственность на средства производства при феодализме есть прежде всего собственность на землю. В условиях феодального способа производства, для которого характерно мелкое производство, получение фео-

дальной ренты, которая, как и всякая рента, есть экономическая форма реализации земельной собственности, возможно было только в том случае, если обрабатываемая земля, по крайней мере в части, дающей необходимый продукт, находилась в руках непосредственного производителя. При ренте же продуктами, а тем более при денежной форме феодальной ренты вся земля, как приносящая ренту, так и дающая необходимый продукт, должна находиться в руках непосредственного производителя.

Поскольку воспроизводство необходимого продукта при всех видах феодальной ренты требует, чтобы основное средство и условие производства — земля — находилась во владении непосредственного производителя, который вследствие этого является самостоятельным мелким производителем, хозяйственно независимым от феодала, отношение собственности будет «выступать как непосредственное отношение господства и порабощения (точнее следовало бы перевести «подчинения» — die Knechtung. — *С. С.*), следовательно, непосредственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства... При таких условиях, — продолжает Маркс, — прибавочный труд для номинального земельного собственника можно выжать от них (т. е. непосредственных производителей. — *С. С.*) только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее»[1]. И еще раз подчеркивая хозяйственную самостоятельность непосредственного производителя при феодальном строе, Маркс прибавляет: «Данная форма (т. е. феодальная. — *С. С.*) тем и отличается от рабовладельческого или плантаторского хозяйства, что раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно»[2].

О том же говорит и В. И. Ленин в своей классической характеристике феодального способа производства, данной в «Развитии капитализма в России». В. И. Ленин подчеркивает, что «для такого (т. е. феодального. — *С. С.*) хозяйства необходимо, чтобы непосредственный производитель был наделен средствами производства

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 353.
[2] Там же, стр. 353—354.

вообще и землею в частности; мало того — чтобы он был прикреплен к земле, так как иначе помещику не гарантированы рабочие руки... условием такой системы хозяйства,— продолжает В. И. Ленин,— является личная зависимость крестьянина от помещика. Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Необходимо, следовательно, «внеэкономическое принуждение», как говорит Маркс, характеризуя этот хозяйственный режим...» [3]. Как видим, и В. И. Ленин связывает внеэкономическое принуждение при феодализме с фактом хозяйственной самостоятельности непосредственного производителя.

В советской литературе 50-х годов нередко встречались случаи преувеличения роли внеэкономического принуждения при господстве феодальных отношений. В чем же может заключаться преувеличение роли внеэкономического принуждения историками-медиевистами? Ошибки в этом вопросе могут быть различны, но все они в конечном счете сводятся к преувеличению роли насилия в развитии общественных отношений. Некоторые из историков, например, считали, что внеэкономическое принуждение присуще как всему периоду феодализма, начиная с его возникновения, так и любому акту феодала, в том числе и определению размера феодальной ренты. При таких условиях сама рента рассматривается не как экономическая форма реализации феодальной собственности, а как экономическая форма реализации самого внеэкономического принуждения, тогда как в действительности внеэкономическое принуждение есть лишь средство получения феодальной ренты собственником земли от самостоятельного мелкого хозяина, а не основа ее конституирования.

Преувеличение в этом вопросе принимает и такие конкретные формы. Само появление феодальной собственности рассматривается как результат насилия над ранее свободными общинниками — собственниками своих участков. Конечно, насилие содействовало экспроприации земельной собственности свободных общинников, но, во-первых, насилие вообще является повивальной

---

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 184—185.

бабкой всякого общества, когда оно чревато новым [4], а во-вторых, «насилие и обман,— говорит Энгельс, имея в виду как раз становление феодального строя,— ...только содействуют усилению и ускорению необходимого экономического процесса» [5]. Следовательно, основой создания феодальных отношений было образование крупной земельной собственности, совершенно естественное в обществе, в котором существует уже частная собственность на землю. Напомним уже цитированные слова Энгельса: «Аллодом создана была не только возможность, но и необходимость превращения первоначального равенства земельных владений в его противоположность» [6]. Таким образом, распространение понятия внеэкономического принуждения на происхождение крупной земельной собственности, как основы феодализма,— неправомерно. Захват земли, образование феодальной собственности и связанное с нею закабаление ранее свободных членов общин создали общие условия, определившие взимание и размеры феодальной ренты при данном уровне производительных сил, тогда как внеэкономическое принуждение есть лишь средство получения собственниками земли феодальной ренты от самостоятельного мелкого хозяина. Основой такого внеэкономического принуждения является личная несвобода непосредственного производителя или различные формы зависимости его от феодала.

Последнее обстоятельство заставляет нас остановиться на характерных чертах феодальной земельной собственности и отличии ее от земельной собственности при других социально-экономических формациях.

Правомерно ли, однако, ставить такой вопрос? Ведь может показаться, что собственность по своему содержанию есть нечто само собой разумеющееся, простое и однозначное понятие. Можно a priori утверждать, что это не так. Собственность есть некоторое общественное отношение и в качестве такового оно определяется данными производственными отношениями, составляющими структуру общества, определенную формацию. Поэтому феодальная собственность так же качественно от-

---

[4] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 761.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 498.
[6] Там же, стр. 497.

лична от собственности рабовладельческой и собственности буржуазной, как феодальная формация представляет собой качественно нечто иное, чем формация рабовладельческая или капиталистическая. С этой точки зрения можно сказать, что собственность в рабовладельческом обществе ближе к собственности в обществе капиталистическом, чем в обществе феодальном. В самом деле, поскольку дело идет о развитом рабовладельческом обществе, оно, как мы видели, может иметь место только в лоне крупной государственности, в котором публично-правовые функции выполняются органами государства, и собственность на средства производства, в том числе на землю и на рабочую силу (рабов) принадлежит рабовладельцу и приобретает как бы «чисто экономическую» форму; тогда как в обществе феодальном собственность имеет разнообразные политические и социальные покровы и примеси[7], от которых она освобождается при превращении ее в буржуазную собственность. С этой же точки зрения можно сказать, что собственность феодала в капиталистическом обществе (а пережитки феодализма возможны на разных ступенях капиталистического общества) есть нечто качественно отличное от той же собственности феодала в феодальном обществе. Когда феодалы в период разложения феодальной формации стремились разорвать связи с вышестоящими сеньорами и ликвидировать свои обязанности по отношению к ним, они стремились к тому, чтобы превратить феодальную собственность в буржуазную собственность. Неправильно поэтому утверждать, что феодальная собственность есть всегда собственность феодала; вполне допустимо положение, при котором феодальная собственность находится в руках не феодалов, а бюргеров, буржуазии и даже крестьян.

Ряд замечаний классиков марксизма не оставляет сомнений в том, что они понимали содержание собственности в зависимости от формации, в недрах которой эта собственность существовала. Говоря об экспроприации крестьянской собственности в Англии XVI в., Маркс говорит: «Крупные феодалы... создали несравненно более многочисленный пролетариат, узурпировав общинные

---

[7] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 167.

земли и согнав крестьян с земли, на которую последние имели такое же феодальное право собственности, как и сами феодалы» [8] Это замечание Маркса не раз служило предметом споров среди советских историков. Некоторые из них, обращая внимание на слово «собственник», готовы были видеть в XVI в. в Англии в крестьянах — держателях земли на феодальном праве (копигольдерах с наследственным правом держания) собственников в буржуазном смысле этого понятия. Такое мнение нам не кажется правильным; мы не имеем основания обращать внимание только на слово «собственник», упуская при этом из вида, что Маркс называл этого собственника феодальным собственником, который имел такое же феодальное право собственности на занимаемый им участок земли, как и сами феодалы. Истинное значение этого выражения Маркса мы, мне кажется, поймем лишь в том случае, если признаем, что для Маркса содержание понятия собственности менялось вместе с переходом от одной формации к другой, иными словами, что содержание понятия собственности в каждой формации так же качественно отлично, как и содержание самих формаций.

Маркс не раз и подробно останавливается на этом вопросе. Он обращает внимание на то, что «какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам общее то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность, и что земельная рента в свою очередь предполагает земельную собственность, собственность определенных индивидуумов на определенные участки земли, будет ли собственником лицо, являющееся представителем общины (Gemeinwesen), как в Азии, Египте и т. д., или эта земельная собственность будет лишь составной частью собственности определенных лиц на личность непосредственных производителей, как при системе рабства или крепостничества...» [9].

«Это *общее* для различных форм ренты — то, что она есть экономическая реализация земельной собственности, юридической фикции, в силу которой различным индивидуумам принадлежит исключительное владение

---

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 730.
[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 183—184.

определенной земельной площадью,— это *общее* ведет к тому, что различия не замечаются»[10].

Речь, несомненно, идет не только о различии форм ренты (в нашем случае — об отличии ренты феодальной от ренты капиталистической), но и о различии самой собственности, ибо реализуемые экономически в ренте различные формы собственности также отличны друг от друга, как и формы ренты, и каждая форма ренты в свою очередь зависит от уровня производительных сил и соответствующей этому формы производственных отношений. Маркс указывает, что ошибочным является смешение «различных форм ренты, соответствующих различным ступеням развития общественного процесса производства»[11].

Что это действительно так, т. е., что феодальная собственность отличается от собственности капиталистической, свидетельствуют рассуждения Маркса о буржуазной частной собственности, которые мы находим в предварительных замечаниях к теории капиталистической ренты в третьем томе «Капитала». Там Маркс, имея в виду буржуазную или так называемую свободную частную собственность, рассматривает ее как «монополию известных лиц распоряжаться определенными участками земли как исключительными, только им подчиненными сферами их личной воли»[12].

«При таком предположении дело сводится к тому, чтобы выяснить экономическое значение, то есть использование этой монополии на основе капиталистического производства. Юридическая власть этих лиц, их власть пользоваться участками земли и злоупотреблять ими (Маркс здесь вспоминает знаменитое определение частной собственности по кодексу Юстиниана как jus utendi et abutendi quatenus juris ratio patitur.— *С. С.*), еще ничего не решает»[13].

«Использование всецело зависит от экономических условий, не зависимых от воли этих лиц. Самое юридическое представление означает лишь то, что земельный собственник может поступать с землей так, как всякий

---

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 184.
[11] Там же, стр. 183.
[12] Там же, стр. 165.
[13] Там же.

товаровладелец со своим товаром: и это представление — юридическое представление о свободной частной земельной собственности — появляется в древнем мире лишь в эпоху разложения органического общественного строя, а в современном мире лишь с развитием капиталистического производства»[14]. В отделе о первоначальном накоплении 1 тома «Капитала» Маркс показал, что этот способ производства предполагает, «с одной стороны освобождение непосредственного производителя от роли простого придатка к земле (в форме вассала, крепостного, раба и т. д.), с другой стороны — экспроприацию земли у народных масс... Но та форма, в которой находит земельную собственность зарождающийся капиталистический способ производства, не соответствует этому способу. Соответствующая ему форма впервые создается им самим посредством подчинения земледелия капиталу; таким образом и феодальная земельная собственность, и клановая собственность, и мелкая крестьянская собственность с земельной общиной (Markgemeinschaft) превращаются в экономическую форму, соответствующую этому способу производства, как бы ни были различны их юридические формы. Один из великих результатов капиталистического способа производства состоит в том, что он, с одной стороны, превращает земледелие из эмпирического, механически передаваемого по наследству занятия самой неразвитой части общества в сознательное научное применение агрономии, поскольку это вообще возможно в условиях частной собственности; что он, с одной стороны, совершенно отделяет земельную собственность от отношений господства и рабства, а с другой стороны, совершенно отделяет землю, как условие производства, от земельной собственности и от земельного собственника, для которого земля означает не что иное, как определенный денежный налог, взимаемый им благодаря его монополии с промышленного капиталиста, фермера; капиталистический способ производства настолько разрывает связь земельного собственника с землей, что последний может провести всю свою жизнь в Константинополе, между тем как его земельная собственность находится в Шотландии.

Так,— резюмирует Маркс,— собственность на землю

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 165.

получает свою чисто экономическую форму, освобождаясь от всех своих прежних политических и социальных покровов и примесей...»[15].

Итак, совершенно очевидно, что Маркс различал не только формы ренты, но и формы земельной собственности. Утверждая, что капиталистический способ производства не находит при своем появлении соответствующей ему формы собственности, он тем самым кладет грань между феодальной собственностью и буржуазной, т. е. свободной частной собственностью, которая, как он указывает, была известна древности и затем была создана только капитализмом.

Выше мы высказали ряд соображений, желая раскрыть мысль Маркса относительно того, почему рабовладельческой формации была свойственна форма собственности, близкая к буржуазной, теперь же попытаемся установить специфические черты феодальной собственности и ее отличие от буржуазной.

Будучи «монополией» в распоряжении определенными частями земного шара, являясь исторической предпосылкой и основой феодального способа производства, покоящегося на эксплуатации масс, феодальная собственность ничем не отличается от собственности буржуазной или рабовладельческой. Маркс, однако, замечает, что юридическая власть собственников, «их власть пользоваться участками земли и злоупотреблять ими» еще ничего не решает. Само это употребление всецело зависит от экономических условий, не зависимых от воли этих лиц. Поэтому феодальная собственность определяется Марксом как особая форма собственности определенных лиц в условиях, когда непосредственный производитель есть мелкий сельский хозяин и неразрывно связан с землей как основным средством производства. Вполне понятно, что отношение собственности при феодальном строе выступает как отношение господства и подчинения, а непосредственный производитель — как несвободный. Вполне понятно также, что капиталистический способ производства «освобождает» земельную собственность от отношений господства и подчинения.

Так как непосредственный производитель является при феодальном способе производства владельцем

---

[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 166—167.

средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, и является в хозяйственном отношении самостоятельным по отношению к земельному собственнику, то прибавочный труд для земельного собственника можно выжать только внеэкономическим принуждением, вследствие чего внеэкономическое принуждение вытекает из феодальной собственности и тесно связано с ней, образуя вместе с тем одну из ее специфических черт.

Это положение Маркса имеет для медиевистов исключительно большое значение. В самом деле, если отношение собственности должно выступать как отношение господства и подчинения, то в раннюю пору феодализма, когда функции публичноправового порядка еще не дифференцировались от функций частноправовых, сама феодальная собственность оказывается тесно связанной с представлением о господстве в публичноправовом смысле. Судебная и административная власть сеньора, сохранившаяся частично вплоть до буржуазных революций как атрибут земельной собственности при феодализме, есть, с одной стороны, средство внеэкономического принуждения, а с другой, источник доходов, которые тоже входят в феодальную ренту как одна из ее частей. И здесь мы подходим еще к одной специфической черте феодальной собственности.

Когда мы говорим о наиболее полной, т. е. буржуазной собственности, мы рассматриваем ее, следуя Марксу, как «монополию известных лиц распоряжаться определенными участками земли». И поэтому, говоря о свободной частной собственности на землю, т. е. о буржуазной собственности, мы представляем себе определенную часть земной поверхности, имеющую определенные границы и измеряемую в определенном количестве квадратных единиц. При буржуазной собственности мы можем всегда точно указать границы, всегда точно определить размеры собственности и принадлежность ее определенному лицу.

Сложнее, когда мы имеем дело с феодальной собственностью.

Если буржуазная собственность предполагает монополию известных лиц в распоряжении определенными территориями с устранением других лиц, то природа феодальной собственности такова, что она не устраняет,

как правило, других лиц. Следовательно, феодальная собственность не влечет за собой свободного распоряжения землею или по крайней мере может и не влечь за собой этого распоряжения со стороны собственника. В самом деле, известно, что всякая феодальная собственность есть держание от вышестоящего сеньора и в конечном счете от короля. Согласно, например, английскому обычному праву, всякий феод, находящийся в наследственном владении того или другого феодала, есть фригольд, т. е. свободное держание, однако это не значит, что такое свободное держание есть свободная частная собственность, так как и это свободное держание влечет за собой те или иные повинности в пользу вышестоящего сеньора или государства. На это и обратил внимание Маркс, указавший, что английские лорды в эпоху реставрации присвоили себе современное право частной собственности на поместья, на которые они имели лишь феодальное право [16]. Другой пример. Феодал, получивший от короля иммунитетную грамоту, получал право на доходы от суда и администрации (судебные штрафы, рыночные, мостовые, паромные и другие пошлины, право баналитетов и т. д.), и в этом отношении он был соучастником феодальной собственности на иммунитетный округ, но он был и оставался лишь соучастником собственности, ибо многие из жителей этого округа могли в поземельном и личном отношении зависеть от другого сеньора. Это в особенности стало ясно, когда в результате развития товарно-денежных отношений каждая из рент или ее частей могла продаваться отдельно и, следовательно, могло случиться, что в одно и то же время как будто одна и та же земля продавалась двумя феодальными собственниками двум различным лицам.

Отсюда следовала специфическая особенность феодальной собственности — отсутствие точных границ и размеров ее. Феодальная собственность могла иметь и то и другое, но не обязательно. Например, феодальный сеньор мог отдать часть своей земли с сидящими на ней крестьянами своему вассалу за обязанность несения ему тех или других служб. Однако при этом сеньор мог оставить за собой часть феодальной ренты, а вассал в

---

[16] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 735.

свою очередь мог получить в качестве феода землю с ее крестьянами от другого сеньора, т. е. становился держателем земли сразу от двух или больше вышестоящих сеньоров. Мало этого, любой сеньор мог иметь лично зависимых от него людей, сидящих на земле другого сеньора и зависимых одновременно в судебно-административном отношении от третьего сеньора и т. д. Представление о вотчине, как центре, куда стекались доходы от зависимых от данного сеньора людей, могло и не быть связано, как это очевидно из всего вышесказанного, с представлением о части земного шара, находящейся в монопольном распоряжении определенного лица, как о территории, имеющей определенные границы и занимающей определенную, выраженную в определенном числе единиц поверхности, величину. Эту особенность феодального собственника Маркс хорошо выразил, сказав, что в случаях рабства или крепостничества сама собственность есть побочный продукт прав собственника на личность непосредственного производителя [17]

Феодальная собственность, с другой стороны, непохожа на буржуазную собственность, когда дело идет об отношениях собственника к непосредственному производителю, сидящему на земле феодального собственника. На последнем обстоятельстве приходится остановиться подробнее ввиду того, что суждения об этих отношениях вызывали в советской науке споры и недоразумения, имеющие место и до сих пор.

Мы уже видели, что при феодальном способе производства все средства производства и условия труда находятся обычно в руках непосредственного производителя. Существеннейшим условием производства для крестьянина является земля, которая в виде держания дается ему сеньором.

Так как, с другой стороны, сам сеньор заинтересован в том, чтобы его земля обрабатывалась и, следовательно, приносила ему доход в виде различного рода феодальных рент (а при общей неразвитости общественных отношений при феодализме, рабочие руки сеньору не так легко получить), сами феодалы стремились привязать крепче своих крестьян к земле и фактически превращали своих держателей в наследственных владель-

[17] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., . 25, ч. II, стр. 184.

цев земельных участков. Принимая во внимание чрезвычайно медленное развитие производительных сил при феодализме и, следовательно, чрезвычайную устойчивость производственных отношений, фактически наследственное владение непосредственного производителя землею своего держания превращается в обычай, закрепленный веками воспроизводства одних и тех же отношений. Тот же обычай фиксирует и размер повинностей, которые непосредственный производитель обязан вносить своему господину за свое держание, вследствие чего держатель, интенсифицируя свой труд, может добиться того, что он может оставлять в свою пользу не только необходимый продукт, но и некоторый излишек сверх необходимого продукта. Имея все это в виду, Маркс, как мы сейчас увидим, придавал огромное значение владельческим правам крестьян и даже в каком-то смысле в некоторых случаях называл крестьян-держателей такими же феодальными собственниками земли, какими были и сами феодалы. Маркс говорит: «Некоторые историки выразили свое удивление по поводу того, что, хотя непосредственный производитель (при феодализме.— *С. С.*) не собственник, а лишь владелец, и весь его прибавочный труд на деле de jure принадлежит земельному собственнику, при этих условиях может вообще совершаться самостоятельное увеличение имущества и, говоря относительно, богатства у обязанных нести барщину или крепостных. Между тем ясно, что при том примитивном и неразвитом состоянии, на котором покоятся это общественное производственное отношение и соответствующий ему способ производства, традиция должна играть решающую роль. Ясно далее, что здесь, как и повсюду, господствующая часть общества заинтересована в том, чтобы возвести существующее положение в закон, и те его ограничения, которые даны обычаем и традицией, фиксировать как законные ограничения. Это же,— оставляя все другое в стороне,— делается впрочем само собою, раз постоянное воспроизводство базиса существующего состояния, лежащих в основе этого состояния отношений, приобретает с течением времени урегулированную и упорядоченную форму, и эти регулярность и порядок сами суть необходимый момент всякого способа производства, коль скоро он должен приобрести общественную устойчивость и не-

зависимость от простого случая или произвола. Урегулированность и порядок являются именно формой общественного упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипации от просто случая и просто произвола. Он достигает этой формы при застойном состоянии как процесса производства, так и соответствующих ему общественных отношений, посредством простого возобновления их воспроизводства»[18].

Закрепленное веками воспроизводством одних и тех же отношений и классовой борьбой крестьянства фактически наследственное владение крестьянином землею своего надела оказывалось настолько прочным, что уже начиная с XII в. феодальные юристы становились втупик и не знали, как объяснить это явление с точки зрения римского права с его учением о собственности. Они конструировали идеальное понятие собственности, базируясь на нормах римского права, которое, как мы видели по Марксу, было близко к буржуазному, выражая наиболее полно права распоряжения собственностью (право не только использования, но и злоупотребления), и полагали, что для тех порядков, которые существовали в XII—XIII вв. (а их преемники распространяли эти рассуждения вплоть до XVII в.), следует применять принцип раздельной собственности, причем феодальную собственность феодала они называли dominium directum, а совокупность владельческих прав держателей — dominium utile. В обычном праве Франции это деление сохранилось у февдистов, знатоков феодального права вплоть до буржуазной революции конца XVIII в. В советской литературе близкую к этой точку зрения высказывал А. В. Венедиктов в работе «Государственная социалистическая собственность». В разделе, посвященном феодальной собственности, он дает очень ценную справку об учениях феодальных юристов относительно разделенной (расщепленной) собственности, но в конце концов и сам присоединяется к точке зрения, им близкой. Советский историк права считает, что собственность в феодальном обществе поделена не только внутри класса феодалов, между сеньором и вассалом, но и между феодалом-вотчинником и крестьянином-чинше-

---

[18] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 356—357.

виком[19]. С этим, конечно, никак нельзя согласиться. Исходя из основного марксистского определения собственности как отношения, реализацией которого является рента, мы не можем крестьянина, непосредственного производителя феодальной формации, как бы ни были прочны и широки его владельческие права, считать собственником, поскольку он является не получателем, а плательщиком феодальной ренты за тот участок земли, который он обрабатывает сам или силами своей семьи. Учение феодальных юристов о разделенной или расщепленной собственности свидетельствует лишь о трудности понимания феодальных отношений, когда о них судят при помощи понятий, возникших в сфере иной, чем феодальная формация. Мы можем лишь сказать, что особенность феодальной собственности заключается как раз в том, что она допускает распределение доходов от нее в господствующем классе феодалов в результате и в соответствии с иерархической структурой самого господствующего класса феодалов. Феодальная собственность для своей реализации в виде ренты предполагает порядок, в силу которого непосредственный производитель должен иметь в своем распоряжении все средства производства и все условия труда, и вследствие этого крестьяне по крайней мере отчасти могут быть наследственными держателями своих наделов с более или менее широкими правами распоряжения этими наделами. В некоторых случаях и в некотором смысле они, как указывает Маркс, могут быть названы «феодальными собственниками» своих наделов. На этих случаях, связанных с дальнейшим экономическим развитием, мы и остановимся.

Развитие товарно-денежных отношений в связи с появлением и ростом городов, потребляющих продукты сельского хозяйства, было, как известно, связано с процессом коммутации феодальной ренты в денежную форму. Как последствие этих новых явлений в жизни феодальной формации в ряде стран, особенно там, где более или менее крупное хозяйство феодалов (подобно овцеводческому хозяйству в Англии) оказалось невоз-

---

[19] См. А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 223—229.

можным, происходило постепенное уменьшение собственной запашки сеньора на его домениальной земле, которая передавалась феодалом на тех или иных условиях крестьянам. Сеньор мало-помалу превращался в простого получателя феодальной ренты в форме оброка или в денежной форме, и сам никакого участия в хозяйстве не принимал. Такие порядки особенно четко проявились во Франции, в Нидерландах, в меньшей степени, но тоже довольно широко они были известны в Западной Германии. Одновременно с этим идет так называемое освобождение крестьян от крепостной зависимости, поскольку с ликвидацией барской запашки барщина и прикрепление к земле теряли свой смысл, а освобождение крестьян от тех или других повинностей сулило сеньорам большие разовые суммы в качестве выкупных платежей. Выкуп крестьянами повинностей, фиксация других повинностей в определенном размере оброка или в определенной денежной сумме превращали крестьян в наследственных владельцев своих участков, причем права распоряжения такими держаниями могли быть чрезвычайно широкими. Французский цензитарий, например, или наследственный копигольдер в Англии имели право продавать, закладывать, дарить и т. д. свои держания, причем французский цензитарий во многих случаях даже не был обязан испрашивать предварительного согласия сеньора. Подобное положение бывшего крепостного, ставшего «наследственным или вообще традиционным»[20] владельцем земли, позволило Марксу назвать таких держателей такими же феодальными собственниками земли, как и сами феодалы, под какими бы феодальными вывесками эта собственность ни скрывалась.

Считаю необходимым еще раз привести эти места из названной главы: «В Англии крепостная зависимость исчезла фактически в конце XIV столетия. Огромное большинство населения состояло тогда — и еще больше в XV веке — из свободных крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, за какими бы феодальными вывесками ни скрывалась их собственность»[21]. В другом месте той же главы Маркс, имея в виду начавшуюся экспро-

[20] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 361.
[21] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 728—729.

приацию крестьянства в Англии, говорит: «Крупные феодалы... создали... многочисленный пролетариат, узурпировав общинные земли и согнав крестьян с земли, на которую последние имели такое же феодальное право собственности, как и сами феодалы»[22]. Так как Маркс здесь (как и вообще нигде в первом том «Капитала») не употребляет термина «копигольд», то можно было бы подумать, что, говоря так о крестьянской феодальной собственности, он имеет в виду только фригольд, о котором он упоминает не один раз. Но это едва ли так: фригольд не был держанием «огромного большинства населения», а из того, что Маркс говорит дальше об английских порядках или об итальянском крестьянстве, можно уловить истинный смысл того, что хотел сказать Маркс, называя крестьян на определенной стадии развития феодальной формации такими же феодальными собственниками своих участков, как и сами феодалы. Говоря дальше об английских феодалах, что они присвоили себе «современное право частной собственности на поместья», на которые они имели лишь феодальное право, и что они это сделали, «сбросив с себя всякие повинности по отношению к государству», Маркс явно подчеркивает неполноту феодальной собственности по сравнению с современной частной собственностью, т. е. с собственностью буржуазной. Очень важно замечание Маркса, относящееся к истории итальянского крестьянства. «В Италии,— говорит он,— где капиталистическое производство развилось раньше всего, раньше всего разложились и крепостные отношения. Крепостной освобождается здесь прежде, чем он успел обеспечить за собой *какое-либо право давности на землю* (курсив мой.— *С. С.*). Поэтому освобождение немедленно превращает его в поставленного вне закона пролетария, который к тому же тотчас находит новых господ в городах...»[23].

Вот этих-то крестьян, которые еще до эмансипации приобрели «право давности на землю» и которых в другом месте Маркс называет «наследственными или вообще традиционными» владельцами земли, Маркс условно и считает «феодальными собственниками», такими же, как и сами феодалы, обязанными нести службу и другие

[22] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 730.
[23] Там же, стр. 728, прим. 189.

повинности в пользу вышестоящего сеньора, в конечном счете — в пользу короля, что для феодального правосознания было равносильно повинностям в пользу государства. Феодалы были такими же условными собственниками своих феодов, как и крестьяне, которые обладали условными, закрепленными давностью и обычаем более или менее широкими правами распоряжения своими держаниями и юридически были феодальными (но не буржуазным!) собственниками своих держаний. Все вышеприведенные замечания Маркса не оставляют, по-моему, никаких сомнений в том, что Маркс, называя некоторые разряды крестьян феодальными (т. е. неполными) собственниками, имел в виду тех крестьян позднего средневековья и начала нового времени, которые выкупились на свободу, но продолжали уплачивать часть феодальной ренты (как поземельно и судебно зависимые лица) и имели широкие владельческие права на свою землю как наследственные традиционные владельцы. Маркс называет их, однако, собственниками в несобственном и уж во всяком случае не в буржуазном смысле, стремясь лишь подчеркнуть то обстоятельство, что их широкие права распоряжения землею, закрепленные феодальным обычаем или традицией, превращали их сгон с земли (например, в Англии XVI в.) в настоящую экспроприацию.

Было бы непонятным, если бы трудовые массы деревни, постепенно закрепощаемой в процессе складывания феодальной формации, оставались все время безучастными к своей судьбе. А их судьба была тяжелой; прежний свободный общинник, наследственный собственник своего участка земли — аллодист, терял свою землю и превращался в зависимого человека, становился подчас в положение серва, который мог стать в руках господина даже объектом купли-продажи. Столь радикальные перемены, будучи всеобщими, не могли не отразиться в сознании закрепощаемых, а вместе с тем не могли не вызвать ответных действий, направленных либо к возвращению прежних порядков свободы и независимости, либо по крайней мере к частичному улучшению своей участи. Эта борьба за улучшение своего положения, вполне понятно, зависела от конкретной обстановки и поэтому формы борьбы изменялись с изменением самих условий существования крестьянства как

класса. Но это не мешало также проявлению общих целей этой борьбы на всем протяжении феодальной формации в той мере, в какой самой формации были свойственны некоторые общие черты. Такой общей чертой феодальной формации является основное противоречие данного способа производства. В феодальном хозяйстве земля, существеннейшее средство производства, находится в распоряжении господина, тогда как для максимальной производительности мелкого хозяйства все средства производства, в том числе и земля, должны быть собственностью производителя, т. е. при таких условиях непосредственный производитель должен быть также собственником продукта своего труда. Так как в действительности этого нет, и непосредственный производитель феодальной формации — крестьянин или ремесленник — обязан отдавать часть своего труда или продуктов феодалу, то содержанием классовой борьбы, целью ее всегда будет освобождение крестьянина от повинностей и получение в собственность всех средств производства, т. е. создание таких условий при которых непосредственный производитель будет собственником всего продукта своего труда.

Классовая борьба крестьянства вытекает из основного противоречия феодальной формации.

«...крестьянские движения VIII—XI вв.,— говорит А. И. Неусыхин,— были направлены против самого *установления феодального способа производства.* К тому же крестьяне этого периода, как свободные, так и зависимые, продолжали оставаться членами общины-марки, которая, несмотря на рост имущественного неравенства в ее среде и на частичное ее закрепощение, все еще сохранялась *как производственная организация*» [24]. Крестьяне в VIII—IX вв. не выступали, таким образом, «разрозненными непосредственными производителями, хотя степень этой разрозненности была значительнее в западной, чем в восточной части франкского государства. Это объясняется тем, что в западных его областях большее число общинников, чем на востоке, успело к этому времени превратиться в зависимых крестьян, причем часто члены разных, даже соседних общин, т. е. жители различных деревень, вступали в зависимость от

[24] Лучше было бы сказать: как организация производителей. А. И. Неусыхин. Ук. соч., стр. 397.

разных вотчинников»[25],— говорит проф. А. И. Неусыхин, имея в виду Каролингскую империю. И это вполне понятно. Классовая борьба есть факт конкретный — борющиеся применяют определенную тактику и ставят вполне определенные конкретные цели в зависимости от обстановки. На западе Франкского государства развертывается борьба складывающегося класса крестьянства за улучшение своего положения, облегчение своей участи, тогда как на востоке, например, в Саксонии, общинники борются против своего закрепощения.

Свидетельством борьбы крестьянства на западе Франкского государства (территория нынешней Франции, отчасти Италии) являются многочисленные упоминания о «тайных обществах», о «заговорах, скрепленных присягой» (gildones, coniurationes, adunationes, obligationes) в капитуляриях Карла Великого. Например, в капитулярии 805—806 гг. содержится запрет заговоров (coniurationes) и указывается, что в них принимают участие как свободные люди, так и сервы. В том случае, если это «сообщество» не предполагало особой взаимной присяги его членов, свободные участники заговора должны «очиститься» клятвой, что они вступили в сообщество без всякого дурного умысла, либо, если они не могут принести такой клятвы, должны уплатить штраф; сервы же в случае их виновности подвергаются бичеванию. В том же случае, если было заключено «сообщество, скрепленное присягой», и было учинено какое-либо «зло», то зачинщики подлежат смертной казни, а участники этого сговора должны подвергнуть друг друга различного рода телесным наказаниям и частичному изуродованию (бичевание, вырывание волос, ноздрей). Правительство стремилось к тому, чтобы искоренить саму возможность подобного рода заговоров и восстаний. Об этом свидетельствует капитулярий Людовика Благочестивого от 822—828 гг. В нем категорически воспрещаются всякие «союзы» и «сотоварищества», а виновные в составлении таковых ссылаются на Корсику, остальные соучастники уплачивают штраф, а в случае неуплаты подвергаются телесным наказаниям. В другом капитулярии того же короля говорится о заговоре сервов, за которых должны отвечать их господа.

А. И. Неусыхин. Ук. соч., стр. 397—398.

Издание этих постановлений — свидетельство того, что такие случаи были частыми [26].

Типичным для восточной части Франкского государства и вместе с тем наиболее крупным является восстание, известное под названием Стеллинга в Саксонии в 841—843 гг. Здесь свободные, частично впадающие в зависимость саксы, соединившись с литами, полусвободными членами племени, воспользовавшись враждою между внуками Карла Великого, Лотарем и Людовиком, восстали против своих господ, изгнали их из своей страны и стали жить по старинным законам, присвоив себе название Стеллинга (люди старого закона). Нет никакого сомнения в том, что основная масса восставших, которых хронист этого времени Нитард называет фрилингами, были свободными общинниками, начавшими попадать в феодальную зависимость от своих же благородных — эделингов; а стремление восставших восстановить старые обычаи означало возвращение к свободному состоянию общинного племенного быта. Характерно также совместное участие фрилингов и литов, так как этот факт указывает на начавшийся процесс слияния свободных саксов с полусвободными и возникновение класса феодально-зависимых крестьян, процесс, который в Саксонии еще только начинался [27].

Но крестьянские восстания продолжались во всех частях Франкского королевства и позже. В хронике Гильома Жюмьежского [28] есть известия о восстании нормандских крестьян в конце X — начале XI в. Эти грубые люди, рассказывает летопись, устраивали сборища по всем нормандским графствам и решили жить по своему усмотрению. Движение было до известной степени организованным. Повстанцы хотели создать свои законы, регулирующие пользование лесами, водами и другими угодьями, и это весьма симптоматично, ибо захваты со стороны господствующего класса прежде всего касались альменд. В каждом округе восставшие избрали по два депутата на общее собрание графств. Правящие круги были серьезно встревожены этим движением и приняли экстренные меры: герцог Нормандский направил на по-

[26] См. А. И. Неусыхин. Ук. соч. стр. 398—401.
[27] Там же, стр. 222—223.
[28] «Хрестоматия по истории средних веков», . I. М., Госполитиздат, 1961, стр. 500—501.

давление восстания графа Рауля, который, захватив всех выборных, отрубил им руки и ноги и изувеченных отпустил по деревням. После такого разгрома крестьяне, говорит летописец, возвратились к своим плугам. Хронист Сигеберг де Жемблу, рассказывая о голоде 905 г., сообщает, что голодные нападают на богатых, грабят и жгут их имущество. В одном из картуляриев XI в. рассказывается о большом восстании крепостных монастыря в Арнульфе, недовольных притеснениями монахов; монастырю удалось подавить это восстание, но только после продолжительной борьбы. В другом картулярии упоминается сеньор, который делает вклад на помин души своего сына, убитого сервами.

Подобные сообщения не часты в летописях IX—XI вв., и это вполне понятно, так как хронисты, как правило, близки к господствующему классу и весьма неохотно сообщают о таких событиях. И тем не менее если не прямых, то косвенных показаний достаточно, чтобы подтвердить справедливость общего положения о серьезном размахе классовой борьбы в раннее средневековье. Мы останавливаемся на этих случаях, относящихся к VIII—XI вв. и отделяем их от последующего времени, потому что с возникновением городов борьба крестьян носит несколько иной характер и приобретает более широкий размах.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава VI

ТЕХНИКА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ПЕРИОД РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Общий характер развития агрикультуры во второй период средних веков. Орудия труда; лошадь как тяглое животное. Посевные культуры; урожайность зерновых. Садоводство. Мелиорация. Луга и выпас скота. Животноводство. Предметы питания.

Мы уже говорили в конце обзора сельскохозяйственной техники раннего средневековья, что эпоха Каролингов была временем некоторого хозяйственного подъема; но мы не знаем, был ли этот подъем явлением общеевропейским или специфически западнофранкским и в последнем случае как обстояло дело в других областях Каролингской империи.

Более определенно можно говорить о подъеме сельского хозяйства и сельскохозяйственной техники как об общеевропейском явлении во второй период средневековья — время отделения ремесла от сельского хозяйства, роста городов как центров ремесла и торговли и развития товарно-денежных отношений. Нам нет нужды останавливаться на доказательстве того, что как бы ни были похожи раннеевропейские города на «большие деревни», рост городов и их населения обязательно должен был сопровождаться расширенным спросом на сельскохозяйственную продукцию окрестных деревень, которые таким образом втягивались в товарно-денежный оборот города, а следовательно, вставали перед необходимостью расширять свое производство и, может

быть, до известной степени интенсифицировать свое хозяйство.

Таковы могли быть и, вероятно, были общие причины подъема сельского хозяйства XI—XII вв. И так как эти причины были фактором не кратковременным, а устойчивым и постоянно возраставшим, то и самый подъем был явлением все повышающимся на всем протяжении этого периода. Но возникает другой вопрос,— в чем конкретно выражался этот подъем и сопровождался ли он интенсификацией сельского хозяйства или выражался в явлениях иного порядка? Эта проблема является объектом исследования, которое еще никем не предпринято и пока может быть охарактеризовано лишь в самых общих чертах и во многом гипотетически.

Можно с большей или меньшей степенью достоверности утверждать, что на первых порах растущая потребность городов в сельскохозяйственной продукции дала толчок не столько интенсификации сельского хозяйства и росту сельскохозяйственной техники, сколько расширению культурного ареала. Это расширение площади запашки и обрабатываемых земель вообще нашло свое выражение в тех явлениях, которые мы объединяем общим понятием внутренней и внешней колонизации. Подъем агротехники, который констатировал замечательный итальянский агроном Крешенци, начался уже с конца XII в. и характеризовался разными признаками; благодаря путешествиям и торговле проникают новые экзотические растения, расцветают культуры винограда и олив, появляются новые отрасли сельского хозяйства (например, культура шелковичного червя), предпринимаются обширные мелиоративные работы в Ломбардии и Эмилии, осушаются болота, проводятся каналы. Так обстояло дело в Италии (хотя Италия и не может быть показателем того, что делалось в других странах, потому что нигде в Европе города не развивались с такой быстротой, как в Италии). На первых порах европейское крестьянство не столько заботилось о подъеме сельскохозяйственной техники в собственном смысле этого слова, сколько об увеличении площади под сельскохозяйственными культурами. Тот же Крешенци отмечает, например, что орудия сельскохозяйственного производства не получили со времени раннего средневековья сколько-нибудь заметного усовершенствования.

«Список их,— замечает один из современных исследователей,— остается традиционно-средневековым; в него входят: плуг, тяжелый и легкий (с двумя или одной парой волов), борона, коса, грабли, мотыга, лопата, полольник»[1]. Описаний орудий в трактате Крешенци нет, вероятно, потому, что они известны и не требуют точного изображения.

Следует заметить, что причина такого одностороннего развития сельского хозяйства кроется скорее всего в том, что интенсификация хозяйства, как правило, связана с вложением в землю того, что позже стало называться капиталом (удобрение, рабочий скот и т. д.) и чего был лишен или во всяком случае чем был весьма скудно снабжен крестьянин, особенно средневековый. Отсюда его столь часто отмечаемый современниками консерватизм, его нежелание менять систему хозяйствования, приверженность к дедовским обычаям и орудиям производства и его стремление в том случае, если ему нужно увеличить валовой продукт, не столько улучшать систему хозяйства, сколько увеличивать площадь его. По этому поводу известный исследователь аграрной истории Франции М. Блок, имея в виду в первую очередь свою страну, пишет: «Около 1050 года (в некоторых районах с особо благоприятными условиями, как например в Нормандии или Фландрии, возможно несколько раньше, в других — несколько позже) началась новая эра, которая закончилась только к концу XIII в.,— эра крупных распашек целины, давшая, по всей видимости, наибольшее приращение обработанной площади, когда-либо имевшее место в нашей стране с доисторических времен»[2]. Это увеличение культурной площади происходило прежде всего за счет расчистки лесов. В XII—XIII вв. повсюду в лесах появились участки обработанной земли. «На равнинах, на склонах холмов, на наносных землях леса атаковались топором, садовым ножом или огнем. Правда, очень редко леса исчезали целиком. Но многие были сведены до небольших участков... Примерно в то же время, когда уничтожался лес-

[1] «Агрикультура в памятниках западного средневековья», М.— Л., 1936, стр. 297

[2] М. Блок. Характерные черты французской аграрной истории. М., ИЛ, 1957, стр. 45—46.

ной покров равнин, крестьяне долин Дофинэ поднялись на штурм альпийских лесов» [3].

Вторым источником увеличения пашни были осушенные болота (особенно в приморской Фландрии и Нижнем Пуату), а также многочисленные до этого времени нетронутые пространства, занятые кустарником или дикими травами. «При помощи плуга и мотыги крестьяне самоотверженно боролись с густым кустарником, с терновником, с зарослями папоротника и всеми «этими сорными растениями, вцепившимися в недра земли»,— как рассказывает нам... хроника Мориньи. Создаются новые деревни, тип построения которых позволяет нам заключить, что они возникли как раз в течение этих двух столетий» [4].

М. Блок также отмечает, что в связи с расчистками увеличивалась подвижность населения: крестьяне старались переселяться на лучшие земли, и эта миграция местного населения была предшественником дальнейших грандиозных колонизационных движений. «В XII—XIII вв. лимузенцы и бретонцы переселялись в лесистый район на левом берегу нижнего течения Крёза (притока Вьенны.— *С. С.*), колонисты из Сентонжа направлялись в междуречье Гаронны и Дордони» [5]. Движение колонистов скоро перешло границы Франции. Испанские короли и феодалы охотно призывали иноземцев, чтобы заселить пустые пространства, освобождавшиеся в результате изгнания арабов. Многие французы, привлеченные выгодами, которые предлагались им в хартиях poblaciones, переправлялись из Гаскони через Пиренеи в Испанию. И это было явление, характерное не только для Франции. «Стремительный натиск германских и нидерландских колонистов на славянскую равнину, освоение пустынь Северной Испании, рост городов по всей Европе, распашка во Франции, как и в большинстве соседних стран, обширных пространств, до тех пор не приносивших урожая,— все это аспекты одного и того же человеческого порыва. Характерная черта французского колонизационного движения по сравнению, например, с германским состояла, несомненно, в том, что во Франции (за исключением Гаскони) колонизация была почти

[3] М. Блок. Ук. соч., стр. 48.
[4] Там же, стр. 49.
[5] Там же, стр. 53—54.

исключительно внутренней, если не считать слабую эмиграцию во время крестовых походов и отдельные случаи ухода на земли, завоеванные норманцами, или в города Восточной Европы, особенно Венгрии»[6].

В этих расчистках и передвижениях были заинтересованы как крестьянство, так и господствующие классы. Первые получали либо лучшую, либо дополнительную площадь хозяйства, вторые увеличивали количество своих подданных и свои доходы. Этим и объясняется деятельное участие в выкорчевывании лесов и осушении болот крупных светских и церковных сеньоров, особенно последних. Этим же объясняется и распространение таких льготных форм держаний, как французская гостиза и чиншевые держания в Восточной Германии. Этими льготными условиями сеньоры привлекали новых поселенцев, одновременно возлагая на них обязанность выкорчевки леса или мелиоративных предприятий.

Движение за расчистку лесов и подъем целины к концу XIII в. сокращается и в XIV в. почти прекращается. О причинах этого явления мы скажем ниже, а теперь наша задача заключается в том, чтобы выяснить, как отразился и отразился ли вообще этот хозяйственный подъем на других сторонах сельскохозяйственной деятельности той эпохи.

Если расширение культурной площади, начиная с XII в., было выражением хозяйственного подъема и представляло собой явление, в котором этот подъем проявился прежде всего, то это, конечно, не значит, что сельское хозяйство в это время прогрессировало только в этом направлении. И господствующий класс, получивший за время крестовых походов представление о гораздо более обеспеченной жизни, и богатые горожане предъявляли теперь к сельскому хозяйству повышенные требования не только в количественном, но и в качественном отношении. Отражением этих новых требований было несомненная интенсификация сельского хозяйства в районах, близких к городам, особенно большим (по тогдашним масштабам), возросший с XIII в. интерес к проблемам сельского хозяйства и после нескольких сот

---

[6] М. Блок. Ук. соч., стр. 54. Для Западной Германии см. документы в кн.: «Агрикультура в памятниках западного средневековья», стр. 348—360.

лет почти полного молчания — возобновление агрономической литературы [7]

Таков прежде всего трактат философа-схоласта и богослова Альберта Великого (1193—1280) «О растениях» в Германии; «Трактат о хозяйстве» Вальтера Хенли (середина XIII в.) в Англии, изданный в 1890 г. вместе с двумя анонимными трактатами и «Правилами» Роберта Гроссетеста; трактат испанского араба Ибн Аль Авама (XII в.) и ряд других, дошедших до нас во многих рукописях,— факт, свидетельствующий о большом интересе современников к такого рода литературе. Характерно в этом отношении вступление к трактату Хенли: «Это трактат о хозяйстве, некогда составленный мудрым человеком по имени сэр Вальтер Хенли. Составлен же он затем, чтобы людей, имеющих землю и держания и не знающих всех отраслей хозяйства, обучить обработке земли и уходу за скотом, отчего смогут получить великое богатство те, кто услышат эти поучения и будут поступать согласно с ними» [8].

Наиболее полным трактатом этого времени является трактат «Opus ruralium commodorum» («О выгодах сельского хозяйства») итальянского агронома Пьетро Крешенци (латин.— Crescentius), написанный в самом начале XIV в. (около 1305 г.) и дающий довольно полное представление об агрикультуре Италии XIII—XIV вв.

Какие же изменения произошли в Европе этого периода? Во-первых, получают большее распространение железные орудия (или их детали из железа). Они становятся доступными даже для крестьянского хозяйства. Это особенно важно отметить по сравнению с ранним средневековьем, когда, как говорит Дюби, термин faber или fabricius (кузнец) стоял в одном ряду с ювелиром, настолько важна его работа и настолько дорог материал, из которого он изготовляет изделия. (Названный выше автор приводит пример большого королевского хозяйства в Аннап, на границе Фландрии и Артуа в X в. в котором немногочисленные металлические орудия перечислены поштучно. Это — две косы, два серпа, две мо-

---

[7] Единственный оставшийся от этого времени трактат Неккама относится к концу XII в. (около 1180 г.).

[8] «Агрикультура в памятниках западного средневековья», стр. 190.

тыги и несколько топоров. Для всех остальных работ употребляются деревянные инструменты, которые даже не перечисляются[9].) Во-вторых, происходит дальнейшее распространение трехполья и, что особенно важно для этого времени, постепенная ликвидация чистых паров. Однако для этого были необходимы определенные условия и прежде всего удобрения. На крестьянских держаниях были участки — сады, на которых использовались повышенные удобрения. Удобрять в таких же размерах более обширные площади пашни было невозможно — нехватало навоза. Поэтому еще римские писатели указывали, что лучшим решением этого вопроса является посадка на паровом поле кормовых растений. Однако эта практика была возможна при таком содержании скота, когда сохраняется большое количество навоза. В средние века помимо нехватки навоза препятствием к ликвидации паров были еще общинные обычаи, например, обязанность выгона всего скота общины на паровые поля (vaine pâture во Франции). И, наконец, необходимо, чтобы спрос на кормовые растения был достаточно высок вообще и чтобы они шли не только на корм скоту. В то время все эти условия были налицо лишь в немногих передовых странах, главным образом в округах быстро развивающихся городов, например, в Северной Италии, Фландрии. В Северной Италии устойчивость римских традиций и наличие большого числа развитых городов позволили поднять агрикультуру и прежде всего садоводство. Во Фландрии благодаря климату и плодородию польдеров процветало животноводство и навоз был всегда в изобилии. Эти обстоятельства ускорили здесь распашку общинных угодий, лесных земель и пастбищ. Правда, исчезновение лесов и пастбищ сократило базис животноводства, но именно сокращение естественных кормов заставило усиленно заниматься разведением кормовых растений. Во Фландрии паровые поля уже к концу XIII в. засевались кормовыми травами или турнепсом и животноводство получило новую базу. В других местах в XIII в. мы тоже иногда встречаемся с фактом ликвидации паров. В Нормандии, например, в одном договоре от 1275 г. мы встре-

[9] G. Duby. L'économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiévale. vol. II. Paris, 1962, pp. 77, 280.

чаем требование, чтобы съемщик по пару сажал бобы. Но полная ликвидация паров часто казалась в это время злоупотреблением, и в северошвейцарских Weisthümer мы находим прямое запрещение конверсии паровых полей в пашню. В Германии примеры паров дают так называемые егартены и коппельгартены [10].

В XIV в. Пьетро Крешенци начал пропаганду зеленого удобрения; а уже в XVI в. венецианец Барелло в своем «Ricordo d'agricoltura» вел систематические расчеты севооборота, в котором кормовые растения должны были заменить пары.

Другими важными усовершенствованиями в связи с дальнейшим распространением трехполья было более широкое применение тяжелого плуга на колесах, употребление лошади в качестве тяглого животного и постепенное вытеснение видов полбяных пшениц (triticum spelta) пшеницами мягкими (triticum vulgare).

У английских писателей XIII в. мы находим расчеты выгодности трехполья в сравнении с двухпольем [11]. Плуговая запряжка, которая может обработать 160 акров при двухполье, при трехполье могла бы обработать 180 акров. Английские агрономы устанавливали норму первой пахоты $^{7}/_{8}$ акра в день и повышали ее до 1 акра для второго пропахивания. Затем они высчитывали, что в 44 недели (за вычетом 8 недель праздников и других дней, свободных от работы) по 6 рабочих дней в неделю, одна плуговая упряжка может выполнить три вспашки 80-ти акров под хлеб (при двухполье — 160 акров), или две вспашки 60-ти акрам озимого посева и одну вспашку 60 акров ярового посева (при трехполье — 180 акров). Таким образом, преимущества трехполья для них совершенно очевидны и этот пример расчета свидетельствует о том, что трехполье прочно укрепилось в английской практике XIII в. Использование вместо волов в качестве тяглого животного лошади (явление, распространенное во второй период средневековья) тоже предполагает трехпольную систему, так как необходимые для корма лошади овес или ячмень — яровые сорта зерновых культур. Впрочем, следует заметить, что

[10] «Агрикультура в памятниках западного средневековья», стр. 192—193.

[11] Там же.

яровые посевы возможны и при двухпольной системе, и как раз в Англии в XIII в. двухполье, по-видимому, еще преобладало, хотя и уступало постепенно трехполью. Двухпольная система была доминирующей на известковых почвах и на не очень плодородных возвышенностях юго-запада, в то время как более богатые почвы на большей части острова были под трехпольем. Имеются сведения, что переход от двухполья к трехполью идет, правда, медленно с конца XIII — начала XIV в. и только с XVI в. такой переход становится более или менее повсеместным (хотя в XVI в. это уже переход не к трехполью, а к более сложным системам).

Поскольку дело идет о замене рала плугом, то здесь возникают две проблемы; происхождение плуга (об этом мы уже отчасти говорили в первой части работы); происхождение и применение отвала. Надо с самого начала заметить, что и тот, и другой (колесный плуг и плуг с отвалом) лишь постепенно распространяются в средней зоне Европы. Бедность крестьянства, основного производителя хлеба в средние века, препятствовала улучшению орудий производства и обусловила длительное сохранение двух отличительных черт в сельском хозяйстве средневековья: преимущественную запашку легких почв и употребление в течение долгого времени различных форм рала, а не тяжелого плуга на колесах.

Мы уже говорили, что тяжелый плуг на колесах был известен еще римлянам. «Варвары» тоже знали его, и даже возможно, что он был ими (или по крайней мере галлами) изобретен и применялся спорадически на тяжелых землях (например, в Англии с упряжкой в 4 пары волов). Но как обычное орудие для вспашки земли он распространялся очень медленно. Во второй половине XI в. так называемый «Парижский Словник» Жана Гарланда, описывая плуг, не упоминает колес. В Англии и в Северной Франции рало как обычное орудие для пахоты изображается в манускриптах вплоть до XIII—XIV вв., в средней Франции — вплоть до XV в. В валлонской части современной Бельгии наличие и в наши дни мест, в пределах которых колесный плуг называется errère (например, errère à roulette-charrue, ср. лат. aratrum), свидетельствует о долгом существовании античного рала в этом консервативном по своим обычаям районе. Древний плуг скоттов, существовавший кое-где в

Шотландии еще в XVIII в., по свидетельству 1793 г., «настолько плох, что он не заслуживает описания», и этот плуг никогда не был колесным. Похоже на то, что это было не обычное легкое рало, а какое-то тяжелое орудие, движимое многопарной упряжкой волов. Надо заметить, что подобный бесколесный тяжелый плуг (swing) еще и до сих пор употребляется на глинистых почвах Англии. Мелкие хозяйства вообще долго пользовались ралом. Еще в XVI в. английский агроном Фицгерберт писал, что плуг на колесах кажется ему значительно более дорогим, чем другие виды плугов. Да и вообще он не всегда склонен к тому, чтобы считать плуг лучше, чем простое рало. И действительно, еще в начале XIX в. в одной части Бэкингемшира конкурировали два вида плугов: деревянный бесколесный и железный колесный; зимою и ранней весной почва бывает здесь настолько влажной и мягкой, что колеса вязнут и поэтому чаще употребляется первый из них. На легких почвах вообще рало более употребительно вплоть до нашего времени. В Артуа, например, употребляется сорт рала с длинным, легко вынимающимся из земли сошником, причем у него нет ни ножа, ни колес, и употребляется такое рало для пропашки и удаления сорняков. Что касается отвала, то он появился у плуга значительно позже, чем колеса. На знаменитом ковре в Bayeux (XI в.) его изображение весьма неопределенно. Он с трудом признается на Дрезденском манускрипте Саксонского Зерцала. Существование его вполне доказано в Северной Франции лишь к середине XV в., в Англии — в XIV или в XV вв. Вначале это простая деревянная планка, которую можно было применять только на почвах некаменистых, и в таком виде он был распространен в XIV в. во Фландрии. Однако в таком виде вследствие своего несовершенства он лишь частично использовался в XV в. В одной и той же германской рукописи около 1480 г. можно видеть рало «с цепами» и плуг с отвалом. Несколько позже немецкий агроном Хересбах объяснил, что отвал употребляется там, где почва тяжелая; приделываются крылья к правой части сошника, которые переворачивают подрезанный дерн; эти крылья неподвижны и, повернув плуг, можно перенести подрезанный дерн в другую сторону. Технические условия усовершенствования плуга были вызваны тем обстоятельством, что

требовалась более частая вспашка земли. В XI—XIII вв. стали делать под озимое вместо двух вспашек — три. В XV в. под озимое делали уже четыре вспашки, а под яровое — две. Таков по крайней мере был порядок в больших и лучше оборудованных хозяйствах. В мелких же продолжал господствовать дедовский обычай вспашки ралом.

Не будем здесь подробно останавливаться на последнем из указанных выше изменений, характерном для второго периода средневековья: на изменении ассортимента зерновых культур; изменении, выразившемся в постепенной замене полбяных сортов пшеницы современными сортами, т. е. мягкой пшеницей (triticum vulgare) и твердой пшеницей (triticum turgidum). Специалисты отмечают, что такое явление наблюдается повсюду в Европе, и к концу XV в. полбяная пшеница осталась лишь в отдельных районах Швабии и Швейцарии и на наименее плодородных землях Бельгии и Испании. Мягкая пшеница завладела всей центральной частью Европы. Уже в договорах XIII в. мы встречаем требование засевать возможно большую часть площади этим сортом пшеницы. Но изменение сортов зерновых не было единственным изменением в зерновом хозяйстве развитого средневековья. Этот период знает и появление новых, весьма важных зерновых культур. Таким растением была, например, гречиха, которая появилась и быстро распространилась в Европе около XV в. Она была занесена, по-видимому, монголами с Дальнего Востока. Первое упоминание о ней мы встречаем в Мекленбурге около 1436 г.; после этого она быстро распространилась по всему Западу. В Нормандии она стала известна около 1496 г., в Британии — около 1500 г. и там она скоро заняла важное место в питании. Она хорошо росла на осушенных болотах, на местах, расчищенных от кустарника и вереска, на осушенных полях или на сгоревших торфяниках. В 1536 г. натуралист Де Ляруэль мог утверждать, что, хотя гречиха появилась лишь в последнее время, она уже распространилась по всей Франции.

Мы видели, что в древности и в раннее средневековье в плуг или в рало обычно впрягались волы; на легких почвах бедняки употребляли для этой цели коров и ослов. Вол был незаменимым работником вплоть до тех

времен, когда было совершенно нововведение, о полезности которого современники этого события много спорили и против которого не раз возражали, — речь идет об использовании на полевых работах лошадей.

Лошадь как тяглое животное встречается издавна. Во второй половине XI в. Жан де Гарланд в своем Словнике, перечисляя части плуга, упоминает о «juga in quibus boves trahunt», но тут же говорит об epiphia equina (мягкий хомут) и поясняет: «epiphia dicuntur collaria equorum». Возможно, что лошадь использовалась и на землях Парижского района; в последующие столетия ее применение здесь становится всеобщим и в текстах XV столетия о воле, как о тяглом животном на пахоте, упоминается редко. Около 1450 г. Жиль де Бувье противопоставляет районы, где применяются лошади — Шампань, Орлеан, район Шартра, тем районам, где употребляются волы — Анжу, Мэн и Бретань. В Верхней Нормандии в это же время лошадь в качестве живой силы на сельскохозяйственных работах наиболее употребительна. В Северной Франции произошла почти полная замена волов лошадьми. Однако запад, центр и юг Франции знают только волов. В XIII в. лошади упоминаются не раз в разного рода документах, относящихся к юго-западной части Германии. В общем же в большинстве стран, где употребляются волы, мы встречаем двухполье, часто в комбинации с бедными почвами, не производящими достаточно зерна для корма лошадей. Но даже в странах с волами лошадь как тяглая сила ценилась очень высоко. В Эльзасе и некоторых других районах мы встречаем добавочную упряжку, в которой к различным видам волового ярма припрягаются впереди одна или две лошади. В Оверни и на юго-востоке Франции место вола иногда занимает мул. Следует отметить, что применение лошадей начинается главным образом в крупных хозяйствах феодалов. Отсюда лошади переходят и в хозяйства крестьян. В одном документе от 1471 г. из Нижнего Керси крупный собственник уступает испольщику участок (borde) и снабжает его двумя лошадьми для его обработки.

В Южной Европе в использовании тяглой силы животных различались Италия и Испания. Италия — волы и около XV в. буйволы (buffalo); буйволы встречаются в районе Рима и вообще там, где тяжелые земли делают

их наиболее подходящим работником. В Испании, вероятно, под французским влиянием повсюду распространен мул, — факт, на который жалуются писатели XVII—XVIII вв. В Германии лошадь, введенная прежде всего в крупных поместьях юга и в Рейнской области, едва ли до конца XV в. стала распространенным видом тяглого скота. В Англии волы, настойчиво защищаемые агрономами, были так же распространены, как и лошади; их применение зависело от местности, а также от размеров и богатства хозяйства. Здесь мы встречаем упряжку в 4 пары волов, упряжку в 4 вола и 4 лошади и даже в 6 волов и 2 лошади. Английские агрономы XIII в. подробно обсуждают вопрос относительной выгодности той и другой тяглой силы. Лошадь ест много овса, она должна быть подкована; вол же не нуждается в этом. Жилю де Бувье кажется забавным, что в Ломбардии волов подковывают, как лошадей. Поэтому, по подсчетам писателей XIII в., иметь лошадь стоит в три-четыре раза дороже, чем вола. Далее — вол более терпелив и вынослив; если он стар, то его можно продать на мясо, тогда как у лошади ценна только шкура. (Они, эти агрономы, могли бы прибавить, что волы менее склонны к заболеваниям, чем лошади, и что их упряжь стоит дешевле.) Некоторые из них не колеблются, предпочитая вола, исключая работу на каменистых почвах, где неподкованный вол может покалечить ноги. Что же касается того, что лошадь движется быстрее, то именно это убеждает их, что вол предпочтительнее лошади; они считают, что добросовестный пахарь не допустит, чтобы лошадь шла быстро. Автор анонимного «Трактата об сельской экономии» прямо говорит, что пахарь «не потерпит, чтобы плуг, в который впряжены лошади, шел быстрее, чем плуг с быками».

Французские агрономы XVI в., наоборот, придавали большое значение скорости движения лошади. По их мнению, лошадь дает работы за день столько же, сколько три или четыре вола. В сыром умеренном климате время работы часто имеет решающее значение. Хозяин готов заплатить дороже, но не тянуть с пахотой, ибо от этого зависит его урожай. Так говорит Оливье де Серр, и это объясняет нам, почему в районе Парижа лошадь полностью вытеснила вола.

Причина, почему лошадь заменила вола так поздно и вообще стала заменять его только после X в., заключается в том, что лошадь не могла быть впряжена в плуг раньше, чем был изобретен соответствующий хомут. Мы теперь знаем, что в древности лошади имели хомут из мягкой кожи, который надевался на шею как раз там, где дыхательные артерии проходят под кожей; это настолько затрудняло ее дыхание, что она не могла работать в полную силу. Хомут, который лежит скорее на плечах лошади, чем на шее, появился в Европе не ранее X в. и был, по всей вероятности, заимствован из Азии.

Результатом всех этих технических улучшений был значительный подъем урожайности во второй период средневековья.

В раннее средневековье практиковался редкий посев семян. Даже на лучших землях аббатства Сен-Жермен-де-Пре высевали всего два гектолитра семян на гектар, а на менее обработанную землю высев достигал едва половины этого количества. Сельское хозяйство этого времени требовало большого количества рабочих рук и больших пространств.

Во второй период средних веков в результате всех усовершенствований (более совершенных орудий, лучшей вспашки и обработки земли) уже не требовалось такого количества земельной площади для того, чтобы получить достаточный запас продовольствия. Вероятно, в связи с этим стоит факт прекращения или по крайней мере уменьшения новых запашек, поднятия целины, лесных расчисток; замирает внутренняя и внешняя колонизация. Начиная с середины XIII в. новые запашки становятся редкими, а захваты земли там, где они все же имеют место, ведутся главным образом в расчете на расширение пастбищ. В некоторых местностях наблюдаются даже сокращение пахотных земель и забрасывание старых пашен, и все это свидетельствует о том, что старая практика расширения пахотных земель и их экстенсивная эксплуатация сменяется более интенсивной обработкой, стремлением получить больший урожай с меньшей площади.

Наиболее ярким показателем улучшения культуры земледелия является повышение урожайности полей начиная с середины XIII в. Не случайным является и то

обстоятельство, что с этого времени увеличивается количество документов, говорящих об урожайности; потребности практики сельского хозяйства вызывали интерес к опыту других хозяйств и к теоретическим вопросам агрокультуры.

Архивы английских маноров в особенности дают нам многочисленные данные об урожайности, но конечно это лишь приблизительные цифры, которые весьма разнятся от года к году и от одного хозяйства к другому. Все же они свидетельствуют о несомненном повышении урожайности всех видов хлебов и овощей. Например, в Рамзейском аббатстве ячмень давал от сам-семь до сам-одиннадцать, тогда как урожай овса едва превосходил семена. Другой пример (уже из Артуа): в начале XIV века урожай пшеницы доходил иногда до сам-пятнадцати, в среднем же держался на уровне приблизительно сам-восемь, овса — сам-шесть. В этой же местности во владениях Тьерри д'Ичкон урожай был такой: пшеница принесла 7,2 в 1319 г. 11,6 — в 1321 г. в другом владении того же сеньора: 11 — в 1333 г., 15 — в 1335 г. Во владении аббатства Сен-Дени в Иль-де-Франс пшеница в среднем давала в 8 раз больше посеянного. Но в то же время в крупных вотчинах Провансальских Альп урожай пшеницы был сам-три, сам-четыре. Иногда он опускался до уровня, на котором был еще при Каролингах, т. е. сам-два, но это — в горных областях. И только в небольших хозяйствах, недалеко от городов, на почвах, особо хорошо удобренных навозом, урожай пшеницы достигал уровня сам-шесть, сам-семь. Такой же урожай мы встречаем в это время на некоторых плодородных почвах в окрестностях Арля и Фрежюса. Однако урожай был весьма неровный. Посеяв 216 мер пшеницы, управляющие Мертонским колледжем получили в 1334 г. 869 мер, а в 1335 г. — 1040 мер. В бургундском домене Уж урожай пшеницы в 1380 г. был сам-десять, а в 1381 г. — только сам-три. Там же мы встречаемся и с другим фактом — непропорциональность урожая различных видов зерновых. В одном из владений в Артуа в 1331 г. пшеница, например, дала вдвое более высокий урожай, чем овес, и втрое больший — в 1334 г. Все это, конечно, результат неравномерности развития тогдашней агрикультуры; тем не менее можно попытаться сделать некоторые общие выводы. Английские агрономы

XIII в., например, установили в своих трактатах нормы урожаев: сам-восемь для ячменя, сам-семь для ржи, сам-шесть для гороха и чечевицы, сам-пять для пшеницы, сам-четыре для овса. Тщательное изучение отчетности многих английских маноров показывает, что такой подсчет несколько завышает реальный урожай. На хорошо обработанных землях епископа Уинчестерского пшеница давала 3,8; столько же ячмень, и овес — 2,4. Это очень мало; урожаи в Артуа и в Парижском районе были значительно выше. Но, с другой стороны, данные, которые у нас имеются относительно владений ордена Госпитальеров от 1338 г., мало расходятся с приведенными выше данными из Англии, да и в других районах Франции (в Тулузской области, например) урожайность в это время была не выше. В общем мы будем близки к действительности, если оценим в среднем урожай в Западной Европе к началу XV в. по зерновым сам-три, сам-четыре. Насколько эти урожаи ниже нынешних, можно судить по Нормандии. Там урожай пшеницы в наши дни в среднем в двадцать раз превышает посев, а в начале XV в. он был 3,2. Не следует, однако, забывать, что высокие урожаи наших дней весьма недавнего происхождения и ведут свое начало со времени аграрной революции и применения научных средств обработки земли. В своем «Театре Агрикультуры» Оливье де Серр замечает, что на хороших землях посев может быть увеличен в пять или шесть раз, а супрефект Марселя отмечал в 1812 г., что средний урожай за последние десять лет в четыре с половиной, в пять раз превышает семена. Сообщая эти факты, Дюби приходит к неутешительному выводу, что урожаи к концу XIII в. достигли такого уровня, который сохранялся в Европе вплоть до XIX в. Но в сравнении с ранним средневековьем и даже с эпохой Каролингов успехи агрикультуры к концу XIII в. были значительны. В самом деле, в эпоху Франкской монархии, как мы видели, урожай не превышал в среднем сам-два и лишь в особо благоприятных случаях превосходил эту норму. А в XIII в. Вальтер Хенли говорит, что земля, которая не дает утроенного количества семян, считается вообще не приносящей дохода, если только, как он добавляет, цена хлеба не очень высока. В целом для Западной Европы Дюби считает возможным утверждать, что в

сравнении с ранним средневековьем урожайность хлебов повысилась к концу XIII в. вдвое [12].

Чрезвычайно важным достижением второго периода средневековья было распространение и улучшение огородничества и садоводства. Эта сторона сельского хозяйства была тесно связана с развитием городов и проявилась прежде всего в развитии пригородного промыслового огородничества и садоводства. Для этой цели используются особо увлажненные земли; во Франции, например, термин «maraicher» (разводить овощи в больших количествах, специально заниматься промысловым огородничеством) произошел от слова «marais» — болото. В округе Визиль, недалеко от Гренобля, в середине XIII в. жители занимались главным образом выращиванием чеснока и лука. В конце XV в. Бретань снабжала овощами Англию. В окрестностях Франкфурта-на-Майне в 1440 г. было 42 мастера-садовника и 24 поденщика, работавших в саду и огороде, а с 1454 г. туда регулярно ходило судно, привозившее овощи из Бингена и Майнца. Изысканный вкус светских и духовных сеньоров, а также богатых горожан способствовал развитию садоводства и огородничества. Результатом таких потребностей были регулярные посадки. Например, согласно постановлению городского совета Пуатье от мая 1453 г., горожанам вменялось в обязанность сажать салат, причем семена доставлялись из Милана. В 1570 г. аббатство Ильзенбург купило в Магдебурге семена лука, петрушки, моркови, пастернака, белой капусты и аниса. Расширялся и состав огородных растений. Мы находим среди них щавель, шпинат, сельдерей и дыню (она во Франции называлась помпон), которые пришли на север в XIII и XIV вв. Около этого же времени в садах появилась клубника. Итальянские войны XV—XVI вв. принесли новое пополнение садовым культурам. Наилучший сорт дынь — канталупа, который был привезен в Европу из Армении, впервые был посажен в Италии в папской вилле Канталупи; во Францию ее вывез Карл VII. Он же привез из Италии неаполитанского садовника Дона Пачелло, которого Людовик XII поставил управляющим королевскими садами. Именно тогда-то и появились во Франции артишоки и спаржа. Прежде чем дойти до Па-

[12] G. Duby. Op. cit., p. 191.

рижа, они задержались в более мягком климате Луары; Франциск I получал их из Блуа. Антонио де Беатис около 1517 г. говорит о саде Блуасского замка, что в нем, кажется, имеются почти все плоды, которые растут на земле Кампании.

Мы уже видели, что и в раннее средневековье были известны почти все виды плодов, разводимых сейчас в садах. Но в большинстве случаев о садоводстве раннего средневековья в собственном смысле едва ли можно говорить. Для многих поколений крестьян существовали только дикие фрукты, собираемые в лесах. Деревья сажали в огороде, около дома или в самой чаще леса, но это были дички, приносившие небольшой урожай. Садоводство и специальное возделывание плодовых деревьев как общее явление стало распространяться только с XIII в. Начинается систематическая акклиматизация растений; в этом отношении были достигнуты несомненные успехи. Французские писатели отмечают, например, что около Парижа в XV в. было много фисташковых деревьев, разводимых ради масла, и их плоды были так же нежны, как оливки. Миндаль усиленно разводили в Верхнем Пуату; в наши дни миндальных деревьев там нет. Раньше думали, что миндаль был вывезен из Египта агентом Жака Кера Жаном де Вилляж, но Жиль де Бувье говорит (около 1452 г.), что эти деревья росли в изобилии в Провансе и Лангедоке. Абрикосы, по-видимому, были занесены в Прованс в эпоху крестовых походов. Белая шелковица (тутовое дерево) широко возделывается в Тоскане в XIV в.; до того времени был известен лишь ее черный сорт. Во Франции белая шелковица появилась около 1440 г. Она была занесена туда дофинейскими дворянами, которые сопровождали Рене Анжуйского в Италию, но распространяться она стала только при Карле IX. Эти сорта деревьев имели огромное значение для культуры шелка.

Большое значение имели регулярные посадки орехов и каштанов для масла. Около Парижа посадки эти шли плохо и культура их позже упала. В Сижи (Прованс), например, в 1600 г. каштаны росли вдоль дорог и вокруг полей. Теперь их там совсем нет — урожай не стоит затрат.

В Парижских и Пуатусских договорах до XVI в. мы редко встречаем обязательства арендаторов сажать пло-

довые деревья; после этого времени они становятся постоянными. Создается впечатление, что это было нововведение. В Нормандии такое движение началось раньше, во всяком случае оно уже идет полным ходом во второй половине XV в. Садоводы старались улучшить качество плодов, заимствовать лучшие сорта. Деревья старательно возделывались, окапывались, подрезались, укрывались от холода. В Нормандии уже в 1254 г. один держатель обязуется ухаживать за взятым в держание садом и в течение двух лет высадить на другом участке яблоневые и грушевые деревья и оградить этот сад. В Артуа в 1320 г. графиня Маго привезла из Бургундии привитые деревья и получала регулярный доход от продажи фруктов. В 1365 г. некие люди в Нормандии продают 104 привитых яблоневых дерева, 10 привитых груш и 104 виноградных саженца. В 1541 г. монахи Сен-Жерменского аббатства привозят 300 сливовых деревьев из Реймса.

Само собой разумеется, что сухие земли могли использоваться под огороды и сады лишь при условии искусственного орошения. И в этом отношении во второй период средневековья было сделано много.

Ирригационные работы в большом масштабе на юге Европы были проведены арабами. Именно арабы принесли технику подъема воды, орошения и осушения почвы. Еще раньше кое-что было сделано римлянами — ирригация в виде каналов и дренаж лугов. Они знали также разные приспособления для подъема воды, например, рычаг, который потом стал известен под арабским именем шадуфа. Архимедов винт, подъемные колеса с дырами по краям, приводимые в движение рукой или водой, колесо с цепью горшков по его окружности, — таковы были приспособления, известные издавна. Все они действовали в садах и огородах; наиболее распространен был простой шадуф. Испанские садовники употребляли его уже в VI в. и называли его ciconia (журавль), слово, которое затем перешло в романские и славянские языки. Это древнее приспособление издавна существовало и у славянских народов; едва ли можно сомневаться, что оно было известно по всей Европе. Во всяком случае на картинах Брегеля Старшего мы часто встречаем его изображение. В Германии мы также находим рисунок «журавля» в рукописях XIV в.

например, в Дрезденском списке Саксонского Зерцала. Подъемные колеса были широко распространены во времена мавров в Толедо. Такие же приспособления в большом количестве существовали в Лангедоке и графстве Венесен; хотя «нория» была и у римлян, неизвестно, снабжали ли римляне свои колеса цепью горошков так, чтобы они могли приводиться в движение животными, как в европейской и арабской нории. Едва ли можно сомневаться, что употребление нории было введено тоже арабами. Однако, хотя все эти приспособления были распространены арабами, не они их изобрели. На Западе для их обозначения употребляли персидское слово «дулаб», иногда «сания» (кропило, лейка). Слово «нория» испанский язык получил от арабского naora, которое и по сей день употребляется в Марокко для обозначения водоподъемного колеса, приводимого в движение водою. Нория по Европе распространилась медленнее, чем шадуф, и это говорит об ее более позднем появлении.

Главная заслуга арабов перед Европой заключается в распространении системы оросительных каналов с общественным контролем над распределением воды. Арабские нововведения продолжали существовать и после того, как арабы были вытеснены из большей части Испании. Испанский пример послужил образцом орошения для Южной Франции. В Италии первые важные оросительные сооружения появляются в Ломбардии в XII в.; в Эмилии — несколько позже. В начале XIV в. известны плодородные орошаемые луга около Милана, знаменитые mercite. На севере пастбища тоже улучшались с помощью ирригации; догадаться провести отводный канал от реки, чтобы он пересекал и увлажнял луг, было не так уж трудно. Такие вещи мы встречаем в это время, например, в Германии. Но наиболее известная система орошения XIV в.,— система каналов в Верхнем Дофине, на границе арабского влияния; соседние деревенские коммуны договаривались о проведении каналов через всю их территорию.

С распространением ирригации связано появление новых растений, требующих регулярных поливов больших площадей: хлопка, тростникового сахара и особенно риса. Много данных говорит за то, что и эти культуры, как и методы оросительных систем, были принесены в

Европу арабами. Рис, например, был известен еще римлянам, но только как предмет ввоза; арабы же распространили культуру риса в Испании и Сицилии. Значение риса в Сицилии ясно из доклада арабского правителя Аль-Мулея об экспорте съестных припасов (1253 г.). Культура риса в Северную Италию была перенесена только в XV в.: мы читаем о нем в пизанских документах от 1468 г.; вполне определенно говорится о рисе в документах из Ломбардии от 1475 г. Арабам же Европа обязана цитрусовыми. Горький апельсин появляется в Сицилии в 1002 г. сладкий — в Испании и в Италии в XIV в.

На основе садоводства развивается переработка фруктов. Особое значение приобретает производство сидра. Сидр и грушевая наливка упоминаются еще в «Capitulare de villis». Но сидр делали из диких и грубых сортов яблок и вполне понятно, что ему предпочитали пиво. С XII в. часто упоминается производство сидра в Нормандии; в XIII в. его вывозят в Англию. Но только в XIV в. нормандский сидр начинает конкурировать с пивом, хотя и трудно сказать почему. Несомненно, что в годы плохих урожаев зерновых хлебов нельзя было заниматься пивоварением, но едва ли это было решающим фактором. Вероятнее всего, что причиной этого было появление лучших сортов яблок, из которых выделывали сидр, но это, конечно, касалось только зажиточных слоев населения; менее состоятельные продолжали довольствоваться грушевой наливкой. Все сорта яблок для сидра и в наше время в Нормандии весьма отличаются от диких лесных яблок. Некоторые из этих сортов привезены были в свое время из баскских провинций, где употребление сидра восходит к древности. Баскские привитые яблони распространялись во Франции уже с XVI в. Постепенно сидр из культурных сортов яблок вытеснил сидр из диких яблок. В 1486 г. архиепископ Руанский получил 70 бушелей яблок из своих лесов около Девиля и употребил их на сидр. Но в том же году в его саду было посажено 70 привитых яблонь. Еще больше было посажено в следующем году, затем в 1499 г. и в 1500 г. снова были привиты и посажены пять дюжин деревьев.

Среди садовых посадок виноград занимал одно из первых мест и распространение лучших сортов виногра-

да — явление, характерное для этого периода как для Франции, так и для Западной, особенно Рейнской Германии. Но как мы уже сказали раньше, культура винограда уже у древних римлян была на той высоте, на какой она стоит и в наши дни; так что дальнейшее развитие виноградарства шло по пути его распространения в те области, где оно было возможным по климатическим и почвенным условиям.

В области животноводства мы встречаемся со стремлением упорядочить пользование лесами и лугами как кормовой базой животноводства. К концу XII в. лесные пространства в результате расчисток значительно уменьшились. Использование естественных пастбищ и лесов, не требующих затрат средств и ухода, давало средневековым людям довольно большие, хотя и временные преимущества. До известного времени эти преимущества уравновешивали недостатки низкой сельскохозяйственной техники и удовлетворяли элементарные потребности того времени. Большое значение имел и тот факт, что агрикультура в большинстве областей Европы развивалась в районах с абсолютно девственной почвой и поэтому оказывалась в благоприятном положении. Но эти времена скоро прошли. В ход пошли не только жнивье и залежи перед их первой вспашкой, но также и болота — факт, свидетельствующий о стремлении расширить выпасы. Скот держали летом на болотах. Болота доставляли тростник для подстилки скота и траву, которая давала немного сена, — но зимой скотина не особенно разборчива. Что же касается лесов, то они обычно были в распоряжении крестьян. В них, если не было особого запрета, они пасли своих лошадей, рогатый скот, овец и коз. Скот кормился древесными листьями, поедаемыми летом в зеленом виде, зимой — в высушенном, и травою с лесных полян и просек. Крестьянские свиньи питались желудями дуба и бука. Алеманская правда говорит о buricae, puriae, что означает либо крытые, либо огороженные места для загона скота в лесу. Еще в XIII в. стада необъезженных лошадей (equi silvestres, indomiti) содержались в лесах долины Мозеля. О стадах свиней, которые паслись без пастуха в лесах и превращались в полудиких животных, мы слышим из самых разнообразных мест. Помимо таких случаев (параллель которым можно найти также в Нормандии и в других местах),

лес доставлял значительную часть корма любому виду животных. Но это верно только для лиственных лесов. Позже с общим уменьшением площади, занимаемой лесами, мы наблюдаем любопытное явление: истребление лиственных лесов и замену их хвойными. Причина этого заключается в том, что тяжелый лес — дуб и бук растут медленно; кроме того, и для увеличившейся потребности в строительном материале хвойный лес оказывается более подходящим. Как мы видели, уже в раннее средневековье уменьшение лесной площади заставило устанавливать правила использования лесов. Эти правила становятся все строже. В Уазан (Дофинейские Альпы) в XV в. мы слышим жалобы на недостаток сена; запашка земель привела к тому, что сено можно было найти только на горах и в местах труднодоступных. Лесные ресурсы уменьшались не только в результате расчисток; выпас животных тоже приводил к гибели молодых лесков. Это приводило к злоупотреблениям, особенно в XIII—XV вв., когда выпас скота, идущего на продажу, стал развиваться то здесь, то там. В Диуа (Верхнее Дофине) в XV в. лес Сау кишел лошадьми, овцами, быками, свиньями. Один заводчик запустил в лес 40 лошадей, два других — еще 160. Страдали, разумеется, «маленькие» люди; лошади были пущены в лес до того, как по обычаям общины дозволено было пускать овец, и последним не хватило травы. Петиция жителей к сеньору напоминает ему о решении 1340 г., согласно которому никто не может пасти в лесу более 8 кобыл и 8 жеребчиков. Крупные собственники нередко пытались приостановить разорение их лесов. Во Франции Людовик IX и его преемники часто выкупали общинные права на пользование лесом в свою полную собственность, другие сеньоры тоже следовали этому примеру. Во многих других местах общинные права на лес были сильно урезаны. В Арденнах, например, в XIII в. период, в течение которого не мог сводиться мелкий лес, был увеличен. Овцы давно были исключены из числа животных, которых можно было выпускать в леса, но козы в 1554 г. в Льежском округе стали допускаться в молодой лес, если ему исполнилось девять лет. Ясно, что подобного рода запреты и ограничения пользования лесом, который когда-то был общинным, а теперь окончательно захватывался сеньором, утесняли прежде всего

хозяйство крестьянина. Отсюда громкие протесты общин и бесконечные судебные процессы. В 1303 г аббатство Сен-Жермен-де-Пре позволило людям деревень Антони и Шатона близ Парижа пускать в лес коров и телят за некоторое вознаграждение. Начиная с 1427 г. монахи напрасно пытались взять назад свое согласие. В 1523 г. они жаловались заведующему лесами, что их лес уничтожен коровами и что он потерял всякую ценность. Очевидно, потравы, произведенные коровами, уничтожали подлесок и чем скорее он исчезал, тем больше приходил в упадок лес. В конце концов стороны пошли на компромисс: было запрещено пользование лесом, не достигшим 9-летнего возраста.

Так в конце XIV — начале XV в. появились первые трудности с выпасом скота, которые скоро привели к весьма существенным изменениям прогрессивного характера — появлению искусственных лугов; и это, если можно так выразиться, спасло леса от грозящего им истребления. Одновременно по причинам, о которых мы говорили выше, идет усиленная замена лиственных лесов хвойными. Исследователи отмечают, что в то время как в древности германские леса на две трети были лиственными, к концу XV в. они на две трети стали хвойными.

Искусственные луга являются важным показателем улучшения сельскохозяйственной техники средневековья. Они, иногда удобренные (особенно голубиным пометом) и осушенные (даже на севере), существовали местами с давних времен в странах, подвергшихся романизации. В Германии эпохи Каролингов, когда стала клониться к упадку система выпаса на полях (Feldgrasswirtschaft), искусственные луга тоже иногда встречались в деревне. Но такие луга были сравнительно редки и они находились в монопольном владении сеньоров, которые, таким образом, имели в своем распоряжении запасы сена для улучшенной кормежки скота. Общинные права, согласно которым луга после первого укоса (а иногда и после второго) должны были оставаться «открытыми» для скота всей общины, были сокращены, хотя и не совсем отменены. Такова была обратная сторона сеньориальной монополии, ибо, сокращая общинные права, сеньоры расширяли собственное право пользования, которое чаще всего выражалось в увеличении количества голов барского стада, выпускаемых на общинные луга. В некото-

рых наиболее передовых в хозяйственном отношении странах, например в Нормандии, Фландрии и отчасти в Англии, луга заметно увеличивались за счет осушения болот. У нас нет прямых данных, позволяющих утверждать это для Англии, но здесь недостаток лугов приводил к тому, что давно уже имели место многократные разрушения оград вокруг болот, — факт, свидетельствующий о том, что попытки расширить луга за счет болот существовали издавна. Как бы то ни было, в XIV—XV вв. осушка болот велась довольно энергично, и результатом этого было появление новых лугов, которые постоянно оставались лугами, так что и дальнейшая обработка не могла превратить их в пахотную землю. Сравнение Книги Страшного Суда с данными XIV в. дает представление о весьма существенных переменах, происшедших на заболоченных местах Англии, осушенных за этот промежуток времени. Это особенно заметно на прибрежных местах, затянутых тиной, но также дает о себе знать и на торфяниках юга. Пожалуй, в этом отношении на первое место следует поставить Фландрию. Здесь отвоевание у моря почвы, сопровождаемое дренажем, способствовало росту и улучшению животноводства. Новая земля сначала шла на выпас овец; так обстояло дело уже с XI в. Овцы затем вытеснялись на луга по морскому берегу (schorres), в то время как луга, на которых они паслись ранее, подвергались дальнейшему дренажированию и затем служили местом выпаса для лошадей и коров. Согласно хартии города Брюгге от 1515 г., жители этой страны жили за счет разведения на мясо коров, которых они покупали в соседних районах. Благодаря жирной траве и уходу, Фландрия вывела крупную тяжелую породу скота.

Кролики, одомашнивание которых шло довольно медленно, были единственными животными, которые в средние века прибавились к уже известным видам домашних животных. Мы не знаем точно, когда они появились в хозяйстве европейских народов. Есть предположение, что родиной дикого кролика является Южная Европа, откуда он распространился по Средней и Северной Европе и был вывезен в Азию. К позднему средневековью кроличьи садки (garennes) составляли непременную принадлежность в хозяйстве французских сеньоров, где кролики содержались в полудиком состоянии в

огороженном месте в лесу и служили предметом благородной страсти сеньоров, устраивавших на них охотничьи облавы.

В качестве общей черты, характерной для животноводства конца второго периода средневековья, следует отметить улучшение пород и развитие отдельных отраслей животноводства в зависимости от местных условий. Таким, например, было появление больших овцеводческих хозяйств в Англии, несколько позже — в Испании и Италии, выведение местных пород рогатого скота во Фландрии, молочного скота в Голландии. Усиленно разводят овец на землях Тевтонского ордена (сведения относятся к 1400 г.). Имеются данные, что для улучшения породы покупают и привозят из далеких стран производителей, и это особенно заметно в деле выведения новых пород лошадей.

Вследствие того что лошадь ценилась прежде всего на войне, выведение их хороших пород производилось с особой тщательностью. Некоторые страны Европы, например Нормандия, издавна славились своими лошадьми. Отчет за 1338 г., приготовленный для короля Филиппа VI Валуа, указывает, что в его конюшнях в Домфранте было два жеребца-производителя, 28 маток, 28 жеребят и одна рабочая лошадь. Эти конюшни выращивали лошадей для подарков лицам высокого ранга — дочерям королевы и придворным дамам. Как лошадь под седло арабо-английская порода и в наши дни не знает себе равной. Во Франции территория, откуда эта порода распространилась, находится к северу от Пиренеев, в окрестностях Тулузы и доходит на севере до границ Пуату и Берри. Это как раз та площадь, которую когда-то занимали сарацины, и весьма вероятно, что разведение лошадей с примесью восточной крови относится еще к раннему средневековью, ко времени, когда здесь были арабы. Славились и другие породы. В 1153 г. епископ Суассонский за одну лошадь из Лимузена дал 5 сервов, в 1312 г. Филипп Красивый заплатил 500 ливров за две таких лошади. Испанские жеребцы продавались по очень высокой цене; андалузская порода мало чем отличалась от арабской и тоже была излюбленной во Франции. Хорошие породы лошадей разводились и на севере; около 1312 г. тот же Филипп Красивый покупал лошадей в Германии, Фризии и Дании. В 1370 г. лошади

для Нормандии приобретались в Брюгге. Для XV в. характерен вывоз лошадей из Англии, вызванный потребностями английских войск в Нормании, но возобновление его в 1478—1480 гг. объясняется тем, что эти лошади там привились.

Откорм быков на мясо еще не был распространен. Даже в хозяйствах таких передовых областей, как Артуа, долина Рочестер часто было всего два быка, выкармливаемых на мясо. В Бонньер от праздника всех святых 1327 г. до троицы 1328 г. откармливалось только три быка. Похоже, что котантенские быки, о которых Фруассар говорил, что у них самое вкусное мясо, были все же упряжными животными. Вероятно, рост городов побуждал увеличивать число быков для убоя. Так, например, делалось на землях целестинских монахов в Поршфонтен, недалеко от Парижа, в 1507 г.

Благодаря Жану де Брие, написавшему для Карла V Французского трактат, краткое изложение которого, сделанное уже в XVI в., дошло до нас, у нас имеются довольно точные сведения о разведении овец в XIV в. Овцы выкармливались на открытых полях в июне, когда там росло много чертополоха («car la pâture de chardons leur est bonne» — прибавляет автор), и с августа — на жнивье. Зимой во время оттепели или дождей он советует давать им солому — бобовую, а не гороховую. В Артуа им дают вику с некоторым добавлением овса маткам с барашками для того, чтобы выкармливать их на жир. С весны до конца осени они содержались по ночам на пашне в загоне, т. е. там же, где и паслись. Так как в те времена была большая опасность волков, то Жан де Брие рекомендует держать в качестве овчарок крупных дворняг с тяжелой большой головой и железным ошейником. Возможно, еще бóльшие передвижения раннего средневековья способствовали тому, что порода овец улучшилась привнесением в них прямо или косвенно крови из овец евразийских степей. Известно, например, что арабские нашествия оказали влияние на породы овец, разводимых в Северной Африке. До прихода арабов там были распространены берберские овцы сирийской высокорослой породы; они разводились до самого Туниса и далее на восток,— обстоятельство, которое делает обоснованным предположение, что они были занесены сюда еще финикийцами. Арабы принесли

сюда свою породу малорослых овец. Эта порода значительно лучше других, и она распространилась по всему нынешнему Алжиру.

В умеренной зоне Европы покупка в далеких краях овец, подобно тому, как мы это наблюдали с лошадьми, подготовила почву для выведения лучших пород. Испанские овцы в XIV в. покупались для Мэна и Нормандии. Репутация английских овец на континенте следовала за английскими армиями. 95 голов, высаженных в 1425 г. на берег около Дьеппа, возможно, были предназначены для продовольствия английских войск, но котсвольдские ярки, отправленные в Испанию в 1462 г., уже предназначались для скрещивания с испанскими мериносами.

В связи с животноводством следует упомянуть и об улучшении питания самого человека. Речь идет о таких продуктах, как животное масло и сыр. Уже скифы обучили греков изготовлять из молока масло, хотя и греки, и римляне едва ли употребляли масло в еду, а главным образом смазывали им кожу. Плиний говорит, что употребление масла (в пищу) отличает у «варваров» богатых от бедных. В знаменитой 22 главе своих «Комментариев» Цезарь упоминает о том, что германцы питаются главным образом молоком, сыром и мясом. В средние века масло было распространено широко, но считалось роскошью; говяжье и свиное сало были более доступны. Почти все инвентари конца XV в. составленные в местностях по соседству с Парижем, упоминают о горшках с маслом и о маслобойнях. Но следует тут же отметить, что в одном из инвентарей масла указано 13 фунтов, тогда как свиного сала — 80 фунтов. Уже в XIV в. сливочным маслом славились Голландия и Фландрия. Жиль де Бувье сообщает, что Бретань производила и экспортировала в это время большое количество масла. Некоторые страны были значительными экспортерами сыра — Англия, Голландия, Нормандия, Овернь, Бри. Филипп-Август кормил челядь своего замка в Фалезе английским сыром; еще в XV в. он ввозился во Францию через Дьепп и Кале. Много потрудились для выработки хороших сортов сыра средневековые любители гастрономии — монахи. В начале XVI в. арендатор целестинских монахов в Поршфонтене обязан был давать им тридцать дюжин необезжиренных

сыров ежегодно, причем таких форм и размеров, какие будут ему указаны целестинцами.

Еще с I в. до н. э. бельгийские свиньи были хорошо известны даже в Италии. Белги пасли их в лесах, и эти полудикие животные отличались силой и быстротой. Разведение свиней было важным делом у франков; Lex Salica изобилует параграфами, относящимися к свиноводству. В XIV—XV вв. германские сеньоры держали громадные стада свиней, иногда до 50 000 голов.

Потребности церкви в воске и употребление в некоторых странах медовых напитков привлекло тогдашних людей к пчеловодству. Бортничество и сбор дикого меда были известны человеку давно: Варварские правды часто говорят о регулировке собственности на рои диких пчел. Для развитого средневековья уже характерно культурное пчеловодство. В некоторых районах оно становится весьма распространенным, хотя едва ли можно говорить о его специализации. На солнечных склонах Севенн, в Южном Виваре документы, относящиеся к середине XV в., упоминают пчельники по 40 ульев в каждом и даже один — с 90 ульями.

И, наконец, домашняя птица. Она разводится в большом количестве и на потребу сеньоров, и на продажу в город. Главным образом, это куры и гуси. Разводилось много голубей, но голуби были привилегированной птицей, разводимой главным образом сеньорами и питавшейся на крестьянских полях. Голубятни, или лучше сказать их ликвидация, были одним из важных требований в крестьянских наказах в Генеральные Штаты 1789 г. Из Англии мы имеем такие же известия. С двух небольших маноров в деревне Грандчестер королевский колледж в Кембридже получал для стола по 2—3 тысячи голубей ежегодно. Утки, павлины и лебеди тоже были известны, но употреблялись относительно редко, главным образом к праздничному столу.

Глава VII

ВОТЧИНА — МАНОР — СЕНЬОРИЯ

Вотчина — хозяйственная, социальная и политическая организация господствующего класса при феодализме. Феодальная собственность и вотчина — сеньория. Вотчина как организация, в которой воплощаются производственные отношения феодального общества. Вотчина как организация распределения феодальной ренты. Хозяйственное значение вотчины. Вотчинная теория в ее классической форме; так называемое «критическое направление» в историографии раннего средневековья и его институтов. Значение работ Допша и критика его теории; роль средневековой вотчины по Допшу. Натуральное хозяйство; его понимание Марксом. Иллюстрация общих положений о средневековой вотчине конкретными примерами из истории Англии и Франции.

Хозяйственной, социальной и политической организацией господствующего класса феодальной формации начиная с эпохи раннего феодализма была вотчина (манор, сеньория) — более или менее крупная территория с населением, находившемся в той или иной форме зависимости от феодального собственника этой территории. Размеры территории определялись, как правило (но не обязательно), положением ее собственника в иерархической структуре господствующего класса; иногда разные привходящие обстоятельства делали субвассала или субсубвассала более крупным феодальным собственником, чем его сеньор, но это не меняло ни характера вотчины, ни тех отношений, которые соединяли сеньора и зависимое население. Характерной чертой феодальной собственности было то, что земельный собственник, будучи носителем частноправовых функций, был в то же время и исполнителем публичноправовых функций суда, администрации и военного управления. Позже часть этих функций отошла к централизованному феодальному государству, но все же вплоть до буржуазных революций и появления буржуазного государства фео-

дальные собственники не только через свое государство, но и каждый в отдельности выполняли некоторые публичноправовые функции по отношению к жителям территории своей феодальной собственности, которая называлась или феодом, поскольку она мыслилась как часть собственности господствующего класса, связанного внутренними узами, или называлась вотчиной (манором, сеньорией), поскольку отмечалась та ее сторона, которая выражала хозяйственную специфику феодальной собственности.

Для понимания феодализма, как определенного строя производственных отношений, мы должны исходить из рассмотрения вотчины, поскольку эта последняя воплощает в себе специфику этих производственных отношений. С другой стороны, мы должны также выяснить структуру вотчины как хозяйства определенного конкретного представителя господствующего класса, как хозяйства, которое служит задачам производства феодальной ренты и распределения ее между представителями господствующего класса.

Подходя к феоду-вотчине именно с этой стороны, учитывая как производство, так и распределение феодальной ренты, мы вынуждены будем признать, что без изучения в первую очередь внутренней структуры вотчины и тех отношений, которые существовали в ней между собственником и держателями, мы не поймем существа феодализма как особой формы производственных отношений. Вотчина-сеньория всегда была прежде всего организацией господствующего класса, имевшей целью в первую очередь обеспечение специфически-феодальной формы эксплуатации непосредственных производителей; и подчеркивая это, мы не должны преувеличивать экономического значения самого господского хозяйства. Следует задаться вопросом, в чем заключалось и как велико было это значение. Прежде всего следует остановиться на тех разногласиях, какие существовали, да и сейчас еще существуют в буржуазной литературе по этому вопросу.

Выше мы уже привели то положение, что вотчина, будучи крупным хозяйством, не была вместе с тем крупным производством. В основе всего феодального хозяйства лежало мелкое производство; производство в господском хозяйстве имело такой же индивидуальный ха-

рактер, как и в крестьянском. Такая точка зрения переносит центр тяжести хозяйственного развития феодальной формации на крестьянское хозяйство, рассматривает феодальную собственность господствующего класса как основу эксплуатации непосредственного производителя, а хозяйственную организацию, вотчину — как организацию для производства и сбора феодальной ренты. Указанная выше концепция естественна в нашей стране с ее принципиальным признанием роли трудящихся масс в развитии человеческой культуры в целом.

Нет ничего удивительного в том, что домарксистская историография прошлого, на которой отразились, например, в Германии дворянско-юнкерская идеология, или аристократические традиции в Англии, либо, наконец, безнадежно твердолобая собственническая политика буржуазии во Франции, несмотря на то, что отдельные буржуазные исследователи принуждены были под давлением фактов признать и общину, и мелкое крестьянское хозяйство производственной основой средневекового хозяйства в целом, исходила из противоположной точки зрения. Так возникла так называемая «вотчинная теория» и ее разновидности, в последнее время стремящиеся подновить старую теорию внесением в нее некоторых поправок в соответствии с новой документацией и при помощи этих поправок сохранить ее основу, подчеркнуть особые организационно-производственные функции вотчины.

В чем сущность так называемой вотчинной теории? Эта теория, особенно распространенная среди буржуазных историков второй половины XIX в., гласила, что вотчина, под какими бы наименованиями она ни существовала, была производственно-организующим центром всего средневекового хозяйства и единственной формой, из которой в дальнейшем вышли все другие формы хозяйственных и социальных организаций в средние века. В вотчинной теории, созданной главным образом в Германии в трудах Инама-Штернегга и Лампрехта, имелись различные варианты. Одни из историков (Инама-Штернегг, Лампрехт, Виноградов, Ковалевский) так или иначе соединяли вотчинную теорию с общинной теорией, о которой мы говорили подробно раньше, признавали, что община как совокупность свободных общинников предшествовала вотчине с ее закрепощенным насе-

лением; другие (Фюстель де Куланж, Сибом, Допш) — вообще отрицали существование общины у древнегерманских племен Западной Европы, называли ее «фантазией немецких историков», «романом, введенным в науку» (Фюстель де Куланж), рассматривая все развитие феодализма как «движение от несвободы к свободе» (Сибом), и утверждали, что община была порождением вотчины и что частная собственность на землю была всегда и везде исконным институтом. Особым вариантом вотчинной теории была теория Виттиха, который рассматривал даже поселения древних германцев времен Тацита как своеобразную совокупность мелких вотчинников и, таким образом, полностью отрицал наличие общины свободных равноправных соплеменников у древнегерманских племен.

Со второй половины 90-х годов XIX в. развивается «критическое направление» в историографии раннего средневековья. В отношении к проблеме вотчины этот критический подход выразился, во-первых, в стремлении снять вопрос о коренных, качественных сдвигах в истории, связанных с закрепощением свободных общинников и с появлением раннефеодальной вотчины; во-вторых, в переоценке всех представлений о характере, внутренней структуре вотчины и связанных с нею общественных институтов. Эта переоценка, проводившаяся под флагом уточнений, необходимых якобы в свете новых документов и археологического материала, давала простор для всякого рода реакционных толкований и социологических обобщений, вытекавших из буржуазной идеологии эпохи империализма. Оценивая это направление в целом, советский историк А. И. Данилов приходит к выводу, что «представители новых концепций в немецкой медиевистике в сущности не смогли внести равноценный вклад в изучение вотчины раннего средневековья по сравнению с тем, который внесли Г Д. Маурер, К. Т. Инама-Штернегг, К. Лампрехт, хотя отдельные результаты работ Г Каро, Г Зелигера, Г Белова и других представителей «критического направления» и имеют определенное положительное значение для изучения истории раннего средневековья. Однако, справедливо критикуя отдельные положения немецкой медиевистики 50—80-х годов XIX в., представители «критического направления» оказались не в состоянии не только

создать новую целостную научную концепцию, но и сохранить научно-плодотворные достижения предшествующей немецкой медиевистики»[1] Остановимся вкратце на представителях «критического направления» и их взглядах на раннесредневековую вотчину.

В конце XIX — начале XX в. представителями так называемой «страссбургской школы» В. Виттихом и Ф. Гутманом была сделана попытка подвести новую базу под вотчинную теорию. С этой целью они поставили под сомнение вопрос о коренных изменениях в социальных отношениях раннего средневековья в результате закрепощения свободных общинников и утери ими земельной собственности; во-вторых, объявили вотчину исконной формой экономической жизни германских племен. Предшествующих сторонников вотчинной теории Виттих и Гутман критиковали прежде всего за взгляд на происхождение вотчины как на результат переворота в социально-экономических отношениях раннего средневековья. Несколько по-иному критиковали и исправляли вотчинную теорию Г Каро, Г Зелигер и Г Белов. Они выступили против чрезмерно высокой оценки значения вотчины раннего средневековья, в особенности же против того, что в эту эпоху развитие вотчины происходило за счет ликвидации свободного крестьянского землевладения и что оно привело к почти полному исчезновению свободного крестьянства.

Г Каро старался доказать, что в каролингский период не было установлено безраздельное господство вотчины и не исчезло свободное крестьянство. По его утверждению, свободное крестьянство сохранило свое социальное значение в жизни немецкой деревни и в последующие времена.

Г Зелигер пришел к выводу, что, во-первых, вотчина в раннее средневековье не является совершенно независимой организацией, «государством в государстве», во-вторых, внутренний строй вотчины нельзя рассматривать только как воплощение несвободы; вотчинные отношения были вполне совместимы с сохранением личной свободы лиц, втянутых в эти отношения.

А. И. Данилов. К критике допшианской концепции раннесредневековой вотчины. Сб. «Средние века», вып. IX. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 9.

Г Белов выступил против теории вотчинного происхождения города и связанных с ним институтов; он также отрицал вотчинный характер ремесла раннего средневековья и считал неправильным недооценивать значение торговли в эту эпоху.

И, наконец, Допш, защитник вечного существования не только собственности, но и капиталистических отношений, историк, больше всего испытавший на себе влияние идеологии империализма, обобщил и продолжил разработку взглядов сторонников «критического направления» на вотчину раннего средневековья. В своей книге «Хозяйственное развитие каролингской эпохи» и в последующих работах Допш высказывал надежду, что они вызовут «всеобъемлющий пересмотр» распространенных взглядов на основы хозяйственной жизни средневековья. При этом Допш больше всего основывал свои претензии на новом материале источников. Ему действительно нельзя отказать в знании материала; и однако это не мешает ему быть типичным представителем самых реакционных тенденций буржуазной историографии эпохи империализма.

Прежде всего Допш решительно отвергает представление о том, что крупные вотчины возникли только в VIII—IX вв.; эта теория якобы предполагает слишком много слепого и наивного доверия. Процесс образования вотчины протекал, по его мнению, на протяжении многих столетий, можно сказать, с тех пор, как существует королевская власть, церковь и знать. Но и на протяжении раннего средневековья, продолжает Допш, вотчина не уничтожила мелкую свободную земельную собственность.

В «Хозяйственных и социальных основах европейского культурного развития» Допш поставил целью доказать непрерывность исторического развития от эпохи Римской империи до раннего средневековья. Выступая против марксистского учения о формациях как качественно отличных системах производственных отношений и принимая некоторые положения историков «критического направления», он считал, что вотчина была исконным институтом у германских племен, а соприкосновение ее с римскими аналогичными явлениями только укрепило ее, и, так как римские отношения были более развиты, римское влияние стало преобладающим и в

раннее средневековье. Вотчина существовала еще у древних германцев, и она ничем не отличается от крупных поместий римских времен, так сказать, продолжая их. Вотчина не связана с крепостным состоянием крестьянства. Наконец, нельзя рассматривать раннефеодальную вотчину как господство натурального хозяйства. Последнее утверждение вылилось у Допша в его положение о «вечности капитализма». «Капиталистический дух» он нашел и в вотчинных хозяйствах раннего средневековья, опираясь при этом на положение Белова о существовании в раннем средневековье свободного, не связанного с вотчиной ремесла и о широком участии вотчинников в торговле.

Нам нет нужды здесь критиковать каждого из представителей так называемого «критического направления»; это уже сделано в книге А. И. Данилова[2]. Достаточно остановиться на критике взглядов Допша, тем более что эти взгляды представляют собой до известной степени чисто механическое соединение наиболее неприемлемых с нашей точки зрения положений как старой вотчинной теории, так и ряда утверждений историков «критического направления».

Итак, резюмируем основные положения Допша.

В каролингский период происходило лишь дальнейшее развитие крупных вотчин, которое не свидетельствовало ни о каком перевороте в социально-экономических отношениях. Сводить роль крупных вотчин только к вытеснению ими мелкого свободного землевладения и к закрепощению крестьян, усматривать в крупных вотчинниках только угнетателей, было бы, по мнению Допша, ошибкой. Крупная вотчина, наоборот, создала возможность социального и экономического подъема низших классов. Вотчинное землевладение, по его мнению, не только сосуществовало с мелкой свободной земельной собственностью и свободным крестьянством; вотчина, по утверждению Допша, была источником социального и экономического благосостояния мелких земледельцев.

Допш решительно отвергал представление о натуральном характере вотчинного хозяйства. Вотчина, кото-

[2] См. А. И. Данилов. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в. М., Изд-во АН СССР, 1958.

рая состояла из разбросанных по разным местам барских дворов и тянущихся к этим дворам крестьянских держаний, не могла быть замкнутым комплексом. Она не могла обойтись без применения наемного труда, широких торговых связей и денежного обращения. Кроме того, наличие как внутри вотчины, так и за ее пределами развитого ремесла, наемного труда, оживленных торговых связей, городской жизни, непрерывно существовавшего со времен Римской империи денежного хозяйства, — все это, по мнению Допша, делает неправомерным предположение о господстве натурального хозяйства в экономике средневековья. Но Допш идет дальше. Он утверждает, что раннему средневековью уже были свойственны капиталистические отношения. Историк-экономист, считает Допш, должен исходить из признания исконного существования самых различных экономических форм на всем протяжении существования любого народа. Нельзя утверждать, говорит Допш, будто бы все новое всегда должно было возникать во враждебной противоположности к предшествующим состояниям. Нельзя, пишет Допш, и в этом сказывается принципиальное отрицание им материалистического понимания истории, разграничивать и определять те или иные исторические эпохи, исходя из предположения, что каждая из них характеризуется господством определенных экономических принципов[3]. Из этих положений Допш делает вывод о вечности капитализма как в прошлом, так и в будущем, политически обнадеживая буржуазию и выступая против марксистского утверждения об исторической неизбежности гибели капитализма. «Капиталистический дух» существовал уже во Франкской империи. Этот дух свойствен не только новому времени; он встречался уже в древнем мире, и он также не чужд средним векам; даже в раннее средневековье, по мнению Допша, существовали большие капиталистические предприятия.

Доказательства, которые Допш приводит в подтверждение своих взглядов (а они кажутся чрезвычайно многочисленными, ибо Допш большой знаток источников и письменных, и вещественных, добытых археологией), свидетельствуют о том, что Допш не столько делает выводы из фактического материала, сколько путем иногда

[3] А. И. Данилов. К критике допшианской концепции... стр. 13.

весьма произвольного его истолкования выискивает факты в подтверждение принятых им заранее теорий. С этой точки зрения его метод извлечения из источников исторических данных, несмотря на призывы Допша к необходимости критики источников, никак не может считаться обогащающим науку. Что же касается его синтетических обобщающих построений, то всякий, кто читал его работу «Натуральное хозяйство и денежное хозяйство», становится просто в тупик перед упрощенностью и наивностью его теоретического мышления.

Необходимо все же подробней разобрать взгляды Допша на феодальную вотчину, и прежде всего дать общую оценку его положения о «вечности капитализма».

Конечно, Допш не решается утверждать, что в раннее средневековье существовали такие же предприятия капиталистического типа, как и в новое время. Такое утверждение было бы очевидной нелепостью. Он, правда, говорит, что всякая ведущаяся в большом объеме торговля тяготеет к капиталистическому строю, и готов видеть капитализм там, где налицо товарно-денежные отношения. Однако для него развитие товарного обращения и денежного хозяйства не является достаточным условием существования капитализма. Сущность капиталистического хозяйства он вслед за Зомбартом видит в «капиталистическом духе», который выражается в стремлении к увеличению богатства, в стяжательской и предпринимательской деятельности. Поэтому крупные вотчины раннего средневековья для него — капиталистические предприятия, и крупные вотчинники — предприниматели и капиталисты. Они стремились увеличить размеры своей собственности, они в неурожайные годы скупали по дешевке зерно у своих держателей, а затем продавали его по повышенным ценам, спекулируя на народной нужде; они весьма часто старались увеличить производство сельскохозяйственных продуктов с целью продажи их на рынке. Однако эти постоянно повторяемые Допшем аргументы в пользу «средневекового капитализма» абсолютно не выдерживают критики с точки зрения марксистского понимания таких явлений, как натуральное хозяйство или капиталистический способ производства. С точки зрения марксистского понимания истории лишь капиталисты являются представителями производительного богатства, и лишь механизм капиталисти-

ского воспроизводства требует непрерывного расширения производства, тогда как феодалы являются представителями потребляемого богатства, и сам механизм воспроизводства феодального натурального хозяйства не требует постоянного расширения производства.

С точки зрения марксистского понимания натурального хозяйства утверждение, что данное хозяйство, например, феодальная вотчина, является натуральным потому, что оно ничего не продает и не покупает, не является достаточным. Такое определение отражает лишь внешнее проявление натуральности хозяйства, но не ее сущность. Исследуя феодальную ренту и формы ее развития, Маркс дает следующее определение натурального хозяйства. Хозяйство является натуральным, если «условия хозяйствования целиком или в подавляющей части производятся в самом хозяйстве, возмещаются и воспроизводятся непосредственно из его валового продукта» [4]. Из этого вытекает ряд следствий. Во-первых, в таком хозяйстве труд земледельческий соединяется с ремесленным трудом, который подчинен первому; во-вторых, феодальная рента не принимает форму прибавочной стоимости, а поступает феодальному собственнику в натуральной форме (барщина, натуральный оброк). Отдельные работы и продукты, говорит Маркс, «входят в круговорот общественной жизни в качестве натуральных служб и натуральных повинностей. Непосредственно общественной формой труда является здесь его натуральная форма, его особенность, а не его всеобщность, как в обществе, покоящемся на основе товарного производства» [5]. Феодальная собственность, выступавшая, по определению классиков марксизма, как «земельная собственность вместе с прикованным к ней трудом крепостных» [6], в средние века закрепляла натуральный характер всей экономической жизни. Конечно, в это время существовали и обмен, и некоторые элементы товарного хозяйства, как это видно даже из таких ранних документов, как «Capitulare de villis», но констатируемые в отдельных случаях торговые сделки не нарушали натуральный характер феодальной вотчины и не разрушали производственных отношений феодализ-

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 359.
[5] Там же.
[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 23.

ма, поскольку воспроизводство условий труда, в том числе и рабочей силы, продолжало осуществляться в пределах самого хозяйства. Все источники говорят нам о том, что в вотчине раннего средневековья, как правило, не применялась наемная рабочая сила; рабочая сила вотчины — крепостные и зависимые крестьяне, в крайнем случае — дворовые холопы. Те же источники говорят нам о решительном преобладании барщины и натурального оброка в составе феодальной ренты раннего средневековья, что опять-таки является красноречивым свидетельством натурального хозяйства в вотчине раннего средневековья, равно как и в крестьянском хозяйстве.

Все это говорит нам о том, что общее значение господского хозяйства в хозяйственном развитии общества было весьма скромно.

Поскольку хозяйство вотчины держалось на крепостном труде крестьян и земля вотчины обрабатывалась крестьянским живым и мертвым инвентарем и вследствие этого процесс производства имел индивидуальный характер, то развитие производительных сил осуществлялось через мелкое крестьянское хозяйство. Причем, если известное развитие производства имело место и в господском хозяйстве феодала, то оно осуществлялось за счет крестьянского инвентаря и крестьянского труда, затрачиваемого не как общественно-комбинированный, а как индивидуальный труд. До известной степени организующее значение крупная вотчина имела лишь в тех случаях, когда сказывалась необходимость простой кооперации, например при расчистке леса, осушении болот и т. д., но опять-таки и в данном случае на сцену выступала скорее община, чем вотчина, которая действовала и в данном случае не столько как производственная организация, сколько как организация по присвоению и распределению феодальной ренты.

Преувеличивает Допш и социальную роль раннесредневековой вотчины, несмотря на то, что он критически относится к подчеркиванию этой роли другими сторонниками вотчинной теории. Он считает, что вотчина вызвала к жизни «ассоциацию и социализацию» зависимых от нее людей, ранее изолированных друг от друга. Говоря так, Допш хочет подчеркнуть социальную роль вотчины, старается увидеть в ней организацию, вопло-

щающую в себе заботу об общественном благе. И в этом отношении он пошел дальше, чем прежние сторонники вотчинной теории, вроде Инамо-Штернегга, который утверждал, что крупное вотчинное хозяйство, сменившее «однообразное и экстенсивное» хозяйство мелкого земледельца, служило не только личному обогащению вотчинника, но и открывало широкие пути «национальному производству».

Утверждения Допша подверглись радикальной справедливой критике советских ученых. Так, заявление Допша об особо благотворной роли церковных вотчин, о том, что подчинение мелкого люда вотчине было якобы благодеянием для мелких земледельцев, было опровергнуто Н. П. Грацианским [7], который показал, что практика так называемых traditiones, дарений мелкими земледельцами своих участков монастырям была формой подчинения их церковной вотчине и превращения в крепостных церкви. Частая практика на церковных землях precaria remuneratoria служила целям расчистки и создания новых культурных земель для церквей и монастырей и, таким образом, тоже была на пользу церкви, а не мелких земледельцев. Допш готов был доказать даже «благодетельность» закрепощения крестьян; ведь «маленький человек» получал покровительство и защиту от вотчинников. Что же касается фактов закрепощения, то во-первых, думает Допш, их число сильно преувеличено, особенно случаев «самозакрепощения» (когда мелкий землевладелец отказывался в пользу вотчинника не только от своей земли, но и от своей свободы и превращался, таким образом, в крепостного, получившего свою землю от господина) и, наоборот, прежние исследователи не обращали внимания на частые случаи отпуска на волю. Уже упоминавшийся А. И. Данилов подверг все эти утверждения справедливой критике и на основании документов доказал, что искусственно собираемые Допшем отдельные факты не могут изменить общей картины тех изменений, которые происходили в Западной Европе в раннее средневековье: роста феодальной собственности и постепенного превращения сво-

---

[7] См. Н. П. Грацианский. «Traditiones» Каролингской эпохи в освещении Допша. Сб. «Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья». М., Изд-во АН СССР, 1960.

бодных аллодистов-общинников в класс средневекового крепостного крестьянства.

Теперь наша задача заключается в том, чтобы на конкретном материале проиллюстрировать те общие положения, которые были развиты выше. Легче всего это сделать на примере двух стран средневековой Европы — Англии и Франции, которые изучены лучше, чем остальные, и при этом русскими и советскими историками, сделавшими немало для того, чтобы осветить, например, историю поземельных отношений и историю крестьянства в этих странах. Такая иллюстрация позволит нам ярко и конкретно показать, чем была вотчина в ранее средневековье и каковы были изменения в ее структуре и в судьбе крестьянства как класса во второй период развития феодализма.

Итак, выше мы видели, что каждая страна в Европе в средние века представляла собой систему вотчин, и с этой точки зрения вотчина была воплощением феодального способа производства. Она была не производственной организацией или, лучше сказать, была ею лишь в той мере, в какой она была воплощением феодального способа производства в целом, будучи его индивидуальным проявлением. Подходя с этой точки зрения, мы отмечаем наиболее общие и существенные черты этой организации; но такой путь рассмотрения вотчины не является единственным. Изучая любую вотчину, взятую как конкретную реальность, и подходя к ней с точки зрения интересов ее собственника, лорда, сеньора, представителя господствующего класса феодалов, мы рассматриваем вотчину как организацию, приносящую доход ее владельцу, т. е. как организацию для получения феодальной ренты и как организацию распределения феодальной ренты среди представителей господствующего класса.

В книге «Исследования по аграрной истории Англии XIII в.» академик Е. А. Косминский говорит: «Классическая теория рассматривала аграрную Англию как совокупность более или менее однообразно построенных маноров. «Описания английских деревенских порядков изучаемой нами эпохи всегда предполагают, что страна разделена на маноры...— цитирует автор мнение П. Г. Виноградова,— Возьмем ли мы Книгу Страшного Суда, Сотенные Свитки (так называемые Rotuli Hundredo-

rum — важный источник XIII в., содержащий в себе описания маноров — *С. С.*) или вотчинную опись какого-нибудь монастыря или опись земель, принадлежавших умершему лорду,— всюду мы встречаемся с тем же типическим строем». Типический манор совпадает с виллой и в силу этого представляет сельскую общину. Во главе манора стоит лорд (единичный или коллективный), который держит манор от короля или от другого лорда. Манор делится на две основные части: домен, обрабатываемый барщинным трудом крестьян, составляющий чаще всего $^1/_2$—$^1/_3$ территории манора, и земля (держания) крестьян-вилланов; сюда присоединяются еще свободные держания, составляющие «узкую кайму» на территории манора. Каждый манор представляет особую хозяйственную единицу, управляется старостой и приказчиком, имеет курию и составляет ежегодно отчеты. Эта система, еще не вполне установившаяся в Книге Страшного Суда, принимает завершенный вид в Сотенных свитках. «Если мы сравним градации зависимости (в Книге Страшного Суда) с хорошо округленными и компактными манорами Сотенных свитков,— говорит Виноградов,— нас поразят успехи унификации и подчинения» [8].

Однако, указывает Е. А. Косминский, затративший много труда на систематическое изучение Rotuli Hundredorum, еще Мэтланд показал, насколько такой взгляд Виноградова не соответствует действительности и в какой мере эта действительность сложнее, чем думал Виноградов. В маноре может не быть господского двора, господской земли, в ней может не быть свободных держаний, в нем может даже не быть вилланов и вилланской земли; в маноре может не быть курии. Манор может быть огромен и включать ряд деревень, к нему может принадлежать ряд сотен, но он может представлять собой и маленький клочок земли. Даже как единица хозяйственного управления манор не имеет точных и определенных признаков. Если этот взгляд Мэтланда и является чрезмерно скептическим, замечает Е. А. Косминский, то он все же правильно отмечает крайнюю сложность и разнообразие структуры английской вотчины XIII в.

[8] Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1947, стр. 121.

Косминский ставит своим обильным документам следующие вопросы: в какой мере среднеанглийская деревня XIII в. состояла из маноров и какую роль играли в ней элементы, не подходящие под определение маноров? В какой мере те маноры, которые мы находим, подходят под классическую характеристику типичного манора? Сотенные Свитки дают довольно точный ответ на эти вопросы и, что особенно важно, позволяют установить взаимоотношение манора с деревней.

Сотенные Свитки позволяют нам видеть в аграрной структуре Англии три системы, наложенные друг на друга: во-первых, деревни с их общинной организацией, которая, правда, слабо проявляется; во-вторых, система держаний (всякое владение есть держание, хотя не всегда можно установить, от кого это держание). И только третьим делением является деление по манорам. В целом, по мнению Косминского, как бы не был сложен манор, почти все держания входят в какой-либо манор. «Внеманориальные» элементы незначительны. Иногда присяжные просто не могут определить, от кого зависит данное держание, и определяют его как землю, которую держат от разных сеньоров (de diversis dominis) или от многих феодов (de pluribus feodis). Существовали два источника такой множественности лордов, от которых держат непосредственные производители: субинфеодация и продажа. Первая связана с раннесредневековой формой отчуждения; вторая предполагает определенную стадию развития товарно-денежных отношений.

Сущность субинфеодации заключалась в том, что лорд, крупный феодальный землевладелец мог пожаловать другому представителю господствующего класса часть своего манора в качестве феода со всеми или с частью доходов, следуемых с крепостных или зависимых от лорда людей, населяющих жалуемую часть манора. Представитель господствующего класса, обычно рыцарь или вообще более мелкий феодал, получивший пожалование от лорда, становился его вассалом, обязанным теми или иными службами и повинностями. При таких условиях непосредственные производители могли оказаться людьми, зависимыми сразу от нескольких лордов.

Когда же стали развиваться товарно-денежные отношения и любая часть феодальной ренты могла оказать-

ся объектом купли-продажи, сама же рента, как говорит Маркс [9], превратилась в процент на капитал, затраченный на ее приобретение, стало иногда трудно определить, от кого же, собственно, держит свой надел тот или иной непосредственный производитель и кто из упомянутых двух феодалов является сеньором данного держателя. Было ясно лишь одно, что держатель должен вносить определенную сумму и выполнять определенные повинности в пользу одного лорда и другие повинности и другую сумму — другому лорду или сеньору, причем каждый из них обосновывал свои притязания обычаем или даже, как это было в позднее средневековье, писанным документом. Следует добавить, что в качестве примера нами взят простейший случай распределения ренты между лордом и его вассалом. В действительности дело часто обстояло гораздо сложнее: у вассала мог быть субвассал, лорд-сеньор мог в свою очередь купить ряд рент или их частей и таким образом сделаться частичным владельцем прав на крестьян другого лорда и т. д. Во всех этих случаях крестьяне могли говорить, что они держат свою землю de diversis dominis или de pluribus feodis.

Что такого рода держания являются результатом сделок купли-продажи на феодальные права, свидетельствуют записи в тех же Сотенных Свитках. Вот несколько примеров. Так, по поводу необычайной путаницы держаний в Bourn (Кембридж) присяжные заявляют: «Мы говорим, что господин Гильберт Peche и его предки держали от господина короля непосредственно баронию в Bourn и это держание ими целиком продано и отчуждено следующим лицам...» [10] Английский исследователь Дуглас [11] на материале хартий показал, что отчуждение и скупка земли были широко распространены среди крестьян Восточной Англии уже в XI—XII вв. Стентон доказал то же для Северного Денло [12]. Из их работ также ясно, что часть земли находилась у свободных держателей вне манора. Таковы, например, мелкие держа-

---

[9] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 366.

[10] Е. А. Косминский. Ук. соч., стр. 124.

[11] D. C. Dauglas. The social structure of medieval East Anglia. Oxf. St. IX, 1927.

[12] F M. Stenton. Types of manorial structure in the Northern Danelaw, Oxf. St. II; I d. Danes in England, «History», Oct. 1930.

ния непосредственно от короля. Они разбросаны по разным виллам и не связаны ни с одним из королевских маноров. В качестве мелких держаний они уплачивают взносы непосредственно шерифу. Такими же внеманориальными держаниями являются assartae, расчистки леса, рента с которых уплачивается королю. Но помимо таких, так сказать, чрезвычайных случаев, в Сотенных Свитках мы встречаемся с держаниями, не входящими в манор, хотя они и находятся в пределах деревни. Есть феоды, не входящие в систему деревни: Hec sunt feoda exempta que non sunt in Villis sita[13]. Встречаются даже вилланские держания, не входящие в манор. Например, в вилле Stiwell (Бекингемшир) от главного лорда манора, графа Глостерского аббатисса ближнего монастыря держит карукату ($^1/_8$ гайды) свободной земли; от этой аббатиссы некая Маргарита Aspernil держит 2 виргаты и «имеет» эти две виргаты «в вилланах». Кроме того, у нее же имеется два свободных держателя[14].

Все такие держания (которых всего от 2 до 3%) — вневотчинные держания, но, конечно, не внефеодальные, ибо вотчина не является единственной организацией, обеспечивающей регулярное поступление феодальной ренты.

Манор и вилла не совпадают. Совпадение манора с виллой в свое время считал нормальным даже скептический Мэгланд. Но, как твердо установил Е. А. Косминский, совпадение виллы и манора — редкое явление[15]. Частое несовпадение виллы и манора свидетельствует против теории, утверждающей, что вилла является производной от вотчинных порядков (Сибом). Вилла-община существовала до феодализма, и этот последний наложился сверху.

Далее, следует заметить, что маноры не представляют территории с прочными границами. Наблюдались явления «врастания» одного манора в другой и иногда полного переплетения маноров.

Приведем некоторые фактические данные. Лорд манора держит его от разных лордов; манор складывается из нескольких частей, характеризуемых разной ступенью феодальной лестницы и разными службами. Так, на-

[13] См. Е. А. Косминский. Ук. соч., стр. 125.
[14] Там же.
[15] Там же, стр. 127—128.

пример, Джон Hervis держит в вилле Мильтон в Бедфордшире $2^1/_2$ гайды и 1 виргату от госпитальеров за 10 шиллингов в год; в той же вилле он держит $1^1/_2$ гайды и $^1/_2$ виргаты от графа Лестерского за уплату щитовых денег [16]. Такие случаи довольно обычны. Иногда вотчины представляли собой столь сложный комплекс, что присяжные затруднялись установить, от каких феодов лорд этой вотчины держит отдельные ее части. Например, магистр тамплиеров держит свой домен в Duxford (Кембриджшир) по частям от семи разных лиц. Роберт Pogeys в Bamton Pogeys (Оксфорд) держит одну каруkату от W Valence и одну от разных лиц (in perquisito de diversis), причем присяжные могут назвать только двух из них. Еще более сложный случай находим в Harleston (Кембриджшир), где Роберт Tybotot держит 176 акров пашни, 20 — луга и 4 акра пастбища от Джона de Burgo, тот от Гильберта Peche, этот от епископа Илийского, епископ от короля,— за какую службу, присяжным неизвестно. Тот же Роберт Tybotot держит 120 акров пашни и 8 акров луга от Джона le Bretun; а тот держал из этой земли 40 акров пашни и 6 луга от Джона de Burgo, а 44 акра от Гуга Glement; остальные 36 акров пашни и 2 акра луга — «по многим частям, приобретенным в разных феодах, но мы не можем различить феоды» [17],— заявляют присяжные.

Другие подобные случаи. Лорд манора владеет землями в чужих манорах на правах свободного держателя. Лорд манора Томас Эльсворс держит 20 акров в маноре Симона (вилла Стентон). Томас — сам лорд манора в той же вилле Стентон. За свое держание он обязан посещать курию Симона, но выкупил эту обязанность.

Иногда довольно крупные владельцы, духовные особы, рыцари обязаны за свои держания в чужих манорах не только денежными платежами, но и барщинными работами. В маноре Chesterton (Кембриджшир) ректор, сам довольно значительный землевладелец, «faciet tres araturas pro tenentibus suis...». Еще один пример: в маноре имеется свободное держание сложного состава, с доменом и держаниями. Это — меньший манор, находящийся в пределах более крупного — субманор. «Маноры,—

---

[16] См. Е. А. Косминский. Ук. соч., стр. 129.
[17] Там же.

говорит Е. А. Косминский, — выстраиваются, таким образом, на разных ступенях феодальной лестницы, и «лорды» субманоров рассматриваются по отношению к «главному лорду» (capitalis dominus) как свободные держатели его манора, платят ему более или менее значительные ренты и посещают маномиальную курию» [18]. Держатели в субманорах нередко должны нести в пользу «главного лорда» различные мелкие повинности. Иногда на них лежит обязанность посещать курию главного лорда; иногда, впрочем, у субманора есть собственная курия [19].

Огромное значение в этом усложнении вотчинных отношений сыграла мобилизация земельных владений. Покупка по частям, покупка земли в качестве dominium utile, покупка феодальной собственности в сфере dominium directum создавали крайне запутанные отношения. Всякое такое отчуждение земли в тогдашних условиях носило характер субинфеодации. Многие из жителей данной деревни держат земли не от «главного лорда», а от его держателей, а часто — от держателей его держателей. Иногда такая субинфеодация оказывается пятиступенной! [20].

Отчуждение рент — новое осложнение. Лицо, в пользу которого отчуждены ренты, вставало между лордом и держателями. Рента иногда отчуждается не вся, а частично. В результате возникают сложные держания, состоящие из 10—12 кусков, зависимых от 10—12 лордов [21]. Часто одно и то же лицо держит в одном маноре свободное держание, в другом — вилланское. Например, держание Томаса Dovend в Sawston (Кембриджшир); он держит в этой деревне вилланские земли от двух лордов и свободные — от трех [22]. Можно было иметь в чужом маноре своих вилланов, сажая их на свое свободное держание в этом маноре; в результате этого одна и та же земля была одновременно и свободным, и вилланским держанием. Иногда при отчуждении и разделах по наследству вилланы (конечно, не сами вилланы, а получаемые с них ренты) делятся между наследни-

[18] Е. А. Косминский. Ук. соч., стр. 130.
[19] Там же, стр. 131.
[20] Там же, стр. 132.
[21] Там же, стр. 134.
[22] Там же, стр. 134—135.

ками, и в результате мы находим крепостных двух, трех, четырех и даже пяти господ. Лорды владели $^1/_3$, $^1/_5$ виллана! На этой почве возникали сложные казусы; например, если один из господ отпускал свою «долю» виллана на волю. В маноре Barton (Кембриджшир) виллан Томас Hodierne держал половину держания от одного лорда и половину от другого. Один из лордов освободил его и сделал его держание свободным за ренту и щитовые деньги. После его смерти другой лорд взыскал гериот (посмертный побор) и взял в свои руки все держание. Суд вынес решение в пользу второго лорда, ибо виллан «приобрел» свободное держание, а все, что приобретает виллан, принадлежит лорду [23].

Таким образом, вотчина-манор в Англии — не строго очерченная территория, не только производственная организация, но и совокупность правопритязаний со стороны лорда и правообязанностей со стороны непосредственных производителей. И это стоит в полном соответствии с существом феодальной формации, когда отношения между классами и внутри класса феодалов не скрываются в товарном фетишизме, носят личный характер и по мере развития феодализма эти личные отношения осложняются и переплетаются во все более причудливых сочетаниях, оставляя, однако, неизменной основу феодальных производственных отношений: собственность феодала на землю и неполную собственность на крепостных. Вследствие этого и структура манора-вотчины может быть весьма различной.

Е. А. Косминский насчитывает семь видов маноров: [24]

а) классическая форма вотчины — домен, вилланские держания, свободные держания;

б) близкая к ней — домен, вилланские держания;

в) вотчина с доменом и свободными держаниями без вилланов;

г) манор с вилланами и свободными держаниями;

д) манор, состоящий из одних свободных держаний,

е) манор, состоящий из одних вилланских держаний, без домена и свободных держаний;

ж) манор из одного домена без вилланских держаний и без свободных держаний.

---

[23] См. Е. А. Косминский. Ук. соч., стр. 135—136.

[24] Там же, стр. 137—138. Два первых типа, как устанавливает автор, встречаются наиболее часто.

Мы подходим еще к одному выводу, чрезвычайно важному для понимания феодальной формации и структуры вотчины. Поскольку в основе всей формации лежит труд мелкого хозяина, непосредственного производителя, то в основе хозяйства самой вотчины лежит производственная организация непосредственных производителей, т. е. деревенская община. Что же представляет собой в таком случае вотчина? Она кажется крупным хозяйством лишь до тех пор, пока господствует феодальная рента в форме отработочной ренты. Для использования барщины необходим домен, но не следует забывать, что территория домена, как правило, не компактная масса земли, а чересполосно с крестьянскими лежащие полосы господской пашни, и, таким образом, мелкий характер производства сохраняется и здесь. Хозяйство сеньора — лишь сумма хозяйств отдельных крестьянских барщинников. Все это следует помнить для того, чтобы ясно представить себе ошибочность теорий, выводивших весь феодализм из вотчины, рассматривавших деревенские порядки средних веков как непосредственное продолжение крупного хозяйства и крупного землевладения доварварской, в частности на территории Франции, галло-римской эпохи (Фюстель де Куланж). Того же взгляда, а именно, что крупная частная собственность является исходным моментом средневековой вотчины, придерживается, как мы видели, и Сибом. Для всех этих историков характерно преувеличение роли аграрного строя галло-римской эпохи и, что часто присуще историкам,— чрезмерная модернизация вотчины как территории, определенность каковой создается якобы ее хозяйственной цельностью.

Итак, возвращаясь к вопросу о системе труда в феодальной формации, мы должны помнить, что так называемое крупное хозяйство на домене было лишь местом, где реализовалась отработочная рента. Как только с развитием товарно-денежных отношений эта форма ренты стала падать, вместе с ней, как общее правило, стал исчезать и домен, если только он при особо благоприятных условиях не стал основой для крупного по средневековым масштабам хозяйства с его экстенсивной системой вроде скотоводства, но опять-таки по преимуществу на основе «вольного труда», а не принудительного. Вся формация в целом, равно как и переходная эпоха к ней

от формации рабовладельческой, покоилась на мелком производстве экономически самостоятельного непосредственного производителя. Поскольку же дело идет об аграрных порядках средневековья, когда основу хозяйства составлял крестьянский труд, трудовая организация общины диктовала свои условия и самому хозяйству сеньора. Вотчина в хозяйственном отношении подчинялась деревне.

Все это надо помнить, когда от примеров, взятых из аграрной истории Англии, мы переходим к континенту, и прежде всего, к классической стране феодализма — Франции.

Большинство работ по аграрной истории Франции находится под влиянием Фюстель де Куланжа с его скептическим отношением к общине вообще и с его утверждением об исконности частной собственности. Обобщающая работа А. Сэ [25] чрезвычайно сильно зависит от этих установок и преувеличивает организующую роль феодальной вотчины в хозяйственном строе средневековья. А это особенно опасно для Франции (и для Италии), где с развитием товарно-денежных отношений домениальное хозяйство таяло быстрее, чем где-либо в другой стране.

Не случайно Энгельс назвал Францию страной, в которой феодальные отношения сложились в наиболее законченной форме. Французская форма феодальной вотчины-сеньории действительно может считаться типом феодальной вотчины, по сравнению с которой все виды вотчины в Европе могут рассматриваться как варианты. И здесь, во Франции, так же как и в Англии, феод (сеньория) был феодальной собственностью сеньора и, так же как и в Англии, он не был полной собственностью, а лишь держанием от вышестоящего по лестнице феодальной иерархии феодала, в конечном счете — от короля. Как держание, всякий феод был связан с обязанностью его держателя-феодала военной службы своему сеньору и некоторыми повинностями материального характера (вроде trinoda necessitas, т. е. помощь вассалов при постройке и починке замков сеньора, дары при посвящении в рыцари старшего сына или при выда-

---

Henri Sée. Les classes rurales et le regime domanial en France an moyen âge. Paris, 1901.

че замуж старшей дочери от первого брака и др.), но, как правило, вассал был свободен от всяких платежей, характерных для крестьянских держаний. В XIII в. один из ранних феодальных юристов, знаток феодальных обычаев Бомануар сформулировал это положение, говоря, что с земли, которая является держанием в качестве феода, не следует никаких платежей (celi qui est tenus en fief l'en ne doit rendre nule tel redevance) [26].

В хозяйственном отношении французская сеньория также делилась на две части: собственную запашку сеньора (terra indominicata, terra dominica) и землю крестьянских держаний; и в целом, так же как и повсюду, она с точки зрения хозяйства сеньора была организацией для сбора феодальной ренты.

В основе производства лежало мелкое хозяйство непосредственного производителя и организация мелких производителей — крестьян в виде общины — марки. Вероятно, вследствие того, что экономическое развитие во Франции в целом шло значительно медленнее, чем в Англии, устойчивость и традиционность феодальных производственных отношений здесь были более резко выражены, чем в других частях Европы. Многочисленные документы, дошедшие до нас от раннего и классического средневековья, свидетельствуют о крепости тех обычаев, которые регулируют в пределах сеньории отношения сеньора, его вассалов и держателей. Персональные и реальные повинности и платежи, лежащие на феодально-зависимых людях, обычно заносились в книги вотчины, хранящиеся в курии сеньора. Во Франции очень рано вырабатываются общие нормы обычного права, регулирующие эти отношения, в позднее же средневековье уже государство производит запись этих норм, так называемых кутюмов и придает им, таким образом, как бы законодательное утверждение. Во Франции очень рано появляются юристы, специально изучающие обычное право, и делаются попытки, правда безуспешные, так как обычаи от провинции к провинции иногда весьма различны по своему содержанию, — к сведению их к некоторой системе, к общеобязательным нормам. И так как феодальные производственные отношения держались во Франции вплоть до буржуазной революции конца

[26] F. de Beaumanoir. Op. cit., v. I, § 467.

XVIII в., то юристы XVI—XVIII вв. много сделали для углубленного изучения и понимания существа феодальных правовых отношений и более или менее точной юридической формулировки различных форм держаний и зависимости как непосредственного производителя — крестьянина, так и вассалов. Имена некоторых из этих юристов нам известны. Таковы, например, уже упоминавшийся выше Бомануар в XIII в. Демулен и Луазо в XVI и XVII вв., Ренодон, Бутарик и Эрве в XVIII в. Какие же впечатления выносит современный исследователь из изучения их трактатов?

Первый и самый общий из выводов, который можно сделать на основании изучения работ феодальных юристов, заключается в том, что феодальные отношения были повсеместными и охватывали собой все стороны хозяйственной и социальной жизни тогдашнего общества. В Северной Франции, например, существовало положение, в силу которого всякая земля рассматривалась как держание, имевшее, следовательно, своего сеньора (nulle terre sans seigneur), и всякий, кто утверждал, что его земля есть аллод, т. е. свободная и независимая собственность, должен был подтвердить это право соответствующими документами в том случае, если соседний феодал заявлял претензию на эту землю. Впрочем, такие аллодиальные земли на севере Франции были редкими исключениями. На юге Франции аллоды встречались чаще, и здесь царило другое положение феодального обычая, которое гласило, что претензии феодалов должны иметь достаточное основание (nul seigneur sans titre), т. е. опять-таки в случае, когда возникал судебный процесс о том, является ли земля зависимой или свободным аллодом, обязанность доказательства падала на сеньора, который должен был предъявить в подтверждение своих притязаний соответствующий документ.

Второй особенностью французских феодальных отношений было чрезвычайно дробное распределение феодальной ренты между представителями господствующего класса и, как следствие этого, чрезвычайная неопределенность границ французской сеньории. Так же, как и в Англии, во Франции была распространена субинфеодация и существовало большое количество мелких представителей господствующего класса, которые держали свои феоды не непосредственно от короля или какого-

либо титулованного феодала, а при посредстве двух, трех и большего числа феодалов, являясь, таким образом, держателями-субфеодалами третьего, четвертого и т. д. разряда. Собственная сеньория таких лиц могла состоять из держаний сразу от нескольких вышестоящих сеньоров, а их феодальная рента составлялась из самых разнообразных повинностей и платежей не только тех крестьян, которые сидели в ближайших деревнях или местностях, но часто и в весьма отдаленных; причем крестьяне могли выплачивать данному сеньору только один или несколько платежей и повинностей, тогда как ряд других платежей и повинностей они могли платить другим и третьим сеньорам, поскольку они могли зависеть в личном отношении от одного сеньора, в поземельном — от другого, и в судебном еще от нескольких сеньоров. Могли быть и более сложные случаи, когда, например, в каждом из этих трех отношений могло быть несколько сеньоров. Феодальная собственность такого сеньора представляла собой не столько определенную территорию, сколько сумму прав на феодальную ренту или часть ее, другие части которой могли принадлежать другим представителям господствующего класса. Феодал мог говорить о земле как о своей только в применении к своей запашке, к своему домену, т. е. к той земле, по отношению к которой он, пользуясь юридической терминологией того времени, имел и dominium directum, и dominium utile. Поэтому в течение всего средневековья собственность на домениальную землю не подвергалась никаким сомнениям, тогда как собственность сеньора на земли, находившиеся в держаниях у непосредственных производителей, на которые сеньор имел право dominium directum, была лишь его феодальной собственностью, т. е. собственностью неполной, права распоряжения на которую регулировались обычаем и были, вследствие этого, далеко не столь широкими, как право его на землю домена. Отношения эти стали еще более сложными, когда с развитием товарно-денежных отношений различные виды и части феодальной ренты стали предметом купли-продажи.

Другой характерной чертой французских феодальных отношений было ярко выраженное превращение всех видов ренты в «реальную» форму. Как и всякий платеж, рента есть особая форма общественных отношений, т. е.

отношений между людьми, но они при известных условиях могут приобрести видимость отношений между вещами. Например, то обстоятельство, что зависимый человек в силу своей зависимости обязан нести в пользу господина земли те или иные виды платежей и повинностей, при постоянном в течение долгого времени воспроизводстве одних и тех же отношений может привести к переводу этих повинностей с держателя на занимаемый им участок, может закрепить за определенным участком земли те платежи и повинности, которые нес с нее первоначальный держатель. Устанавливается обычай, что на данном участке лежат определенные виды платежей и повинностей вне зависимости от того, кто эту землю держит и создается видимость, что повинности и платежи связываются не с лицом, владеющим данным держанием, а так сказать, с юридическим качеством самой земли. Например, с сервильного участка следуют сервильные повинности и платежи, хотя бы держатель такой земли был лично свободен или даже принадлежал к господствующему классу и был по терминологии феодального права «благородным». Уже не раз упоминавшийся Бомануар хорошо выразил это в кутюмах Бовези: если благородный человек, говорит он, держит вилланскую землю и совершает какой-либо проступок, связанный с этим держанием, то он уплачивает штраф такого рода, какой следовал бы с него, если бы он сам был вилланом. Если же он совершает проступок, относящийся к нему лично, то он должен быть судим согласно закону «благородных» людей. И наоборот, если виллан держит феод как «благородное» держание, он отвечает за него по законам «благородных» [27]

Наконец, еще одной отличительной чертой французской вотчины-сеньории было чрезвычайное усложнение отношений зависимости с развитием городов и товарно-денежных отношений. Любая форма и часть феодальной ренты могла сделаться объектом купли-продажи и аренды, и, таким образом, к эксплуатации крестьянства мог присоединиться любой владелец богатства, а владельцем феодальной ренты или части ее мог стать и буржуа, и даже зажиточный крестьянин. Непосредственная связь феодальной ренты с феодальной собствен-

---

[27] F. de Beaumanoir. Op. cit., v. I, § 865, 866.

ностью на землю для ряда получателей феодальной ренты становилась весьма хрупкой, феодальная собственность превратилась, так сказать, в общий фон, в общее основание феодальной ренты. Но действительный владелец, например, паромных или мостовых пошлин, купив право на этот доход, совсем не воспринимал этот доход как реализацию принадлежавшего ему права феодальной собственности на землю, ибо он приобретал право на определенную ренту лишь в конечном счете, но не базируясь непосредственно на феодальной собственности на землю.

Вместе с обычаем купли-продажи феодальных рент или частей их во Франции широкое распространение получила практика сдачи в аренду феодальных повинностей и платежей. Эта практика особенно развилась в позднее средневековье, когда значительная часть французского дворянства стала сосредоточиваться при дворе и в массе покидала свои имения. Ко времени французской революции сдача феодальных поборов сделалась правилом и управление имением непосредственно самим сеньором или через его приказчика было довольно редким фактом. Документы, идущие от конца XVIII в., свидетельствуют о том, что французские сеньоры сдавали на откуп даже свои судебные права и часто местный кулак, кабатчик или мелкий лавочник становился фактически судебным сеньором своих же собственных односельчан.

Мы отмечали множество таких или аналогичных случаев в наших исследованиях, посвященных французской деревне во второй половине XVIII в. [28], и подробно на этом останавливаться не будем.

Здесь мы можем подвести итог нашему изучению средневековой вотчины, под какими бы названиями последняя не существовала в разных частях Европы. Говоря о средневековой вотчине, мы ни в коем случае не должны понимать ее, модернизируя наши представления, как определенную территорию, границы которой можно точно установить, подобно тому, как это

---

[28] См. С. Д. Сказкин. Февдист Эрве и его учение о цензиве. Сб. «Средние века», вып. I. М.—Л., 1942; его же. Публикация материалов в «Хрестоматии по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время». Под ред. В. П. Волгина. М.—Л., 1929.

можно сделать по отношению к буржуазной частной собственности, и этот вывод вытекает из развитого нами ранее взгляда на феодальную собственность как на качественно своеобразную категорию, отличную и от собственности рабовладельческой, и от собственности буржуазной. Феодальная собственность, реализацией которой была феодальная рента, была лишь общей основой феодальной ренты, и отдельные представители класса феодалов, как получатели феодальной ренты, могли вовсе не иметь земли, могли забросить свою запашку, сдать ее в аренду или продать ее на условиях сдачи в держание за вечный ценз и, следовательно, отказаться от всякого управления, но пока существовали феодальные производственные отношения, феодалы были по крайней мере соучастниками феодальной собственности в качестве получателей того или иного феодального дохода.

Нет никакого сомнения, что феодальная вотчина в том виде, как она нам рисуется на примере двух наиболее изученных стран — Англии и Франции, была общим явлением в средневековой Европе, поскольку общим явлением был сам процесс феодализации европейского общества и факт закрепощения крестьянства. Но для многих стран Европы изучение внутренней структуры феодальной вотчины еще только начинается, и поэтому ничего конкретного мы сказать не можем не только о славянских странах, но и о таких странах, как Италия и Испания. Те существенные изменения, которые произошли в структуре европейской вотчины в более позднее время, в период разложения феодальной формации и возникновения элементов капиталистического хозяйства, будут предметом нашего дальнейшего изложения.

Глава VIII

РАЗВИТИЕ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И СОЦИАЛЬНУЮ СТРУКТУРУ ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Постановка этого вопроса в буржуазной и марксистской литературе. Теория «кризиса феодализма» в XIII—XIV вв. и ее критика. Стадиальность эволюции феодальных производственных отношений; последняя стадия их развития перед переходом в отношения капиталистические. Великие крестьянские восстания XIV в. их причины и следствия.

Основоположники марксизма-ленинизма учат, что капиталистическое хозяйство есть та высокая ступень товарного хозяйства, при которой объектом купли-продажи становится рабочая сила человека; и этот факт имеет основное значение для понимания самой капиталистической формации. Этот вывод отличает подлинно марксистско-ленинскую науку от буржуазной в тех разновидностях последней, которые признают значение экономики для понимания социальной структуры общества, но не делают различия между обществом с развитыми товарно-денежными отношениями и с отношениями капиталистическими в собственном смысле этого понятия.

Мы должны сразу оговориться, что в этой главе речь идет о развитии товарно-денежных отношений, предшествующем капитализму. Вне этого развития, конечно, капитализм невозможен, но в данном случае мы будем говорить пусть о высокой стадии развития товарно-денежных отношений, но все еще не достигшей такого количественного уровня, когда они превращаются в новое качество, т. е. из производственных отношений феодализма становятся капиталистическими. Об

этих в общем элементарных истинах, пожалуй, можно было бы и не говорить, если бы в последнее время в буржуазной исторической литературе не развернулась дискуссия, которая втянула и часть зарубежных историков, претендующих на то, чтобы называть себя марксистами и в то же время ставших в этой дискуссии на ту точку зрения, что между простым товарно-денежным хозяйством и капиталистическим хозяйством нет принципиальной разницы. Такой взгляд заставил этих авторов начинать время капиталистического развития Европы гораздо раньше, чем это делают советские историки.

Нет сомнения, что точка зрения советских историков, не говоря уже о том, что она соответствует духу исторического материализма, является во всех отношениях более плодотворной. Мы рассматриваем хозяйственное развитие феодальной формации как проходящее ряд стадий, соответствующих разным ступеням перехода от натурального хозяйства к простому товарному хозяйству, сохраняющему на всем протяжении своего существования, как бы ни были развиты товарно-денежные отношения, свою основу — феодальные производственные отношения. Вследствие этого история средних веков рассматривается нами как прогрессирующее развитие феодальной формации, разным стадиям которой соответствует и общественная структура, переживающая весьма существенные изменения прежде всего структуры хозяйства как барского, так и крестьянского. А каждая стадия в развитии феодализма в Европе от разложения первобытнообщинной формации до возникновения капиталистической, нам кажется, имеет свои особенности так же, как соответствующие явления надстроечного характера.

Вернемся к истории этой дискуссии. В западноевропейской литературе несколько лет тому назад разгорелся спор о том, каковы признаки перехода от феодальных производственных отношений к капиталистическим в аграрном строе европейских обществ и к какому моменту в изменении структуры феодализма следует отнести начало разложения феодализма как системы производственных отношений и возникновения первых элементов капиталистических отношений. Среди советских историков эта же проблема по вполне понятным причинам выступала как проблема первоначального накопления, как

об этом свидетельствует не так давно появившийся сборник [1].

Я не буду подробно останавливаться на историографии вопроса. Эта задача уже выполнена в статье М. А. Барга, специально посвященной этой теме [2]. В ней учтены все выступления по этому вопросу и дана критика взглядов большинства участников этой дискуссии. А эти взгляды действительно нуждаются в критической оценке, ибо для всех них характерна общая черта, я бы даже сказал, ошибка, поскольку речь идет об историках, претендующих на звание марксистов, а не просто прогрессивных историках. Сущность этой ошибки заключается в том, что эти авторы склонны упрощать эволюцию производственных отношений феодализма, слишком рано видеть его разложение и отмирание и возникновение капиталистических отношений. Например, ряд английских историков-марксистов относит начало капиталистических отношений в Англии к XIII в. и основной признак разложения феодальных производственных отношений видит в том явлении, которое они называют «кризисом манориальной системы хозяйства». Сам же кризис манора они видят в ликвидации барской запашки и в постепенном исчезновении домениальной земли (terra indominicata). Факты, о которых они говорят, не подлежат сомнению, но можно ли эти факты истолковывать как кризис производственных отношений феодализма — весьма сомнительно. Моя задача заключается в том, чтобы, строго следуя теоретическим положениям Маркса, дать иное истолкование этим фактам.

К. Маркс, как известно, относил начало процесса так называемого первоначального накопления в Англии к последней трети XV в. и к первым десятилетиям XVI в. [3]. Это его утверждение предваряется в тексте I тома «Капитала» необычайно любопытным замечанием, для нас особенно важным. «...хотя земля в Англии,— говорит Маркс, — была разделена после нормандского завоевания на гигантские баронства, которые нередко включа-

[1] «О первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)». Сб. статей. М., Изд-во АН СССР, 1958.

[2] См. М. А. Барг. О так называемом «кризисе феодализма» в XIV—XV веках (К историографии вопроса). «Вопросы истории», 1960, № 8.

[3] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 729—730.

ли в себя до 900 старых англосаксонских лордств каждое, тем не менее она была усеяна мелкими крестьянскими хозяйствами и лишь в отдельных местах между этими последними находились крупные господские поместья. Такие отношения при одновременном расцвете городской жизни, характерном для XV столетия, создали возможность того народного богатства, которое с таким красноречием описывает канцлер Фортескью в своих «Laudibus Legum Angliae», но эти отношения исключали возможность капиталистического богатства», — заканчивает Маркс эту свою мысль[4]. Таким образом, и теоретически, и конкретно-исторически капиталистические отношения в XV в. в Англии Марксом отрицались, несмотря на общий экономический подъем, который он признает как факт, соглашаясь в данном случае с оценкой процветания Англии, данной Фортескью.

И дальше в знаменитой 24-й главе I тома «Капитала» следует всем нам хорошо известное определение Марксом сущности так называемого первоначального накопления, которое он называет прологом капиталистического накопления, т. е. моментом, предшествующим ему.

Говоря, что экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества, разложение которого освободило элементы первого, Маркс затем перечисляет условия создания капиталистического способа производства, которые и составляют содержание так называемого первоначального накопления.

Первое условие: «Непосредственный производитель, рабочий, лишь тогда получает возможность распоряжаться своей личностью, когда прекращаются его прикрепление к земле и его крепостная или феодальная зависимость от другого лица. Далее, чтобы стать свободным продавцом рабочей силы, который несет свой товар туда, где имеется на него спрос, рабочий должен был избавиться от господства цехов, от цеховых уставов об учениках и подмастерьях и от прочих стеснительных предписаний относительно труда. Итак, исторический процесс, который превращает производителей в наемных рабочих, выступает, с одной стороны, как их освобож-

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 729.

дение от феодальных повинностей и цехового принуждения; и только эта одна сторона существует для наших буржуазных историков. Но с другой стороны, — говорит Маркс, выдвигая второе условие перехода к капитализму, составляющее основное содержание процесса так называемого первоначального накопления, — освобождаемые лишь тогда становятся продавцами самих себя, когда у них отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями. И история этой их экспроприации вписана в летописи человечества пламенеющим языком крови и огня»[5]. Итак, полное освобождение крестьян (в первую очередь) от всех остатков личной зависимости — с одной стороны, и с другой — лишение их же всех средств производства и гарантий существования, которые были им обеспечены старинными феодальными учреждениями (тут, заметим в скобках, Маркс признает некоторое преимущество, которое имеет для трудящегося феодальный способ производства по сравнению с капиталистическим, несмотря на прогрессивность в общем и целом последнего) — таковы условия, являющиеся содержанием так называемого первоначального накопления и, следовательно, перехода к капитализму.

Считаю необходимым обратить внимание еще на одно обстоятельство, имеющее, как мне кажется, принципиальное значение для понимания Маркса. Маркс отмечает, что в процессе первоначального накопления особенно важную роль играли те моменты, когда значительные массы людей «внезапно и насильственно» отрывались от средств своего существования и выбрасывались на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев. «Экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя, крестьянина, составляет основу всего процесса. ...Его история в различных странах имеет различную окраску, проходит различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи. В классической форме совершается она только в Англии»[6].

И характеризуя процесс так называемого первоначального накопления в Англии, Маркс дважды подчер-

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., . 23, стр. 727

[6] Там же, стр. 728.

кивает, что крестьяне в Англии освободились в XIV—XV вв. от крепостной зависимости и что, таким образом, «огромное большинство населения состояло из свободных крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, за какими бы феодальными вывесками не скрывалась их собственность»[7] На следующей же странице Маркс повторяет: «Крупные феодалы, стоявшие в самом резком антагонизме к королевской власти и парламенту, создали несравненно более многочисленный пролетариат, узурпировав (присвоив вопреки праву. — *С. С.*) общинные земли и согнав крестьян с земли, на которую последние имели такое же феодальное право собственности, как и сами феодалы»[8]. В другом месте[9] я подробно анализирую эти высказывания Маркса и прихожу к выводу, что в данном месте Маркс имеет в виду не только фригольд, но и копигольд, как наиболее распространенную в Англии XV и XVI вв. форму феодального держания, и показываю, что мнение Маркса о «крестьянской собственности», прикрытой феодальными вывесками, должно быть распространено на все виды феодальных держаний в Европе, которые стали после личного освобождения крестьян наследственными, а держатели их получили широкие права распоряжения ими, вследствие чего такие держания максимально приблизились к свободной собственности, возможной в пределах и при сохранении феодальных производственных отношений (английский фригольд, наследственный копигольд, французская цензива, западногерманские чиншевые держания и аналогичные им формы, распространенные по всей Европе).

Попробуем теперь все эти принципиальные и необходимые условия так называемого первоначального накопления и перехода к капиталистическим отношениям приложить к той действительности, которую сторонники раннего вызревания капиталистических отношений рассматривают как достаточно созревшую для такого перехода к капитализму — в XIII в. на Западе и в XVI в. в Восточной Европе. Вывод в этом случае будет очевиден.

---

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 728—729.

[8] Там же, стр. 730.

[9] См. С. Д. Сказкин. Классики марксизма-ленинизма о феодальной собственности и внеэкономическом принуждении. Сб. «Средние века», вып. V. М., 1954.

Прежде всего следует исключить Англию, по истории которой мы имеем совершенно недвусмысленные вышеприведенные утверждения Маркса. Но и в других странах Европы, за исключением, пожалуй, Италии, где раннекапиталистические отношения стали возникать в XIV в., переход к капитализму совершался, начиная с XVI в., который Марксом поэтому и назван «началом капиталистической эры» [10]. Говоря так, Маркс снова повторяет: «Там, где она (капиталистическая эра. *С. С.*) наступает, уже давно уничтожено крепостное право и поблекла блестящая страница средневековья — вольные города» [11].

Тем не менее значительные перемены, которые на Западе Европы произошли в XIII—XIV вв. и которые позволили западноевропейским ученым говорить о кризисе феодализма и даже о начале капиталистических отношений, должны получить свое осмысление.

Когда западноевропейские историки, в частности английские — М. Постан и Р. Хилтон — говорят о кризисе феодализма, приурочивая его уже к XIII в. они, в особенности Постан, далеки, конечно, от того, чтобы рассматривать феодализм как определенную систему производственных отношений. Они модернизируют социально-экономические отношения XIII—XIV вв. и, прилагая к средневековью категории капиталистического хозяйства, оказываются по существу на допшианских позициях «вечности капитализма». Там, где они находят сельское хозяйство широкого размаха, там, где они усматривают стремление к увеличению дохода, там, по их мнению, налицо капитализм. Самый кризис характеризуется Постаном как прежде всего убыль населения после больших чумных эпидемий XIV в., как упадок цен на зерно и продукты овцеводства, дороговизна рабочих рук, забрасывание ранее культивируемых полей, превращение их в пастбища, запустение деревни и т. д. Одним словом, происходит изменение того, что он называет рыночной конъюнктурой: смена хозяйственного подъема, «бума» XI—XIII вв. депрессией и упадком XIV в. Представление о хозяйственном кризисе XIV в. было перенесено Хилтоном на социальные отношения и

---

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 728.
[11] Там же.

сформулировано им, поскольку Хилтон считал себя марксистом, как «кризис феодализма». По Хилтону «кризис феодализма» заключался в том, что экономический кризис XIV в. (а Хилтон признает его факт полностью доказанным) не позволял удовлетворять повышенные требования господствующего класса и его непроизводительные затраты (войны и т. д.). Ф. Граус и М. Маловист перевели «кризис феодализма» в сферу развития самой формации, а именно той ее стадии, когда развитие товарно-денежных отношений привело к коммутации феодальной ренты в денежную форму; у них получается крен в сторону отождествления товарно-денежных отношений позднего средневековья с капиталистическими. И лишь у Добба мы находим точное определение «кризиса феодализма» как разложение барщинного поместья (коммутация, сдача домена в аренду, ликвидация домена, превращение лорда в получателя феодальной ренты).

Итак, не ставя перед собой задачи осветить дискуссию о «кризисе феодализма» во всем ее объеме и останавливаясь лишь на некоторых высказываниях в пользу пресловутого «кризиса феодализма», мы могли бы охарактеризовать взгляды указанных авторов как модернизацию и стремление слишком рано увидеть переход от феодализма к капитализму. Это стремление проявляется даже у Грауса, который видит в изменениях XIII—XIV вв. «первый» кризис и отличает его от «второго» кризиса, когда действительно совершался переход к капитализму. Все эти исследователи ищут в своеобразных чертах производственных отношений позднего феодализма, когда он, по выражению Маркса, шел «навстречу своему разложению», разрозненные признаки собственно капиталистического строя. Здесь приходится вспомнить общее положение марксизма-ленинизма о том, что товарно-денежные отношения могут быть свойственны любой формации, не вызывая, однако, зарождения в них капитализма, а в феодальной формации они подготовляют некоторые условия для такого перехода к капитализму, но сами по себе еще не означают капитализма. Такие явления позднего средневековья, как ликвидация собственной запашки сеньора-лорда и сдача домениальной земли в аренду (главным образом в краткосрочную), применение наемного труда, имущест-

венная дифференциация крестьянства, появление большого количества мелких вотчин и вотчинников и т. д., даже в таких передовых странах, как Англия (но и во всех других) — все это еще не признаки проникновения собственно капитализма в сельское хозяйство. В основе своей феодальные производственные отношения при этом остаются неприкосновенными. Как раз в том и заключается заслуга академика Е. А. Косминского, что этот большой знаток английской аграрной истории впервые правильно истолковал все эти явления позднего феодализма на примере Англии, страны, которая дала затем, в XVI в., классический образец перехода от феодализма к капитализму.

Е. А. Косминский (а до него еще А. Е. Савин) [12] прежде всего исходили из того именно ими прочно установленного факта, что XIII—XIV вв. в аграрной истории Англии были временем завершения коммутации и окончательного господства феодальной денежной ренты; временем, когда идет ускоренным темпом ликвидация барской запашки в маноре, освобождение крестьян от личной зависимости, т. е. превращение вилланов в копигольдеров; временем, когда растет хозяйственная самостоятельность крестьянского хозяйства и вследствие этого углубляется имущественная (но не социальная!) дифференциация крестьянства, увеличивается, особенно в мелких манорах, применение наемного труда — и все это совершается в рамках феодальных производственных отношений и не может рассматриваться как наличие складывающихся капиталистических отношений. Мы на основании французского и североитальянского материала пришли к тем же выводам, которые и сформулированы в форме тезисов в докладе, приготовленном к X Международному конгрессу историков в Риме [13]. И мы считаем, что перед историками как Западной, так и Восточной Европы встает серьезная задача углубленного исследования этапов развития феодализма как определенной системы производственных отношений и, что нас интересует в данном случае, — изучение той стадии фео-

---

[12] «История Западной Европы в XIV и XV вв.». М., 1916 (литограф. курс)

[13] См. С. Д. Сказкин. Исторические условия восстания Дольчино. «Десятый международный конгресс историков в Риме. Сентябрь 1955». М., Изд-во АН СССР, 1956.

дализма, которая непосредственно предшествует капитализму и процессу так называемого первоначального накопления и которую мы могли бы охарактеризовать как приспособление феодальных производственных отношений к условиям развивающегося в связи с развитием городов товарно-денежного хозяйства.

Однако уже и сейчас на основе проделанной советскими учеными работы можно прийти к некоторым выводам, которые, как мне кажется, могут считаться прочным вкладом в понимание специфических особенностей этого периода в развитии феодальных производственных отношений и которые могут предостеречь нас от многих ошибок при оценке фактов, относящихся к сложной обстановке переходных периодов от одной формации, в данном случае от феодализма, к другой — капитализму.

Не говоря уже об охарактеризованной выше особенности этого периода в развитии феодализма (ликвидация барской запашки, коммутация, освобождение крестьян от личной зависимости, самостоятельность крестьянского хозяйства, имущественная дифференциация крестьянства, переход к наемным формам труда в отдельных сеньориях), вообще нельзя принимать как признаки перехода к капиталистическому хозяйству такие факты, как имущественная дифференциация крестьянства, отождествляя таковую с социальной. Последняя, т. е. социальная дифференциация (кулак, середняк, бедняк), возникает лишь тогда, когда капиталистические отношения проникают в сельское хозяйство и охватывают его в целом, что же касается имущественной дифференциации, то она сопровождает феодализм на всем протяжении его существования. Упомянутая работа А. И. Неусыхина говорит нам о громадной роли имущественной дифференциации крестьянства в период, предшествующий процессу феодализации, показывает нам ту большую роль, которую сыграли зажиточные слои крестьянства в формировании низших слоев самого господствующего класса. Замечательным памятником этого процесса является также «Книга Страшного Суда» в Англии.

То же следует сказать и о применении наемного труда при господстве феодальных производственных отношений. Наем существовал при феодализме, не теряя при этом своих специфически феодальных черт. Напри-

мер, существование «крестьянских вассалов» или так называемых «захребетников» (Hintersassen) в Германии — типичная форма наемного труда в чисто феодальной форме. Зажиточный крестьянин уступает бедняку клочок земли с обязательством последнего оказывать «помочи» земледателю в страдную пору или вообще отбывать барщину в том или другом виде. Наем за деньги издавна существовал, как показал Е. А. Косминский, в Англии и был особенно распространен в мелких манорах XIII—XIV вв. Но при этом необходимо иметь в виду, что зависимый человек, желавший получить работу, прежде всего должен был предложить свои рабочие руки своему лорду и лишь в случае отказа последнего имел право предложить свою рабочую силу другому лорду. Таким образом, наем был связан с некоторыми элементами внеэкономического принуждения, которое оказывало влияние на свободу распоряжения наемником своей рабочей силы и, конечно, влияло на уровень заработной оплаты, которая формировалась не на основе спроса и предложения на рынке труда. Наем, как мы дальше увидим, был широко распространен и в последний период феодальной формации.

Если на основе этих предшествующих замечаний по вопросу о «кризисе феодализма» мы перейдем к специфическим условиям развития аграрных отношений на Востоке Европы в странах так называемого «второго издания крепостного права», то первый вопрос, который у нас возникает, сводится к тому, имеем ли мы право говорить о так называемом первоначальном накоплении, приурочивая его к той стадии, на которой находились здесь феодальные отношения в XVI, XVII и в XVIII вв., да в известной степени и в первой половине XIX в.?

В целом большинство немецких историков, работавших над проблемой освобождения крестьян в Германии, и прежде всего глава «страссбургской школы» и инициатор многих специальных исследований, посвященных отдельным районам Германии, Г. Ф. Кнапп относили существенные перемены в сельском хозяйстве, в его технике, во вложении капитала, т. е. в интенсификации сельского хозяйства ко второй половине XVIII в., связывая с этим также и повышение удельного веса наемной рабочей силы в сельском хозяйстве. Одним словом, переход к капиталистической системе хозяйства

датировался ими второй половиной XVIII в. Сама рабочая сила в это время, когда феодализм еще господствовал в Восточной Германии, рекрутировалась из тех элементов населения, которые либо были лично свободными, либо были естественным продуктом имущественной дифференциации крестьянства в особых условиях позднего феодализма. Я имею в виду в данном случае систему крестьянского минората Северо-Западной Германии, где издавна существовало единонаследие и крестьянский двор (с соответствующим земельным участком) передавался по наследству младшему сыну, а его старшие братья должны были батрачить у счастливого наследника или вовсе уходить из родной деревни. Наконец, как показал в одной из своих работ Ф. Лютге [14], усилился отпуск крестьян на свободу за выкуп, причем часто крестьяне, особенно малоземельные, отказывались купить свободу, так как, будучи вынуждены прирабатывать на стороне, они получали заработную плату меньшую, чем стоили те харчи, которые обязаны были давать им помещики в случае, когда они требовали от них барщины («помочи») на основе феодального обычая.

Среди немецких историков были (и есть сейчас в ГДР) и такие, которые склонны были датировать генезис капитализма и так называемое первоначальное накопление в Германии с XVII и даже с XVI в. Например, недавно трагически погибший молодой историк И. Нихтвайс, которому принадлежит интересная работа по аграрному строю Мекленбурга [15], приводит прямое сравнение «огораживаний» в Англии XVI в. с обезземелением крестьянства в Мекленбурге в том же XVI в. и присоединением крестьянской земли к барской запашке. Я однажды уже останавливался на этом [16] и здесь лишь повторю, что ничего общего между этими процессами нет, ибо в первом случае стоял вопрос о лишении лично свободного крестьянина «средств производства и гаран-

---

[14] F. Lütge. Deutsche Locial- und Wirtschaftsgeschichte. Berlin, 1952.

[15] J. Nichtweiss. Das Bauernlegen in Mecklenburg. Berlin, 1954.

[16] См. С. Д. Сказкин. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе. «Вопросы истории», 1958, № 2.

тий существования» (Маркс), обеспеченных ему феодальным способом производства, т. е. это был акт первоначального накопления в собственном смысле; тогда как во втором случае (в Мекленбурге) речь шла об увеличении собственной запашки Grundherr'ом, ставшим помещиком-предпринимателем и старавшимся усилить эксплуатацию крестьян путем увеличения барщины и окончательного прикрепления к поместью и к личности феодала крестьянина, превратившегося в живой инвентарь поместья и обязательно снабженного небольшим участком, который был для него своеобразной формой натуральной заработной платы, т. е. типично феодальным способом получения непосредственным производителем необходимого продукта. Следовательно, те перемены, которые происходили в Восточной Европе в XVI—XVIII вв., были показателем не разложения феодального способа производства, а его усиления и укрепления в условиях развития общеевропейского рынка. Феодальному способу производства на Востоке Европы предстояли еще столетия дальнейшего существования, поэтому, как мне кажется, ни о каком процессе первоначального накопления в Восточной Европе в XVI или XVII вв. не может быть и речи.

Несколько дополнительных замечаний. Иногда историки СССР в доказательство тезиса о капиталистическом развитии более раннем, чем конец XVIII в., ссылаются на известное высказывание В. И. Ленина об образовании в XVII в. всероссийского рынка и буржуазных связях, которые лежат в его основе. Но совершенно очевидно, что ни о каком капитализме здесь не может быть и речи. Ведь образование внутренних рынков в пределах каждой страны на Западе осуществилось задолго до капитализма, так же как и политическая консолидация этих стран, а термин «буржуазные связи» В. И. Ленин употребляет в том же широком смысле, в каком часто употребляет его Энгельс, говоря о складывавшемся на Западе с конца X в. союзе «буржуазии» и королевской власти в деле политической консолидации государств [17] Речь идет здесь о совокупности всех антифеодальных сил, возникших в феодальном обществе со времени появления городов, в первую очередь — о ре-

[17] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 411.

ремесленниках и торговцах. И складывание централизованной формы феодального государства — абсолютной монархии классики марксизма рассматривали как факт, благоприятствующий развитию капитализма.

После этих замечаний мы перейдем к систематическому рассмотрению тех изменений, которые происходили в феодальной формации и в феодальном обществе в целом в тот период развития товарно-денежных отношений, которые непосредственно предшествовали переходу от феодализма к капитализму. Мы формулируем свою задачу как преимущественно проблему больших крестьянских восстаний XIV в., так как для понимания сущности происходящих изменений удобнее всего исходить из этих подлинно решающих, критических явлений и их причин.

XIV век был веком крестьянских движений, потрясавших феодальное общество. Характерна сама временная последовательность крестьянских движений. Первым из них было крестьянское восстание в Италии под предводительством Дольчино (начало XIV в.), вторым — знаменитое фландрское восстание 1322—1329 гг., третьим — французская Жакерия (1358 г.), четвертым — восстание Уота Тайлера в Англии (1381 г.). В данном случае мы говорим о наиболее крупных восстаниях, так как мелкие восстания были довольно многочисленны на протяжении всего второго периода средневековья. Последовательность крестьянских восстаний, таким образом, более или менее соответствует степени экономического развития этих стран. Очагами самого раннего развития городов и товарно-денежных отношений в Европе были Италия и Фландрия, в которых уже в XIV—XV вв. в промышленности спорадически встречаются элементы капиталистических отношений в форме рассеянной мануфактуры. Крестьянские восстания в этих странах происходили в тот период, когда на основе высоко-развитых товарно-денежных отношений могли уже возникать некоторые предпосылки для появления элементов капитализма.

Этот уровень товарно-денежных отношений в недрах феодальной формации характеризуется следующими признаками: 1) постепенной ликвидацией собственной запашки у сеньора в пределах вотчины — сеньории и сдачей домениальной земли крестьянам в различного

рода держания; 2) коммутацией, т. е. переводом натуральных повинностей, в том числе и отработочной ренты (барщины) в денежную форму; 3) почти повсеместным так называемым освобождением крестьян, т. е. выкупом крестьянами повинностей, связанных с личной зависимостью (серваж) и фиксацией различных форм произвольной тальи и в связи со всем этим — 4) попыткой господствующего класса увеличить общую сумму денежных взносов, следуемых с крестьянина как держателя и стремлением к другим изменениям в крестьянском хозяйстве с целью повышения доходов сеньоров.

Каждое из названных положений требует своего разъяснения.

С развитием товарно-денежных отношений в условиях феодальной формации на определенном этапе этого развития ликвидация собственной запашки сеньора оказывалась неизбежной. Хозяйство феодала было рассчитано прежде всего на удовлетворение нужд самого феодала и его двора; рабочие руки доставляло крестьянское хозяйство, которое велось на наделе, принадлежавшем феодалу. Обработка домениальной земли, разбросанной к тому же чересполосно между крестьянскими наделами, велась теми же мелкими орудиями производства и теми же способами, какими крестьяне обрабатывали свои наделы. Некоторая выгода для домениального хозяйства проистекала от простой кооперации множества индивидуальных усилий крестьян-барщинников, но в целом производство оставалось примитивным.

Рассмотрим теперь другую сторону средневекового хозяйства — его возможную связь с рынком. Развитие городов и городского ремесла сделало неизбежным обмен между городом и деревней. Но далеко не везде этот обмен осуществлялся одинаково интенсивно и оказывал одинаковое влияние на сельское хозяйство. В огромном большинстве случаев обмен между городом и деревней не выходил за пределы города и его ближайшей округи и это обстоятельство объясняется тем, что техника транспорта была в средние века слишком еще низка для того, чтобы перевозить на дальние расстояния такой громоздкий и относительно дешевый продукт, как хлеб и другие сельскохозяйственные продукты. Перевозка хлеба большими партиями на далекое рас-

стояние отмечается не ранее XVI в. и при этом главным образом по водным — речным и морским — путям. Лишь при отдельных особо благоприятных обстоятельствах производились перевозки сельскохозяйственных продуктов в более ранние времена, и только в этих условиях оказывалась хозяйственно выгодной крупная запашка сеньора и ведение хозяйства на основе крестьянской барщины с целью реализации продуктов на рынке. Такие случаи отметил, например, академик Е. А. Косминский в Юго-Восточной Англии XIII в.

Феодал, желавший получить феодальную ренту в денежной форме, мог, конечно, осуществить это путем продажи продуктов своего хозяйства, добываемых барщинным трудом крепостных. Однако было гораздо выгодней и практически осуществимее требовать с крестьян денежный оброк, перекладывая на их плечи заботы и риск реализации продуктов на местном рынке. Позже восток Европы начал обслуживать рынок западных стран сельскохозяйственным сырьем. В странах Западной Европы, где производитель сельскохозяйственного сырья мог рассчитывать только на местный рынок с его неустойчивой конъюнктурой, мелкое хозяйство непосредственного производителя оказывалось более приспособленным, чем барское, к рыночным условиям, и именно оно, а не крупное барщинное хозяйство стало господствующей формой и хозяйства, и производства.

Сезонность работ, характерная для сельского хозяйства вообще, часто приводит к простою человеческой силы и живого инвентаря. Отсюда проистекают нерациональность хозяйства, неучитываемость расхода рабочей силы, недооценка трудовых усилий, потеря времени. Еще Артур Юнг, говоря о французском крестьянине XVIII в., отмечал, что он готов пуститься в далекое путешествие в город, чтобы продать там за гроши пяток яиц или курицу. Если он ее не продаст, то он возвращается обратно, и в крайнем случае может употребить ее на собственное питание. Поэтому с точки зрения хозяйства, построенного на денежном расчете, с денежным учетом каждого трудового движения, продажа крестьянином пяти яиц есть продажа ниже себестоимости по той простой причине, что крестьянин не учитывает расходов по доставке продуктов на рынок, особенно

если эта доставка осуществляется в период трудового простоя. На этом также основывается высота ростовщического процента в деревне, когда занятая крестьянином сумма не только оплачивается высокими процентами, но и всевозможными услугами, оказываемыми должником кредитору в «удобное» для крестьянина время (привезти дрова из лесу, доставить на базар заимодавцу продукты и т. п.). Но этого мало. В условиях местного рынка с его неустойчивой конъюнктурой мелкое крестьянское хозяйство, выбрасывающее на продажу излишки собственного потребления, оказывается более приспособленным, чем сеньориальное хозяйство, еще в одном отношении. В случае неблагоприятной рыночной конъюнктуры мелкое хозяйство может отказаться на время от продажи, тогда как крупное хозяйство, рассчитанное на сбыт массы сельскохозяйственных продуктов, при прочих равных условиях может пережить весьма серьезный кризис. Все это вместе взятое и заставляло феодалов по мере развития товарно-денежных отношений предоставлять мелкому крестьянскому хозяйству все большую самостоятельность, за которую крестьянин обязан был выплачивать сеньору феодальную ренту в денежной форме, т. е. переносить на себя тяжесть и риск реализации продуктов на рынке.

Отсюда вытекают и все остальные характерные черты в эволюции аграрных отношений этого времени.

Выражением процесса коммутации, замены всех натуральных повинностей и платежей деньгами и является наблюдаемое повсеместно в Европе уменьшение или даже ликвидация собственной запашки сеньора и сдача домениальной земли крестьянам на условиях долгосрочного или наследственного феодального держания (например, английский копигольд) или на условиях краткосрочной аренды. В последнем случае влияние рыночных отношений сказывается на характер и высоту арендной платы.

Феодалу выгодно получать феодальную ренту в звонкой монете, во-первых, потому, что он становится владельцем сокровища, могущего быть обмененным на любой нужный предмет; во-вторых, потому, что по сравнению с продуктом драгоценный металл может храниться сколько угодно времени и не требует обязательного и скорого потребления; в-третьих, потому, что

феодальная рента в денежной форме больше, чем простой эквивалент натуральной формы, ибо денежная форма ренты включает в себя в скрытом виде неучитываемую стоимость услуг и труда, необходимых для реализации продукта на рынке (скрытая барщина).

В этот период мы наблюдаем почти повсеместное освобождение крестьян от личной зависимости. Не барщина вытекала из крепостного права, а наоборот, крепостное право вытекало из барщины. Вполне понятно поэтому, что крепостное состояние в собственном смысле там, где не было нужды в барщине, начинало отмирать. Поскольку барская запашка уменьшается или полностью ликвидируется, что мы наблюдаем в большинстве западноевропейских стран уже с XII в., а в Италии даже с начала XII в., везде идет процесс так называемого «освобождения» крестьян от личной зависимости. На содержании этого «освобождения» следует остановиться особо.

В отличие от востока Европы, где существовавшее еще в XVIII и первой половине XIX в. крепостное право было отменено законодательством абсолютных монархий, в западноевропейских странах смягчение, а затем и полная ликвидация крепостного права были длительным процессом и прошли ряд стадий, причем весь процесс ликвидации крепостного права завершился или почти завершился только в буржуазных революциях (английская буржуазная революция XVII в., например, не уничтожила крестьянского феодального держания — так называемого копигольда). Начальной стадией освобождения крестьян на Западе Европы была отмена за выкуп повинностей, связанных с личной зависимостью или личной несвободой крепостных крестьян: mortuarium, forismaritagium, tallagium non fixum vel ad misericordiam domini. Выкуп крестьянином всех этих повинностей превращал крестьянский надел в наследственное владение с твердыми, раз навсегда установленными повинностями, давал крестьянину право заниматься чем угодно, бросать надел и уходить в город на поиски заработков. Крестьянин становился лично свободным, но его надел по-прежнему был частью вотчины — сеньории и крестьянин по-прежнему должен был нести определенные платежи и повинности; крестьянин по-прежнему состоял в судебной зависимости от своего сеньора со

всеми вытекающими отсюда последствиями, т. е. с выполнением «реальных» и «персональных» прав сеньора. В результате такого только личного освобождения создавались особые формы феодальных держаний, оплачиваемых определенными, строго фиксированными платежами и повинностями, держаний в большинстве случаев либо наследственных, либо долгосрочных (одному, двум, трем и более поколениям), классическим примером которых были французская цензива, английский копигольд или итальянский эмфитевзиз и, пожалуй, итальянское либеллярное держание (на 29 лет), которые Маркс рассматривал как укрепленные традицией прочные формы крестьянского пользования землею в условиях господства феодальной собственности сеньора на землю.

Процесс личного освобождения крестьян при сохранении их поземельной и судебной зависимости начался в Европе очень рано, а в отдельных странах тем раньше, чем раньше стали развиваться города, ремесло и стали крепнуть товарно-денежные отношения. Во Франции личное освобождение крестьян идет уже с XII в. и к концу XV в. лично зависимые крестьяне (сервы и мэнмортабли) — уже редкое исключение. В Англии этот процесс, правда, еще плохо изученный, начинается тоже в XII в., но особенно интенсивно идет в XIV и XV вв., и в XVI в. лично-зависимые крестьяне (вилланы-бондмены) также редки. Во Фландрии горожане уже в XIV в. с гордостью заявляли, что они не слышали, что такое крепостные люди. В Италии, где города развивались раньше, чем где бы то ни было в Европе, раньше начался и процесс освобождения крестьян.

Необходимо отметить, что личное освобождение крестьян оказалось повсюду связанным с выкупом сеньориальных прав и этот выкуп был очень выгодным для сеньоров. Освобождение крестьян для сеньоров означало получение крупной более или менее единовременно уплачиваемой денежной суммы, причем сама эта операция вовсе не означала полного прекращения крестьянских платежей, а даже наоборот, иногда некоторое их увеличение.

Многочисленные факты убеждают нас в том, что сумма выкупа была настолько велика, что выплата ее сразу была под силу только небольшой, наиболее зажи-

точной части крестьянства. Основная масса выкупившихся на волю крестьян попадала в долговую зависимость. Сумма выкупа записывалась как долг, проценты по которому выплачивались в дополнение к денежному платежу, следуемому за земельный участок. Таким образом, «освобождение» крестьянина, выкуп крестьянина на волю означал увеличение феодальной ренты, чаще всего в денежной форме. Вполне понятно, что у крестьян вызывал возмущение этот новый нажим сеньоров, стремившихся обратить в свою пользу все выгоды возникавшей хозяйственной самостоятельности крестьянского хозяйства, его растущей связи с местным рынком. Почти повсеместно в Европе стали происходить в XIV в. восстания, в которых крестьяне отстаивали закрепленную традицией и обычаем феодальную ренту от попыток ее увеличения. Эпоха «освобождения» крестьян в Европе была, таким образом, эпохой больших крестьянских восстаний.

Наряду с этими общими изменениями в существе аграрных отношений классики марксизма-ленинизма отмечали ряд важных изменений, тоже вызванных развитием товарно-денежных отношений в среде самого крестьянства.

К. Маркс и В. И. Ленин обратили внимание на то, что при переходе от отработочной ренты к продуктовой производитель становится более самостоятельным и получает возможность добывать своим трудом некоторый излишек сверх того количества продуктов, которые удовлетворяют его необходимые потребности. Вместе с этой формой ренты появляются более значительные различия в хозяйственном положении отдельных непосредственных производителей. Появляется слой бедняков — с одной стороны, зажиточного крестьянства, начинающего эксплуатировать чужой труд — с другой. Эти новые явления с особой силой проявляются при переходе к денежной ренте, которая является простым изменением натуральной ренты. Базис этого вида ренты остается прежним, но он идет навстречу своему разложению. «...Традиционное, обычно-правовое отношение зависимого крестьянина к землевладельцу превращается здесь в чисто денежное отношение, основанное на договоре. Это ведет, с одной стороны, к экспроприации старого крестьянства, с другой — к выкупу крестьянином своей зем-

ли и своей свободы. «Далее,— цитирует В. И. Ленин К. Маркса, — превращению натуральной ренты в денежную не только непременно сопутствует, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги... Таким образом, у них (зажиточной части крестьянства. — *С. С.*) складывается мало-помалу возможность накоплять известное состояние... Среди самих прежних владельцев земли, которые сами ее обрабатывали, возникает, таким образом, рассадник капиталистических арендаторов» [18].

Перейдем непосредственно к проблеме крестьянских восстаний XIII—XV вв. Нам нет нужды давать описание этих движений. История самых крупных из них общеизвестна; многочисленные менее крупные восстания еще ждут своих исследователей, и это изучение, несомненно, принесет много нового и важного. Наша задача ограничивается лишь некоторыми вопросами, связанными с этими движениями, и, скорее всего, это не столько разрешение этих вопросов, сколько постановка проблемы и первая попытка решить ее. Подобные попытки часто остаются лишь гипотезами, но их плодотворность заключается в том, что они направляют поиски следующих исследователей, вне зависимости от того, будут ли они решены положительно или от них придется окончательно отказаться.

Мы назвали историю больших крестьянских движений XIII—XV вв. проблемой потому, что такой основной вопрос, как общие причины этих восстаний, еще до сих пор ждет своего исследователя так же, как ждет исследований весь второй период средних веков, период той стадии развития товарно-денежных отношений, которая непосредственно предшествует появлению в лоне феодальной формации первых элементов капиталистических отношений.

Первый вопрос, который возникает при изучении крестьянских движений и восстаний XIII—XV вв., это вопрос о причине этих движений. Самый простой ответ на этот вопрос: положение крестьянства или большинства крестьянства, или, по крайней мере, определенной части крестьянства ухудшилось и это обстоятельство вызывало восстания — крайнюю форму классовой борь-

[18] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 168.

бы крестьян. На первый взгляд это априорное решение как будто подтверждается некоторыми фактами. Комплекс изменений, свойственных этому периоду, о которых мы говорили выше, таков, что одно из этих изменений с необходимостью вытекает из другого и констатация одного или нескольких из них в историческом развитии той или другой страны заставляет предполагать с большой степенью вероятности наличие остальных. Например, ликвидация барской запашки и исчезновение домена, коммутация и освобождение крестьян от личной зависимости — явления, в большей или меньшей степени общие в это время для всего запада Европы, явления, тесно между собой связанные и взаимно определяющие. Однако освобождение крестьян от личной зависимости сопровождается в большинстве случаев выкупом связанных с личной зависимостью видов феодальной ренты, и вследствие этого, как мы уже видели, выкупная сумма часто записывалась как долг крестьянина сеньору, проценты же по этому долгу прибавлялись к феодальной ренте. В какой мере такая операция, а с нею — такой путь увеличения феодальной ренты были явлением повсеместным и обычным — мы сказать не можем за отсутствием специальных исследований; во всяком случае, такое явление было довольно частым во Франции и в Италии[19].

Общий комплекс изменений как будто бы был благоприятным для хозяйственной самостоятельности мелкого крестьянского хозяйства, а следовательно, и для крестьянства в целом. Однако одновременно он сопровождался и тяжелыми последствиями, которые особенно болезненно воспринимаются крестьянством, хозяйственная самостоятельность которого теперь явно возрастает.

Вторую непосредственную причину усиления классовой борьбы крестьян против феодалов некоторые исследователи видят в численном увеличении рыцарства,

[19] Могло быть и иначе. М. А. Барг показал, что английские лорды с XIII в., когда процесс коммутации в Англии почти завершился, стали повышать феодальные взносы крестьян в денежной форме, стараясь довести феодальную ренту до уровня арендной платы со сдаваемой в аренду земли домена (См. М. А. Барг. Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв. М. Изд-во АН СССР, 1962, стр. 185—189).

мелких феодалов, — того слоя господствующего класса, который составляет в это время главную военную силу феодального государства.

Государство в это время в большинстве стран Западной Европы еще не было централизованным и не было поэтому еще достаточно сильным для того, чтобы заставить эксплуатируемых сражаться за интересы господствующих классов. Поэтому в борьбе со своими внутренними и внешними врагами оно опиралось на низшие слои своего же собственного класса, составляющие главную его материально-военную силу, основной состав феодальных армий. Вопрос о происхождении и содержании этой военной силы приобретает первостепенное влияние на политику господствующего класса; ведь речь шла о средствах, при помощи которых господствующий класс сохранял свое привилегированное положение и саму возможность эксплуатации трудовых масс деревни и города. Создание и содержание феодальных армий могло в это время осуществляться только за счет уступки части феодальной ренты на содержание этой военной массы, низшего слоя господствующего класса. Поэтому генезис рыцарства и дальнейшая судьба дворянства в позднее средневековье приобретает характер важной социально-политической проблемы для историка-марксиста.

Младшие сыновья феодалов — с одной стороны, выходцы из среды зажиточного крестьянства, из которой рекрутировалась вотчинная администрация (министериалы) — с другой, были питательной средой мелкого рыцарства, позднее превратившегося в дворянство главный оплот абсолютных монархий. Становясь вассалами крупных сеньоров и основным контингентом феодальных банд, новые рыцари получали мелкие феоды — вотчины от своих сеньоров, и, стараясь жить соответственно своему новому положению, усиленно нажимали на крестьян — единственный в то время источник благосостояния. Они это делали с тем большим успехом, что будучи мелкими вотчинниками, они ближе стояли к своим подданным, лучше знали их хозяйство и эффективнее, чем администрация крупных вотчин, высасывали из крестьян последние соки. Проблема рыцарства очень сложна и далеко выходит за рамки задач, поставленных в наших очерках. Она имеет самостоя-

тельное значение и требует особого тщательного исследования; поэтому мы ограничимся лишь краткими предположениями, не носящими окончательного характера.

Прежде всего следует сказать, что, по-видимому, именно в это время ряды рыцарства быстро росли. Первым обратил на это внимание Энгельс, который отмечал исчезновение к XVI в. среднего дворянства. «...Одна его часть, — говорит он, — возвысилась до положения независимых мелких князей, другая — опустилась в ряды низшего дворянства» [20]. Именно рост этого мелкого дворянства и был фактором усиления феодального гнета и одной из причин Великой крестьянской войны в Германии [21]. Само собой разумеется, что этот рост мелкого дворянства был характерен не только Германии XV — начала XVI в. Во Франции еще в XII в. разбои и грабежи, творимые мелким рыцарством по отношению к монастырям и церквам, были постоянной заботой папской власти, которая не раз приглашала французских рыцарей показать свою удаль в крестовых походах против неверных не только в Палестине, но и в Испании. В Германии Фридрих Барбаросса, предпринимая третий крестовый поход, превратил его в «великое национальное предприятие» [22]. Его войско состояло главным образом из рыцарей, для которых этот поход был средством обогащения. Специально занимавшийся вопросом о происхождении низшего дворянства немецкий исследователь Эрнст прямо отмечает, что XII в. был временем роста рыцарей из знатных крестьян (мейеров) и министериалов [23]. Явление это, по-видимому, было общим для всей Европы; даже в далекой Сербии XIV—XV вв. было то же самое. Несколько позже в России переход от боярства к дворянству тоже был прямо связан с усилением эксплуатации крестьянства в виде «второго издания крепостного права».

Этот процесс был связан с консолидацией тех сил, которые составили социальную опору будущих абсолютных монархий: в Восточной Европе это — дворянство, закрепостившее крестьян, в Западной,— при отсутствии

---

[20] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 349.

[21] Там же, стр. 350.

[22] Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 169.

[23] V Ernst. Die Entstehung des niederen Adels. Berlin, 1916, S. 50.

благоприятных условий для ведения барского хозяйства — рыцарство.

Проблема рыцарства и несколько позже — дворянства — одна из важнейших социальных проблем феодального общества. Рыцарство (milites) — новообразование, и его роль в феодальном обществе и государстве — предмет постоянных забот государей уже со времени первого крестового похода. Оно необходимо господствующему классу; оно составляет его главную военную силу. Источник его существования — все те же крестьяне, т. е. грабеж трудящихся, легализованный временем и традицией. Но его мало. Необходимы агрессивные военные предприятия — грабеж прямой, периодический, предпринимаемый от времени к времени для успокоения массы этих профессиональных «благородных грабителей». И именно потому, что этот слой составляет основную военную силу господствующего класса в целом, два главных центра средневековой власти — светская власть и духовная власть, империя и светские государи, с одной стороны, папство — с другой, ведут непрестанную борьбу за эту силу. Эта борьба в конечном счете безнадежна для папства, так как дворянство по своей классовой принадлежности и своим привилегиям ближе к светской власти, возглавляющей господствующий класс, чем к духовной, которая носит служебный характер центра идеологического воздействия на людей в пользу того же господствующего класса. Однако исключительно важная роль духовной власти в обществе, главным эксплуатируемым классом которого является подверженное суевериям крестьянство, внушает представителям духовной власти преувеличенное мнение о своей силе и толкает их на попытки овладеть и светской властью, а следовательно, и на попытки овладеть материальными средствами этой власти, т. е. военной силой средневекового общества, поставить непосредственно себе на службу рыцарство. Папство, как «монархический центр» духовенства (Энгельс) и пробует достичь этого проповедью больших грабительских предприятий (крестовые походы), созданием таких духовно-светских институтов, как рыцарские ордена (проповедь Бернарда Клервосского) и др. В противовес этому светские государи берут крестовые походы под свой контроль, превращают их в общерыцарские предприятия

своих государств, проповедуют (в более позднее время) их необходимость для сплочения низов господствующего класса под командой централизующихся, а затем и централизованных государств и для решения своих государственных забот (итальянские походы). Отсюда отрицательное отношение к духовно-рыцарским орденам со стороны светской власти и жестокая расправа с орденом Тамплиеров, в котором французские короли не без основания видели своеобразное ответвление папского государства в их собственном государстве. Одним словом, рыцарство получает всестороннее признание своей важности и вознаграждение, во-первых, и самым главным образом — за счет крестьянства, а во-вторых, за счет грабежа и своих, и главным образом чужих территорий, лежащих по дорогам, ведущим к пресловутому «гробу господню».

Рекрутировалось рыцарство, как мы уже сказали, либо за счет зажиточной верхушки крестьянства (в Германии за счет мейеров), либо даже за счет сервов, состоявших на службе феодалов (министериалы), либо, наконец, за счет субинфеодирующихся у тех же крупных феодалов мелких свободных людей, получавших от титулованной знати и баронов небольшой феод с обязанностью военной службы своему непосредственному сеньору. Последний способ рекрутирования этого слоя господствующего класса был распространен издавна, но в пору борьбы крупных феодалов с королевской властью он получил особенно широкое распространение. С этой точки зрения, как показал М. А. Барг для Англии, или В. Эрнст для Германии, этот слой был новообразованием, и его существование и деятельность могли быть причиной крестьянских восстаний XIV в., наряду с другими причинами, вызванными развитием товарно-денежных отношений. Едва ли может быть какое-либо сомнение в том, что образование этого слоя рыцарства было явлением общеевропейским (испанские и португальские идальго, итальянские дружины кондотьеров и т. п.).

В чем же экономически выражался этот нажим численно возраставшего слоя мелких феодалов, рыцарей, а через них — и всего класса феодалов в целом? Время последнего периода феодальной ренты в ее денежной форме есть вместе с тем и время рождения устойчивой

цены земли как капитализированной феодальной ренты. Верхним пределом цены земли была капитализированная рента с краткосрочных держаний на домениальной земле, сдаваемой после ликвидации собственной запашки сеньора крестьянам. Разница между арендной платой за домениальную землю (новые держания) и феодальной рентой со старых крестьянских держаний, фиксированной обычаем и традицией, скоро превратится в разницу между капиталистической рентой и рентой феодальной и эта разница прежде всего почувствуется в Англии, которая раньше других стран перейдет к капитализму. А. Н. Савин показал, что в приказчичьих отчетах XVII в. против суммы поступлений с копигольдерской земли стояла приписка, смысл которой заключался в том, что если бы эта земля была сдана в аренду, то доход с нее в несколько раз превышал бы копигольдерскую ренту. Вполне понятно, что поднять уровень феодальной ренты до уровня арендной платы фактически значило превратить феодальную собственность сеньоров в полную (т. е. буржуазную) собственность. Стремление феодалов достичь такого уровня находило препятствие не только в обычае и традиции, определявших высоту феодальной ренты во всех ее формах и видах, но и в том отпоре, который они встречали в крестьянстве. Последнее само было склонно считать своей собственностью все виды наследственных держаний и считало достаточным основанием для такого утверждения тот факт, что оно выкупилось или каким-либо иным путем получило личную свободу.

Борьба за землю — так можно было бы охарактеризовать причину усиления классовой борьбы во второй период существования феодальной формации. Смысл этой борьбы заключался в том, что каждый из борющихся классов стремился к тому, чтобы превратить свою феодальную собственность в свободное держание, а затем, позже, и в буржуазную собственность.

Встретившись с яростным сопротивлением крестьян, господствующий класс предпочел сначала идти по линии наименьшего сопротивления и устремил свои вожделения в ту сферу совместного владения землею с крестьянами, где правовые обычаи были наименее определены и где, с другой стороны, укрепляющееся централизованное государство вместе с феодалами стало претендовать

на безусловное право распоряжения. Речь идет о так называемых общинных землях, альмендах, как они назывались в Германии.

В самом начале расселения германских племен на новой территории вожди этих племен считали само собой разумеющимся, что земли, непосредственно никем не занятые и не освоенные общинами, принадлежали им и находились в их распоряжении. Из этого фонда вожди (короли, герцоги) наделяли в первую очередь своих дружинников и таким образом частично создавали крупную земельную собственность (феодальную). Те земли общин, которые не попали в собственность отдельных семей и превратились в территории общинных угодий, тоже испытывали на себе влияние этих общих воззрений эпохи и тоже до некоторой степени, будучи ничейной землей, оказывались в распоряжении вождей и их непосредственных слуг — крупных феодалов. Это право распоряжения выражалось в том, что короли, например, выдавали грамоты на поселение отдельным лицам и в более позднее время из этого фонда наделяли землей мелких рыцарей, а еще позже, как это случилось в Германии, издавали так сказать обязательные постановления, регулировавшие право использования альменд местными жителями. Что такое «нормирование» оказывалось связанным с утеснением прав крестьянских общин и с явным усилением эксплуатации этих земель в интересах фиска или в хозяйственных интересах крупных феодалов, в Германии, как известно, независимых от императора, — это очевидно. Но и дальше на запад отголоски этих взглядов на альменду мы находим, например, в Мертонском статуте в Англии (1235—1236). Здесь ясно сказано, что крупные феодалы имеют право на распоряжение общинными угодьями, что они наделяют ими своих субдержателей, которые названы рыцарями и свободными держателями, а иногда и обделяют их, в результате чего и возникает судебное дело, разрешаемое при помощи присяжных. Смысл статута совершенно ясен: лорды захватывают общинные угодья своих держателей, и сам факт захвата — общее для всей Западной Европы явление и одна из важных причин крестьянских восстаний. Данные, приведенные в книге О. Бауэра [24], свидетельствуют об остроте процесса за-

[24] О. Бауэр. Борьба за землю. Л., 1926.

хвата общинных угодий в Германии и полностью подтверждают известное высказывание Энгельса о том, что «марка погибла вследствие разграбления почти всей крестьянской земли, как поделенной, так и неподеленной,— разграбления, произведенного дворянством и духовенством при благосклонном содействии территориальной власти»[25]. Бауэр приводит законодательство германских императоров, в результате которого оформлялось и легализировалось ограбление крестьян и ликвидация общинных угодий в Германии и со свойственным этому правому социал-демократу и оппортунисту «всепрощением» всех безобразий, творимых сильными якобы в интересах прогресса, говорит: «Но в этом жестоком, кровопролитном процессе проявилась экономическая необходимость... С ростом населения, городов, горного дела появилась необходимость регламентировать и ограничение пользования лесом»[26]. Князья, захватывая леса, сдавали их предпринимателям по выжигу древесного угля, необходимого в больших количествах для развивающейся металлургии, для постройки растущих городов и т. д., и все это вело к тому, признает автор в другом месте, что «кровавые карательные экспедиции войск кайзера против восставших крестьян — вот что сделало возможным великое ограбление лугов, пашен и леса дворянами и церквами»[27]. «Двенадцать статей» Великой крестьянской войны в Германии — прямое доказательство размеров грабежа общинных угодий, так как большинство статей этого замечательного документа протестуют как раз против захвата господствующим классом альменды во всех ее видах.

Менее определенны сведения относительно Франции, но их неопределенность касается только времени ограбления, а не сущности его. Известное законодательство XVII в. о триаже, т. е. выделении одной трети общинных угодий (biens communaux) сеньору и оставление двух третей общине, говорит лишь о крайних формах столкновений между крестьянами и сеньорами из-за этих biens communaux, но, конечно, эти столкновения происходили с давних пор и триаж был их заключитель-

---

[25] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 337.
[26] О. Бауэр. Ук. соч., стр. 46.
[27] Там же.

ным моментом. Все же, несмотря на эту попытку, статистики кануна революции XVIII в. показывают, что леса и луга почти без исключения принадлежали привилегированным, тогда как крестьянские общины, как правило, их почти не имели.

В заключение следует кратко остановиться на проблеме результатов крестьянских движений и восстаний XIV в. Речь в данном случае идет не о причине неуспехов крестьянских восстаний в средние века, о которых не раз говорили классики марксизма-ленинизма и которые получили свою классическую формулировку в замечании В. И. Ленина на «Историю великой крестьянской войны в Германии» Энгельса: ...организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев *только* руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата»[28].

Буржуазные историки отдельных крестьянских движений и восстаний постоянно подчеркивают их стихийность, отсутствие ясных целей, их разрушительную силу, вызванную ненавистью крестьян к своим угнетателям-феодалам, и в целом их (восстаний) полную безрезультатность. И дореволюционный русский историк А. Н. Савин, большой знаток этого периода средневековья, говоря о крестьянских восстаниях XIV в., в конце концов присоединяется к этому взгляду, оговариваясь относительно восстания Уота Тайлера, что оно было ответом на феодальную реакцию и приостановило ее. Принимая во внимание то, что мы говорили выше о причинах крестьянских восстаний XIV в., мы думаем, что такого рода общее заключение о безрезультатности их неосновательно. В чем заключалась феодальная реакция и в Англии и в Германии накануне восстаний 1381 и 1524—1525 гг.? Мы могли бы сформулировать содержание этой феодальной реакции как стремление господствующего класса задержать естественную эволюцию крестьянского держания в условиях развивающихся товарно-денежных отношений, условиях, приближающихся к появлению капиталистических отношений в недрах все еще господствующих феодальных производственных отноше-

[28] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 41.

ний. Говоря другими словами: так как в этот период лорды-сеньоры забрасывают свою собственную запашку и сдают домениальную землю в краткосрочную аренду тем же крестьянам (или оптом сдают ее буржуа, а эти последние в свою очередь передают ее по мелочам крестьянам), впервые создается разница между доходами с таких «новых» держаний и доходами от «старых» держаний. Первые легко могут повышаться в зависимости от рыночной конъюнктуры, а вторые, будучи фиксированы обычаем, позволяют крестьянину присваивать себе излишек от повышающихся рыночных цен на сельскохозяйственные продукты. В таких условиях сама «феодальная реакция» имеет своей целью превращение всей территории общины, в том числе и земли крестьянских держаний, в домениальную землю сеньора, в фригольд лорда, если пользоваться английской правовой терминологией. И практически это выражается в том, что феодалы стремятся довести феодальную ренту в целом до уровня ренты с «новых» держаний, а впоследствии иметь правовое основание для превращения своих прав на домениальную землю в полную собственность. Именно в этом пункте они и встретились с яростным сопротивлением крестьянства. И содержание этого сопротивления и составляет объективно значимую, хотя субъективно, может быть, не осознанную результативность крестьянских восстаний XIV в. Крестьяне защищали: 1) личную свободу (освобождение), 2) фиксацию повинностей с переводом их, насколько это было возможно, в денежную форму, 3) как результат первых двух — максимальную хозяйственную независимость на рынке своего мелкого хозяйства во всех ее видах (Майль-Эндская программа), сохранение общины и общинных угодий (12 статей), и, наконец, 4) стремились «новые» держания в правовом отношении свести до уровня «старых», т. е. фиксировать на вечные времена как повинности, так и платежи с них и превратить эти «новые» держания в свою «феодальную собственность».

Крестьянство на Западе добилось этого. И это верно даже для Англии, в которой крестьянство исчезло как класс в последующие XVI—XVIII вв., ибо исчезновение крестьянства как класса в процессе так называемого первоначального накопления в Англии было результатом проникновения в сельское хозяйство уже капитали-

стических отношений и составляет следующий этап за развитием товарно-денежных отношений, при котором происходит простая метаморфоза отработочной и натуральной ренты в денежную.

О том, что крестьяне старались сохранить за «новыми» держаниями феодально-правовую оболочку, свидетельствует эволюция французской цензивы после XV в.[29]. Французская цензива как распространенная форма феодального держания — явление, по-видимому, давнее во Франции. Советский историк А. В. Конокотин относит время ее появления к XII в.[30]. Но едва ли можно сомневаться, что свое распространение она получила позднее и по крайней мере с XVI в. цензива — самая распространенная форма крестьянского держания, которую сами крестьяне считают своей собственностью. В самом деле, феодальные юристы, начиная с XVI в., и феводисты (знатоки феодального права) XVIII в. учат, что держатель цензивы является ее наследственным владельцем, что он имеет широкие права распоряжения, т. е. может ее передавать по наследству, дарить, продавать и закладывать, даже не спрашивая на это разрешения сеньора. Таков по крайней мере порядок по большинству французских кутюмов. Однако права сеньора на цензиву и при перемене владельца остаются незыблемыми. Февдист Эрве, которому принадлежит наиболее полное изложение правовых норм, регулирующих цензиву, говорит, что договор на установление цензивы переносит право собственности на получателя цензивы (bail à cens est transitif de la proprieté) и таким образом договор цензивы по существу является или, по крайней мере, приближается к договору о купле-продаже. И действительно, цензива по существу является куплей-продажей феодальной собственности в том виде, в каком феодальную собственность понимал Маркс, т. е. право крестьянина на землю своего держания после его освобождения от личной зависимости, которое Маркс называл феодальным правом собственности[31].

---

[29] См. С. Д. Сказкин. Февдист Эрве и его учение о цензиве. Сб. «Средние века», вып. I. М., 1942.

[30] А. В. Конокотин. Очерки по аграрной истории северной Франции в IX—XIV веках. Иваново, 1958, стр. 58—59, 61, 65.

[31] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 729.

В период развития товарно-денежных отношений мобилизация земли и связанное с ней имущественное расслоение крестьянства, появление среди крестьян «будущих капиталистов»[32] становятся обычным явлением, а наличие феодальной собственности, каковой по своей юридической природе является цензива, облегчает эту мобилизацию. В самом деле, при заключении договора на цензиву в том случае, если таковая устанавливается как «новое» держание, цена ее («цена за допуск» по английской терминологии) гораздо ниже, чем цена за аллодиальную землю, т. е. за полную собственность продающего, и эта цена тем ниже, чем, во-первых, больше повинностей и платежей лежит на цензиве и чем, во-вторых, короче срок обновления договора (droit de reconaissance) на цензиву или другое такое же держание, под каким бы наименованием и в какой бы другой стране мы не встречали этот вид феодальной собственности. Это, если мы воспользуемся терминами буржуазного права, есть продажа земли, на которой лежит ипотека, в рассрочку, на несколько поколений потомков покупателя. И знаменитое наблюдение Лучицкого о чрезвычайной мобильности земли во Франции накануне буржуазной революции и о том, что земли в руках у крестьян все время прибавлялось,— объясняется главным образом куплей-продажей цензуальной земли.

---

[32] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 363.

Глава IX

ТАК НАЗЫВАЕМОЕ «ОСВОБОЖДЕНИЕ» КРЕСТЬЯН В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ. МАТЕРИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ УРОВЕНЬ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ДЕРЕВНИ

Масштабы «освобождения» крестьян и его характер. Причины «освобождения». Освобождение крестьян от личной зависимости во Франции. Некоторые замечания об освобождении крестьянства в Англии.

Сложность проблемы о материально-культурном уровне крестьянской жизни в средние века; разные точки зрения на этот вопрос. Тяготы жизненных условий: голодовки, эпидемии, феодальные распри. Условия быта крестьянства.

Перейдем теперь к характеристике тех изменений, которые произошли в судьбе крестьянства Европы с XI до XV в. и которые, быть может, не внеся существенных изменений в быт и положение крестьянства, имели огромное значение в общей структуре средневекового общества в целом. Речь идет о так называемом «освобождении» крестьян.

Во Франции в XII в. вилланы, т. е. лично свободные крестьяне, были в меньшинстве; в XIV в. они составляли большинство деревенского населения. Как ни было отлично социальное развитие Англии от Франции, количество вилланов,— а в Англии так назывались крепостные и лично зависимые люди,— было в XII и даже в XIII в. еще очень значительно. К концу же XV в. в Англии уже не оставалось вовсе вилланов; и если это утверждение Маркса фактически не совсем точно, как показали исследования А. Н. Савина, то все же следует признать, что количество бондменов, открытое в Англии XVI в. Савиным, настолько ничтожно, что скорее подтверждает общее положение, высказанное Марксом, чем опровергает его.

Утверждение, что в странах Запада, где спонтанное развитие хозяйства шло от феодализма к капитализму, увеличилась сумма личной свободы, остается непоколебленным. Промежуток между XII и XIV вв. был временем постепенного личного освобождения крестьян во Франции, Англии, Западной Германии, Италии, Испании и других странах. Во всем этом королевская власть принимала весьма скромное участие и то только с XIII в. например, во Франции. Правда, короли здесь очень рано утверждают хартии освобождения, данные другими сеньорами, и была выработана даже трафаретная форма, которая вводила в заблуждение многих историков и заставляла их приписывать королевской власти почин в этом деле. Не бо́льшее значение имеет и знаменитое предисловие Людовика X Дерзкого к хартии об отпуске на волю сервов королевского домена (1315 г.): «Так как по естественному праву каждый должен родиться свободным, но по некоторым обычаям и кутюмам, с незапамятных пор установленным и доселе в нашем королевстве хранимым, а также случайно за проступки предков множество нашего простого народа впало в крепостную зависимость и разные другие зависимые состояния, что весьма нам не нравится,— мы, принимая во внимание, что королевство наше названо и слывет королевством франков, и желая, чтоб действительное положение вещей соответствовало этому названию и чтобы положение народа было исправлено нами с началом нашего нового царствования, по обсуждению с нашим великим Советом повелели и повелеваем, чтобы повсюду в королевстве нашем, поскольку это в нашей власти и во власти преемников наших, такие состояния несвободы были приведены к свободе (franchise) и чтобы всем тем, кто либо по происхождению, либо по давности, либо вновь в силу браков или в силу проживания на несвободной земле впали в крепостную зависимость дана была на добрых и приличных условиях свобода...» [1]. Но уже давно было отмечено, что за этими громкими фразами скрывалась простая фиксальная мера. Через три дня после издания этого ордонанса было дано распоряжение о том, чтобы королевские комиссары накладывали чрез-

---

[1] «Французская деревня XII—XIV вв. и Жакерия». Сб. док. под ред. Н. П. Грацианского. М.—Л., 1935, стр. 56.

вычайные повинности на тех, кто будет отказываться от получения хартии свободы. Король изъявлял опасения, что сервы, слушая «дурные советы», предпочтут оставаться в «ничтожестве крепостного состояния», вместо того, чтобы стать свободными. Дело шло не больше не меньше как о получении королем больших разовых сумм за выкуп, и многие сервы решительно отказывались от дорого стоившей свободы. Доказательством этому служат повторные эдикты короля Филиппа V (1317 г.). Такой же характер носило и освобождение крестьян ордонансами Филиппа IV Красивого (1298 и 1302 гг.).

Подлинные причины освобождения, следовательно, нужно искать в экономике и в тех особенностях, которыми отличалось хозяйственное развитие стран Западной Европы. Основная, общая причина освобождения крестьян — глухая классовая борьба, непрерывно продолжавшаяся во все время существования феодальной формации, и, при наличии ее, малая заинтересованность средневекового сеньора в ведении собственного хозяйства. При плохих путях сообщения хлеб как громоздкий продукт очень поздно становится предметом вывоза и при таких условиях ведение крупного, особенно зернового хозяйства с расчетом на массовую реализацию его продуктов на местном рынке — чистейшая бессмыслица. Самая емкость местного рынка, с другой стороны, зависит от развития города, а этот последний есть в феодальной формации центр вольного, а не крепостного труда. Исчезает основа расширения хозяйства сеньора — барщина и крепость непосредственного производителя земле, ибо такое положение подрывало бы возможности развития города и его рынка, а вместе с этим и самый смысл существования крупного хозяйства сеньора. Мелкое хозяйство крестьянина лучше приспособлено к условиям местного рынка, и поэтому у сеньора очень рано замечается стремление ликвидировать свою запашку, сдать домениальную землю в держание крестьянам и переложить на крестьянские плечи тяжесть и риск реализации продуктов сельского хозяйства на рынке.

Остановимся на французских примерах. Причины «освобождения» А. Сэ, например, видит в стремлении сеньоров удержать своих сервов в сеньории (?!). С XII в. крестьяне становятся крайне мобильными. Многие сер-

вы бегут от своих сеньоров на новые места и расчистки и селятся там в качестве «гостей» (hostes) на значительно более выгодных для себя условиях; сеньоры этих расчисток, разумеется, заинтересованы в сокрытии беглецов. С другой стороны, к этому же времени почти повсеместно устанавливается право сервов уходить с земли, оставив сеньору все свое имущество. Это так называемое droit de désaveu само требует объяснения, оно, вероятно, зависело от того, что перевод сервов на положение мэнмортаблей свидетельствовал о легкости замены одного непосредственного производителя другим. В Бургундии, как это выяснил Сеньобос [2], оно было повсеместным. Мало того, существовало кое-где даже право серва получить землю обратно, если он возвращался к своему бывшему сеньору. Так, в 1241 г. люди капитула св. Стефана, ушедшие от монастыря на землю герцогов Бургундских, заявили, что они имеют право на свои мансы и на все их имущество, и предъявили иск к своему сеньору; правда, суд отказал им, став на сторону сеньора. Droit de désaveu имеет место и во Франш-Конте. Здесь серв, уходящий от своего сеньора, может даже оставить себе ²/₃ своего движимого имущества; недвижимое же целиком остается у сеньора. Но сеньоры иногда отступают и от этого правила. Так, Вильгельм, архиепископ Безансонский в 1260 г. дал право людям некоторых своих вотчин взять с собой все их движимое имущество и продать земли и дома людям той же вотчины; он даже позволил некоторым сохранить свои земли, отдав их в аренду другим крестьянам. Случай чрезвычайно интересный, свидетельствующий о раннем развитии межкрестьянской аренды. Droit de désaveu также действует в Берри и Шампани.

В XIII в. весьма часто явление, когда сервы одного сеньора держат землю другого сеньора. Смешанные браки становятся постоянным явлением и сеньоры заключают между собой договоры, позволяющие такие браки. Эти договоры устанавливают право сервов, которое носит оригинальное название droit de parcours [3].

---

[2] C. Seignobos. Le regime féodal en Bourgogne jusqu'à 1380. Paris, 1883.

[3] Droit de parcours — право прогона скота после снятия урожая по полям соседней деревни. Здесь употреблено в смысле «прогона» невест.

Сеньоры, будучи не в состоянии удержать сервов, требуют от них клятвенных обещаний; заключают между собой договоры о выдаче беглых сервов. Этих договоров особенно много в XII в. причем заключают их не только мелкие феодалы, но и самые крупные (например, договор Людовика IX с Тибо Шампанским и соседними tenentes in capite). Бегство сервов особенно усиливается с основанием новых городов и общим развитием городской жизни. В ряде хартий об основании новых городов и даровании так называемого права de bourgeoisie мы встречаем специальные параграфы, посвященные выдаче сервов, но в то же время и король, и сеньоры, основывающие новые города, заботятся только о своих сервах, а не о пришедших издалека, и таким образом города по-прежнему остаются важным фактором возрастающей крестьянской свободы. Остается единственное средство: дать серву свободу добровольно, с обязательством выплаты им оброка. Полученная сервом свобода, таким образом, является результатом классового сопротивления серва.

Вторая причина — стремление получить сразу большую сумму денег как выкуп за серва. Об этом говорят сами грамоты. В 1256 г. аббат Saint Germain d'Auxerre освобождает жителей деревни Perrigny от права мэнморта за 60 турских ливров. Он тут же приводит хозяйственные расчеты: мэнмортабли невыгодны монастырю, а аббат нуждается в деньгах, так как ведет долгий и дорогой процесс против клюнийских монахов. В XIV в. Gaston de Foix приказывает своим должностным лицам освободить сервов, которые ему принадлежат в его вотчинах в Беарне. Должностные лица должны составить списки сервов, указать степень их зажиточности и в соответствии с этим установить размер выкупа — возможно больший для каждого. Итак, потребность в деньгах заставляет освобождать крестьян.

И, наконец, прямые крестьянские восстания. Их до XIV в. немного, но они есть — восстание в Итевилль на землях Собора Парижской богоматери в 1268 г., движение пастушков 1256 г. и ряд других менее известных.

Что же представляло собой это освобождение? Общий ответ на этот вопрос нетруден. «Освобождение» есть установление личной свободы непосредственных производителей с сохранением их поземельной и судеб-

ной зависимостей. Но это общий ответ. Конкретная действительность часто была весьма сложна и для того, чтобы ее представить во всех ее подробностях, остановимся на фактах освобождения.

В свое время П. Г Виноградов отмечал, что значительное количество крестьян в Кенте было свободно уже в XI в. В XIV в., как это показывает восстание Уота Тайлера, здесь почти нет крепостных. Во Франции первые акты освобождения относятся к XI в.; в это время они обычно касаются отдельных лиц. В XII в. такие индивидуальные освобождения становятся частыми, в XIII в. освобождаются целые деревни и территории. Так, в 1147 г. Людовик VII отказывается от права «мертвой руки» в пределах Орлеана и орлеанского епископства, в 1180 г. он освобождает сервов в ряде окружающих город местностей. И в том же году новый король Филипп II Август дает свободу всем, кто живет вокруг Орлеана в радиусе 5 лье. Коллективные освобождения в XIII в. носят различную форму. Картулярии этого времени очень многочисленны и среди них даже трудно найти наиболее характерные примеры. В 1261 г. граф Тибо Шампанский и аббат одного монастыря, владеющие совместно на равных правах вотчинами, освобождают всех своих людей в деревнях Mauri, Aunecourt, Jussecourt, de Vaurcy, de Dicomt. В 1257 г. аббатство св. Петра в Сансе освобождает от мэнморта и от произвольной тальи всех своих сервов, живущих между Сеной и Ивонной; серваж исчезает сразу в целом районе. В Картулярии Notre Dame de Paris (XIII в.) содержится множество актов таких коллективных освобождений. В пределах собственного домена короля многих сервов освобождает сам король. Так, Филипп IV Красивый в 1298 г. освобождает своих подданных в Тулузском сенешальстве, а в 1303 г. в сенешальстве Аженэ и Руерг. Выше мы указывали на ордонанс Людовика X Дерзкого от 1315 г. В целом А. Сэ считает, что уже в XIV в. во Франции сервы — лишь незначительная часть населения.

Как производилось это «отпущение на волю»? Долгое время сохранялись старые процедуры, идущие еще от времени Каролингов; и в XII в., например, практиковалось manumissio per denarium в присутствии короля. При этом такое освобождение было наиболее полным, и может быть именно поэтому оно скоро исчезло.

В развитом средневековье полное освобождение становится все более редким. Чаще всего серв освобождается от тех специфических повинностей, которые он выплачивает в качестве серва; но он по-прежнему остается подданным своего сеньора. Документом освобождения является хартия, которую сеньор дарует своим сервам; в этой хартии установлены условия и привилегии, данные бывшим сервам, а также указываются повинности, которые они должны платить в будущем.

Каковы условия освобождения? Как правило, оно не бесплатно. Выкуп принимает различные формы. Иногда серв для того, чтобы получить свободу, оставляет господину свое движимое и недвижимое имущество; в случаях «désaveu» такой отказ от держания является необходимым условием ухода бывшего серва. Иногда серв в виде уплаты за свое освобождение отказывается от должности, на которую он имел наследственное право, например, должности деревенского старшины, «мейера». Бывает и так, что, освобождая своих сервов, сеньор накладывает на них ряд новых денежных или натуральных повинностей. Так, в приведенном выше случае освобождения Тибо Шампанским сервов в пяти деревнях (1261 г.) каждый из освобожденных обещает уплачивать отныне своему сеньору меру овса и 6 денье деньгами. В 1255 г. капитул Собора Парижской богоматери освободил 12 сервов, за что они обязались платить капитулу двойной ценз по сравнению с тем, какой платили раньше. Сервы в деревне Розуа в 1157 г. получают свободу за уплату ежегодного ценза в 18 ливров.

Очень важны и другие факты, которые показывают, что были случаи, когда освобождение было прямо вызвано желанием сеньоров повысить платежи сервов. Чаще всего, однако, сеньор, освобождая сервов, хочет сразу получить крупную сумму. В XIII в. это обычное явление. Именно в это время крестьяне начинают получать деньги, продавая свои продукты на городских рынках, и жадность сеньоров увеличивается до бесконечности. Цена свободы различна. Сервы Собора Парижской богоматери платят за освобождение 15 ливров, крепостные других сеньоров вынуждены платить 20, 40, 60 и даже 120 ливров; некий Бушар, его жена и двое детей освобождаются, например, за 1300 ливров. Варьирует-

ся также цена коллективных освобождений, но лишь в редких случаях она ниже 100 ливров; сервы деревни Шабли в 1257 г. дают приказчику аббатства св. Мартина Турского 3200 ливров, сервы деревни Шуаньи в 1300 г. платят 4850 ливров и т. д. Иногда эти суммы столь велики, что они выплачиваются в рассрочку. Так, в 1263 г. сервы деревни Орли были освобождены клириками капитула Собора Парижской богоматери. Они обещали дать за это капитулу 4000 ливров, которые обязались уплатить в течение восьми лет, и до тех пор, пока эта сумма не будет выплачена сполна, капитул сохраняет над сервами свое право «мертвой руки», хотя и освобождает их сразу же от произвольной тальи.

Положение освобожденного значительно меняется. Он может уйти, куда хочет, может стать членом городской коммуны, клириком и даже в некоторых случаях рыцарем. Именно на таких условиях в 1129 г. Людовик VI Толстый дает свободу своим сервам в Ланнском округе. Освобожденный становится иногда вассалом своего же бывшего господина. Например, в начале XII в. некий Жоффруа Боше для того, чтобы получить свободу, отказывается от всех земель, которые он держал от Шартрского аббатства на условии уплаты ценза или в качестве фьефа. Акт гласит, что вышеупомянутый Боше принесет теперь своему бывшему господину аббату присягу вассалитета и с этого времени он становится «благородным». В 1278 г. граф Гуго de la Marde дает свободу одному из своих сервов и его племянникам; все они становятся вассалами графа и держат от него фьеф. Мы даже встречаем факты, когда mansi serviles прямо превращаются в фьефы, а сервы, их держатели, освобождаются и становятся вассалами. Несомненно, здесь мы имеем дело с пополнением слоя рыцарства из министериалов. Но все это, конечно, исключение. Правило заключается в том, что освобожденный серв продолжает оставаться зависимым от своего сеньора, он остается, по французской терминологии, вилланом.

В основном «освобождение» состоит из отмены платежей, характеризующих серваж как таковой: произвольная талья, mainmorte, formariage; иногда сразу от всех трех. Очень часто в отпускных грамотах не упоминается формарьяж, потому что этот платеж в результате договора между сеньорами (traités d'entrecours) дав-

но уже исчез. Впрочем, встречаются грамоты, в которых формарьяж как будто занимает центральное место.

Освобождение от «мертвой руки» и произвольной тальи почти всегда упоминается вместе, так как именно в этом заключается само освобождение. Освобожденный отныне становится наследственным владельцем своего держания, которое он может также передать, кому он захочет. Произвольная талья превращается при этом в талью фиксированную — и в своих размерах и во времени ее выплаты. Примеров этому много. В 1253 г Матье де Винойль, получавший произвольную талью с некоего Жофруа Рошетт и его жены, освободил их от этой тальи и превратил ее в фиксированную (taille abonnée); на будущее время они должны давать 15 су в год и выплачивать их к рождеству богородицы (21 ноября). Жофруа Рошетт, кроме того, должен был платить ценз, terrage и другие обычные платежи. В 1296 г. 36 hôtes Собора Парижской богоматери, платившие до сих пор произвольную талью, добились того, что последняя была фиксирована в размере 9 парижских ливров, уплачиваемых ими ко дню св. Мартина. Интересно отметить, что почти всегда taille abonnée фиксируется в определенной сумме денег. Здесь, следовательно, в скрытой форме выступает коммутация. Весьма возможно, что известную роль в такой коммутации сыграл рост реальной стоимости денег в период развития товарно-денежных отношений, особенно на протяжении XIV и XV вв. Несмотря на это перевод произвольной тальи в фиксированную мог быть облегчением для крестьян, ибо он освобождал их от произвола сеньора. Интересно отметить, что бывают случаи, когда при таком переходе одновременно происходит общая оценка имущества крестьянина и талья устанавливается в виде процента в определенной денежной сумме. Примером может служить отпускная грамота 1323 г. деревни Saint-Seine. Жители деревни делятся на три категории; к первой причислены те, имущество которых оценено в 80 ливров — они платят по 4 ливра каждый; вторая группа — от 80 до 60 ливров — платит меньше, а третья группа крестьян, имущество которых не достигает 60 ливров, платит только по 3 су. Как видим, taille abonnée очень высока; в первом случае, например, 5% с капитала. Но накладывается она не на капитал, а на

то, что можно было бы назвать, антиципируя отношения в буржуазном обществе, заработной платой. Существенное значение такая фиксированная талья имела в том отношении, что, будучи навсегда установленной, она не мешала интенсификации труда в хозяйстве крестьянина.

Таковы формы наиболее полного освобождения. Бывали случаи менее благоприятные для крестьян. Перевод произвольной тальи в фиксированную часто не сопровождался отменой формарьяжа и мэнморта. В 1303 г. Маргарита де Шомениль дарит монастырю Бовуар пять семей сервов: ни одно из этих семейств не должно быть принуждаемо к уплате тальи свыше 5 су; однако если кто-либо из этих сервов умрет, не оставив наследников, его земля подлежит уплате mainmorte. Хартия разъясняет, что mainmorte берется с того, что хочет наследовать по завещанию от последнего легального наследника. Таких примеров можно привести очень много. Бывают случаи, когда «освобождение» дается только от мэнморта и формарьяжа, но не от произвольной тальи. На таких основаниях в 1270 г. капитул Собора Парижской богоматери освобождает несколько сервов в деревне Витри. В XIV в. мы часто встречаем освобождение только от мэнморта, ибо от произвольной тальи такие держатели освободились раньше. Отсюда ясно, что «освобождение» может совершаться этапами, не сразу. В 1250 г. жители деревни Куаффи и Вик были освобождены от произвольной тальи, но продолжали платить мэнморт; в 1337 г. король Филипп VI отказался и от мэнморта. Еще пример. В 1276 г. Фульк, сеньор деревни Риньи-сюр-Сон, освободил своих сервов от тальи, налогов на продажу (в том числе на продажу земли — lods), от подводной барщины и от всех прочих сервильных повинностей. Но только в 1311 г. он освобождает их от мэнморта. И таких случаев множество. Так, например, на востоке Франции, во Франш-Конте, Бургундии и Лотарингии, многие сервы не были освобождены от мэнморта, но уже давно были свободны от выплаты произвольной тальи. Таких мэнмортаблей мы встречаем во множестве вплоть до самой революции.

Интересно отметить, что capitation (capaticum) почти никогда не упоминается. Причины этого в том, что эта подать давно уже ни с кого не взимается.

На первый взгляд можно было как будто бы сказать, что «освобожденный» действительно становится вободным. Вот, например, как характеризует положение освобожденного хартия, данная монастырем Saint-Colombe в Сансе в 1288 г.: «Названные клирики решили установили, что вышеупомянутый Гофредо и его наледники становятся свободными людьми и освобождаются от всех сервильных обязанностей и могут свободно продавать, покупать, дарить, закладывать и отчуждать свое имущество, составлять завещание, вступать в брак с любым лицом по своему желанию, посвящать себя служению церкви, добро свое приумножать или тратить, отстаивать и защищать в любом суде»[4]

Но не следует преувеличивать значение освобождения: все реальные повинности продолжали и после освобождения выплачиваться держателем, как и раньше. Обычно в хартиях всегда оговаривается, что сеньор сохраняет права на ценз, шампар и обычные платежи. Так, в 1226 г. аббат Сен-Ломерского монастыря и граф Блуасский освободили своих сервов в предместье города Блуа; но граф сохраняет за собой высшую и среднюю юрисдикцию, питейные сборы, рыночные пошлины, все прочие доходы и обычные взносы. Вот еще один интересный пример; в 1271 г. были освобождены сервы деревни Рекейль. До освобождения они давали королю определенное количество пшеницы и овса; когда же они получили освобождение, то перестали платить этот взнос. Их привлекли к суду и указали им, что они должны платить по-прежнему «cum solum a servitute liberati fuissent».

В целом можно сказать, что в громадном большинстве случаев хартии не только освобождают от сервильных повинностей, но и вообще регламентируют все прочие повинности, иногда несколько уменьшая последние. В 1348 г. Эд, сеньор деревни Грансей, освобождает жителей этой деревни от произвольной тальи и регламентирует все остальные повинности. Жители обязаны служить своему сеньору «оружно» и на свой счет только в течение одного дня. В 1352 г. графиня Неверская, освобождая сервов от мэнморта, отменяет также барщину, уменьшает размеры штрафов и отказывается от

[4] H. Sée. Op. cit., p. 270.

части своих судебных прав. В 1348 г. Ги де Клермон освобождает жителей деревни Перусс; одновременно он регламентирует военную повинность и отменяет произвольную барщину; отныне каждый житель обязан работать на сеньора 9 дней на пахоте, два во время жатвы и один — на сенокосе и т. д.

Но, как правило, освобождение сопровождается тяжелыми условиями для крестьян. Часто это освобождение — замаскированная форма коммутации, очень выгодной в то время сеньору. Не следует также упускать из вида, что освобожденные легко могли опять стать сервами, если они переставали выплачивать возложенные на них условия дополнительного характера; например, им с этого времени запрещалось заключать браки с сервами своего же сеньора или приобретать земли сервов [5].

В этом процессе почти сплошного массового освобождения сервов во Франции наблюдаются, впрочем, и противоположные тенденции. В нашем распоряжении имеются материалы по одному весьма интересному судебному процессу. Монахи монастыря в Бельво во Франш-Конте завели еще в XIV в. тяжбу с manants et habitants города Anthoison, стараясь превратить их в мэнмортаблей, и только в XVI в. горожанам удалось окончательно отвести от себя претензии жадных соседей в мантии. В большинстве этих случаев речь идет о повинностях, которые долгое время не взимали и которые, таким образом, «sont tombé en désuétude»; теперь же сеньоры хотят их восстановить судебным порядком.

Огромное значение для «освобождения» сервов имели перемены в положении городских жителей и деятельность городов в целом. Это вполне понятно: город рано стал цитаделью свободы и как организация мог более успешно вести борьбу против феодалов. Город, приносящий доход и отдельным сеньорам и классу феодалов в целом, мог быть доходным только при режиме вольного труда, и, таким образом, сам класс феодалов принужден был признавать городскую свободу во всех ее видах. Поэтому, если в начале XI в. горожане были в большинстве своем такими же сервами и зависимыми, как и крестьяне, положение их очень скоро коренным

---

[5] H. Sée. Op. cit., p. 275.

образом изменилось. Режим вольного труда втягивал в систему своих отношений и деревню, и там появлялись объективные условия для увеличения личной свободы. «Коммуна,— восклицал враг горожан Гибер Ножанский,— вот новое проклятое слово! Коммуна освобождает сервов от всякого серважа, они уплачивают простую ежегодную ренту; коммуна освобождает их от всяких наказаний за нарушение закона опять-таки за уплату простого штрафа...» [6].

В города бегут крестьяне, спасаясь от своих сеньоров. Кое-где на севере Франции чисто деревенские коммуны стремятся получить права городской коммуны. Любопытно отметить, что здесь встречаются целые конфедерации вилл, получивших права городских коммун. В области Ланна 17 деревень с центром в Anizy-le-Château получили в 1174 г. такое право от Людовика VII. Само собой разумеется, что эта деревенская коммуна не могла долго бороться против притязаний своего сеньора. Вот краткая история этой коммуны. В 1177 г. епископ Ланнский, права которого были подтверждены новым пожалованием, вкупе с другими феодалами отобрал у коммуны все ее права и снова обратил в сервильное состояние жителей. Но в 1185 г. Филипп II Август регламентировал крестьянские повинности, а в 1190 г. полностью восстановил коммуну. Однако во время крестового похода он уступил настояниям Ланнского епископа и коммуна была упразднена вторично. В 1206 г. крестьяне, воспользовавшись ссорой епископа с капитулом, добились от архиепископа Реймсского постановления, в силу которого была восстановлена конституция 1185 г. В XIII в. ее снова отменили. В 1259 г. крестьяне поднялись, и это заставило епископа Ланнского пойти на соглашение, но коммуна так и не была восстановлена. Крестьяне добились лишь того, что у них был организован муниципалитет, назначаемый, правда, епископом; жители были признаны свободными от мэнморта и формарьяжа. Интересно, что такие деревенские коммуны образовывались и некоторое время существовали главным образом около сильных городских коммун.

---

[6] «Хрестоматия по истории средних веков», под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина, т. I. М., 1939, стр. 316—317.

К сожалению, к этому французскому материалу мы мало можем прибавить данных по другим странам. Недостаток документации и ряд других проблем заслонили важную проблему «освобождения». Остановимся все-таки вкратце на этой проблеме в Англии. Причины трудности изучения здесь заключаются в том, что в Англии не было коренного различия между крестьянским и феодальным держанием, между держанием «благородным» и «неблагородным». Многочисленные документы говорят нам о вилланском и свободном держаниях, впоследствии о копигольде и фригольде, но, говоря о последнем, документация не делает разницы между феодом, как одним из видов фригольда и держанием крестьянским. Разница между вилланским и свободным держанием, судя по документам, предшествующим XIII в., обычно состоит в том, что первое обязано барщиной и натуральными повинностями, тогда как второе несет обычно небольшие денежные взносы или даже вовсе свободно от всяких взносов. Но в результате коммутации в XIII в. и это различие стирается; и в то время как многочисленные мелкие держатели-коттеры несут барщину даже тогда, когда они фригольдеры, многие вилланы платят только денежную ренту. Все это затемняет процесс «освобождения». Исследователи предпочитают говорить о наличии свободных крестьян в отдельные периоды английской истории, утверждать, что таковых в Англии было больше, чем на континенте, но оставляют в стороне вопрос об увеличении их числа. Можно найти лишь общие данные, говорящие, что увеличение числа свободных — факт, несомненный и в Англии. О значительной доле крестьян-фригольдеров говорит прежде всего Роджерс. Большой процент их в XIII в. признает и Чейни, считавший, что к 1130 г. около $^1/_3$ вилланов получили свободу. По подсчетам Тоуни в XVI в. фригольдеры составляли $^1/_5$ крестьян, $^2/_3$ были копигольдерами, $^1/_8$—$^1/_9$ лизгольдерами[7]. Однако, как мы видели на примере Франции, «освобождение» вовсе не означало полной свободы от всех или почти всех повинностей. Смена виллана копигольдером и есть типичная для Англии средних веков форма «освобождения». Копигольдер

[7] Th. Rogers. A History of Agriculture in England, v. I. London, 1866; R. H. Tawney. The Agrarian Problem in the XVI century. London, 1912.

был лично свободным человеком. Маркс говорит в «Хронологических выписках» об эпохе Великой Хартии Вольностей: «...подданным феодальных владельцев (крепостным) это не дало никаких прав, но число их в Англии все более уменьшалось, в то время как число горожан, мелких вассалов и небогатых фригольдеров (свободных крестьян) очень увеличилось; эти свободные горожане и крестьяне причислялись вместе с баронами и епископами к свободным людям королевства, для которых по первому параграфу Великой Хартии предназначены были заключавшиеся в ней привилегии»[8].

* * *

Вопрос о том, как жили крестьяне в средние века, каков был материальный и культурный уровень их жизни в это время, является одним из самых трудных. Наши источники становятся чрезвычайно скупыми, когда к ним предъявляют подобные запросы. Только случайно то там, то здесь промелькнет какое-либо известие и то главным образом по случаю стихийного бедствия, нашествия или другого несчастия, постигшего целый район или даже страну в целом. В таких случаях эти известия приобретают характер жалоб на голод, эпидемии, всеобщее разорение, вымирание целых районов, и сама частая повторяемость такого рода замечаний в средневековых хрониках, сопровождаемых жалобами и вопрошаниями «за какие грехи господь-бог наслал на людей испытания», свидетельствуют о трудности, неупорядоченности и непрочности человеческого существования, о скудости и материальной необеспеченности жизни в средние века — представление, которое как будто должно следовать a priori из наших общих положений об историческом развитии в целом.

Решение поставленного выше вопроса становится еще более сложным, когда мы от источников переходим к литературе. Если идеологи нарождающейся буржуазии склонны были оценивать предшествующее им время, которое они впервые назвали «средними веками», как время варварства, грубости и невежества и если

[8] «Архив Маркса и Энгельса», т. V. М., 1938, стр. 182.

идейные преемники гуманистов — просветители в борьбе с феодализмом еще более резко подчеркивали темные черты средневековья, то реакционные романтики первой половины XIX в. и их многочисленные идейные последователи вплоть до наших дней готовы видеть в средних веках время патриархальных отношений между сеньорами и их подданными, между мастерами и подмастерьями, время сплоченности человечества в прочных организациях общин, цехов, городских коммун — тот дух корпоративности, который якобы составлял их величайшую моральную ценность и был разрушен буржуазным индивидуализмом и который хотели воскресить в интересах монополистического капитализма и империализма новейшие поклонники всех отрицательных сторон средневековья — фашисты.

Мы не имеем возможности углубляться в критику всех этих построений, оценивающих и отрицательно, и положительно уровень жизни, в частности крестьянской жизни, в средние века. В нашем распоряжении слишком мало фактов, но уже то, что мы имеем, свидетельствует о том, что жизнь средневековой деревни была исключительно трудна и нет никаких оснований рисовать ее в радостных тонах. И еще одна оговорка общего характера. Говоря о культурном уровне средневековой деревни, мы имеем в виду главным образом ее трудящихся, т. е. крестьянство, и прежде всего материальные предпосылки этого уровня. И как бы ни были они скудны (а они, как мы уже видели, действительно, были скудны), это нисколько не мешало художественному творчеству народных масс, фольклору, который является источником творчества последующих поколений. Но это уже особый вопрос, требующий специального исследования и выходящий за пределы компетенции историка в собственном смысле слова.

Уровень жизни в деревне зависит прежде всего от успехов сельского хозяйства, т. е. от уровня производительных сил, с одной стороны, и, с другой — от степени эксплуатации крестьянства господствующим классом, от того, следовательно, что получает крестьянская семья для своего собственного потребления. Что касается уровня производительных сил, то об этом мы говорили ранее; этот уровень, вплоть до проникновения в сельское хозяйство элементов капитализма, был чрезвычай-

ю низок и развивался медленно; иначе и быть не могло при господстве мелкого производства и низкой рутинной технике сельского хозяйства.

Общие материальные условия, в которых жил крестьянин в средние века, были весьма примитивны и скудны, и если техника сельского хозяйства многое переняла от техники позднеримской империи, то общая обстановка, в которой эта техника входила в практику повседневной жизни мелкого производства, была такова, что в течение всего средневековья она медленно и лишь частично (по крайней мере до XVI в.) внедрялась в крестьянское хозяйство, так что в целом элементарные приемы обработки почвы, животноводство, огородничество и садоводство сохраняли свои примитивные черты и почти не обнаруживали заметных тенденций к развитию. И если это утверждение верно для Западной Европы, то для Восточной оно верно вплоть до конца XVIII в., ибо здесь особые условия, способствовавшие сохранению крепостного строя в виде «второго издания крепостничества», консервировали отсталую технику сельского хозяйства в целом.

В главе, посвященной технике сельского хозяйства, мы говорили уже об орудиях, употреблявшихся в сельском хозяйстве, о способах обработки земли, о культурных растениях, возделываемых в это время, о животноводстве и других отраслях сельского хозяйства. Расширение площади под сельскохозяйственными культурами, улучшение обработки почвы, распространение железных орудий даже в крестьянском хозяйстве особенно в XIII в. увеличило урожайность почти вдвое, и все же степень урожайности хлебных культур даже в этот период чрезвычайно низка и такой она оставалась в крестьянских странах, например во Франции, вплоть до буржуазной революции XVIII в. Если принять, кроме того, во внимание, что крестьянин помимо несения повинностей в пользу своего светского сеньора должен был уплачивать десятину церкви, то станут понятными утверждения таких серьезных авторов, как Дюби или Франклин, что крестьянство всегда находилось на грани голодной смерти [9].

[9] G. Duby. Op. cit.; T. B. Franklin. History of Agriculture. London, 1948.

Конечно, все такие общие заключения могут приниматься нами с осторожностью и мы всегда должны помнить, что эти условия существования изменялись от одной страны к другой и в различное время могли быть весьма различными, но все же общее заключение о скудости крестьянской жизни в средние века, по-видимому, верно. И это общее впечатление приходится подчеркивать вопреки довольно многочисленным утверждениям последователей «реакционной романтики», готовых и в наши дни утверждать, что крестьянство в средние века, составляя «почву и кровь» нации, жило неплохо, и его положение пошатнулось только в результате капиталистического разложения деревни. Начало такой новоевропейской идеализации средневековья заложили руссоисты; в том же направлении действовали и действуют католические писатели, для которых «идиотизм деревенской жизни» — залог религиозной устойчивости крестьянского сознания; и, наконец, многочисленные реакционные публицисты, видящие в крепком крестьянстве преграду пролетарской идеологии и социализму. Примеров таких взглядов — множество. Лекуа де ла Марш [10], например, утверждает, что крестьянин в средние века жил лучше, чем теперь, ибо о нем «заботилась» католическая церковь. Подобные же мысли развивает Аллар. Такое утверждение кажется нам несерьезным, ибо мы знаем, что церковь как феодальное учреждение — один из эксплуататоров крестьянства и церковная десятина — один из видов феодальной ренты. Что монастыри в средние века иногда приходили на помощь голодающему крестьянину — это, конечно, верно, но картина народа, получающего милостыню на паперти храмов и у ворот монастырей, мало подходяща для утверждения о «хорошей жизни». В пользу «хорошей жизни» крестьянства приводились выкладки о росте населения. Авторы этих расчетов утверждают, что население Европы к началу XIV в. было приблизительно таким же, как и в начале XIX в. На этом вопросе мы здесь не будем останавливаться, так как на русском языке имеется основательная критика таких построений в работе Б. С. Урланиса [11] Нельзя забывать, кроме этого, о колоссальных по-

«Correspondant». Paris, 1884.
Б. С. Урланис. Рост населения в Европе. М., 1941.

терях населения в результате стихийных бедствий, перед которыми средневековый человек был бессилен: голодовки, эпидемии и постоянные разорения от междоусобных феодальных файд и королевских войн. Остановимся вкратце на этих несчастиях. Голодовкам в средние века посвящена специальная работа Куршмана[12]. Хронисты средних веков постоянно со страхом говорят о голодовках. Рауль Глабер рассказывает, что около 1000 г. во Франции был страшный голод, повлекший за собой неисчислимые потери; в 1032 г. множество людей умерли от голода, ели траву, корни, поедали мертвецов, были случаи убийства с целью людоедства. А вслед за голодом идет неизменная спутница голодовок — чума, которая нередко годами опустошает страну. Когда нет голода и эпидемий, начинаются войны — новое разорение для крестьян. Английский статистик К. Уолфорд[13] на основании показаний хронистов составил таблицу голодных лет. Он отметил в качестве особенно голодных 851, 968, 1012, 1023—1124, 1248 гг.; это были общие неурожаи и голодовки, которые распространились на всю Европу и были особенно сильны в Германии. Местные неурожаи были гораздо чаще: перевоз хлеба по внутренним путям был почти невозможен, и неурожай в одном месте не мог покрываться избытком хлеба в другом. Куршман насчитал для IX в. 64 года таких местных голодовок, для XI в.— 62 года. Каннибализм при этом был постоянным явлением; в 793, 868, 869, 1005, 1032 гг. людоедство практиковалось не в качестве отдельных фактов, а как общее явление. «Человек пожирал человека; откапывал трупы и питался ими. Более сильные убивали слабых, жарили их и съедали; матери убивали своих детей, чтобы утолить голод их мясом». Нередко высказывались критические замечания по поводу этих показаний средневековых хроник. Указывали на то, что хронисты часто преувеличивают бедствия, что в хрониках создался литературный трафарет, когда хронисты описывают голод или эпидемию как некое божеское попущение за грехи людей; но сам этот трафарет свидетельствует о постоянстве явления.

---

[12] F. Curschmann. Hungersnöte im Mittelalter. Leipzig, 1900.

[13] C. Walford. The famines of the world: past and present. «Journal of the Statistical Society», v. 41, No. 3.

Вот некоторые данные о голодовках по отдельным странам.

В XI в. Куршман насчитывает два случая всеобщего недорода и голода в Германии, в XII в. — пять. Самое начало одиннадцатого века ознаменовалось всеобщим голодом 1100 и 1101 гг., затем наступили голодные 1124—1126, 1145—1146, 1150—1154 и 1195—1198 гг. Наиболее тяжелые времена приходили именно тогда, когда неурожай постигал население два-три года подряд. В XIII в. — два больших голода 1215—1216 гг.; затем — особенно сильный голод 1315—1317 гг. В XV в. начинается завоз хлеба из отдельных стран, особенно перевоз хлеба и других сельскохозяйственных продуктов по морю, и рассказы об ужасах голода в качестве постоянного рефрена постепенно сходят со страниц хроник.

За голодом идут эпидемии. Их много, и до XVI в. они особенно опустошительны. В XI в. — 1008, 1058, 1098 гг. чума. Бюхер насчитал с 1326 по 1400 гг. 32 года эпидемий в Германии, 40 лет — с 1400 по 1500 гг. Инама-Штернегг для второй половины XIV в. дает 14 лет чумы, из них половина охватывала всю Германию. Наибольшие опустошения повлекла за собой «Черная смерть» 1348—1350 гг. Правда, в Германии она была легче, чем, например, в Англии или в Италии, но и здесь потери были очень велики. Были высказаны предположения, что чума унесла от одной трети до половины населения, но, вероятно, это все-таки преувеличение. Для средневекового города это, возможно, и верно. У нас есть некоторые данные о количестве смертных случаев по городу Бремену: в 1349 г. в нем умерло в четырех приходах 966 «известных по имени лиц», не считая неизвестных людей, которые умирали на улицах, на кладбищах и вне городских стен. Для Бремена это четверть всего населения. Известно также, что во Франкфурте-на-Майне в 1349 г. за 172 дня чумы умерло около 2000 человек — одна треть населения. При тогдашнем антисанитарном состоянии городов и полном неумении жителей бороться с эпидемиями в этом нет ничего удивительного. Деревня в меньшей степени, чем город, имела врачебную помощь (которая, впрочем, была бессильна и в городе), но в деревне при простоте деревенского обихода была все же более здоровая обста-

новка. В целом в Германии, по подсчетам Ганауера[14], конечно, весьма приблизительным, чума 1348—1349 гг. унесла 1/7 часть населения.

Не меньшее значение неурожаи, голодовки и эпидемии имели и во Франции. Если XII и XIII вв. были относительно благополучными, то XIV в., когда свирепствовала Столетняя война, изобилует народными бедствиями. Левассер приводит такие данные: голодные годы — 1304, 1305, 1310, 1315, 1316—1317 (тяжелая зима), 1325 (засуха), 1330 (засуха), 1334 (голод), 1342 (наводнение), 1344 (голод), 1349—1354 (чума), 1358—1359 (голод), 1360 (голод), 1363 (голод), 1371 (тяжелая зима) и снова голодные 1374, 1375, 1390 гг. «Черная смерть» была занесена во Францию из Италии. В местностях, куда она была занесена впервые, погибло, как говорят современники, до 2/3 населения. В целом во Франции Белох насчитывает от 10 до 25% потерь, М. Ковалевский говорит о смертности 1/3—1/2 населения.

Население Англии, которое было, по-видимому, довольно устойчивым и составляло к концу XIV в. около 3 млн. человек, тоже сильно пострадало от «Черной смерти». Она проникла в Англию в августе 1348 г. через портовый город Малькомб (Дорсетшир), затем распространилась на север к Бристолю, которого достигла к концу августа. Затем она захватила Оксфорд и в ноябре появилась в Лондоне. Потери от нее были очень велики, но точные их цифры все же трудно установить. Современники, например, указывали, что в Нориче погибло от чумы 53 374 человека, что явно неправдоподобно. Роджерс утверждает, что такой цифры не достигало население всего графства, а тем более одного Норича. Более достоверны исчисления Лейстерского каноника Найрона, современника этих событий, который подсчитал смертность в трех приходах Лейстера — 1480 человек, что составляет меньше половины населения этого города. Большинство историков определяет убыль населения вполовину или около этого, но есть некоторые данные, которые позволяют думать, что и такое мнение преувеличено.

---

[14] W. Hanauer. Soziale Hygiene im Mittelalter. «Handwörterbuch der Sozialen Hygiene». Leipzig, 1912, B. II, SS. 425—438.

Таковы были те повальные бедствия, среди которых протекала жизнь европейского крестьянина. Но на этом его злоключения не кончались. Как бы ни были опустошительны голод и его верный спутник — эпидемии, не меньшее разорение и гибель несли постоянные феодальные распри и войны. Маркс отметил, что мощь феодала определялась количеством его подданных, уплачивающих феодалу ренту. Крестьянин и его труд были источником существования и богатства сеньора, и поэтому в борьбе друг с другом феодалы стремились подорвать, а то и вовсе уничтожить этот источник. Хроники, сообщающие нам о бесконечных феодальных войнах, сопровождают рассказ стереотипным рефреном о разорении крестьян, горящих деревнях, избиваемых стариках, женщинах и детях. Сражаются рыцари, а хронист добавляет: «Дома и сельские строения погибали, будучи преданы огню и мечу». Описание осады замка хронист обычно сопровождает: «Жители многих деревень были истреблены и даже были сожжены церкви с людьми, которые порывались скрыться в них, как сыновья под покровом матери». Все это касается только тех опустошений, которые претерпела в XII в. Нормандия в результате набегов герцога Роберта. В Артуа в начале XII в., рассказывают «Деяния епископов камбрейских», сражались люди сеньора Гуго с епископом города Камбре. Сначала Гуго, укрепившись в своем замке Кревкер, грабит и сжигает окрестные деревни, истребляет крестьян, нападает на всех, кто идет на базар в город. Затем то же проделывает епископ, нисколько не стесняясь своего звания, по отношению к деревням и людям своего недруга. В 1260 г. Эрве де Шеврез со своими четырьмя оруженосцами нападает на земли приората Иветт, мучает крестьян, отнимает у них лошадей. В 1315 г. люди гасконского герцога захватывают земли рыцаря Пьера де Лавердак, угоняют тысячу голов скота, арестовывают и убивают многих из его держателей. Во всех этих случаях первыми жертвами являлись крестьяне. И это были относительно «спокойные» годы XIII и начала XIV в. Что же говорить о таких временах, как Столетняя война и интервенция англичан на французскую землю! Сама военная терминология, дошедшая до нас от этих времен — бандиты, кожедёры (bandits, ecorcheurs; первоначальное bandit — член небольшого отряда,

превращается постепенно в грабителя, разбойника; второй термин не нуждается в дополнительных разъяснениях) — красноречивое свидетельство крестьянских несчастий. Попытки установления внутреннего мира помогали мало, но самые договоры и клятвы на этот счет свидетельствуют о трудности положения крестьян. В 1023 г. Варэн, епископ Бовезийский, приглашал сеньоров давать такую клятву: «Я не отниму ни вола, ни коровы, никакого другого скота; я не буду захватывать в плен ни крестьян, ни крестьянок, ни купцов; я не буду отнимать у них деньги и не буду принуждать их выкупать себя из плена. Я не пожелаю, чтобы они теряли свое имущество из-за войны их сеньора, и я не буду подвергать их порке, дабы отнять у них пропитание. Я не буду захватывать у них на пастбищах ни лошадей, ни кобыл, ни жеребят. Я не буду разорять и предавать огню их дома; не буду отбирать у них виноград и не буду под предлогом войны истреблять виноградники. Я не буду разрушать мельниц и не буду похищать на мельницах муку, если только это не будет на моей земле (!), и я не буду требовать постоя» [15]. Интересно постановление короля Иоанна Доброго по поводу междоусобицы дворян Вермандуа из Бовези (1354 г.): «В случае, если они будут в состоянии вражды друг с другом, пусть они не смеют разрушать дома и мельницы, уничтожать плотины на прудах, убивать лошадей и других животных, разрушать амбары, уничтожать пчельники, разбивать посуду и выливать вино, либо наносить какой-либо вред» [16] Особую страницу составляют бесчинства дворянства церковных имений и монастырей, вызывавшие как неоднократные протесты и увещевания, так и призывы папства к дворянам проявлять свою удаль в крестовых походах против неверных.

При таких условиях нет ничего удивительного, что жизнь крестьян была крайне убога. Деревенская хижина, сложенная из бревен, крыта соломой, кое-где солому заменяет камыш или дранка. Печи только у богатых, бедняки довольствуются курной избой. Часто нет окон, — единственное отверстие — дверь. Если же иногда и есть окна, то без стекол, и в холодные дни отверстия заты-

[15] H. Sée. Op. cit., p. 522.
[16] Ibidem.

каются сеном [17]. Деревенский люд обходится немногим. У зажиточных в домашнем обиходе: печка для изготовления пищи, топчан, горшки и черпак, ухват, решето, меха для раздувания огня, маленькая ручная мельница, охраняемая часто от взоров надсмотрщика, который норовит взять штраф с крестьянина за то, что он не желает молоть зерно на сеньориальной мельнице; пестик для ручной мельницы, котел, кадка для стирки. Мебель тоже очень проста: скамья, обеденный стол, шкаф, сундук, постель. Инструменты: топор, бурав, ножи, ножницы, рыболовные крючки; но все это — инструменты редкие. Большинство обходится самым необходимым. Одежда тоже очень проста.

Однако необходимо весьма критически относиться ко многим свидетельствам о крестьянском быте. Все это мысли горожанина — буржуа, который свысока смотрит на «деревенщину» и не склонен разбираться в тонкостях народного творчества. Советские люди, так же как и русские дореволюционные писатели, представители критического реализма, привыкли к иному отношению к крестьянскому труду и к крестьянской сметке, не говоря уже о крестьянском искусстве, народной поэзии и архитектуре. Поэтому многое в оценке буржуазных, особенно французских, ученых нам кажется отголоском того пренебрежения, которое было свойственно феодалам, а затем буржуазии по отношению к крестьянам. Отражение этого высокомерия в средние века мы находим в многочисленных фаблио, в знаменитых южнофранцузских сирвентах и через гряду веков — у многих французских романистов с их поражающим нас невниманием к крестьянскому труду и крестьянскому быту,— то качество французской литературы, на которое в свое время обратил внимание Лев Толстой.

XIV век с его великими несчастьями для крестьянства привлек не так давно внимание ряда историков-экономистов, которые утверждают, что этот век был веком глубокого кризиса сельского хозяйства в общеевропейском масштабе. Впервые наиболее обстоятельно с таким утверждением выступил немецкий историк

---

[17] См. описание положения и быта крестьян в XIV—XV вв. S. Luce. Histoire de Bertrand du Gesclin et de son temps. Paris, 1876; A. Reville. Les paysans au moyen âge. Paris, 1899.

Абель в журнале, а затем — отдельной книгой [18], в которой он отметил многочисленные факты забрасывания и запустения как отдельных участков, так и целых деревень и даже районов в Германии XIV в. Он объяснил это недостатком рабочей силы — результат тех колоссальных потерь, которые понесло европейское население от голодовок, эпидемий и войн XIV в. Исследования Абеля продолжили его многочисленные ученики; ряд французских, английских и других ученых подтвердили правильность их наблюдений для других частей Европы. Самый факт таких запустений, пожалуй, не подлежит сомнению, но только последующие исследования могут пролить свет на это явление и полностью объяснить его причины. Сейчас можно лишь поставить вопрос — являются ли эти факты запустения результатом вымирания населения в XIV в. или этот так называемый кризис в сельском хозяйстве имеет и другие стороны, а следовательно, и другие причины.

---

[18] W. Abel. Die Wüstungen des ausgehenden Mittelalters. Stuttgart, 1955.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава X

ПРОБЛЕМАТИКА ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА И ТАК НАЗЫВАЕМОГО ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ КАК ИСХОДНОГО ПУНКТА ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА

Характер развития техники сельского хозяйства в позднее средневековье. Изменение основных сельскохозяйственных культур Западной Европы в результате Великих географических открытий; картофель, кукуруза. Историческая необходимость так называемого процесса первоначального накопления и его сущность. Первоначальное накопление капитала и процесс генезиса капитализма. Генезис капитализма и процесс первоначального накопления в промышленности и сельском хозяйстве. Характеристика К. Марксом первоначального накопления капитала в Англии. Исследование процесса первоначального накопления в Англии как методологическая основа анализа процесса первоначального накопления вообще. Развитие идей Маркса на русском материале В. И. Лениным.

Третью часть своей работы мы, казалось, также должны были бы начать с подробного обзора развития производительных сил в сельском хозяйстве, как это было сделано в первом и втором разделах. Однако здесь мы это сделаем только отчасти.

Третий период в истории средневековья — период разложения феодального способа производства, появления в недрах все еще господствующих феодальных отношений первых элементов капиталистических отношений, которым со временем удастся вытеснить производственные отношения феодализма и в результате буржуазных революций полностью овладеть общественным производством. Но до эпохи буржуазных революций капиталистические производственные отношения лишь постепенно прокладывают себе путь, в первую очередь — в промышленности и лишь во вторую очередь — в сельском хозяйстве. Последнее — только в наиболее передовых странах, — в XVI в., например, лишь одна Англия начинает перестраиваться на капиталистический лад; в остальной же Европе сельское хозяйство еще долгое время сохраняет свои типичные феодальные

черты, черты мелкого производства и старинного строя общины-марки, примитивных систем полеводства и старого уклада деревенской жизни. Мало того, в восточной части Западной Европы и во всей Восточной Европе как раз капиталистическое развитие приводит к возврату на несколько столетий самых примитивных форм феодальных производственных отношений, к усилению барщинного хозяйства, правда, в данном случае уже не натурального, а сознательно организуемого в расчете на сбыт продуктов на рынках капиталистически развивающихся стран Западной Европы. Здесь барщина, а с нею и феодальные производственные отношения надолго консервируются, и капиталистические отношения проникают в деревню только к концу XVIII — началу XIX в. История техники сельского хозяйства времени генезиса капитализма есть история современной агротехнической науки, излагать которую нам здесь нет нужды, ибо это — самостоятельная область науки, чрезвычайно сложная и многоотраслевая. Скажем лишь, что развитие капиталистического хозяйства сделало возможным превращение сельскохозяйственной практики в большую науку, а применение научных методов извлечения из земли продуктов сделало возможным получение такого их количества и качества, о которых предшествующие поколения человечества не могли и мечтать. Мы говорили уже, что Великие географические открытия принесли в Европу ряд новых полезных растений — табак, томаты и особенно такие растения, как картофель и маис (кукуруза). Значение картофеля, как массовой и хотя не столь доброкачественной, но зато дешевой пищи, было настолько велико, что позволило немецкому историку Раумеру привести афоризм: «не будь картофеля, не было бы и капитализма»; афоризм, конечно, оригинальный и малоправдоподобный, но несомненно, что появление столь дешевой пищи способствовало понижению заработной платы и повышению дополнительных доходов новых эксплуататоров [1].

После того как мы отказались говорить о сельскохозяйственной технике и ее развитии по мере развития капиталистических отношений, наша задача теперь за-

[1] См. замечание по этому поводу у В. И. Ленина: Полн. собр. соч., т. 3, стр. 249.

ключается в том, чтобы дать представление о тех переменах, которые произошли вместе с рождением капитализма в общей судьбе сельского хозяйства и крестьянства. А эти перемены были колоссальны, и, хотя, как мы уже сказали, время проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство в странах Европы было весьма различным, сущность их была везде одна и та же. Эта сущность со всей глубиной гениального проникновения в закономерности всемирно-исторического развития дана в знаменитой 24-й главе I тома «Капитала», в замечательном анализе Марксом так называемого первоначального накопления капитала. Поэтому наше дальнейшее изложение и будет заключаться, во-первых, в общей теоретической характеристике первоначального накопления и перехода к капиталистическим отношениям и, во-вторых, в изображении эволюции аграрных отношений и истории крестьянства в разных странах Европы в XVI—XVIII вв.

Сначала остановимся на тех изменениях, которые произошли в технике сельского хозяйства в начале позднего средневековья и которые были результатом великих географических открытий. Для Европы это был настоящий подарок, поднесенный культурой народов, до этого никогда не связанных с европейцами и в результате этого знакомства целиком или в значительной части погибших. Речь идет о культурных растениях, полученных европейцами от древних народов Америки. На первое место среди них следует поставить картофель и маис (кукурузу), значение которых в европейском хозяйстве было и остается огромным; затем — томаты, табак и множество других. Экспедициями Всесоюзного института растениеводства по сбору диких сортов культурных растений под руководством гениального русского ученого Н. И. Вавилова был создан такой список: Мексика и Северная Америка дали Европе кукурузу, подсолнечник, фасоль многих сортов, некоторые виды картофеля, устойчивые к фитофторе (картофельная болезнь), тыкву, кабачки, мексиканский огурец, батат, табак, какао, ваниль, один из важных сортов хлопчатника и др. Южная Америка дала Европе различные виды картофеля, в том числе и наш европейский картофель, фасоль, крахмалистую кукурузу, тыкву, томаты, перец, какао, хинное дерево, кокаиновый кустарник и др.

Вскоре после открытия Америки европейцы познакомились с пищевым продуктом, которому суждено было сыграть крупную роль в истории Европы — картофелем. В диком виде оно росло на высоких равнинах Перу, Боливии и Колумбии и было культивировано местными индейцами. Самое раннее литературное упоминание о нем мы находим в донесении Хуана де Кастельянос об экспедиции Гонзало Хименес де Кесада в глубь Колумбии (1536). Тогда внимание европейских ботаников еще не было привлечено к картофелю. Самое раннее полное описание картофеля было сделано англичанином Джоном Герардом (1597); но в его описании не все точно. Например, он утверждает, что картофель был привезен в Европу из Виргинии. Около того же времени появилась легенда, что картофель был завезен из Виргинии известными адмиралами — пиратами Рэли и Дрейком. В этом утверждении верно, возможно, лишь то, что Рэли привез картофель в Ирландию из Европы: известно, что он весьма пропагандировал выращивание этого растения в Ирландии. Иллюстрации и описания картофеля в гербариях начала XVII в. показывают, что известный в это время в Европе картофель принадлежал к тому сорту, который был найден недалеко от Боготы. Жан Бодэн описал три различных вида этого сорта, которые, к сожалению, не дошли до нашего времени.

Вначале картофель возделывали как редкое растение в садах ученых-ботаников. Несколько позже его стали возделывать близ городов как чисто огородное растение; сравнительно поздно и лишь в некоторых районах Европы его стали культивировать как массовый продукт. Самое раннее известие об употреблении картофеля в пищу в Европе находится в отчете одного госпиталя в Севилье, где говорится, что его выращивают в окрестностях этого города (1573 г.).

В средние века вареное мясо обычно подавалось к столу в виде тушонки с горохом или бобами и кореньями, сдобренной травами. Такого рода блюдо было особенно распространено в густонаселенных местностях, в которые хлеб завозили из других стран. Когда стал распространяться картофель, он заменил коренья. Крестьяне стали сажать картофель на полях, и с этого времени он стал массовым продуктом. Однако надо заметить, что в течение долгого времени народ встречал картофель с

недоверием, а иногда и прямо враждебно. Он шел на корм скоту, а не в пищу людям. В народе долго держалось убеждение, что картофель вызывает болезни, например, проказу, воспаление гланд, чахотку или малярию; вследствие того что растение напоминает паслен, боялись, что оно ядовито. Долгое время не знали, как его употреблять в пищу. Так, картофель иногда варили и ели с маслом, уксусом и перцем, или же его жарили в мундире, а затем мочили в вине, или ели с апельсиновым или лимонным соком. Еще один способ приготовления заключался в том, что его варили в молоке, прибавляли масло, соль и сахар. Иногда его неправильно принимали за сладкий картофель, который еще за 100 лет до открытия Америки разводили в Испании, или путали с так называемым топинамбуром (перуанский артишок), который пришел в Европу из Канады [2].

Часто есть картофель простой народ заставляла тяжелая необходимость, например, голод. Так было в начале XVIII в. во время войны за испанское наследство, и в 1740 г., и особенно после 1756 г., когда цены на хлеб начали сильно подниматься.

Прежде всего картофель был принят в качестве массового продукта в Ирландии, и, как настаивают некоторые исследователи (Слихер ван Бат), увеличение населения, заметное в XVIII в., вызвано внедрением картофеля как средства питания широких народных масс. Такое же влияние картофель имел, по утверждению исследователей, в Англии, Шотландии и Уэльсе.

Особенное распространение картофель получил в местах с развивающейся индустрией. В Англии и Германии культура картофеля начала широко распростра-

---

[2] Такое смешение картофеля с другими растениями нашло свое отражение в его названиях. Перуанское название картофеля papas было принято для него в местностях, соседних с Кадиксом. В других местностях той же Испании мы встречаем название patata — от batata (сладкий картофель), откуда и происходит английское «potato». Через Италию, где он назывался «tartufo» (truffle — трюфель), пришло немецкое название «Kartoffele». Во Франции он первоначально назывался cartouffler или топинамбур (topinambour). В Нидерландах — «crdappel» (земляное яблоко); слово, которое в средние века употреблялось для обозначения корня мандрагоры или земляного ореха (Cyclamen europaeum). Отсюда же современное французское название картофеля — pomme de terre. См. В. Н. Slicher van Bath. The Agrarian History of Western Europe. London, 1963, p. 267.

няться между 1770 и 1860 годами, когда цены на зерновые продукты были относительно высокими. После 1860 г., когда зерно в большом количестве стало поступать в Германию из Америки и России и цены упали, потребление хлеба снова стало возрастать.

Во Франции хлопоты по распространению картофеля взяли на себя королевская фамилия и министры. Картофель подавали на королевский стол, а королева Мария-Антуанетта носила за корсажем цветы картофеля. Но все эти «меры» не увенчались успехом — французы избегали это странное растение. В Германии тоже вплоть до второй половины XVIII в. картофель возделывался только на огородах любителей и не перешел на поля. Только во время голода 1770—1772 гг. он вошел во всеобщее употребление. Также трудно сказать, когда его стали культивировать в Нидерландах. В XIX в. он был там хорошо известен: бедняки употребляли его в большом количестве и ели два раза в день.

В некоторых местах Европы картофель стал главным пищевым продуктом. В Ирландии, как известно, болезнь картофеля в 1846—1848 гг. привела к «великому голоду» и колоссальной по размерам эмиграции ирландцев в США. Значительный рост населения сменился его сокращением почти наполовину (с 8 175 тыс. в 1841 г. до 4 400 тыс. в 1911 г.).

Несколько слов о картофеле в России. Здесь он стал известен еще в первой половине XVIII в. Татищев указывает, что кое-где в это время помещики собирали оброк картофелем. В Восточной Сибири картофель разводили не только в огородах, но и на полях. Однако в Европейской части России разведение картофеля в больших масштабах относится только к первой половине XIX в.

Не меньшее значение, чем картофель, имела кукуруза-маис. О ее появлении в Европе существует много теорий. Раньше почти все исследователи тоже считали ее выходцем из Америки. Для такого мнения есть много оснований. В истории тех американских народов, которые существовали в Средней и Южной Америке до прихода туда европейцев, кукуруза играла очень большую роль. Культура народов майя, ацтеков, можно сказать, выросла на кукурузе, как главном средстве питания. Кукуруза как культурное растение (и только как куль-

турное растение, так как из какого дикого растения она произошла, до сих пор неизвестно) существовала по крайней мере за два тысячелетия до нашей эры. В Европе она появилась в XVI в. и главным образом на побережье Средиземного моря. Главными ее пропагандистами были португальцы и Пиренейский полуостров раньше других познакомился с этой культурой. Позднее она распространилась в Южной Франции и в конце XVI в. появилась в Тироле, Бургундии и Франш-Конте. Около Тулузы в конце XVI в. она засевалась в довольно большом количестве и употреблялась на муку и для корма скоту. Урожай ее при прочих равных условиях втрое больше, чем пшеницы. Она имеет также еще одно важное преимущество: берет меньше питательных веществ из верхнего слоя земли и поэтому не истощает верхнего слоя почвы, так как корни ее идут глубже, чем корни пшеницы и других злаковых. Культура кукурузы распространилась по Европе чрезвычайно быстро и, может быть, как раз это обстоятельство позволило утверждать, что она была известна в Европе еще до Колумба. В начале XVII в. кукуруза стала известна повсюду. В Россию она пришла из Крыма. Само наше слово «кукуруза», по-видимому, турецкого происхождения; и во многих других местах Европы ее общее название — «турецкое зерно». Некоторые исследователи, однако, и до сих пор считают, что кукуруза пришла в Европу из Индии.

* * *

Итак, для классических времен средневековья (как могли бы мы назвать два первых периода средних веков до начала появления в недрах феодальных производственных отношений первых элементов отношений капиталистических) наиболее распространенной формой хозяйствования было мелкое хозяйство непосредственных производителей — крестьян и повсеместное, без всяких исключений, господство мелкого производства. К XVI в. производственные возможности такого хозяйства начинали исчерпываться. Наступали новые времена. Те производительные силы, которые развились в мелком индивидуальном производстве, составлявшем основу феодального способа производства, уже дали свой

максимальный эффект. Дальнейшее развитие экономики, а следовательно, и всего общества лежало по пути замены мелкого производства с присущими ему индивидуальными мелкими орудиями общественно концентрированным крупным производством с превращением индивидуальных орудий производства сначала в сложный технический организм мануфактуры, с детальным разделением труда внутри производства, а затем — в замене рабочего усилия отдельного производителя машиной.

В этом и заключается техническая сторона перехода от феодализма к капитализму. Смысл этого перехода дан Марксом в его классической 24-й главе первого тома «Капитала».

Исходным моментом капиталистического производства является первоначальное накопление капитала, которое, как его определяет Маркс, «есть не что иное, как исторический процесс отделения производителя от средств производства. Он представляется «первоначальным», так как образует предысторию капитала и соответствующего ему способа производства»[3]. Он выражается в экспроприации земли у сельскохозяйственного населения, в разорении мелких ремесленников, неспособных конкурировать с нарождающейся в форме мануфактуры капиталистической промышленностью, в обнищании народных масс, лишенных средств производства и средств существования, обеспеченных им феодальным способом производства и вынужденных продавать свою рабочую силу, для каковой цели буржуазия освобождает их от всех видов зависимости. «...Исторический процесс, который превращает производителей в наемных рабочих, — говорит Маркс там же, — выступает, с одной стороны, как их освобождение от феодальных повинностей и цехового принуждения; и только эта одна сторона существует для наших буржуазных историков. Но, с другой стороны, освобождаемые лишь тогда становятся продавцами самих себя, когда у них отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями. И история этой их экспроприации вписана в летописи человечества пламенеющим языком крови и огня»[4].

---

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., . 23, стр. 727.
[4] Там же.

«В истории первоначального накопления, — говорит дальше Маркс, — эпоху составляют перевороты, которые служат рычагом для возникающего класса капиталистов, и прежде всего те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрываются от средств своего существования и выбрасываются на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев. Экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя, крестьянина, составляет основу всего процесса. Ее история в различных странах имеет различную окраску, проходит различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи» [5]. Последнее замечание следует особенно учесть. Переход к капиталистическим отношениям, особенно в сельском хозяйстве, где он обычно запаздывал по сравнению с промышленностью, совершался в разных формах и в различные эпохи, и только конкретное рассмотрение изменений в аграрных отношениях и в судьбе крестьянства в Европе в течение трех, а в некоторых странах Восточной Европы — даже четырех столетий сможет нам дать картину этого перехода. Такой переход в классической форме совершился в Англии; наоборот, на востоке Европы переход западноевропейских стран к капиталистическому хозяйству отразился в появлении здесь наиболее суровых форм крепостничества, которое было выразительно названо Энгельсом «вторым изданием крепостного права».

Но проблема, выдвинутая и конкретно исторически освещенная Марксом на классическом примере Англии, и до наших дней окончательно еще не решена и процесс перехода от формации феодальной к формации капиталистической, первоначальное накопление как исходный момент этого процесса, генезис капитализма в сельском хозяйстве других стран той же Европы, не говоря уже о внеевропейских странах — вопросы, исследованные теоретически и конкретно-исторически еще в очень малой степени. Гениальный труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» — единственная общая работа теоретического характера, продолжающая и развивающая исследование генезиса капитализма в специфических условиях России, говоря шире — в своеобразных

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 728.

условиях Восточной Европы, где феодальные производственные отношения в их особой форме «второго издания крепостничества» держались дольше, чем где-либо, и где они приобрели с XVII в. особо суровые формы. Но, с другой стороны, именно исследование перехода от феодальных производственных отношений к капитализму в такой стране, как Россия, стране по преимуществу крестьянской, делает для нас работу В. И. Ленина особенно ценной. В. И. Ленин обогатил теоретические положения 24-й и 47-й глав первого и третьего томов «Капитала» тщательным изучением того, как процесс генезиса капитализма протекает в сельском хозяйстве и как простое товарное хозяйство превращается в капиталистическое в такой по преимуществу крестьянской стране, как Россия.

Когда мы говорим об исходном моменте генезиса капитализма, т. е. о так называемом первоначальном накоплении, речь идет об историческом явлении совершенно исключительного значения. Сущность его заключается в том, что на определенном уровне развития производительных сил в динамике феодальной формации оказалось неизбежным, притом во всемирно-историческом масштабе, колоссальное ограбление трудовых масс, мелких экономически самостоятельных производителей, характерных для предшествующих капитализму производственных отношений, ибо, говорит Маркс, такой способ производства совместим лишь с узкими границами производства. На известном этапе развития он сам создает средства для своего уничтожения. «Уничтожение его, превращение индивидуальных и раздробленных средств производства в общественно концентрированные, следовательно, превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, экспроприация у широких народных масс земли, жизненных средств, орудий труда, — эта ужасная и тяжелая экспроприация народный массы образует пролог истории капитала. Она включает в себя целый ряд насильственных методов...» [6]. И дальше Маркс с негодованием и ненавистью к экспроприаторам говорит: «Экспроприация непосредственных производителей совершается с самым беспощадным вандализмом и под давлением

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 771.

самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей. Частная собственность, добытая трудом собственника, основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы»[7]

Из всего вышесказанного следует, что первой проблемой в истории генезиса капитализма является так называемое первоначальное накопление, подготовленное всем ходом развития производительных сил в пределах феодальной формации и особенно состоянием производительных сил на последней стадии существования феодальных производственных отношений, связанной с развитыми товарно-денежными отношениями.

«Рынок, — так начинает свою работу Ленин, — есть категория товарного хозяйства, которое в своем развитии превращается в капиталистическое хозяйство и только при этом последнем приобретает полное господство и всеобщую распространенность. Поэтому для разбора основных теоретических положений о внутреннем рынке мы должны исходить из простого товарного хозяйства и следить за постепенным превращением его в капиталистическое»[8].

Итак, проблема так называемого первоначального накопления встает перед нами в виде двух вопросов: 1) в чем заключается тот наивысший уровень развития производительных сил, который вообще допустим в пределах феодальных производственных отношений, т. е. при господстве мелкого индивидуального производства, и каковы, так сказать, движущие силы, которые способствуют достижению этого уровня; 2) как происходят изменения в производственных отношениях феодализма при переходе к капитализму в сельском хозяйстве и в промышленности. Само собой разумеется, что каждый из этих вопросов в свою очередь разбивается на ряд частных, которые должны вследствие своей сложности изучаться особо и самостоятельно для сельского хозяйства и для промышленности, так как только таким путем мы можем получить общую картину перехода от феодальной формации к капитализму в целом.

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 771—772.
[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 21.

Общий ответ на первый вопрос, — вопрос об уровне развития производительных сил, — известен, но он слишком суммарный, и предстоит еще много работы для того, чтобы ответить на него применительно к каждой отрасли сельского хозяйства и ремесла, в форме которого выступает при господстве феодальных отношений промышленность. На вторую часть первого вопроса, — каковы движущие силы, которые способствовали достижению этого уровня и вызвали переход от мелкого индивидуального производства к общественно концентрированному, — ответ классиков марксизма-ленинизма сложен и требует отдельного рассмотрения. Напомним, что речь идет о начальной стадии перехода от феодализма к капитализму, стадии, логически предшествующей процессу так называемого первоначального накопления; дело в выяснении исторических условий перехода к ранней стадии капиталистического производства, к мануфактуре.

Еще в одном из ранних своих произведений, в «Нищете философии», Маркс так охарактеризовал эти исторические условия: «Расширение рынка, накопление капиталов, перемены в общественном положении классов, появление множества людей, лишенных своих источников дохода, — вот исторические условия для образования мануфактуры» [9]. В соответствии с этим Ленин начинает свое «Развитие капитализма в России» с изучения общественного разделения труда как основы товарного хозяйства и капитализма, а следовательно, основы всех явлений, связанных с переходом от феодализма к капитализму. «Основой товарного хозяйства является, — говорит он, — общественное разделение труда. Промышленность обрабатывающая отделяется от добывающей, и каждая из них подразделяется на мелкие виды и подвиды, производящие в форме товара особые продукты и обменивающие их со всеми другими производствами. Развитие товарного хозяйства ведет, таким образом, к увеличению числа отдельных и самостоятельных отраслей промышленности; тенденция этого развития состоит в том, чтобы превратить в особую отрасль промышленности производство не только каждого отдельного продукта, но даже каждой отдельной части

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 155.

продукта; — и не только производство продукта, но даже отдельные операции по приготовлению продукта к потреблению. При натуральном хозяйстве общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц (патриархальных крестьянских семей, примитивных сельских общин, феодальных поместий), и каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению. При товарном хозяйстве создаются разнородные хозяйственные единицы, увеличивается число отдельных отраслей хозяйства, уменьшается число хозяйств, производящих одну и ту же хозяйственную функцию. Этот прогрессивный рост общественного разделения труда и является основным моментом в процессе создания внутреннего рынка для капитализма...» [10].

«Само собой разумеется, что указанное отделение промышленности обрабатывающей от добывающей, мануфактуры от земледелия, превращает и само земледелие в промышленность, т. е. в отрасль хозяйства, производящую *товары.* Тот процесс специализации, который отделяет один от другого различные виды обработки продуктов, создавая все большее и большее число отраслей промышленности, — проявляется и в земледелии, создавая специализирующиеся районы земледелия (и системы земледельческого хозяйства), вызывая обмен не только между продуктами земледелия и промышленности, но и между различными продуктами сельского хозяйства. Эта специализация *торгового* (и капиталистического) земледелия проявляется во всех капиталистических странах, проявляется в международном разделении труда...» [11].

Товарное обращение само по себе предшествует товарному производству и вызывает его. Недаром Маркс, говоря о возникновении мануфактуры, говорит, что она создается потребностями мирового рынка, возникает прежде всего около морских экспортных гаваней (эмпориумов). Но и земледельческая революция, начавшаяся в последней трети XV в. и продолжавшаяся в течение почти всего XVI в. (за исключением последнего его де-

---

[10] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 21—22.
[11] Там же, стр. 22—23.

сятилетия), обогащала фермера так же быстро, как разоряла сельское население.

Таковы теоретические положения Маркса и Ленина о предпосылках генезиса капитализма, т. е. о том периоде в феодальных производственных отношениях, когда они, будучи связаны с развитием товарно-денежных отношений, еще непосредственно не перешли в отношения собственно капиталистические. Следует отметить две сферы, в которых совершается этот генезис: переход к капиталистическому строю в промышленности, выражающийся в конечном счете в появлении мануфактуры, постепенно вытесняющей ремесло, и переход к капитализму в сфере сельского хозяйства, где мелкое производство крестьянского хозяйства сменяется торжеством крупного производства, предполагающим наличность крупного буржуазного землевладения и капиталистического фермерского хозяйства. Следует при этом отметить тесную связь этих двух процессов друг с другом, а именно: если переход в промышленности от ремесла к мануфактуре в значительной мере связывается с переводом промышленности из города в деревню и использованием деревенского населения для промышленности, то, с другой стороны, процесс создания крупного производства в сельском хозяйстве в деревне оказывается связанным с имущественной вначале, а затем — с социальной дифференциацией, утерей значительной частью деревенского населения своей земли и превращением небольшого числа этого населения в фермеров-капиталистов, ведущих свое хозяйство при помощи наемной рабочей силы.

Эти процессы и являются содержанием так называемого первоначального накопления. Маркс дал классическую формулировку его для стран Запада. В. И. Ленин в своей борьбе с народниками нарисовал специфические формы этого процесса в России, стране крестьянской по преимуществу, и показал две стороны этого процесса. Первая — процесс «раскрестьянивания» деревни на основе имущественной дифференциации, т. е. расслоение крестьян на деревенскую буржуазию (кулаков) и деревенский пролетариат (батраков); это и есть социальная дифференциация деревенского населения, которая (наряду с прямой экспроприацией, каковой в России была по существу крестьянская реформа 1861 г.) в крестьян-

ских странах составляет основное содержание процесса первоначального накопления. С другой стороны, В. И. Ленин подробно описал зависимость этой дифференциации от развития промышленности, особенно на ранних стадиях этого развития, что опять-таки имеет огромное значение для анализа генезиса капитализма в странах по преимуществу земледельческих.

Итак, остановимся сначала на, так сказать, классическом определении Марксом процесса так называемого первоначального накопления. Оно хорошо известно, и сущность его сводится к тому, что с развитием производительных сил еще в лоне феодальной формации наступает такой момент, когда мелкое производство исчерпало свои возможности, и в дальнейшем своем развитии хозяйство переходит от мелкого индивидуального производства к крупному общественно концентрированному. Этот переход влечет за собой колоссальные по своему значению перемены в социальной структуре общества. Он влечет за собой экспроприацию крестьянства и мелких ремесленников, создание крупных капиталов, эксплуатирующих наемную рабочую силу людей, утерявших в результате экспроприации средства производства и средства существования, которые были обеспечены ему феодальным способом производства; обогащение капиталиста прибавочной стоимостью, производство которой, присваиваемое капиталистом, составляет основной закон капиталистической формации, — таковы основные черты так называемого первоначального накопления.

...процесс, создающий капиталистическое отношение, не может быть ничем иным, как процессом отделения рабочего от собственности на условия его труда, — процессом, который превращает, с одной стороны, общественные средства производства и жизненные средства в капитал, с другой стороны, — непосредственных производителей в наемных рабочих. Следовательно, так называемое первоначальное накопление есть не что иное, как исторический процесс отделения производителя от средств производства. Он представляется «первоначальным», так как образует предысторию капитала и соответствующего ему способа производства» [12].

---

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 726—727.

Никакого промежуточного способа производства между феодализмом и капитализмом нет. «Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого» [13]. Дальше Маркс останавливается на предварительных условиях перехода от феодализма к капитализму. Он говорит: «Непосредственный производитель, рабочий, лишь тогда получает возможность распоряжаться своей личностью, когда прекращаются его прикрепление к земле и его крепостная или феодальная зависимость от другого лица. Далее, чтобы стать свободным продавцом рабочей силы, который несет свой товар туда, где имеется на него спрос, рабочий должен был избавиться от господства цехов, от цеховых уставов об учениках и подмастерьях и от прочих стеснительных предписаний относительно труда» [14].

Отсюда ясно, что одно из условий, необходимых для становления капиталистического способа производства,— личная свобода непосредственного производителя, нужная для того, чтобы он мог продавать, где ему наиболее выгодно, свою рабочую силу. Итак, первая по времени проблема не столько теоретического, сколько конкретно-исторического характера, связанная с так называемым первоначальным накоплением, может быть сформулирована так: где и когда в недрах феодальной формации произошла ликвидация личной зависимости крестьян, пали цеховые ограничения, сковывавшие личную инициативу ремесленников, как и когда установилось наемное рабство в результате «свободной» продажи рабочей силы.

Говоря об истории первоначального накопления, Маркс добавляет, что в этой истории «эпоху составляют перевороты, которые служат рычагом для возникающего класса капиталистов, и прежде всего те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрываются от средств своего существования и выбрасываются на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев. Экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя, крестьянина, со-

---

[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 727.
[14] Там же, стр. 728.

ставляет основу всего процесса. Ее история в различных странах имеет различную окраску, проходит различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи. В классической форме совершается она только в Англии, которую мы поэтому и берем в качестве примера»[15]. И дальше следует § 2 этой замечательной главы, который озаглавлен «Экспроприация земли у сельского населения». Для Маркса, как и для любого историка, изучающего конкретную историю отдельных стран, и не только европейских, но и других, из всего сказанного вытекают следующие задачи: положение крестьянства и аграрный строй накануне перехода от феодализма к капитализму как проблема начала так называемого первоначального накопления в сельском хозяйстве; переход к кооперации и мануфактуре в промышленности и рост внутреннего рынка как момент, связывающий первоначальное накопление в сельском хозяйстве с этим же процессом в промышленности. В соответствии с этими задачами 24-я глава первого тома «Капитала» разбивается на ряд параграфов, а именно: § 2. Экспроприация земли у сельского населения Англии; § 3. Кровавое законодательство с конца XV в. против экспроприированных. Законы с целью понижения заработной платы; § 4. Генезис капиталистических фермеров (т. е., генезис капиталистического способа производства в сельском хозяйстве и история создания капиталов в сельском хозяйстве); и лишь затем уже § 6. Генезис промышленного капиталиста (т. е., история накопления индивидуальных капиталов у промышленников). В главах 24 и 47 третьего тома «Капитала» мы находим дальнейшие разъяснения этих вопросов. Сопоставляя этот теоретический материал с соответствующими конкретными исследованиями в условиях России, проделанными В. И. Лениным в его упоминавшейся уже работе, мы получим полную характеристику проблематики генезиса капитализма, которая может оказать нам помощь при исследовании этой проблемы во всех странах мира в целом и в каждой из них в отдельности.

Итак, главный вопрос, который встает перед нами при исследовании перехода от феодализма к капита-

---

[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 728.

лизму, сводится к тому, чтобы изучить положение крестьянства и аграрный строй в целом накануне этого перехода. Дело, конечно, не в описании аграрного строя той или другой страны, а в выяснении тех условий, без которых такой переход невозможен; т. е. речь идет о личном освобождении и экспроприации непосредственного производителя.

Об Англии, которую исследует Маркс, он говорит: «В Англии крепостная зависимость исчезла фактически в конце XIV столетия. Огромное большинство населения состояло тогда — и еще больше в XV веке — из свободных крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство...»[16]. Является ли это утверждение Маркса его эмпирическим наблюдением над английской историей и, если это так, в какой мере это наблюдение верно для остальных частей Европы и является теоретической предпосылкой генезиса капитализма? На оба эти вопроса следует ответить утвердительно. Мелкое производство, как указывает Маркс, достигает расцвета, проявляет всю свою энергию там, где работник является свободным частным собственником своих условий труда, где крестьянин обладает полем, которое он возделывает, ремесленник — инструментами своего труда. Описанное Марксом положение крестьян в Англии XV в. является свидетельством того, что мелкое производство достигло максимума, на который оно способно при сохранении феодальных производственных отношений. Это как раз тот момент, когда способ производства «создает материальные средства для своего уничтожения». С этого момента, говорит Маркс, в недрах общества начинают шевелиться силы и страсти, которые скованы этим способом производства; он должен быть уничтожен, и он уничтожается.

Несомненно, что говоря о свободных крестьянах, ведущих самостоятельное хозяйство, и считая это предпосылкой первоначального накопления, Маркс исходил не только из общих теоретических положений о максимальной интенсивности мелкого производства при личной свободе производителя, но и из прямых наблюдений над большим конкретным материалом. Важно, что

---

[16] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., . 23, стр. 728–729.

именно к этому замечанию об Англии он сделал примечание относительно Италии о том, что здесь, где капиталистическое производство развилось раньше всего, крепостные освободились раньше, чем где бы то ни было, но «крепостной освобождается здесь прежде, чем он успел обеспечить за собой какое-либо право давности на землю»[17] Крестьяне-наследственные держатели с широкими правами распоряжения землею, — явление повсеместное в Европе позднего средневековья. Таковы цензитарии во Франции, чиншевики в Юго-Западной Германии, мейеры — в Северо-Западной Германии, таковы крестьяне в скандинавских странах, таковы фригольдеры да и значительная часть копигольдеров в Англии. Исключение составляет лишь Европа к востоку от Эльбы, где капиталистическое развитие Западной Европы низвело крестьянство до крепостного состояния, близкого к рабству. Таким образом, совершенно очевидно, что отмеченная Марксом на английском материале личная свобода непосредственного производителя является общей предпосылкой процесса первоначального накопления вообще.

Каким же образом происходит генезис капитализма в сельском хозяйстве? Содержанием так называемого первоначального накопления в сельском хозяйстве, как и вообще в экономике в целом, было появление крупного производства, осуществляемого главным образом фермером-капиталистом. О них, об их происхождении и их общественных функциях Маркс говорит в 24-й главе первого тома и 47-й главе третьего тома «Капитала». Им, ссылаясь на эти места «Капитала», уделяет большое внимание В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России».

Маркс говорит: «Спрашивается теперь: откуда же возникли первоначально капиталисты? Ведь экспроприация сельского населения создает непосредственно лишь крупных земельных собственников. Что касается генезиса фермеров, то мы можем проследить его шаг за шагом, так как это медленный процесс, растянувшийся на многие столетия. Уже крепостные, а наряду с ними и свободные мелкие земельные собственники, находились в очень различном имущественном положении, а

[17] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 728, прим. 189.

потому и освобождение их совершилось при очень различных экономических условиях» [18].

Итак, возникновение имущественного неравенства — процесс, предшествующий неравенству социальному. Это последнее заключается в возникновении сельской буржуазии, с одной стороны, и сельскохозяйственного пролетариата, с другой. Маркс на примере Англии показывает, как этот процесс происходит исторически. Элементы его складываются еще в недрах феодального общества и проступают довольно ясно в последний период существования феодальных производственных отношений, т. е. на той стадии развития феодализма, когда последний сочетается с интенсивным развитием товарно-денежных отношений вообще, и когда феодальная рента выступает по преимуществу в денежной форме. Дальше Маркс говорит: «В Англии первой формой фермера был bailiff [управляющий господским имением], который сам оставался крепостным... Во второй половине XIV столетия на место bailiff становится фермер, которого лендлорд снабжает семенами, скотом и земледельческими орудиями. Положение его не очень отличается от положения крестьянина. Он только эксплуатирует больше наемного труда» [19]. Дальше он превращается в арендатора-издольщика. «Он доставляет одну часть необходимого для земледелия капитала, лендлорд — другую. Валовой продукт разделяется между ними в пропорции, установленной контрактом. В Англии эта форма аренды быстро исчезает, уступая место фермеру в собственном смысле слова, который вкладывает в дело собственный капитал, ведет хозяйство при помощи наемных рабочих и отдает лендлорду деньгами или натурой часть прибавочного продукта в качестве земельной ренты» [20]. «В течение XV века, — продолжает Маркс, — пока труд независимых крестьян и сельскохозяйственных рабочих, занимавшихся наряду с работой по найму в то же время и самостоятельным хозяйством, шел в их собственную пользу, уровень жизни фермера был так же незначителен, как и сфера его производства. Земледельческая революция (т. е. экспроприация земли у крестьян. — *С. С.*) обогащала

[18] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., . 23, стр. 752—753.
[19] Там же, стр. 753.
[20] Там же.

фермеров так же быстро, как разоряла сельское население. Узурпация общинных пастбищ и т. п. позволяет фермеру значительно увеличить количество своего скота почти без всяких издержек, между тем как скот доставляет богатое удобрение для его земли.

В XVI в. сюда присоединяется еще один момент, имеющий решающее значение. В то время арендные договоры заключались на продолжительные сроки, нередко на 99 лет. Непрерывное падение стоимости благородных металлов, а следовательно, и стоимости денег, было очень выгодно для фермеров. Оно, не говоря уже о других рассмотренных выше обстоятельствах, понижало заработную плату. Часть заработной платы превращалась в прибыль фермера. Непрерывное повышение цен на хлеб, шерсть, мясо, — одним словом, на все сельскохозяйственные продукты, увеличивало денежный капитал фермера без всяких усилий с его стороны, между тем земельную ренту он уплачивал на основе договоров, заключенных при прежней стоимости денег. Таким образом, он обогащался одновременно и за счет своих наемных рабочих и за счет своего лендлорда. Нет поэтому ничего удивительного в том, что в Англии к концу XVI столетия образовался класс богатых для того времени «капиталистических фермеров»[21].

Приведенное выше объяснение появления в Англии капиталистических фермеров получило более широкое объяснение в главе 47 III тома «Капитала», в том ее разделе, который посвящен денежной форме феодальной ренты и где Маркс устанавливает последовательность переходных форм от ренты феодальной к ренте капиталистической. Эта часть литературного наследства великого мыслителя как-то прошла мимо внимания историков и редко приводится при объяснении закономерностей позднего средневековья, того периода в истории производственных отношений феодализма, когда он сочетается с интенсивным развитием товарно-денежных отношений, с образованием и развитием внутреннего рынка и, так сказать, кануна перехода этих отношений к капитализму. А между тем эти части III тома «Капитала» особенно важны, когда мы ставим перед собой задачу анализа генезиса капитализма в сельском хозяйстве. «Де-

---

[21] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 753—754.

нежная рента, — говорит Маркс, — как превращенная форма продуктовой ренты, и в противоположность ей, есть последняя форма и в то же время форма разложения того рода земельной ренты, который мы рассматривали до настоящего времени...»[22] (т. е. феодальной ренты.— *С. С.*). Не будучи еще капиталистической земельной рентой, такая рента и в денежной форме не есть еще избыток над прибылью, а включает последнюю в себя. «В своем дальнейшем развитии денежная рента необходимо приводит, — оставляя в стороне все промежуточные формы, как, например, форму мелкокрестьянских арендаторов, — или к превращению земли в свободную крестьянскую собственность или к форме капиталистического способа производства, к ренте, уплачиваемой капиталистическим арендатором»[23].

Как это происходит? «При денежной (докапиталистической.— *С. С.*) ренте традиционное обычно-правовое отношение между зависимым непосредственным производителем, владеющим частью земли и обрабатывающим ее, и земельным собственником необходимо превращается в договорное, определяемое точными нормами положительного закона, чисто денежное отношение. Поэтому возделыватель-владелец фактически становится простым арендатором»[24]. Именно с таким явлением мы и встречаемся повсюду в Европе в этот последний период средневековья, в особенности, когда феодал ликвидирует собственную запашку, а землю домена сдает в аренду (чаще всего краткосрочную) крестьянам. «Это превращение, — говорит Маркс дальше, — при наличии прочих благоприятствующих общих отношений производства, с одной стороны, используется для того, чтобы постепенно экспроприировать старых крестьян-владельцев и заменить их капиталистическим арендатором; с другой стороны, оно ведет к тому, что прежний владелец выкупает свое оброчное обязательство и превращается в независимого крестьянина с полной собственностью на возделываемую им землю»[25].

Мы видели из прежних глав, что, во-первых, переход к денежной докапиталистической ренте часто сопровож-

---

[22] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 361—362.
[23] Там же, стр. 362.
[24] Там же.
[25] Там же, стр. 362—363.

дался повышением ее до уровня ренты с домениальной земли, и это было одной из причин крестьянских восстаний с XIII по XVI в., и что, во-вторых, именно в это время растет применение наемного труда как в хозяйстве феодалов, так и крестьян. Маркс недвусмысленно говорит по этому поводу: «...превращению натуральной ренты в денежную не только непременно сопутствует, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги. В течение периода их возникновения, когда этот новый класс появляется лишь спорадически, у лучше поставленных обязанных оброком (rentepflichtigen), крестьянских хозяйств развивается по необходимости обыкновение эксплуатировать за свой счет сельских наемных рабочих, — совершенно так же, как уже в эпоху феодализма более состоятельные зависимые крестьяне, в свою очередь, держали крепостных. Таким образом у них складывается мало-помалу возможность накоплять известное состояние и самим обратиться в будущих капиталистов. Среди самих прежних владельцев земли, которые сами ее обрабатывали, возникает таким образом рассадник капиталистических арендаторов, развитие которых зависит от общего развития капиталистического производства вне пределов сельского хозяйства и которые расцветают с особенной быстротой, если им способствуют, как в XVI веке в Англии, особо благоприятные обстоятельства вроде тогдашнего возрастающего обесценения денег, обогащавшего их при традиционных долгосрочных арендных договорах за счет земельных собственников»[26].

Таков один из путей образования капиталистических фермеров. Его можно было бы кратко охарактеризовать так. На основе имущественного расслоения крестьян еще в развитом средневековье создаются предпосылки возникновения социального неравенства. Эти предпосылки заключаются в наличии зажиточных крестьян, эксплуатирующих сначала труд своих же собратьев, затем, с переходом феодальной ренты в денежную форму — в эксплуатации наемных рабочих, своих малоземельных и безземельных односельчан или пришлых крестьян.

Когда завершается экспроприация крестьян и общество в целом переходит к капитализму, тогда эти зажиточ-

---

[26] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 363.

ные крестьяне превращаются в капиталистических фермеров, и, таким образом, элементы капиталистических отношений, явно проступающие в позднее средневековье, «освобождаются» от своей феодальной оболочки.

Но может быть и другой путь образования капиталистических фермеров. В период господства феодальной денежной ренты устанавливается как определенная экономическая категория цена на землю как капитализированный доход, высота процента капитализации которой зависит от общего процента на капитал, образующегося, по большей части, вне сельского хозяйства. С появлением цены на землю, говорит Маркс, растет ее мобилизация, и «благодаря этому не только прежние оброчные крестьяне могут превратиться в независимых крестьян-собственников, но и городские и прочие денежные люди могут покупать участки земли с тою целью, чтобы сдавать их крестьянам или капиталистам и пользоваться рентой как формой процента на свой таким образом употребленный капитал» [27].

Каковы последствия таких операций, Маркс указывает там же: «...когда рента, — говорит он, — принимает форму денежной ренты и вместе с тем отношение между крестьянином, уплачивающим ренту, и земельным собственником принимает форму договорного отношения — превращение, возможное вообще лишь при уже данном, относительно высоком уровне развития мирового рынка, торговли и промышленности, — необходимо начинается и предоставление земли в аренду капиталистам, которые до того времени стояли далеко от земледелия и которые теперь переносят в деревню и в сельское хозяйство нажитый в городе капитал и уже развившийся в городах капиталистический способ ведения хозяйства, производство продукта только как товара и только как средства для присвоения прибавочной стоимости» [28].

Мы намеренно привели здесь большие выдержки из «Капитала» Маркса перед тем, как приступить к изучению этого вопроса по В. И. Ленину. Дело в том, что в своем замечательном труде о развитии капитализма в России В. И. Ленин ссылается именно на эти части труда Маркса и приводит их почти полностью в собствен-

---

[27] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 366.
[28] Там же, стр. 363.

ном переводе, которому и мы все время следовали, когда цитировали Маркса. Мало этого, известно, что сам Маркс подробно изучал материалы по экономике пореформенной России. Он предполагал конкретизировать и развить на примере России дальше свое учение об эволюции капитализма в сельском хозяйстве. Россия с ее разнообразием форм землевладения и эксплуатации сельскохозяйственных производителей должна была играть такую же роль в разделе о земельной ренте, какую играл пример Англии при исследовании промышленного капитала. Марксу не удалось осуществить этот план. Но его блестяще осуществил Ленин, продолжив рассуждения Маркса и использовав для этого русский материал. Вкратце ход мыслей В. И. Ленина по этому вопросу таков.

На основе общественного разделения труда и, как следствие этого, роста товарного хозяйства, складывается имущественное неравенство в крестьянстве и оно «есть исходный пункт всего процесса»[29] ...но одной этой «дифференциацией» процесс отнюдь не исчерпывается. Старое крестьянство не только «дифференцируется», оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения, — типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством. Эти типы — сельская буржуазия (преимущественно мелкая) и сельский пролетариат, класс производителей в земледелии и класс сельскохозяйственных наемных рабочих»[30]. Разложение мелких производителей — важный фактор этого процесса. Он даже получил в России свое особое название «раскрестьянивание». Особенности складывания его в России дают нам ценнейший материал для суждения о том, как этот процесс перехода к капитализму происходит в крестьянской по преимуществу стране. Разложению крестьянства и появлению сельской буржуазии способствует то обстоятельство, что капиталистические отношения после реформы 1861 г. уже сложились в хозяйстве страны в целом и «справные» мужики соединяют свое товарное земледелие с торгово-промышленными предприятиями; это есть специфически свойственный этому крестьян-

[29] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 166.
[30] Там же.

ству вид «соединения земледелия с промыслами»[31], замечает В. И. Ленин. Причем даже в том случае, если они являются кустарями, зависящими от скупщика, они часто предпочитают заниматься ремеслом, тогда как свое хозяйство они ведут с помощью наемной рабочей силы. Никакая общинность и уравнительные переделы не могут препятствовать этому росту сельской буржуазии, так как разоряющаяся часть крестьянства часто сдает свои наделы, и даже на много лет вперед, в аренду богатым крестьянам, которые таким образом, даже несмотря на наличие общины, ведут крупное фермерское хозяйство. «Свободные деньги, получаемые в виде чистого дохода этим крестьянством, обращаются или на торговые и ростовщические операции, так непомерно развитые в нашей деревне, либо — при благоприятных условиях — вкладываются в покупку земли, улучшения хозяйства и т. д. Одним словом, это — мелкие аграрии»[32]. С другой стороны, нищающая часть крестьянства уходит в города, либо становится типичной фигурой в деревне, в которой развивается капиталистическое сельское хозяйство — превращается в сельский пролетариат, в рабочего с наделом,— фигурой, не только типичной для России, но и всюду в Европе. Там, где таких пролетариев не хватает, их создают, так сказать, искусственно. Крупный сельскохозяйственный предприниматель уступает такому рабочему небольшой клочок земли, явно недостаточный для содержания его самого и его семьи, но с обязательством работать по найму в хозяйстве, от которого такой пролетарий получил клочок земли.

Путь образования деревенской буржуазии и исходный пункт этого процесса, так называемое первоначальное накопление, таким образом, в значительной мере сводится к социальной дифференциации самого крестьянства. Наша задача теперь заключается в том, чтобы выяснить, в какой мере и каким образом эти общие теоретические положения Маркса и Ленина находят свое выражение в конкретно-исторических условиях отдельных стран Европы. И здесь в первую очередь приходится иметь в виду разные формы аграрного развития и судеб крестьянства как класса в западной и в восточной частях Европы XVI—XVIII вв.

[31] В. И. Ленин. Полн. собр. ., т. 3, стр. 169.

[32] Там же.

Глава XI

КРЕСТЬЯНСТВО В ЕВРОПЕ В XVI—XVIII вв.

Сеньориальный и крепостной строй в Европе в XVI—XVIII вв. Франция. Англия. Юго-Западная Германия. Северо-Западная Германия. Бавария. Северо-Восточная Германия. Несколько слов о Польше и России.

Обозреватель сельскохозяйственной Европы XVII и XVIII вв. прежде всего заметит резкую разницу в аграрном строе востока и запада. На карте Европы легко провести линию, ясно отделяющую один от другого два мира аграрных отношений; эта граница — река Эльба. К востоку от нее (Пруссия, Мекленбург, Шлезвиг-Гольштейн, Померания, Чехия, Венгрия, Польша) мы почти всюду встречаем крупное барское хозяйство, организованное в расчете на экспорт сельскохозяйственных продуктов и в первую очередь на вывоз зерна на заморские рынки: в Голландию, Англию, Францию, Швецию и т. д. Вполне определенно такое хозяйство начинает складываться с XVI в., но отдельные черты его можно проследить и во второй половине XV в. (Польша). Чем дальше, тем больше это хозяйство пользуется барщинным трудом крестьян, постепенно прикрепляемых к поместью. В XVII в. и особенно в XVIII в. здесь в полном расцвете тот строй аграрных отношений, который немецкие ученые называют обыкновенно термином Gutsherrschaft — господство барского хозяйства, дворянского по происхождению, предпринимательского по своей экономиче-

ской сущности, феодально-крепостнического по способу эксплуатации. Русскому читателю станет понятным, о чем идет речь, если ему напомнить, что этот аграрный строй иногда, как, например, в Померании, Мекленбурге или Польше, почти ничем не отличался от известного нам крепостного права, господствовавшего в России в XVII—XVIII и первой половине XIX в. Само собой разумеется, что это лишь самая общая характеристика, не исключающая разнообразных отклонений и конкретных особенностей.

Совершенно иным был аграрный строй Европы к западу от Эльбы. Опять-таки, беря его в крайнем выражении, не останавливаясь на подробностях и оставляя пока в стороне переходные формы, можно охарактеризовать аграрный строй Франции, Италии и Англии (в последней — до промышленного переворота) как варианты того типа, который по немецкой терминологии называется Grundherrschaft, т. е. господством земельного верховенства, или строем сеньориальных отношений, если брать термин, который принят для наименования аграрного строя Франции до буржуазной революции. Наиболее важным хозяйственным признаком этого строя является то обстоятельство, что здесь лицо, называемое сеньором, или грундхерром (по немецкой терминологии), и являющееся феодальным (но не буржуазным!) собственником крестьянской земли, или вовсе не имеет собственной запашки, или эта запашка близка по своим размерам к обычному крестьянскому держанию. Основной доход сеньора составляют денежные и натуральные платежи земледельцев, живущих на территории его сеньории, а не доход от его собственного хозяйства, от его собственной запашки. Барщина обыкновенно невелика — всего несколько дней в году, и это утверждение верно даже для таких мест, где сеньор по закону имеет право на значительную барщину, например в Северо-Западной (Нижнесаксонской) Германии или в Баварии. Хозяйственное значение барщины ничтожно, так как лицо, правомочное требовать барщину, или вовсе в ней не нуждается (если он не имеет собственной запашки), или пользуется ею в весьма ограниченных размерах. Поэтому в области распространения сеньориального строя барщина нередко — и чем ближе к XIV в., тем чаще — заменяется определенным денежным, реже натуральным взносом.

Очерченная выше разница между аграрным строем востока и запада Европы, между строем поместья и сеньории тесно связана с социальной и политической структурой общества и в дальнейшем мы постараемся показать, что эта связь закономерна и естественна.

Прежде всего следует отметить различие в происхождении аграрного строя запада и востока. Последнее поможет нам понять, как складывались взаимоотношения двух классов, связанных с землей, — крестьянства и дворянства, и ту роль, которую в этих отношениях играла буржуазия. Только на основе этих отношений и связанной с ними классовой борьбы мы сможем уяснить эволюцию того и другого строя и различные их индивидуальные особенности.

Первым и главным отличием сеньориального строя в Западной Европе является то обстоятельство, что он сложился и уцелел вплоть до времени его замены капиталистическими отношениями на основной территории старой западноевропейской культуры (Англия, Франция, Испания, Италия и Западная Германия). Экономическое развитие ее было естественным внутренним развитием производительных сил, не осложненным никакими привходящими моментами, которые, ворвавшись так сказать извне, исказили бы линию поступательного движения. Именно так случилось позже на колонизационной почве Восточной Европы, сначала экономически отсталой, но затем сразу в короткий срок включившейся в хозяйственную связь с развивавшейся в это время капиталистической Западной Европой.

Процесс образования сеньориальных отношений уводит нас далеко в глубь средних веков. Вплоть до XIX в. сеньориальный строй несет на себе следы своего раннефеодального происхождения. Право, регулирующее эти отношения, есть феодальное право, и оно не укладывается в рамки знакомого нам буржуазного права, построенного на принципе частной собственности. Конечно, устойчивость правовой оболочки этих отношений не должна скрывать от нас факта развития самих правоотношений. А они проделали большой и длительный путь развития от собственности феодальной к собственности буржуазной. Само содержание аграрной эволюции очень долго могло совершаться под старой феодальной оболочкой, которая окончательно исчезла повсюду лишь при пере-

ходе к эпохе промышленного капитала. Сеньориальный строй во Франции был ликвидирован буржуазной революцией; старый же уклад английского манора и связанных с ним отношений фактически исчез, не будучи никогда отменен юридически, во время промышленного переворота и в десятилетия, непосредственно последовавшие за ним, хотя остатки его, например копигольд, в виде курьеза дожили до нашего времени. В Западной Германии германская форма сеньориального строя, Grundherrschaft, в основном была уничтожена революцией 1848 г., но окончательная ликвидация ее затянулась еще на несколько десятилетий.

Смена сеньориальных отношений и регулировавшего их феодального права отношениями буржуазной частной собственности была связана, однако, с различным ходом развивавшегося под их оболочкой социально-экономического процесса. В Англии, как известно, переход к капиталистическим отношениям повлек за собой экспроприацию английского крестьянства и его быстрое исчезновение как класса. Собственником земли оказались крупные землевладельцы — лорды. Вместо крестьян, владевших землей согласно старинным формам держания, появились капиталистические арендаторы — фермеры.

Совсем иным, как будто, был ход развития во Франции. Крестьянство уже до революции сумело закрепить за собой значительную долю земельных богатств. Революция смела последние остатки сеньориального режима и способствовала дальнейшему укреплению крестьянской собственности. А если так, то спрашивается, что же общего между этими двумя процессами, оказавшимися столь различными для судеб крестьянства?

Несмотря на это бросающееся в глаза различие между аграрным строем Англии и Франции в XVI в., мы все же должны рассматривать английский и французский процесс развития скорее как варианты одного и того же типа, чем совершенно различные процессы. Та близость правовых обычаев, которую мы отметили для всей области сеньориальных отношений, не была случайным совпадением внешних признаков, а результатом органического сходства самой аграрной эволюции. То обстоятельство, что с XVI в. судьба крестьянства в Англии оказалась совершенно иной, чем во Франции, что в Англии еще с XVI в. началась экспроприация крестьянской земли,

нисколько этому не противоречит. В самом деле, два крупных события, стоящие на грани современной истории — Великая буржуазная революция во Франции и промышленный переворот в Англии, почти совпавшие хронологически, в действительности представляют разные ступени в исторической эволюции каждой из этих двух стран. Революция во Франции и переход власти к буржуазии лишь подготовили почву для развития крупной индустрии и машинной промышленности во Франции. Сам промышленный переворот совершился здесь гораздо позже, в 30—40-х годах XIX в. Размеры его в сравнении с английским были значительно скромнее. В течение всего XIX в. Франция оставалась по преимуществу аграрной страной с большим удельным весом мелкого производства. Моментом, когда линии экономического развития этих двух государств начинают явно расходиться, был конец XVIII в. Неудачный для Франции исход англо-французского соперничества из-за колоний в XVIII в. и за промышленное господство (континентальная блокада) был симптомом экономической слабости Франции, предопределившей ее более скромное, сравнительно с Англией, место в европейском хозяйстве XIX в. Размеры и формы, какие принял промышленный переворот в Англии, были тесно связаны с той ролью, которую английская промышленность стала играть в общеевропейском и внеевропейском хозяйстве нового времени. Именно в этом следует искать отличие аграрной эволюции Англии в конце XVIII и начале XIX в. от аграрной эволюции Франции. Экономические успехи Англии, сила ее привилегированных сословий и создали то неблагоприятное для крестьянства соотношение борющихся общественных сил, в результате которого ликвидация сеньориальных порядков в Англии приняла особый характер. Сеньориальный строй исчез здесь не потому, что он был отменен официально, а потому, что исчез один из его элементов, исчез сам английский крестьянин. Английский лорд из феодального собственника, каким он был в средневековом маноре, стал буржуазным частным собственником. Английский крестьянин, который уже в XV в. был таким же «феодальным собственником», либо пролетаризировался, либо сделался фермером. Английское хозяйство стало на чисто капиталистические основания.

Совершенно иной была ликвидация сеньориального режима во Франции. В результате ее собственником стал французский крестьянин и окончательно исчез сеньор, как лицо правомочное получать платежи и повинности с территории своей сеньории. Но техника хозяйства и общий хозяйственный уклад деревни были сравнительно мало затронуты Французской революцией. Мелкое хозяйство и в XIX в. еще сохранило свои докапиталистические черты. Во всяком случае никаких коренных перемен, подобно изменениям в английской деревне, здесь не произошло, да и не могло произойти, поскольку промышленное развитие Франции протекало несравненно медленнее английского, а удельный вес промышленности в экономике страны был несравненно ниже в течение всего XIX в.

Итак, принципиальная разница в аграрном строе Англии и Франции в период ликвидации сеньориального строя и после него, в особенности же различие в судьбе крестьянства той и другой страны, связаны уже с эпохой промышленного капитализма и находятся в тесной связи с той разницей, которая обнаружилась уже в эту эпоху в промышленной эволюции этих двух стран. Направление, по которому развивалась Англия, показывает, какая судьба ожидала французского крестьянина, если бы темп и размеры промышленного развития Франции были те же, что и в Англии. Судьба английского крестьянина представляет собой законченную эволюцию развития аграрных отношений в условиях особенно успешного капиталистического развития страны. Во Франции в силу ее более медленного промышленного развития аграрная эволюция оставалась незавершенной. Но намеки на те опасности, которыми французскому мужику угрожали успехи промышленности, имеются налицо. Вместе с общим экономическим подъемом и расцветом французской промышленности с 60-х годов XVIII в. во Франции замечается усиленный интерес к агрономической литературе и восхваление фермерского хозяйства на английский образец. С другой стороны, сеньоры стремились восстановить давно забытые «феодальные права», т. е. всевозможные сеньориальные платежи и повинности, лежавшие на крестьянской земле, но давно уже переставшие взиматься («феодальная реакция»). Оба эти явления вовсе не противоречат друг другу, как можно было бы на первый взгляд заключить из их сопоставления.

Наоборот, это были две стороны одного и того же явления. То, о чем мечтали физиократы, бессознательно пытались осуществить сеньоры. Сеньориальные права на крестьянскую землю могли бы сгуститься в право буржуазной собственности сеньора на землю, и тогда крестьянин, держатель на феодальном праве либо превратился бы в простого адендатора, либо пролетаризировался. «Феодальная реакция» при благоприятных условиях могла стать орудием обезземеления французского крестьянства, если бы промышленное развитие Франции пошло теми же путями, что и в Англии.

Итак, коренное различие в судьбах крестьянства по ту и другую сторону Ламанша в период развитого капитализма вовсе не должно закрывать перед нами сходства того процесса, который лежит в основе аграрной эволюции Западной Европы. Если эти линии развития сильно разошлись в тот момент, когда Англия и Франция заняли различное место в мировом хозяйстве, то в более ранний период, когда хозяйственные связи между отдельными странами Европы были гораздо слабее и международный обмен оказывал меньшее влияние на внутренние хозяйственные отношения каждой страны, аграрное развитие обеих стран было близко друг к другу.

Появление городов, торговли, ремесла и промышленности, образование местного внутренного рынка еще в средние века привело к разложению средневековой вотчины, т. е. либо к постепенному уменьшению, а иногда к полному исчезновению господской запашки, либо к переходу к ее обработке вольнонаемным трудом; и то, и другое вело к коммутации барщины и к личному освобождению крепостных — основной массы крестьянского населения. Но личное освобождение крестьян вовсе не означало освобождения крестьянской земли. На ней и после «освобождения» ее держателя обычно оставались лежать феодальные платежи и повинности. Из личных они лишь превращались в «реальные», т. е. поземельные. Существование наряду с крепостными значительных кадров свободного или относительно слабо зависимого крестьянства, закрепление обычным правом размеров повинностей и платежей, лежавших на земле и постепенное падение их реальной ценности с падением цены денег в XVI в., — общее явление для всех стран, где мы находим сеньориальные отношения.

В нашу задачу здесь не входит подробное изложение тех процессов и изменений, которые произошли с крестьянством после его освобождения и до XVIII в. Но все же едва ли можно сомневаться в том, что известная устойчивость этих отношений — отличительная черта этого периода. Немецкие исследователи прямо говорят об окостенении сеньориального строя Юго-Западной Германии после Великой крестьянской войны 1525 г. В меньшей степени это приложимо также ко всем странам сеньориальных отношений. Аграрный строй, который после разложения средневековой вотчины можно было бы назвать в его предельном выражении строем «чистой сеньории» (die reine Grundherrschaft), был в основном господством традиционного мелкого производства с его постоянно повторяющимся на том же уровне воспроизводством.

Как конкретно складывались отношения между сеньором и его держателями и каков был строй сеньории нового времени — об этом мы скажем впоследствии, когда перейдем к характеристике сеньориальных отношений в XVI—XVIII вв. в их четырех важнейших вариантах: английском, французском и двух германских — юго-западном и северо-западном. Сейчас же обратимся к суммарной характеристике аграрного строя Восточной Европы, строя крепостного помещичьего хозяйства.

Эта область лежит к востоку от Эльбы. Сюда с XII в. течет, уходя все дальше на восток, в глубь славянской и литовской оседлости, немецкая колонизация. Развитие аграрных отношений здесь радикально отличается от запада. Крепостной строй барского поместья и закрепощение крестьян не начальная стадия развития, как на западе, а завершение длительной эволюции и явление сравнительно позднего времени. Эпоха, когда складываются эти отношения — XVI в.; их расцвет приходится на XVII и XVIII вв., но уже конец XVIII в. знаменует собой начало их упадка и первые попытки раскрепощения. До XVI же века повсюду мы встречаем уже знакомый нам по западу Европы строй сеньориальных отношений. Мало этого, начиная с XIII в. агенты колонизации, рыцари и их шульцы-локаторы стараются привлечь крестьян из Западной Германии особо выгодными условиями, и поэтому сеньориальное право, определяющее отношение крестьянина к рыцарю-сеньору, здесь часто даже более благоприятно для крестьян, чем в старой Германии.

Само крепостное право нового времени на востоке Европы представляет собой явление, подобного которому мы не находим в Западной Европе. Последнее утверждение следует особенно подчеркнуть, ибо очень часто развитие новоевропейского крепостного права склонны были рассматривать как простое возвращение назад, к феодальным порядкам. Это неверно. Крепостное право XVII и XVIII вв. на востоке Европы сложилось на основе экономических отношений, неизвестных средним векам, ибо здесь барское хозяйство нового времени было прежде всего предприятием, работавшим на рынок, тогда как в средневековом поместье на первом плане стояло удовлетворение потребностей барского двора и его обитателей. Даже в тех случаях (в раннее средневековье), когда излишки продуктов с феодального поместья попадали на рынок, последний был совершенно иным, чем рынок, на который вывозили свои продукты прусские, мекленбургские, померанские и польские помещики. Это был рынок местного небольшого городка с его ограниченными потребностями. С XVI в. для Восточной Европы рынком становятся торговые и промышленные страны капиталистически развивающегося запада.

Самое направление, в котором развивались на западе и на востоке аграрные отношения, были диаметрально противоположны. Экономический подъем на западе, появление городов, ремесел и торговли было причиной раскрепощения. От серва к виллану, от виллана к обычному держателю — лично свободному цензитарию, копигольдеру и их разновидностям, — таков был процесс, параллельный экономическому подъему. На востоке хозяйственный подъем, совершившийся очень односторонне, как подъем исключительно сельского хозяйства и притом лишь в форме барщинного помещичьего хозяйства, был причиной появления нового крепостного права. Ибо не барщинный труд возникал из крепостного состояния, а крепостное состояние возникало из барщинного труда. Таким образом, с течением времени крестьянин из обычного держателя — чиншевика, каким он был в период колонизации, превратился в человека, прикрепленного к земле поместья, а затем, правда, не везде, почти в раба, продававшегося и покупавшегося без земли.

Иным было и хозяйственное содержание этой эволюции на востоке. Имеем ли мы в Западной Европе ранне-

го средневековья дело с рабом, посаженным на землю, с сервом или вилланом, или, наконец, с зависимым от сеньора человеком, — во всех этих случаях на первый план выступают личные отношения между господином и его крепостным, сеньором и его подданным. Из этой личной зависимости вытекают и имущественные обязанности зависимых людей. Коммендировавшийся, становясь «человеком» сеньора, ставил в зависимость от него основу своего имущества — землю и обязывался уплачивать с нее определенный взнос. Но установление этих отношений нисколько не изменяло характера самого хозяйства. Крепостной вел такое же хозяйство, что и свободный; коммендировавшийся как был, так и оставался самостоятельным мелким производителем. Вследствие этого крупное землевладение в раннее средневековье вовсе не было равнозначащим с крупным хозяйством, а само крупное хозяйство, как мы видели, было связано с мелким производством. Там, где у сеньора была своя запашка, существовала и барщина, но величина и первой, и последней находила предел в потребностях самого сеньора, его семьи и двора, его дружины. Земля, находившаяся в ведении сеньора, домен, в большинстве случаев не представляла компактной массы, а была распылена вперемежку с крестьянской землей. Чересполосица с крестьянской землей и принудительный севооборот были характерны для барской запашки вплоть до ликвидации сеньориальных отношений. Мало этого, характерным явлением для XVI—XVIII вв. было то, что сами сеньории лежали чересполосно с другими сеньориями и часто были разбросаны по большой территории.

Появление барского хозяйства на востоке в новое время произошло при совершенно иных условиях. Прежде всего рыцарское имение создалось здесь (каким путем, мы скажем ниже) как компактная группа земель. Стимулом к заведению собственного хозяйства у остэльбского рыцаря было не личное потребление (по крайней мере, оно не было на первом плане), а массовый сбыт хлеба на заграничные рынки. Таким образом, в основе эволюции аграрных отношений к востоку от Эльбы лежит организация барского предпринимательского хозяйства. В связи с этим изменяется роль крестьянского хозяйства и социальное положение самого крестьянства. Во-первых, в своем стремлении расширить и округлить

свое хозяйство рыцарь стал покушаться на крестьянскую землю там, где свободной земли не было или где ее распашка требовала больших затрат труда и капитала. Во-вторых, хозяйство рыцаря требовало рабочих рук, которые были вовсе не так доступны в колонизованных странах с их сравнительно редким населением. В результате— колоссальный рост барщины, прикрепление крестьян к земле и превращение их мало-помалу в неразрывную часть, в инвентарь поместья. Именно в этом и заключалось хозяйственное значение нового крепостного права.

Это происхождение крепостного права на востоке Европы позволяет нам понять причины неожиданной близости некоторых процессов в аграрном строе Англии и заэльбской Германии. Я имею в виду процесс обезземеления крестьянства. И там и здесь этот процесс связан с общеэкономическим подъемом и с переходом к более развитым формам сельскохозяйственного производства. Но если в Англии он завершается одновременно с ликвидацией сеньориальных отношений, с технической интенсификацией хозяйства и с переходом к частной собственности, в заэльбской Германии он осуществляется в недрах крепостного поместья и в некоторых случаях в результате его безземельные крестьяне превращаются в батраков, продолжая оставаться прикрепленными к поместью. Даже там, где такого обезземеления не происходит и крестьянин обрабатывает фактически свою землю, земля считается собственностью помещика и последний имеет право перемещать крестьян с одного участка на другой, сообразуясь только со своими хозяйственными расчетами. Обезземеление крестьянства, начавшееся еще в пору развития барщины и усилившееся в такие особо благоприятные для помещика моменты, как разорения Тридцатилетней войны в Мекленбурге, Померании и Бранденбурге или опустошения польских и шведских войн в Восточной Пруссии, не было остановлено законодательством начала XIX в., направленным к освобождению крестьян. Наоборот, в некоторых случаях законодательство даже оказало помощь помещику в его стремлении завладеть крестьянской землей. На этом мы остановимся подробно при характеристике аграрного строя Мекленбурга, Померании и Пруссии в XVIII столетии. Здесь важно лишь отметить, что интенсивное юнкерское хозяйство остэльбской Германии XIX в. (прусский путь

развития по В. И. Ленину) развилось непосредственно из крепостного хозяйства XVI—XVIII вв., которое уже с того времени оказалось связанным с капиталистическим хозяйством Европы. «Капиталистический период, — говорит Энгельс, имея в виду как раз развитие аграрного строя в остэльбской Германии, — возвестил в деревне о своем пришествии как период крупного сельскохозяйственного производства на основе барщинного труда крепостных крестьян»[1].

Экономический строй заэльбской Европы лежит в основе ее социальных и политических порядков. Остэльбский дворянин и прежде всего прусский юнкер выступают в двояком образе: помещика и представителя самого могущественного сословия в государстве. В качестве последнего они наделили себя административной и судебной властью. Прусский помещик как будто похож на средневекового сеньора, который был государем в своей вотчине — сеньории, где еще не дифференцировались частноправовые и публичноправовые отношения. Однако между средневековым сеньором и юнкером нового времени есть существенная разница. Сеньор выполнял некоторые публично-правовые функции потому, что централизованное государство фактически отсутствовало. Эти функции были для него источником дохода. Юнкер добивается их от существующего уже государства, которое само является централизованной формой его классового господства, потому что они ему нужны, как орудие принуждения. Благодаря этому юнкер становится между государством и крестьянином и старается не допускать вмешательства государства в его отношения с мужиком. Но и там, где власть государства была достаточно сильной, чтобы заявить претензии на часть дохода от мужика, это ей не всегда удавалось. Зато в таких монархиях — республиках, как Мекленбург, Шведская Померания или Польша, где классовое господство юнкеров-помещиков выступало в совершенно неприкрытом виде и не ограничивалось государством, притязания дворянства не знали преград.

Если, таким образом, юнкера трудно сравнить со средневековым сеньором-государем, то в еще меньшей степени он был похож на западноевропейского сеньора

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., . 19, стр. 341.

XVI—XVIII вв., потерявшего прежнюю политическую самостоятельность. Сеньория XVII и XVIII вв. во всех ее разновидностях — английской, французской или западногерманской — давно утратила свое политическое значение. Над ней надстроилось новое государство со своими административными, судебными и финансово-податными учреждениями. Господствуя политически как класс, индивидуально сеньор со своими привилегиями оказался в известном смысле таким же подданным, как и крестьянин.

В дворянских государствах Восточной Европы государственная земля сама была частным королевским поместьем. Власть государственных чиновников не распространялась непосредственно на обитателей дворянского поместья, которое являлось особым округом во главе с помещиком, выполнявшим государственные функции, а самое слово «подданный» с прибавлением «наследственный» превратилось в специальный термин, обозначавший наследственное крепостное состояние.

Совершенно иным, чем на западе, на востоке было и положение буржуазии. Отличительной чертой Восточной Европы нового времени оказалась слабость города, как центра ремесла, торговли и промышленности и полное ничтожество буржуазии. Буржуазия здесь влачит жалкое существование. Она играет некоторую роль только в прибрежных торговых городах, построенных у устьев больших рек, по которым из глубины страны текут за границу массы хлебных грузов и сельскохозяйственного сырья. Дворянство добивается того, что самая торговля хлебом оказывается в его руках. Дворяне становятся здесь не только производителями хлеба, но и крупными торговцами, сбывающими как свой, так и крестьянский хлеб.

Каковы же были причины, в результате которых оказалась столь различной эволюция аграрного строя запада и востока? На этот вопрос можно ответить лишь после того, как мы перейдем к конкретным примерам этой эволюции как на западе, так и на востоке и рассмотрим, как процесс, который мы здесь разбирали общетеоретически, совершался конкретно-исторически.

Разновидностью сеньориального строя (Grudherrschaft) следует считать прежде всего английский тип развития. Основная его особенность заключается в том,

что в Англии параллельно с изменениями, происходившими в структуре манориального строя, почти непрерывно подготовлялась и осуществлялась, начиная с конца XV в., экспроприация мелкого земледельца. На континенте отношения были обратные: в недрах сеньориального строя зарождалась и укреплялась крестьянская собственность. Но и на континенте конкретно-историческое развитие в странах сеньориального строя было весьма разнообразно. С одной стороны, тип французский и близкий к нему тип Юго-Западной Германии (чиншевое держание), с другой — тип Северо-Западной Германии (мейерское держание). Само собой разумеется, что в этих пределах было много разнообразных отклонений, связанных с конкретной обстановкой, в которой происходило развитие аграрных отношений.

Начнем с описания того типа аграрных отношений, который в Западной Европе территориально являлся наиболее распространенным — французского, и посмотрим, в какой связи эта форма аграрных отношений стояла с с распределением земельных благ среди различных классов общества.

Своеобразие сеньориальных отношений, делающее их часто непонятным для тех, кто впервые с ним сталкивается, заключается в том, что в них отсутствует понятие собственности на землю, то простое и юридически определенное понятие собственности, которое свойственно римскому праву или европейскому буржуазному праву XIX в. Сам по себе этот факт свидетельствует о том, что сеньориальный строй складывался в очень отдаленные времена и в сфере таких отношений, для которых это понятие по некоторым причинам оказалось чуждым. Мы не хотим этим сказать, однако, что объективное право и практика государственных учреждений не применяли к этим отношениям понятия собственности. Французские февдисты XVIII в., занимавшиеся толкованием феодального права, английские юристы, старавшиеся истолковать правовой строй английского манора в терминах общего права, отражая в своих теориях капиталистическое развитие общества, всегда стремились выразить сеньориальные отношения в терминах буржуазного права, и прежде всего задавали вопрос, кто является собственником земли в сеньории. Ответ был вовсе не прост и не всегда одинаков; почему — мы увидим впоследствии.

Сейчас же мы постараемся дать точное описание, чем были сеньориальные отношения в действительности.

Во Франции вплоть до буржуазной революции, в Англии — до промышленного переворота, в Западной Германии — до реформы XIX в., уничтоживших последние остатки феодальной зависимости, большая часть той земли, которая входила в состав сеньории и регулировалась обычным правом, не имела собственника в буржуазном смысле. И римскому, и буржуазному праву свойственно такое понятие собственности, при котором все права распоряжения принадлежат одному и тому же лицу. Сеньориальному строю такое понятие собственности чуждо. Феодальный собственник-сеньор здесь — верховный распорядитель земли в тех пределах, которые предоставлялись ему правами феода, имеющий обычно право суда и управления населением своей сеньории и одновременно обладающий правом получать определенные платежи и повинности, которые и составляют феодальную ренту. И функционально, и исторически эта феодальная собственность (dominium directum) не имеет ничего общего с собственностью по римскому праву или с собственностью буржуазной (ius utendi et abutendi quatenus juris ratio patitur). Права феодала ограничиваются правами вышестоящего сеньора, от которого он как вассал держит эту землю в качестве феода, и особыми правами его держателей, закрепленными обычаем, сложившимся в результате классовой борьбы и традиций. Господствующий класс, нуждающийся в рабочей силе, стремится привязать непосредственного производителя к земле и сделать его крепостным, что и осуществляется в процессе феодализации, но в дальнейшем, в особенности с развитием товарно-денежных отношений, сам господствующий класс оказывается заинтересованным в том, чтобы его держателям была представлена большая свобода хозяйственной деятельности и непосредственный производитель, отвоевывает в процессе классовой борьбы широкие права распоряжения своим держанием. Можно сказать, что прикрепление непосредственного производителя к земле (glebae adscriptitio) превращается в свою противоположность: не крестьянин прикреплен к земле наследственно, а земля превращается в наследственное достояние непосредственного производителя, а сам непосредственный производитель начинает считать себя собственником сво-

ей земли. С течением времени сеньория постепенно превращается в государство, а держатель земли — в простого подданного. Ни о каком поэтому «разделении права собственности» между сеньором и крестьянином не может идти речи, ибо феодальная собственность на землю есть категория, качественно отличная от буржуазной собственности, как и феодальный строй качественно отличен от буржуазного.

Обратимся к французским примерам. Сеньориальное право, сохранившееся во Франции до буржуазной революции, знало несколько видов земельного держания. Оно выделяло, во-первых, группу несеньориальных держаний в собственном смысле слова, так называемые аллодиальные земли. Аллод — безусловная собственность, почти совпадающая со знакомой нам собственностью буржуазного права. Аллод поэтому стоит вне сеньории и не имеет сеньора. Обычное право, в записях которого (кутюмах) был зафиксирован сеньориальный строй, различным образом относилось к аллоду. Некоторые кутюмы, в особенности на севере, не признавали аллода. Здесь действовал принцип, согласно которому «каждая земля должна иметь своего сеньора». Это, конечно, не значило, что на севере Франции не было островков аллодиальной собственности. Но, как мы уже говорили, в случае, если сеньор предъявлял владельцу аллода иск об уплате ценза на том основании, что ответчик держит не аллод, а лишь простую цензиву, то тяжесть доказательства противного падала на собственника аллодиальной земли. Но были и такие кутюмы, особенно на юге Франции, которые смотрели на аллод как на нормальное явление, а не как на изьятие из общего правила. Здесь действовал другой принцип: право сеньора должно иметь достаточное основание и в случае, если сеньор хотел заставить собственника аллода платить ценз, не владелец аллода, а он, сеньор должен был судебным порядком доказать, что данная земля цензива, а не аллод.

Аллод все же был исключением; правилом были различные формы сеньориальных держаний — свободные и крепостные. Последние в XVI—XVIII вв. тоже редки (так называемые держания «мертвой руки»). В XVIII в. мэнмортабли — лично свободные крестьяне, держащие землю на старинном вилланском праве, несколько смягченном временем и падением ценности денег. Крепостной

была лишь земля. Тот, кто ее держал и пока ее держал, обязан был нести повинности и платежи, свойственные крепостному держанию. Владелец такой земли не имел права передавать ее по наследству. Его «рука» была «мертва» в тот момент, когда, по средневековой терминологии, «мертвый хватал живого», т. е. когда наследник вступал во владение доставшимся ему имуществом. Фактически, однако, мэнмортные участки передавались по наследству, но сеньор взыскивал с наследника довольно большую сумму за допуск к наследованию, и этот допуск и был отличительной чертой держания.

Существовало два вида свободного держания: феод и цензива, держание «благородное» и держание «ротюрное» (неблагородное, разночинное, т. е. крестьянское). Впрочем, различие это уже потеряло свой личный характер и было чисто реальным: «благородной» или «неблагородной» была земля, независимо от того, кто ее держал. Феод отличался от цензивы тем, что с первым были связаны особо торжественные формы феодальной присяги держателя этой земли (вассала) своему сеньору, тогда как владелец цензивы (цензитарий) обязан был время от времени особым актом признания (reconaissance) подтверждать зависимость своей земли от сеньории. В остальном эти два вида мало чем отличались друг от друга.

Цензива была обычной формой крестьянского держания во Франции XVII в. Что такое цензива? Прежде всего это часть некоторого целого, называемого сеньорией. Она входила в ту ее часть, которая обозначалась как земля, которая тянет к сеньории (mouvance) в отличие от домена, т. е. земли, принадлежавшей сеньору (domaine proche). Существование домена, впрочем, не было обязательным для сеньории; в XVIII в. было сколько угодно сеньорий, в которых отсутствует домениальная земля (воздушные фьефы). Цензитарий, кто бы он ни был, обязан был периодически, по требованию сеньора, признавать особым актом связь своей земли с сеньорией, вносить определенные, с незапамятных времен установленные обычаем платежи и нести повинности. Основным платежом являлся ценз, откуда и само название цензивы. Ценз мог быть денежным или натуральным; в последнем случае он назывался шампаром или терражем и обыкновенно был более тяжел, чем денежный. С цензом обык-

новенно были связаны и другие повинности, как регулярные, так и случайные (casuels). К первым принадлежала барщина. Она существовала не везде и была обычно сравнительно незначительной, от 3 до 12 дней в году (в редких случаях больше). Из случайных взносов наиболее тяжелой была сеньориальная пошлина при продаже цензивы (lods et ventes), доходившая иногда до $^1/_6$ покупной цены земли. Цензитарий в большинстве случаев мог распоряжаться своей цензивой так, как если бы она была его собственностью, но при всех сделках, при всех переменах владельца ценз должен был неукоснительно уплачиваться сеньору. На ценз не существовало права давности и недоимки по цензу могли взыскиваться сразу не более как за 30 лет.

Значение ценза хорошо иллюстрируется таким казусом. Если цензива продавалась за долги, то из вырученной суммы сначала покрывались недоимки по цензу и лишь остальная сумма распределялась среди кредиторов в обычном порядке. То обстоятельство, что ценз, особенно в натуре (шампар), был иногда довольно высок, позволило в свое время М. М. Ковалевскому утверждать, что цензитарий был наследственным арендатором и что собственность на цензиву принадлежала сеньору. Другой исследователь, Вольтерс, обратил внимание на то, что ценз, как бы ни был он мал, не был единственным платежом, следуемым с цензивы, а мог сопровождаться вторым цензом (surcens). Вольтерс полагал, что в этом факте следует видеть перерождение сеньориальной ренты в обычную арендную плату. И то и другое мнение построено на решительном недоразумении. Конечно, были различные формы цензивы. Высота следуемого с них ценза колебалась от совершенно незначительной суммы, имевшей не столько реальное, сколько декларативное значение, до значительной части продуктов, получаемых с цензивы (последнее бывало особенно часто при уплате ценза натурой). Но все же ценз никогда не достигал обычной в данное время и в данном месте арендной платы. Вообще понятие аренды не следует применять к держателям на сеньориальном праве. Экономическим содержанием аренды в обычном смысле слова является поземельная рента, как определенная экономическая категория. Отличительной чертой арендной платы является колебание ее высоты в зависимости от общих хозяйствен-

ных условий. Сеньориальные ренты и среди них в первую очередь ценз, наоборот, были фиксированы обычаем в абсолютном размере и не изменялись иногда в течение нескольких столетий. Следовательно, даже в том случае, когда ценз был сравнительно высок, он как феодальная рента по самой своей экономической природе ничего общего не имел с арендной платой. Превращение сеньориальной ренты в XVIII в. в арендную плату могло совершиться только одним путем — превращением цензивы в сеньориальный домен (domain proche), а этого сеньор мог добиться, лишь купив цензиву у ее владельца. Процесс классовой борьбы, веками ведшийся вокруг сеньориальной ренты, в том и заключался, что сеньор, лорд или грундхерр стремились прекратить держание на обычном праве с его неизменными платежами, превратить землю держания в часть своего домена и сдать ее затем на условиях обычной краткосрочной аренды. В свою очередь крестьяне стремились к полному освобождению своего держания от сеньориальной ренты и к прекращению цензивы в буржуазную частную собственность.

Неверна также и более осторожная формулировка Вольтерса. Вольтерс, как мы видели, утверждал, что ценз не был единственным платежом, лежавшим на цензиве; что с цензивы мог следовать второй ценз, который, де, и превращал следуемые с цензивы платежи в настоящую арендную плату. Последнее утверждение простого противоречит всему тому, что нам известно о существе сеньориального держания. Крупнейший из знатоков феодального права XVIII в., февдист Эрве (а февдистов никоим образом нельзя заподозрить в пристрастии в пользу французского мужика) установил, что, согласно обычаю, двух сеньориальных цензов на одной и той же цензиве лежать не может (cens sur cens n'a pas lieu) и что всякий второй и т. д. ценз представляет собой простую поземельную ренту (cens sur cens n'est qu'une simple rente foncière), т. е. платеж, который ничего общего с цензом не имеет, ибо с ним не были связаны «случайные права», характерные для ценза. Вольтерс смешал две совершенно различные вещи: сеньориальный домен, землю, принадлежавшую сеньору либо как аллод, либо как феод, с одной стороны, и землю, которая тянула к сеньории (mouvances), с другой. Само собой разумеется, что сеньор

мог сдавать в аренду домениальную землю на любых условиях, лишь бы нашелся желающий ее взять, но сеньор не мог ни на волос изменить условий обычного права, определявших держание цензивой. Мы увидим дальше, что даже английскому лорду вовсе не так легко было изменить условия обычного держателя, а английский лорд был куда сильнее своего французского собрата.

Второй ценз (surcens) был обыкновенно не сеньориальной рентой, а своеобразной формой уплаты процентов по займам под залог недвижимостей. Эта форма практиковалась в это время повсюду в областях, где господствовал сеньориальный строй. Займодавец получал проценты в форме сеньориальной ренты с определенных земельных угодий, т. е. приобретал иногда на вечные времена «вещное право» на собственность третьего лица. Так как сами сеньориальные права подходили под понятие вещного права, то естественно было смешивать настоящий ценз с несеньориальной рентой, возникшей в результате ее установления путем купли-продажи (rente constituée à prix d'argent).

Право на ренту мог приобрести всякий. Гораздо чаще она принадлежала лицам неблагородного сословия.

Эрве совершенно определенно считает цензиву собственностью не сеньора, а ее держателя, и вполне правильно указывает, что цензива есть не полная, а условная собственность. Характерно, что при этом он не раз ссылался на февдистов XVI в. — обстоятельство, которое показывает, что порядок вещей, нарисованный Эрве, имеет весьма почтенную давность. Итак, права цензитария на землю были гораздо прочнее, а его правовое положение в отношении к сеньору было более благоприятным, чем думали Ковалевский и Вольтерс. Интересно отметить в подтверждение высказанного взгляда, что крестьяне — цензитарии нисколько не сомневались в том, что они являются собственниками своей цензивы. Об этом говорят бесчисленные крестьянские наказы в Генеральные Штаты 1789 г. Таковыми же считало их и правительство, о чем свидетельствует вся его финансово-податная практика, заносившая в податных списках цензиву в рубрику собственности.

Однако мы ни в коем случае не должны представлять себе дело так, что французскому мужику при Старом порядке жилось легко. Не следует забывать, что кроме по-

земельного сеньора над ним стоял сеньор судебный, который имел право на ряд поборов и пошлин — рыночных, мостовых, паромных, дорожных, имел право держать голубей и кроличьи садки, имел исключительное право охоты и т. д. Голуби и кролики портили крестьянские посевы, дичь, сберегаемая для сеньориальной охоты и охраняемая штрафами, тоже кормилась за счет мужицкого труда. Мужик должен был уплачивать церкви десятину, которая, правда, была к концу XVIII в. обыкновенно меньше десятой части; платить налоги государству и выполнять всевозможные общественные повинности вроде ремонта дорог, военных постоев и рекрутчины. Все это были, так сказать, непосредственные и очевидные притязания со стороны сеньора, церкви и государства. Но были и другие, менее очевидные, но нисколько не менее тяжелые обязанности, которые приходились на долю того же крестьянина. Абсолютная монархия унаследовала от эпохи средних веков систему внутренних пошлин и регламентацию хлебной торговли, которую она теперь поддерживала с целью дать промышленности и многочисленной бюрократии возможность питаться дешевым хлебом. Местная бюрократия и буржуазия широко пользовались предоставленным им правом запрещения вывоза хлеба; само же правительство лишь в виде исключения давало разрешение на вывоз заграницу, и таким образом в стране и на местах всегда искусственно поддерживались низкие цены на хлеб, которые были скрытой формой налога на мужика в пользу горожан и государства (поскольку последнее было покупателем продуктов питания для армии).

Мы не будем дальше останавливаться на известной и часто приводимой характеристике аграрного строя Франции накануне революции. Нам важно было лишь установить сущность сеньориального строя в XVI—XVIII вв. и ту роль, какую он играл в аграрных отношениях накануне революции. Совершенно очевидно, — так можем мы резюмировать наши предыдущие рассуждения, — что все сеньориальные поборы, под какими бы наименованиями они ни встречались, в социальном отношении представляли собой захват продуктов крестьянского труда классом привилегированным, не принимавшим ни прямого, ни косвенного участия в производстве. В средние века сеньоры выполняли некоторые общественные функции,

например, поддержание внутреннего и внешнего мира. Теперь же все это отошло к государству. Сеньоры, не сумев по целому ряду причин, о которых мы отчасти уже сказали выше, претворить свои политические права в право собственности на землю или хотя бы на часть земли, вели теперь паразитическое существование. Сеньориальным правам, не вытекавшим из основного принципа XIX столетия права частной собственности — не соответствовали никакие функции, признаваемые полезными теми, кто обязан был эти права оплачивать. Сеньориальный строй был жерновом, повешенным на шею крестьянства, тяжесть которого наносила несравненно больший вред его хозяйству, чем та польза, какую получали от своих прав сеньоры. Понятна ненависть крестьян к сеньориальному строю. Понятно также и то единодушие, с которым крестьянство выступило в революции против сеньоров и сеньориального режима.

Исторический смысл борьбы между крестьянством и сеньорами во Франции и окончательная победа крестьян заключались в том, что был уничтожен сеньориальный строй, давно утерявший смысл своего общественного бытия и продолжавший, однако, существовать в интересах класса, который уже не был исторически оправданным. Исход борьбы между крестьянством и сеньорами был давно предрешен всем ходом социально-экономического развития Франции. Французское дворянство не ассимилировалось с буржуазией, как в Англии, не превратилось в класс крупных землевладельцев-предпринимателей, как в Пруссии. Как и почему это произошло — одна из интересных проблем для будущего исследователя. Мы лишь отметим здесь, что перерождение сеньориальных прав, превращение сеньории в собственность на сеньориальные права не смогли предотвратить гибель сеньориального строя, поскольку последний не перевоплотился в собственность на землю. Последнее обстоятельство позволяет нам понять одно любопытное явление в аграрном строе французского Старого порядка.

Аграрные отношения давно уже не исчерпывались борьбой между крестьянством и сеньором. Под тонкой скорлупой сеньории разыгралась классовая борьба, отразившаяся в усиленной мобилизации земельной собственности (условной, конечно) и в расслоении крестьянства на ряд социально-экономических группировок, в

различной мере обеспеченных землей и вследствие этого экономически различно строивших свое хозяйство. Сеньориальный строй нисколько не мешал разыгравшейся под его покровом стихийной борьбе за землю. Правда, некоторые его стороны, например уплата сеньориальной пошлины при продаже земли, затрудняли ее переход в другие руки, но зато сеньориальные платежи, лежавшие на земле, понижали ее рыночную цену и облегчали ее мобилизацию. Распределение земельных угодий между отдельными классами Старого порядка — привилегированными (дворянство и церковь), буржуазией и крестьянством все время претерпевало изменения, и к концу XVIII в. крестьянская собственность (повторяем, условная) обнаружила несомненный рост. Прежний взгляд, согласно которому крестьянству принадлежало не более трети культурной площади, теперь едва ли найдет себе защитников. В связи с этим стоит еще одно явление. Там, где во Франции была крупная земельная собственность, она почти всегда была связана с мелким хозяйством. Сеньоры и крупные землевладельцы вообще обыкновенно не обрабатывали сами своей земли, а сдавали ее в аренду мелкими клочками. Общие экономические условия были мало благоприятны для капиталистического фермерства и интенсивного хозяйства во Франции. Повышенный интерес к агрономической литературе и некоторые попытки интенсификации хозяйства во второй половине XVIII в. привились слабо. Крупное хозяйство имело успех лишь в области трудоэкстенсивных форм, как лесоводство или скотоводство, в области же производства хлеба царило мелкое и среднее и редко крупное, но все же крестьянское хозяйство.

Второй результат мобилизации земельной собственности — расслоение французской деревни — достиг к концу Старого порядка очень больших размеров. Верхний слой крестьянства — наиболее обеспеченные землей «пахари» (laboureurs), их наиболее зажиточная верхушка, были в сущности деревенской буржуазией. Основная масса крестьянства были мелкие «пахари» — половины, трети или четверти упряжки (charrue — земля плуга или упряжки, в среднем около 60 арпанов или 20—30 десятин). В районах развития деревенской промышленности было много совсем малоземельных крестьян. Пашня уже не могла их прокормить, и они принуждены были либо

работать поденщиками у зажиточных крестьян, либо уходить на промыслы (manouvriers, journaliers). И, наконец, совершенно несомненно существование сельскохозяйственного пролетариата — обезземелившегося батрачества, либо служившего круглый год у своих же крестьян, либо принужденного уходить в города.

Таков в самых общих чертах был аграрный строй Франции накануне революции. Последняя уничтожила остатки сеньориального режима, бросила на рынок значительное количество конфискованных земель, но направления той эволюции, которая складывалась во французской деревне до нее, революция не изменила.

Обратимся теперь к аграрным порядкам Англии.

До середины XVIII в. Англия была по преимуществу аграрной страной, хотя промышленность и сделала уже значительные шаги вперед. Деревенская Англия, в особенности на юго-востоке, продолжала, по крайней мере численно, доминировать. В деревне сохранились старинные порядки землепользования. Полевая земля находилась в индивидуальном владении отдельных хозяев, крайняя чересполосица приводила к принудительному севообороту, к системе открытых полей и устойчивости старинных систем полеводства, из которых преобладающим было трехполье. Менее удобная земля принадлежала деревенской общине в целом (commons) и использовалась ею сообща.

Права индивидуального владения на пахотное поле, как и повсюду в Западной Европе, оказывались связанными с неравенством в распределении земли между членами деревенской общины. Наряду с крупными и средними привилегированными владельцами (лорды и эсквайры) были зажиточные крестьяне и значительный слой малоземельных крестьян, работавших по найму (коттеры), которые тем не менее имели право пользоваться общинными угодьями деревни. В Англии до промышленного переворота мы всюду встречаем манор, в котором находит свое юридическое выражение социально-экономический строй английской деревни. Так же как и французская сеньория, манор делится на две части: домен и держания (земля обычного права). Лорд мог распоряжаться доменом по своему усмотрению. Чаще всего он сдавал землю домена в аренду или отдавал ее на особых условиях, близких к разнообразным формам так называ-

емых «обычных держаний». Вторая часть манора — держания — находилась в руках крестьян (а иногда и дворян), и по отношению к ней права сеньора были ограничены обычаем. Основной формой держания после личного освобождения крестьян в XIV и XV вв. был копигольд В XVI в. копигольд — наиболее распространенная форма держания, но он сохранил свое значение вплоть до промышленного переворота и как юридическая форма не был изменен и в XIX в. По своему значению в аграрном строе английской деревни он близок к французской цензиве. Близок к ней он и по своей юридической природе, с той лишь разницей, что он был менее благоприятен для держателя, чем французская цензива.

Копигольд есть держание «по воле лорда сообразно обычаю манора». Обычай манора мог быть различным; поэтому положение держателей, их права на землю тоже были весьма различными. Копигольд мог быть срочным, пожизненным, на две и на три жизни, и, наконец, наследственным. Но во всех этих случаях права держателя и его обязанности определялись обычаем, установленным «с незапамятных времен», и не могли быть изменены ни держателем, ни лордом. Свое название копигольд получил от юридического обычая, в силу которого имя держателя и условия держания заносились в протоколы манориального суда, а держателю выдавалась копия с него, которая и являлась доказательством прав держания на землю. В целом в XVI и XVIII вв. повинности копигольдера были строго определены и не могли изменяться; чтобы повысить их в пользу лорда, надо было сменить титул держания. По мнению юристов, знатоков манориального права, права копигольдеров в большинстве случаев были прочны и их защита обеспечивалась судами общего права. Однако, хотя сущность копигольда юристы и усматривали в обычае, установленном с «незапамятных времен», права копигольдеров, как доказал А. Н. Савин, укреплялись лишь постепенно. В XVI в. они были менее прочны, чем в XVIII в., и у лорда были несравненно большие возможности изменить титул держания и превратить землю обычного права в землю общего права, т. е. присоединить копигольдерские держания к своему домену и затем сдать ее на условиях срочной аренды (лизгольд). Во время первого массового нажима на держателей в XVI в. лорды как раз и воспользо-

вались юридической непрочностью крестьянских прав владения. Но и в XVII, и XVIII вв. стремления лордов были всегда направлены к тому, чтобы уменьшить число держаний на обычном праве, дающих сравнительно небольшой, точно установленный и поэтому с падением цены денег постоянно уменьшающийся доход. «...После денежной революции XVI в. все вообще обычные ренты стали ничтожны и манориальные лорды должны были испытывать самую горькую досаду от невозможности ее увеличить. Они должны были мечтать о превращении фригольда и копигольда в лизгольд... с подвижной рентой» [2], — пишет А. Н. Савин. В документах маноров XVII в. мы часто встречаем против указания о величине полученной сеньориальной ренты, следуемой с копигольда, указание на размеры возможного дохода в случае, если участок будет сдан на условиях обыкновенной аренды. Последние цифры выше первых иногда в полтора десятка раз. Однако лорд лишь в редких случаях и с большим трудом мог превратить копигольд в лизгольд. Его сетования оказывались напрасными. Неподвижность обычных рент и устойчивость условий копигольда не ослабляется, а наоборот, увеличивается к XVIII в.

Мы уже сказали, что условия обычного держания — копигольда — весьма различны. Были такие его привилегированные формы, которые мало чем отличались от свободного держания, так называемого фригольда, но были формы копигольда (на срок), которые были очень тяжелы для держателя. Но и в этом случае копигольдер все же не был арендатором. Понижение реальной ценности денег, невозможность для лорда изменить условия держания, заставляли лордов добиваться обходным путем повышения своих доходов. В некоторых случаях лорды имели право определять высоту единовременных платежей, связанных с обычным держанием, например, плату за допуск к держанию, наследственные пошлины или плату при перемене владельца. Впрочем и эти последние платежи в XVIII в. могли быть определяемы судами общего права, которые становились на ту точку зрения, что платы эти не должны превышать «разумных» размеров. Произвол лордов находил, таким образом, известные границы.

[2] А. Н. Савин. История двух маноров. ЖМНП, 1916, апрель, стр. 211—212.

И фригольд, несмотря на то, что он являлся свободным держанием, и тем более копигольд не укладываются в рамки правовых представлений буржуазного права. Фригольдер платит лорду манора ренту, весьма, впрочем, незначительную. Фригольдер держит землю «не по воле лорда». Привилегированный копигольдер тоже держит землю не по воле лорда, хотя и по обычаю манора. Но даже и обыкновенный копигольдер, который держит землю и «по обычаю манора», и «по воле лорда» никоим образом не является просто арендатором. Во-первых, он держит землю часто наследственно, во-вторых, даже и в тех случаях, когда он не является наследственным держателем, лорд при перемене владельца вовсе не имеет права изменять условия держания. А эти условия, как мы видели, весьма далеки от условий капиталистической аренды. В английских держаниях XVI—XVIII вв. мы встречаем, таким образом, типичные черты сеньориального строя, знакомого нам на примере Франции. Более того, как во Франции, так и в Англии можно отметить укрепление прав держателей, выразившееся в том, что условия держания, закрепленные обычаем, находят себе защиту в судах общего права. Одно любопытное явление, может быть, объяснит нам причину этого укрепления. Обычное представление, согласно которому деревенский мир в Англии делился строго на две части: на привилегированного владельца манора — лорда, с одной стороны, и крестьян-держателей земли обычного права, или арендаторов домениальной земли — с другой, не совсем соответствует действительности. Как показали исследования А. Н. Савина, в XVII в. среди обычных держателей много дворян. «В круг фригольдеров и копигольдеров,— говорит он, — проникают люди, которые не умеют и не хотят пахать, белоручки, которые живут не на свои труды, а на свои доходы, люди, которые нередко где-нибудь поблизости являются уже не держателями, а лордами манора»[3]. Вполне понятно, что они заинтересованы в укреплении своих прав. «Земельный магнат наших дней может быть правопреемником очень скромных копигольдеров»[4].

Укрепление прав на землю обычных держателей к XVIII столетию нисколько не мешало тому, что под

[3] А. Н. Савин. История двух маноров, стр. 337.

[4] Там же, стр. 338.

внешней оболочкой манориального строя и под покровом обычных форм держания протекали процессы, которые в конечном счете привели к исчезновению крестьянства в Англии. Развитие промышленности и образование внутреннего рынка должно было рано или поздно привести к разрушению старинного уклада английской деревни, ее архаической системы полеводства. Оно совершилось под видом землеустройства, должного покончить с трехпольем, чересполосицей, принудительным севооборотом, а в действительности упразднившего и самого английского мужика. Речь идет об «огораживаниях». Особенность аграрного развития Англии заключалась в том, что земледелие очень рано начинает служить сырьевой базой сначала чужой, а вскоре и своей собственной промышленности. Уже в XIV и XV вв. производство шерсти достигло больших размеров. В это время шерсть вывозится во Фландрию, один из крупнейших центров текстильной промышленности средневековья. С середины XV в. начинается усиленный рост цен на шерсть, овцеводство становится особенно прибыльной отраслью хозяйства, и с этого времени начинается натиск английских лордов на держателей.

Распространение овцеводства повело к последствиям, которые отчасти напоминают последствия, связанные с появлением крупных земледельческих хозяйств в Восточной Европе в XVI в. Объектом сеньориальных домогательств сделалась прежде всего земля. Но на востоке Европы, где это явление стояло в связи с развитием хлебного вывоза, кроме земли нужны были еще и рабочие руки в большом количестве. Овцеводство, как одна из наиболее экстенсивных систем хозяйства, требует минимального количества рабочих рук, и поэтому главное внимание лордов сосредоточилось на приобретении земли. На востоке Европы рыцарь расширял свою запашку за счет крестьянской земли, и здесь мы встречаемся с явлением, которое получило технический термин «снос крестьянских дворов», т. е. уничтожение самостоятельного крестьянского надела и присоединение его к барскому хозяйству (Bauernlegen). В Англии такими же последствиями сопровождались «огораживания».

Чтобы понять, что скрывалось под этими терминами, следует вспомнить, что Англия была типичной страной сеньориального строя, каким он был в Европе в позднее

средневековье; та же сравнительно небольшая и продолжающаяся уменьшаться собственная запашка сеньора-лорда, те же трехполье, чересполосица, принудительный севооборот и система открытых полей, одинаково обязательные и для держателей — крестьян и для лорда. «Огораживание», т. е. обнесение изгородью отдельных владений и прекращение выпаса общинного стада на полях после снятия урожая, было результатом предварительного размежевания, сведения многочисленных полос к одному месту, благодаря чему прекращался принудительный севооборот, и каждый хозяин мог впредь эксплуатировать свою землю, исходя лишь из собственных хозяйственных расчетов. При размежевании обычно происходил дележ общинных угодий. Огораживание обозначало, таким образом, полную ликвидацию старинной системы землепользования и полеводства. С уничтожением общинных лугов и выпасов мелкие хозяева часто уже не были в состоянии держать даже корову. Многие из них предпочитали продавать свои участки и уходить в город на заработки. У лорда, который в результате огораживаний получал округленный участок и не прочь был запустить землю под пастбище для овец, являлся лишний стимул к увеличению своего участка за счет своих соседей-держателей.

В XVI в. присоединения могли совершаться проще, чем позже, так как копигольд в XVI в. был юридически менее обеспеченным держанием, чем в XVIII в. История огораживаний в XVII в. нам почти неизвестна. В XVIII в. в первой половине его, в связи с быстрым ростом английской промышленности начинается новый напор лордов, и во второй половине XVIII в. количество огораживаний, для осуществления которых в это время требовалось постановление парламента, достигает максимума. Всего за XVIII в. было издано 1700 биллей об огораживании; но в то время как на первые десятилетия XVIII в. падает не более одного билля в год, во второй половине века принимаются десятки таких актов (с 1760 по 1770 гг. — 242, с 1770 по 1780 гг. — 642). Именно с огораживанием, принявшим массовый характер, и связано исчезновение английского крестьянства. Начиная со второй половины XVIII в., оно массами продает свои участки и уходит в город, пополняя собой кадры пролетариата, тогда как в деревне на их месте появляются

крупные землевладельцы, сдающие землю в аренду предпринимателям — фермерам, ведущим свое хозяйство в расчете на рынок и эксплуатирующим наемный труд. Разумеется, крестьянство в Англии исчезло не сразу и окончательно не исчезло и до нынешнего времени, но можно утверждать, что оно исчезло как определенный общественный класс уже к концу XVIII в. и с этого времени перестает играть роль в социальном строе и политической жизни Англии.

Если лорды в Англии оказались достаточно сильными как класс, чтобы направить аграрную эволюцию страны в своих интересах, то спрашивается, почему же мы не встречаемся в Англии с развитием новоевропейского крепостного права по примеру Восточной Европы? Мы уже видели, что в XVI в., а также в значительной мере и в XVIII в., лорды захватывают землю с целью развития овцеводства, экстенсивной системы хозяйства. Им нужна была земля, а не рабочие руки. Но не это обстоятельство было главной причиной сохранения личной свободы трудовым населением Англии. Англия в XVI в. является одной из наиболее передовых стран Западной Европы. Развитие городов, торговли и промышленности в ней совершалось быстрее, чем где-либо на континенте. С конца XVIII в. оно идет темпом, неизвестным до тех пор в Европе, и в первой половине XIX в. Англия превращается в промышленный центр мира. Следовательно, в Англии не только сохранились, но и все время продолжали развиваться все те элементы хозяйства, которые в свое время во второй период средневековья способствовали исчезновению крепостничества в Западной Европе. Поскольку в хозяйстве страны ведущая роль принадлежала промышленности, нуждающейся и в свободных рабочих руках, в свободе передвижения, с одной стороны, и в высокой производительности труда — с другой, восторжествовала та система труда, которая покоится на продаже рабочей силы и знаменует собой юридическую свободу трудового населения, связанную с экономической зависимостью его от собственников капитала.

Два описанных примера сеньориального строя, английский и французский, позволяют нам лишь в общих чертах коснуться Юго-Западной Германии, где мы встречаем порядки, поразительно совпадающие с сеньо-

риальным строем в его французском варианте. Типичными для Юго-Западной Германии являются, например, аграрные порядки Бадена или Вюртемберга.

Так же, как во Франции, они очень давнего происхождения. В существенных чертах они сложились задолго до Крестьянской войны 1525 г. Развитие южногерманских городов в XIV—XVI вв. и появление в связи с этим внутреннего рынка способствовали проникновению в деревню денежных отношений, расслоению крестьянства, с одной стороны, а с другой — создали благоприятные условия для просачивания в деревню капиталов, организующих здесь пока еще экстенсивные по форме, но уже капиталистические хозяйства, как, например, промышленное овцеводство или эксплуатация лесов. В XV и в начале XVI в. крестьянство испытывает нажим со стороны своих сеньоров. Последние захватывают общинные угодья или стараются превратить свои права господства (Grundherrschaft) в собственность, а своих держателей-крестьян в арендаторов или по крайней мере краткосрочных держателей на сеньориальном праве, с возможностью для сеньора повышать платежи при возобновлении договора. Быть может, именно в этих процессах следует искать основные причины Великой крестьянской войны. Крестьянство было довольно сильно экономически, его зажиточные слои уже были связаны с рынком и давление со стороны сеньоров встречало его упорное сопротивление. Хотя восстание было подавлено, тем не менее никакого существенного длительного ухудшения положения крестьян не произошло. Упадок Юго-Западной Германии со второй половины XVI в. затормозил все процессы, развивавшиеся в сфере аграрных отношений, и наложил на аграрный строй тот отпечаток неизменности, который позволил многим исследователям говорить об окостенении сеньориального строя на юго-западе Германии. Но такая характеристика верна лишь отчасти. Известные изменения в аграрном строе происходили, и происходили скорее в сторону, благоприятную для крестьянства, чем наоборот; но все же устойчивость аграрного строя здесь действительно такова, что период после Крестьянской войны 1525 г. вплоть до ликвидации сеньориального строя может рассматриваться как одно целое. Юго-Западная Германия издавна являлась страной мелкого и среднего крестьянского хозяйства. Основ-

ная масса крестьянства — чиншевики; они уплачивают довольно незначительный взнос своему сеньору, которым очень часто является мелкий территориальный государь (маркграф, князь, герцог). Как и французские чиншевики, крестьяне — феодальные держатели своей земли; они являются держателями сеньории, которая строится по типу французской. Земля сеньории делится на две части: домен, которым сеньор распоряжается как собственностью, и земля держаний, которой владеют крестьяне на различных старинных правах. Что касается домена, то он в это время почти всегда сдается в аренду; собственная запашка сеньоров или отсутствует вовсе или незначительна. В Вюртемберге, например, большинство доменов не превышает 40—50 десятин, включая сюда замок, сады, поля и луга. Иногда домениальная земля увеличивается за счет запашки нови, расчистки леса и осушения болот. Но даже в XVIII в. эти увеличения барской земли незначительны. Никаких признаков появления крупных поместий, наподобие заэльбских, здесь нет. Интересно отметить, что после Тридцатилетней войны, подвергшей Южную Германию колоссальным опустошениям, значительное количество крестьянских дворов превратилось в пустующие. Т. Кнапп в качестве примера приводит сеньорию Гаунштейн, в которой из 9 крестьянских держаний опустели 7 Но сеньор и не подумал о том, чтобы присоединить их к своему домену, наоборот, он постарался восстановить держания, т. е. посадить на них новых хозяев, выписывая для этого крестьян из Зальцбурга, Каринтии и Штирии. Таким образом, здесь, как и во Франции, основным доходом сеньоров являлась главным образом сеньориальная рента и другие сеньориальные поборы, а не доходы от собственного хозяйства сеньории.

Посмотрим теперь, каково положение крестьян и в чем заключаются их платежи и повинности, составляющие доход сеньории.

Сеньор, как претендент на крестьянские платежи и повинности, выступает, так сказать, в трех лицах: как поземельный сеньор (Grundherr), собственник некоторых вещных прав на землю, находящуюся во владении другого лица; как судебный сеньор (Gerichtsherr), пользующийся правом суда и связанным с ним правом собирать судебные и нотариальные пошлины; и, наконец, как

господин лично зависимых от него людей (Leibherr) Последняя форма зависимости, впрочем, к XVIII в. утратила свой чисто личный характер.

На французском примере мы уже познакомились с сущностью первого и второго вида зависимости. В этом отношении южногерманские порядки почти ничем не отличаются от французских. Мы остановимся поэтому на третьей форме зависимости, которая носит здесь несколько иные черты, чем во Франции.

Большинство крестьян лично свободны, но даже в XVIII в. сохранилось большое количество крестьян, зависимых от сеньории, которых часто не совсем правильно, как мы сейчас увидим, называют крепостными (Leibeigene). Таких «крепостных» в Юго-Западной Германии гораздо больше, чем мэнмортаблей во Франции. В некоторых сеньориях, как например, в деревнях, зависимых от города Гейльбронна, ими являются почти все жители. Это, впрочем, исключительный случай. Обыкновенно жители одной и той же территории оказываются крепостными разных сеньоров. В Бадене господином таких крепостных является сам маркграф, и здесь случаи, когда территория заселена крепостными одного и того же сеньора, более часты.

В чем заключается южногерманское крепостное право? Мы увидим, что оно не имеет ничего общего с прусским наследственным подданством (Erbuntertänigkeit), ни тем более с русским крепостным правом XVIII в.

Мы уже говорили, что во Франции крепостное состояние в огромном большинстве случаев утратило свой личный характер и сделалось реальным, так как крестьянин был крепостным в силу того, что он держал крепостной участок, и оставался крепостным до тех пор, пока он держал крепостную землю. Держание крепостного участка было связано с особыми отяготительными платежами и повинностями. Баденское право тоже предпочитало говорить о реальном характере крепостного состояния, но на том основании, что крестьянин является крепостным не в силу личной связи с маркграфом, а в силу своей принадлежности к деревенской общине, в случае, если таковая считалась крепостной. Таким образом, в Бадене, в отличие от Франции, не владение крепостным участком, а принадлежность к крепостной общине являлась юридической основой крепостничества. Это означа-

ет следующее. Население деревенской общины делилось на две части: граждан (Bürger) — полноправных членов общины, имеющих землю и долю в альменде; и присельников (Hintersassen) — неполноправных жителей деревни. Это либо ремесленники, либо пришлые люди, арендующие у «граждан» поля и дома. В крепостных общинах именно «граждане» и были «крепостными», тогда как присельники были свободными. Что имущественное положение такого «крепостного» было лучше, чем свободного пришельца, не подлежит никакому сомнению. Крепостное состояние в Бадене (Leibeigenschaft) было, таким образом, параллельной подданству зависимостью от маркграфа, выражавшейся в ряде определенных платежей — и только. Ежегодно «крепостной» платил «крепостной шиллинг», его жена «крепостную курицу» или соответствующую денежную сумму. Это была незначительная плата, имевшая чисто декларативное значение. Несколько больших размеров достигала пошлина при перемене владельца (Todfall) — от 2 до 3% и притом не с рыночной стоимости крестьянского надела, а с казенной налоговой оценки, которая была гораздо ниже рыночной цены. Наибольшим платежом была такса за освобождение от крепостного состояния (от 5 до 10%). Но уплата этой таксы (manumissio) допускалась с рассрочкой и растягивалась иногда на три поколения. Такой характер «крепостничества» не мешал крепостным занимать должности пасторов, учителей и мелких чиновников. В Вюртемберге крепостные платежи были несколько выше, чем в Бадене, но размер выкупа и здесь был приблизительно одинаков.

Факт крепостной зависимости в Юго-Западной Германии не стоит ни в какой связи с формой владения землей. Крепостной в Бадене, как деревенский житель и «гражданин» чаще был владельцем земли, чем свободный. И вовсе не крепостные платежи были источником сеньориальных доходов, а платежи поземельные и повинности, связанные с судебной властью сеньора. В качестве верховного господина земли сеньор получает различные сеньориальные платежи, определяемые характером крестьянского держания. Существует несколько видов последнего: чиншевое наследственное держание, наследственный лен и ненаследственные виды ленов (Fallehen или Gnadenlehen). Впрочем, фактически и эти

последние переходили по наследству, но при этом взималась довольно высокая пошлина (до 10%, в отдельных случаях даже до 20% стоимости).

Барщина идет судебному сеньору. В Юго-Западной Германии она почти всегда юридически неопределенна, т. е. сеньор (Gerichtsherr) может требовать ее когда и сколько ему понадобится. Но так как сеньор обычно не ведет самостоятельного хозяйства, то барщина невелика, хотя она и значительнее, чем во Франции. По официальным данным для одной из территорий Бадена в 1765 г. она равнялась 14⅓ дней на поденщика и 16 дней на единицу рабочего скота. Барщина далеко не бесплатна, и в некоторых случаях вознаграждение достигает ⅖ обычной заработной платы.

Кроме сеньориальных платежей и повинностей на земле лежит еще десятина. В протестантских округах она взимается в пользу светского сеньора или государя (как например, в Баден-Дурлахе), в католических большая десятина (хлеб) следует светским сеньорам, малая (зелень, скот) священникам.

В целом в Юго-Западной Германии мы замечаем те же явления, что и во Франции. Укрепление владельческих прав держателей на землю и приближение этих прав к собственности, мобилизация земли и ее дробление, несмотря на то, что некоторые виды держаний (например, наследственный лен) не допускали раздела,— все это нам уже знакомо на примере Франции. То же можно сказать и о сеньориальном режиме в Юго-Западной Германии в целом. Он высасывал из крестьянского хозяйства известную часть доходов и труда, но выгода, которую извлекал сеньор, далеко не соответствовала ущербу, который сеньориальное право наносило крестьянскому хозяйству.

Тяжелее всего приходилось крестьянину тогда, когда все три вида зависимости — крепостная, земельная и судебная — соединялись в руках одного сеньора. Такие случаи были скорее исключением, чем правилом, но все же они были. Более благоприятным было положение крестьян в том случае, когда таким сеньором был сам государь, как например в Бадене. Тогда все эти права, вместе взятые, мало-помалу начинали превращаться в государственные повинности, а сама зависимость приближалась к обыкновенному подданству.

Существование сеньориального строя нисколько не мешало здесь, как и во Франции, развитию под его покровом таких явлений, как покупка и продажа земли, дарение ее, залог и т. д. Уже в XV и XVI вв. крестьяне жаловались на задолженность. Лица, не имевшие ничего общего с деревней, опутывали мужика при помощи операции, называвшейся покупкой ренты (во Франции — rente constituée à prix d'argent). Лицо, покупавшее ренту, давало крестьянину взаймы определенную сумму, а вместо процентов крестьянин обязывался на определенный срок или даже «на вечные времена» уплачивать ежегодный взнос натурой или деньгами (Ueberzins). В Южной Германии еще до ликвидации остатков сеньориального строя в XIX в. задолженность мелкого деревенского землевладельца достигала огромной величины, предвещая закабаление его городским капиталистом.

Чтобы покончить с Южной Германией, нам остается решить еще один вопрос — почему здесь не развилось крупное помещичье хозяйство, основанное на барщинном труде крестьян, прикрепленных к поместью, т. е. почему здесь не утвердились порядки остэльбской Германии. Ответить исчерпывающе на этот вопрос нам не позволяет состояние исследования аграрного строя Южной Германии, но некоторые соображения все же могут быть высказаны. Они станут понятными, если мы рассмотрим пример такой области Южной Германии, где были налицо как будто все условия, необходимые для образования помещичьего хозяйства, где положение крестьянства было менее благоприятно, его владельческие права слабее, его платежи и повинности тяжелее, чем в остальной Юго-Западной Германии, и где тем не менее не создалось барского хозяйства, подобного прусскому или польскому. Речь идет о Баварии, на аграрный строй которой часто смотрят как на переходный от порядков юго-западных к северо-восточным, от строя сеньории к строю барского поместья.

В отличие от остальной Юго-Западной Германии, Бавария — страна с преимущественно подворным расселением. Чересполосица и принудительный севооборот здесь имеют меньше места. Аграрный строй Баварии — сеньориальный строй, типичный для всей Юго-Западной Германии. Барская запашка невелика или отсутствует вовсе, и главные доходы сеньора состоят из различного ви-

да сеньориальных рент. Уже в XVI в. Бавария — страна среднего и крупного крестьянства, владеющего землей на основе сеньориальных прав, менее благоприятных для крестьянства, чем в Бадене или Вюртемберге. Обычно здесь различают 4 вида держаний: наследственные (таковы, например, ленные держания), пожизненное на жизнь держателя (Leibrecht или Leibgeding), пожизненное до смерти сеньора (Neustift) и держание по воле сеньора, прекращающееся по первому его требованию (Freistift или Herrengunst).

Баварские сеньоры еще в XIV в. пользовались правом низшей судебной власти и соединяли в одном лице поземельного и судебного сеньора, а для некоторых крестьян-крепостных они кроме этого являлись господами (Leibherren) и в личном отношении.

Держатели обязаны были вносить тяжелые денежные и натуральные платежи и работать на барщине, которая обычно была неопределенной, а вообще достигала более значительных размеров, чем на Западе. Необеспеченность владельческих прав крестьян приводила к тому, что сеньоры постепенно увеличивали платежи, требуя при каждом возобновлении договора повышенных плат за допуск (Anleith) или обновления договора (Neustift). Ненаследственные держания были очень распространены в Баварии. Исследование Крайльсгеймом крупной баварской сеньории Амеранг[5] показало, например, что в 1599 г. из общего числа 128 держаний, полностью входивших в состав сеньории (кроме них были и такие, которые принадлежали другим сеньорам, но были подчинены сеньории Амеранг в судебном отношении), 36 были наследственными и 92 остальных были пожизненными (до смерти держателя).

Это соотношение не только сохранилось до XVIII в., но даже несколько изменилось в ущерб наследственным держаниям (29 наследственных при 105 пожизненных в 1720 г. и лишь 15 наследственных при 103 пожизненных в 1848 г.). Таким образом, в Баварии сеньор мог постепенно присоединять крестьянские держания к домениальной земле и увеличивать собственную запашку. Мало этого. Баварское земское право (Уложение 1616 г.)

---

[5] F. V. Crailsheim. Die Hofmarsch Amerang. Tübingen, 1913.

прямо разрешает снос крестьянских дворов и их присоединение к барскому поместью. Таким образом, в Баварии не было особенных юридических препятствий для расширения барской запашки за счет крестьянской, и тем не менее здесь не развивалось крупное помещичье хозяйство. Луи Брентано, посвятивший этому вопросу большую статью [6], видит три причины сохранения крестьянского хозяйства в Баварии в XVI—XVIII вв. Первая из них — преобладание церковного сеньориального владения над светским. По данным, относящимся к 1760 г., 56% всех дворов входило в церковные сеньории. Время церковного крупного хозяйства давно прошло, думает Брентано. В XVI—XVIII вв. церковные сеньоры вели хозяйство на своей земле самым рутинным способом, а чаще всего сдавали свою землю крестьянам. Католическая церковь там, где она сохранилась в Германии, попала в зависимость от государства. Государи смотрят на ее богатства, как на запасный фонд, из которого они могут черпать средства в минуту финансовой нужды и благодаря этому становятся независимыми от дворянства. Они поэтому будто бы охраняют крестьянина, как главного налогоплательщика, от посягательств сеньоров на крестьянские имущество и труд. К тому же в Баварии, где большинство сеньорий принадлежало церкви, дворянство было далеко не так сильно, как на востоке. Лишь 24% крестьянских хозяйств входило в состав светских сеньорий, тогда как сам баварский курфюрст распространял свою сеньориальную власть на 13,67% крестьянских хозяйств. Церковь, заключает Брентано, спасла баварское крестьянство от крепостного права и сохранила ему свободу. Две другие причины имеют, по мнению Брентано, меньшее значение. Это — распыление светских сеньорий, вследствие чего затруднялось создание большой сплошной территории. Значительная часть крестьянских дворов, зависимая от одной сеньории, была вкраплена в территорию другой сеньории и далеко отстояла от барского двора. Распыленность сеньорий была, по-видимому, следствием того факта, что процесс, в результате которого еще в средние века свободный крестьянин становился зависимым от сеньора, совершался постепенно и

---

[6] L. Brentano. Warum herrscht in Altbayern bäuerlicher Grundbesitz? Gesammellte Aufsätze, I. Stuttgart, 1899.

очень сложными путями. Как ни велика была распыленность, все же, думает Брентано, были такие сеньории, которые путем присоединения окружающих дворов могли бы поглотить 15—20% культурной площади. Но было еще одно, третье препятствие к появлению барской запашки, вытекающие из особенностей баварского «рабочего законодательства». Сеньор, например, в случае, если он не мог воспользоваться барщиной в натуре, не имел права требовать от крестьянина возмещения ее деньгами, а крестьянин не был обязан отправляться на барщинные работы, если они отстояли от его двора дальше определенного законом расстояния. Хотя сеньору в большинстве случаев принадлежало право на неопределенную барщину, по баварскому праву расширение барской вспашки не могло быть законным основанием для увеличения установленной обычаем барщины. Максимальный размер барщины не может превышать 1 дня в неделю и 50 дней в год. Далее законодательство ограничивало права сеньора на труд крестьянских детей, в результате чего в Баварии не могла образоваться принудительная даровая служба. То же земское Уложение 1616 г. запрещало сыновьям и дочерям крестьян работать по найму без согласия родителей, и лишь в том случае, если родители не нуждались в их работе; они должны были в первую очередь предложить свои услуги сеньору, и сеньор обязан был платить им за это обычную заработную плату. Таким образом, сеньор мог рассчитывать при расширении своей запашки только на наемных рабочих. Но баварское законодательство, говорит Брентано, питало какой-то «ужас» перед неимущими людьми. Оно запрещало дробить крестьянские хозяйства на мелкие участки, создавать «огородников» или «домовников» и таким путем препятствовало созданию класса сельскохозяйственных рабочих. Все это вместе взятое, и в первую очередь преобладание церковных сеньорий, и было причиной того, что Бавария осталась страной крестьянского хозяйства и сохранила сеньориальный строй.

Разберем аргументацию Брентано. Из его доводов только первый (размеры сеньориальных владений церкви) имеет некоторое значение. Второй (распыленность светских сеньорий) он сам признает второстепенным, третий (рабочее законодательство), как и всякое законодательство, есть следствие фактических отношений и

поэтому само нуждается в объяснении. Однако легко видеть, что и первый довод несостоятелен. Во-первых, в Юго-Западной Германии были значительные сплошные территории с протестантским населением (Баден-Дурлах), в которых все же не развилось помещичье хозяйство. Во-вторых, нет никаких оснований думать, что только дворянство могло быть организатором крепостного хозяйства, а церковь почему-то не могла. Русские монастыри были владельцами крепостных душ и неплохими хозяевами. Причины разбираемого нами явления следует искать в отсутствии тех особенных условий, которые создали в остэльбской Германии крупное барщинное крепостное хозяйство. И все же попытки завести барщинное хозяйство на прусский манер в Баварии были; о них рассказывает уже упомянутая интересная работа Крайльсгейма. Владельцы сеньории Амеранг дважды пытались расширить барскую запашку с целью создания хозяйства, работающего на рынок. Эти попытки были предприняты, первая — в XVII в., вторая — в середине XVIII в. И та и другая кончились неудачей. Сбор ренты с земли, отдаваемой в качестве держания крестьянам, оказался более выгодным для сеньора, чем самостоятельное хозяйство, в котором можно было бы использовать барщинный труд держателей.

Гофмарк (сеньория) Амеранг лежала в юго-восточном углу нынешней Баварии, приблизительно в 60 *км* к юго-востоку от Мюнхена, километров в 50 к северо-западу от Зальцбурга. В XVI в. это образец «чистой сеньории». Вся домениальная земля сдана держателям, и сеньоры не имеют ни одного юхарта собственной запашки. Лишь в редких случаях сеньория принуждена была обрабатывать запустевшие крестьянские дворы, но при этом она старалась поскорее найти нового держателя. В начале XVII в. домен сеньории состоял из небольшого, примыкавшего непосредственно к замку пастбища, на котором пасли скот, необходимый для продовольствия сеньора, и из четырех участков, лежавших довольно далеко от замка, сдаваемых за 105 флоринов ежегодно. Немногочисленные сельскохозяйственные работы выполнялись барщинным трудом крестьян и наемными рабочими. Хлеба сеньор совсем не сеял, так как натуральных взносов держателей не только хватало на удовлетворение потребностей замка, но и на продажу. Лишь в первой половине

XVII в. это натуральное хозяйство сеньора стало развиваться в расчете на сбыт продуктов. В первую очередь стали продавать сено. В 1620 г. один из четырех участков, сдававшихся раньше в аренду, был присоединен к барскому хозяйству, причем он давал исключительно сено. Более серьезные попытки расширения запашки были произведены с конца 40-х годов XVII в. Были присоединены два мейерских хозяйства и над ними был поставлен господский приказчик. Но система хозяйства осталась первое время такою же, как и при держателях. Здесь затем впервые стали производить посевы зерна и вместе с тем встал вопрос о привлечении к барской запашке барщинного труда держателей. Барщина сначала формально не увеличилась, но стала гораздо тяжелее; раньше ее не требовали для сельскохозяйственных работ, теперь крестьяне обязаны были являться на пахоту, посев и т. п. со своим инвентарем. Время работы, особенно в жатву, стало продолжительнее, а в начале XVIII в. сеньорам удалось добиться и прямого увеличения барщины. Но в это время собственное хозяйство сеньора уже находилось накануне полной ликвидации. Усиление барщины встретило упорное сопротивление держателей. Начались жалобы крестьян правительству и, хотя последнее стало на сторону сеньора, постоянные пререкания с держателями, отлынивание их от работы заставили сеньора перевести барщину на деньги, прекратить запашку и сдать землю в держание. Причины ликвидации собственного предприятия сеньора заключались не только в строптивости крестьян. Хозяйство вообще оказалось мало рентабельным. Интересно отметить, что наиболее выгодной статьей в хозяйстве был не хлеб, а масло и сало. Зерна едва хватало на прокорм рабочих, и хлеб, который сеньория все-таки продавала и в это время, она получала в виде натуральной ренты держателей. Доход был настолько мал, что хозяйство частью пришлось забросить уже в 1719 г., задолго до того, как сеньор признал себя принужденным отказаться от натуральной барщины своих держателей (1743 г.). В 1752 г. была предпринята новая попытка; сдававшаяся в аренду земля была снова оставлена за сеньором, и в течение 30 с лишним лет он снова хозяйствовал сам. В 1784 г. он вынужден был еще раз отказаться от этой затеи и по тем же причинам, что и раньше: и невыгодно, и много хлопот

со строптивыми крестьянами. В этот второй период, как и раньше, главный доход составляли мясо, сало и масло, в целом на 500—600 фл. ежегодно. Но при неудовлетворительной барщине расходы на наемных рабочих, особенно квалифицированных, ухаживавших за молочным скотом, оказывались настолько значительными (ок. 450 фл.), что хозяйство почти не приносило чистого дохода. Таким образом, основной доход сеньории, как и раньше, составляли сеньориальные ренты.

Этот пример, конечно, не позволяет делать широких обобщений, но он все же заслуживает большого внимания. Брентано, говоря о Баварии, замечает мимоходом, что отсутствие помещичьей запашки нельзя объяснить отсутствием рынка: баварский хлеб вывозился в Австрию, Швейцарию и Швабию. К сожалению, он не дает никаких более точных указаний на этот счет, а пример сеньории Амеранг показывает нам, что для сеньора была выгодна продажа дарового хлеба, получаемого им в виде ренты. Хлеб, получаемый с его собственной запашки, как мы видели, в продажу не шел и дохода не приносил. Почему? Здесь возможны только догадки. Как указывают современные экономисты, Южная Германия с ее холмистым рельефом и разнообразием почвенных условий, изменяющихся в зависимости от склона, вообще неудобна для распашки больших пространств под хлебные культуры. Подтверждение этому — хозяйство сеньории Амеранг, где доходными статьями было сено, молочные продукты, сало и мясо. Но главная причина, конечно, не в этом. В XVII и XVIII вв. Южная Германия фактически была отрезана от таких крупных внешних рынков, как английский и голландский бесчисленным множеством внутренних таможен, воздвигнутых германским мелкодержавием. Да и при более благоприятных политических условиях она не могла бы бороться с конкуренцией Прибалтики. Поэтому единственным возможным рынком для нее был австрийский рынок, вниз по Дунаю и его притокам. Но и здесь у нее были конкуренты, поставленные в несравненно лучшие и физико-географические и экономические условия — плодородные равнины Богемии и Венгрии гораздо ближе, чем Юго-Западная Германия, расположенные к Нижней Австрии. Здесь и развилось крупное барщинное хозяйство, основанное на принудительном крестьянском труде. Баварское хозяйст-

во принуждено было ориентироваться на местный рынок. А местный рынок был очень ограничен, и его спрос вполне покрывался излишком продуктов полунатурального крестьянского хозяйства. Если же мы примем во внимание обычную в то время политику мелких государств и городов, запрещавших вывоз хлеба с целью поддержать низкие цены, то станет ясно, что в этих условиях местный рынок мог обслуживаться хлебом только крестьянских хозяйств. Производство хлеба сельскохозяйственным предприятием могло быть возможно только при условии дарового труда барщинников, а последнее в Баварии и во всей Юго-Западной Германии было невозможно по двум причинам. Первой из этих причин была сравнительная слабость феодальных сеньоров как класса; второй — существование в Юго-Западной Германии города и городской системы наемного труда. Барщина, как система производства, не может применяться случайно, периодически и неповсеместно, в отдельных хозяйствах. За барщиной, как определенными отношениями, стоит барщинник, всячески ей сопротивляющийся. Она построена на порабощении одного класса другим, она есть выражение социально-экономической мощи дворянства среди остальных классов общества феодальной формации: бюргерства и крестьянства. Барщина, как система труда, оказалась возможной на востоке Германии, как мы увидим дальше, потому что слой колонизаторов-рыцарей мог систематически обогащаться уже с XIV в. продажей натуральной ренты; города востока сами в значительной мере жили вывозом сельскохозяйственного сырья и поэтому не могли оказывать серьезного сопротивления нарастанию крепостных отношений. Ничего этого в Южной Германии не было. Наоборот, здесь старинные города, несмотря на упадок Южной Германии со второй половины XVI в., продолжали все же играть некоторую роль как центры торговли, ремесла и промышленности, о чем свидетельствуют постоянные жалобы дворянства на отсутствие рабочих рук в деревне и их дороговизну. Все это вместе взятое и приводило к тому, что сеньоры предпочитали без хлопот собирать ренту со своих держателей, переложив на последних хозяйственные заботы, а в значительной мере и труд по реализации продуктов своего хозяйства на рынке. Для крупного предпринимательского хозяйства, основанного на барщинном труде кре-

постных крестьян, нужны были исключительно благоприятные условия, вроде тех, какие оказались к востоку от Эльбы.

Остановимся вкратце на характеристике аграрного строя Северо-Западной Германии, особенно той ее части, где господствовало так называемое мейерское держание. Это — область Нижней Саксонии между средним и нижним течением рек Везера и Эльбы. Впрочем, держания на мейерском праве попадались и на юго-западе, например, в Баварии.

Указанная выше область — страна по преимуществу крупного крестьянского хозяйства, переходящего по наследству только к одному из потомков. Эти крестьяне называются мейерами. Они полноправные члены деревенской общины. Их земля лежит в полях деревни чересполосно и входит в систему принудительного севооборота. Полным мейерским участком считались 4 гуфы, т. е. 120 моргенов земли; но наиболее распространенными были участки в $^1/_2$ и $^1/_4$ полного надела, т. е. в 2 и 1 гуфы.

В результате обычая единонаследия все потомки мейера, за исключением одного, оставались без земли, и поэтому в Нижней Саксонии наряду с крупным крестьянским хозяйством существовало большое количество мелких держателей, имевших небольшие клочки земли (кетеры), огородников (Brinksitzer или Anbauer). Нижнесаксонский крестьянин не пользовался широкими правами на землю, но его права были по большей части наследственны и прочны, хотя степень вмешательства сеньора в хозяйство мейера была здесь значительнее, чем на юго-западе Германии. Сеньорами были, во-первых, государи, затем рыцари, духовные и светские корпорации, горожане и в редких случаях — крестьяне. Основная масса сеньориальных прав находилась в руках государя, дворян и корпораций. Им крестьяне обязаны были уплачивать десятины, чинш и отбывать барщины.

Отношения между сеньором и крестьянином определялись характером владения последнего. Наиболее распространенным было мейерское право; наряду с ним существовали наследственные чиншевые владения и крестьянский лен (с сущностью которых мы познакомились на примере Юго-Западной Германии). В силу мейерского права крестьянин мог наследственно пользоваться землей. Он должен был обрабатывать землю и долж-

ным образом вести хозяйство. Он не имел права сдавать землю в аренду. Продажа в залог могла иметь место только с разрешения сеньора. За свое право крестьянин уплачивал сеньору так называемый мейерский чинш, который, однако, в противоположность порядкам на юго-западе Германии, был весьма значителен, достигая в южной части Нижней Саксонии половины, иногда двух третей обычной в этой местности арендной платы. В северной части Нижней Саксонии чинш был небольшим, зато барщина занимала обычно один день в неделю; были случаи, когда она равнялась двум и даже трем дням. Крестьянин мог потерять свое право на участок (Abmeierung), если он плохо хозяйничал, или если не платил чинша в течение 2—3 лет, или, наконец, если он своевольно распорядился своим участком без согласия на то сеньора. Лишение мейерского имущества могло совершиться только по судебному приговору. Но сеньор и в этом случае не мог присоединить мейерское держание к своей земле и обязан был немедленно же позаботиться о приискании нового держателя.

Таким, однако, мейерское держание стало сравнительно поздно, в XVI—XVII вв. Но даже и в это время оно по своим платежам ближе к аренде, чем чиншевое держание; оно было тяжелей обложено в пользу сеньора и допускало большее вмешательство сеньора в хозяйство мейера. Это объясняется тем, что оно действительно произошло от срочного держания, близкого к аренде.

В своей капитальной монографии о сеньориальном строе в Северо-Западной Германии Виттих[7] попытался нарисовать эволюцию аграрного строя на этой территории, начиная с раннего средневековья. Для ранних периодов его теория остается, впрочем, очень гипотетической. Эпоха крупного средневекового поместья создается, по его мнению, в Северо-Западной Германии до XIII в. Во главе вилл стоит полукрепостная администрация — мейеры (villicus-Meier), которые, как мы сейчас увидим, не имели ничего общего с мейерами XVII и XVIII в. Мейер ведет хозяйство на домене сеньора и собирает сеньориальные ренты с населения виллы. Крестьянское население вилл прикреплено к земле. Точно оп-

---

[7] W. Wittich. Die Grundherrschaft in Nordwestdeutschland. Leipzig, 1896.

ределить его владельческие права не представляется возможным, но в большинстве случаев крестьяне были наследственными держателями при условии неукоснительного выполнения платежей и повинностей. К XII в. мейеры мало-помалу превращаются в привилегированный слой полукрепостной вилликационной администрации (министериалы). Служба при дворе и в войске сеньора — их право и обязанность. Позже они получают звание рыцаря и возвышаются даже над свободными. Из временного поручения, каким была мейерская служба раньше, она превращается в право, передающееся по наследству. Между крепостными и сеньором вырастает, таким образом, новый слой мейеров, которые оттесняют сеньора и превращают свою мейерскую службу в право, в лен, приносящий мейеру известный доход. Сеньоры начинают борьбу с мейерами — министериалами, стремятся заменить их срочными арендаторами, берущими как бы на откуп все платежи и повинности крепостных. Но скоро обнаружились невыгодные стороны такого способа управления сеньорией: краткосрочные арендаторы стремились варварски эксплуатировать сеньорию, ее угодья и ее держателей — крепостных. Тогда сеньоры прибегли к новому способу управления. Они стали сдавать в аренду мейерам только домен, сохранив непосредственное управление землей, населенной крепостными. Этот процесс совершается в течение XIII и XIV вв. В Нижней Саксонии он завершился к началу XV в. Теперь сеньор получает определенную плату за землю своего домена, часто в виде части продукта. Но зато самая значительная часть его сеньории — крестьянские крепостные держания — оставалась под непосредственным ведением сеньора и его фохта, выполнявшего административно-судебные функции. К этому времени крепостные сделались почти собственниками своих участков и уплачивали за них умеренный чинш, твердо установленный и в XIII в. благодаря повышению цен на хлеб в процветающих городах Нижней Саксонии реально понизившийся. Теперь сеньоры стремятся покончить с вилликационной системой, которой трудно управлять и которая дает небольшие доходы, в значительной мере поглощаемые расходами по управлению в виде оплаты службы фохтов. Сеньоры освобождают крестьян, снимают с них крепостные платежи (Herbefal, Kopfzins, Bedemund, Freikauf),

но вместе с тем «освобождают» их и от земли, уплачивая им при этом известную сумму за отказ от надела. Выкуп земли не повлек, однако, за собой появления собственной запашки сеньора. Бывшие крепостные держания были соединены в более крупные и сданы в краткосрочную аренду за уплату определенной части продукта ($^1/_3$), с обязательством нести кроме этого некоторые повинности. Эти новые арендаторы и были мейеры, предшественники тех, которых мы застаем в Нижней Саксонии в XVII и XVIII вв. Часть обезземеленных держателей после освобождения осталась в деревне, образуя кадры малоземельных оседлых батраков, другая — направилась в города или на восток, где в это время шла усиленная немецкая колонизация.

Новые мейеры скоро сделались наследственными, по крайней мере, фактически. С XVI в. сильная территориальная власть стремится увеличить и упорядочить поступление государственных налогов. К этому времени сеньоры и рыцари, вытесняемые наемниками, перестают быть основой войска и обращают свои интересы к земле. Правда, они не заводят крупных хозяйств, подобно своим прусским собратьям, но все же начинают заниматься хозяйством на домениальной земле и стараются освободить ее от налогов. Идет длительная борьба между герцогами и дворянством. Герцоги идут на уступки и соглашаются на освобождение домениальной земли от налогов, но в то же время ограничивают права дворянства на мейерские держания, запрещая им сгонять мейеров с земли и повышать мейерские платежи. Так интересы государственной казны превращают мейерские держания в своего рода государственный институт, придают публичноправовую окраску отношениям мейера и сеньора и обеспечивают мейеру наследственность держания и неизменность его платежей и повинностей. Институт мейерского держания создан. Из краткосрочной аренды оно превратилось в обычное держание, напоминающее цензиву. Отличие его от последней в том, что оно образовалось поздно. Поэтому платежи, с ним связанные — выше, а вмешательство сеньора — больше, чем при цензиве.

Итак, в отличие от чиншевого держания Южной Германии, мейерское держание есть результат некоторого процесса, видоизменившего в XVI в. ту эволюцию, которую переживал сеньориальный строй Западной Европы.

Установление в XIV в. мейерского держания как формы, близкой к срочной аренде, есть этап, которого Юго-Западная Германия в массе не знала. Лишь с XVI в. мейерское держание снова становится наследственным и приобретает характер, приближающий его к цензиве. Спрашивается, почему же в данном случае мы не наблюдаем того прямого пути развития, каким отличаются аграрные отношения на юго-западе Германии? Виттих, давший нам описание аграрного строя Северо-Западной Германии, совершенно не объяснил причин, которые обусловливали каждый этап его сложной эволюции. Но два общих факта установлены им довольно прочно: 1) превращение в XIII и XIV вв. зависимых от сеньории крестьян — наследственных чиновников в свободных, но утерявших свое право на землю арендаторов и возникновение мейерского держания как формы, близкой к обыкновенной аренде, и 2) закрепление, начиная с XVI в., за мейерами их участков в наследственное пользование, с фиксацией их сеньориальных платежей и повинностей. Эти два факта, если мы будем рассматривать их с точки зрения интересов сеньора, означают то, что вначале сеньорам удалось обезземелить крестьян, а затем крестьяне, правда, иного типа, чем прежние, снова закрепили за собой землю сеньоров. Следует отметить, что и на северо-западе Германии в некоторых местах (Вестфалия, юг Нижней Саксонии), там, где сохранились остатки крепостной зависимости (Eigenbehörigkeit в Гойя-Дипгольц, Halseigenschaft в Гильдесгейме и т. д.), близкой по характеру к «крепостному» состоянию (Leibeigenschaft) в Юго-Западной Германии, в большинстве случаев сохранились и старинные прочные права крестьян на землю и таким образом эволюция аграрных отношений была более простой и близкой к эволюции на юго-западе Германии. Этот на первый взгляд парадокс объясняется, однако, довольно просто. В XII и XIII вв., когда сеньоры на северо-западе Германии освобождали крестьян, но захватывали или скупали у них наделы, права крестьян на землю в силу обычая, были довольно прочны и приближались к феодальному наследственному держанию. Такими они остались и вплоть до XIX в., там, где освобождение крестьян по той или иной причине не произошло. Личная крепость превратилась в реальную, но и там, где она сохранилась, она стала огра-

ничиваться определенными платежами. Например, в Гильдесгейме «крепостные» участки были во всех отношениях более выгодными для крестьян, чем даже мейерские держания. Права лично крепостных на землю в Гойя-Дипгольц (Leibeigenbehörigkeit) фактически ничем не отличались от мейерского держания.

Итак, на вопрос, чем объяснить более сложный характер эволюции аграрных отношений на севере по сравнению с югом в Западной Германии Виттих не дает точного ответа. Эту задачу поставила себе Маргарита Бош в интересной монографии об аграрном строе в герцогстве Клеве и графстве Марк[8]. Ее выводы носят суммарный характер, но все же они имеют известное значение для решения интересующего нас вопроса. Освобождение крестьян, лишение их земли в XIII и XIV вв. и появление краткосрочного мейерского держания произошло прежде всего на территории будущего Ганновера и Брауншвейга. Здесь раньше и быстрее, чем где-либо в Нижней Саксонии, развились торговля и города. Бардевик на судоходном Ильменау, притоке Эльбы, еще в XII в. был центральным пунктом торговли между славянами и саксами; затем в XII в. его вытесняет Любек. В Люнебурге развиваются соляные промыслы, в Госларе (Гарц) — горное дело. В XII и XIII вв. здесь создается большой внутренний рынок для сельскохозяйственных продуктов. Территория между Везером и Эльбой становится торговым путем между Северной и Южной Германией, между Немецким и Балтийским морями. Расцветают крупные города — Бремен, Люнебург, Гамбург, Любек и Висмар. Большое значение (вывоз в Скандинавию) приобретает пивоварение, поглощавшее излишки сельскохозяйственных продуктов. Результаты этого не замедлили сказаться на аграрном строе страны. Происходят процессы, типичные для стран раннекапиталистического развития: освобождение крестьян и стремление сеньоров в местах, непосредственно примыкающих к промысловым пунктам или лежащих на торговых путях, к наиболее полной эксплуатации крестьянства, которая в условиях развивающейся городской торговли и промыш-

[8] M. Bosch. Die wirtschaftlichen Bedingungen der Befreiung des Bauernstandes im Herzogtum Kleve und in der Grafschaft Mark im Rahmen der Agrargeschichte Westdeutschlands. Berlin, 1920.

ленности возможна была только в форме превращения крестьян в срочных арендаторов. В XV и XVI вв. — время расцвета городов в Северо-Западной Германии — мейерский чинш растет непрерывно, уподобляясь поземельной ренте. Наоборот, последующий упадок Ганзы и северогерманской торговли поставили Северную Германию в условия, аналогичные с Юго-Западной Германией, в положение заглохшей провинции, стоящей вдали от мировых торговых путей. Города падают, выдвигается значение территориальной власти, которая в своих интересах кладет известный предел эксплуатации крестьян сеньорами. Но даже и там, где, как на самом севере Нижней Саксонии, власть князей оказалась слабой, происходит тот же процесс превращения мейерского держания в наследственное и фиксация мейерских платежей. Это обстоятельство показывает, что не столько вмешательство государственной власти, сколько экономическая необходимость понуждала сеньоров на уступки мейерам. Эта необходимость заключалась в том, что в Нижней Саксонии, за исключением отдельных территорий, по целому ряду причин не мог развиваться массовый вывоз продуктов сельского хозяйства и, следовательно, не было почвы и для крупного барщинного предприятия, подобного тому, какое было на востоке Германии. Экономический упадок Северо-Западной Германии с конца XVI в. и ее малолюдье, увеличившееся особенно в XVII в., (Тридцатилетняя война), побуждали сеньоров дорожить мейерами, что и привело к превращению их в наследственных держателей своих участков. Но в Восточном Люнебурге, примыкающем к Эльбе, и в Падерборне на Везере развилось помещичье хозяйство, весьма сходное с заэльбским крепостным хозяйством.

Перейдем теперь к изучению аграрного строя в заэльбской Германии. Здесь в восточной части Шлезвиг-Гольштейна, в Мекленбурге, Померании, Пруссии, в восточных провинциях Австрии (Чехии, Галиции, Силезии, Венгрии) мы встречаем более или менее близкие друг к другу формы аграрных отношений, которые говорят о господстве крупного и среднего помещичьего хозяйства, работающего на рынок при помощи труда барщинных крестьян, прикрепленных к поместью.

Типичной хозяйственно-правовой ячейкой заэльбской Германии в XVIII в. было рыцарское поместье. По обще-

му правилу рыцарским поместьем могли владеть только земское дворянство — юнкера, духовные и светские корпорации (монастыри и городские магистраты). Но титул владения не имеет особого значения для экономической сущности — внутренняя социально-экономическая структура этих поместий была одинакова. Отличительным ее признаком, по сравнению с западом Германии, было то, что в этих имениях всегда была большая барская запашка, которая и являлась экономическим центром поместья, его смыслом. Земское дворянство, господствующий класс, сумело добиться того, что государство, как и само дворянство, смотрело на остальное население как на рабочую силу, призванную обслуживать барское хозяйство.

Дворяне обыкновенно сами вели свое хозяйство, реже — сдавали его в аренду со всеми угодьями и крестьянскими повинностями. В последнем случае аренда нисколько не нарушала хозяйственного строя поместья: разница была лишь в том, что вместо помещика-дворянина выступал его арендатор. Часто помещичье хозяйство было не очень велико, так что им можно было управлять из господского двора, где жил помещик или арендатор. Более крупные имения были разделены на фольварки во главе с отдельными управляющими.

Господское имение делится на две части: собственная вспашка помещика и крестьянские хозяйства, входящие в состав поместья не только как хозяйственного единства, но и как судебно-административного округа, ибо помещик являлся представителем административной и судебной власти по отношению к крестьянам поместья.

До второй половины XVIII в., т. е. до эпохи быстрого экономического подъема сельского хозяйства Восточной Германии, на полях юнкерских и крестьянских хозяйств царили еще старинные примитивные системы производства — трехполье на так называемом «внутреннем поле», система залежи на землях худшего качества, не входивших в правильный севооборот (так называемое «наружное поле»). Поля помещика весьма часто лежали чересполосно с крестьянскими и обрабатывались барщинным трудом крестьян, их рабочим скотом и их инвентарем.

Экономическая сущность классовых взаимоотношений в восточногерманском поместье сводилась, следовательно, к тому, что помещик отбирал в свою пользу в натуре большую часть трудовой энергии крестьянской семьи и

крестьянского хозяйства (отработочная рента). Притязания помещика на барщину живших в пределах его поместья крестьян были сравнительно недавнего происхождения, не раньше XVI в. Некогда крестьянин и рыцарь были лишь соседями, не связанными между собою никакими правами и обязанностями. Несколько позже, в XIV и XV вв., рыцарь сделался сеньором крестьянина, его Grundherr'ом, но это, как мы видели на примере Западной Германии и Франции, было очень далеко от крепостничества в том виде, в каком мы его встречаем на востоке в XVII и XVIII вв. Позднее происхождение крепостного строя позволяет нам понять два факта, которых не могла скрыть образовавшаяся впоследствии огромная власть помещика над крестьянством. Один из этих фактов — различие крестьянских прав на землю, другой — различие размеров крестьянского хозяйства.

В Восточной Германии было небольшое количество совершенно свободных, независимых от помещиков крестьян (государственные крестьяне). Таковы, например, вольные шульцы в Померании, силезские ленные шульцы, наконец, кульмцы в Пруссии. Отличительной чертой всех этих разрядов крестьян, имевших лучшие права владения, было то, что они были собственниками своей земли. Они, правда, платили государству небольшой ценз, но последний был просто видом налога на недвижимость. В особенности важно отметить, что эти крестьяне не находились ни в какой зависимости от помещиков и были в полном смысле слова свободными.

Остальная масса крестьянства зависела от помещиков и была далеко не в благоприятном положении. Наилучшими правами среди зависимых крестьян пользовались наследственные держатели или наследственные чиншевики, которые так же, как и французские цензитарии, приравнивались государством к крестьянам-собственникам. Последнее, впрочем, не препятствовало помещикам требовать от них такую же барщину, как и от остальных крестьян, и в этом отношении прусские чиншевики не могут идти ни в какое сравнение с французскими цензитариями. Наиболее многочисленным разрядом зависимых крестьян были ласситы. В ту пору, когда крепостное хозяйство сформировалось окончательно, ласситом назывался крестьянин, который получал от собственника участок земли и нес определенные службы, повинности и

платежи в пользу собственника. Право пользования этим участком могло быть наследственным, но в таком случае помещик имел право выбирать наследника. Однако очень часто, особенно в Новой Марке (близ Померании), в Укермарке (около Мекленбурга) и в Померании, т. е. около местностей с наиболее суровым крепостным правом, ласситы не были наследственными, и помещик после смерти держателя имел право распоряжаться его участком по своему усмотрению.

Все перечисленные разряды крестьян могли быть и в огромном большинстве случаев были крепостными, т. е. людьми, прикрепленными к поместью короля, дворянина или корпорации. «Кто живет в пределах поместья, — говорит Кнапп, — тот по общему правилу крепостной человек, если только он принадлежит к сельскому населению» [9]. Крепостное состояние зависит не от факта владения землею и не от юридического свойства последней. Могут быть крепостные, у которых нет ни клочка земли, и, наоборот, могут быть крепостные, владеющие землею на праве собственности, простой аренды, на ласситском или на чиншевом праве. Крепостничество, как ярмо, было наложено на заэльбскую деревню, так сказать, извне, не затронув, по крайней мере, вначале, ее внутреннего строя со всей сложностью и разнообразием его правового уклада. Но возникновение крепостного состояния всех жителей деревни знаменовало появление нового класса, претендующего в своих интересах на труд деревни, и, если этот класс оказался достаточно сильным для того, чтобы надеть на шею остэльбского крестьянина тяжелое ярмо крепостного права, то само собою разумеется, что он оказался достаточно сильным и для того, чтобы властно вмешиваться во внутренний строй деревни и изменять его в своих выгодах. Хозяйственный смысл крепостного строя совершенно ясен. Крепостной строй обеспечивал помещику необходимый для его хозяйства крестьянский труд, ибо сущность крепостного состояния заключалась в том, что крестьянин был прикреплен к территории поместья (an die Scholle gebunden) и мог быть силой водворен обратно в случае, если он покидал его без

[9] Г. Кнапп. Освобождение крестьян и происхождение сельскохозяйственных рабочих в старых провинциях прусской монархии. СПб., 1900, стр. 20.

разрешения помещика. Дети крепостного обязаны были исполнять дворовую службу, сам крепостной не мог отказаться от работы, требуемой от него помещиком, и обязан был принять передаваемый ему помещиком крестьянский надел, если таковой окажется свободным.

Можно ли видеть в крепостных заэльбской Германии холопов в собственном смысле этого слова, т. е. рабов? На этот вопрос нельзя ответить простым «да» или «нет». Юридически холопство характеризуется следующими двумя признаками: холоп не может приобретать имущества для себя и все, что он приобретает, принадлежит тому, кому принадлежит сам холоп; холоп есть вещь и в качестве таковой может быть объектом купли-продажи.

Наследственное подданство — Erbuntertänigkeit — юридический термин, которым определяется крепостное состояние в Пруссии, обыкновенно не имело упомянутых выше двух признаков полного холопства. Но можно указать случаи, когда эти признаки были налицо; отдельные случаи холопства были даже в Бранденбурге. Развитие крепостных отношений в целом не достигло в Пруссии тех размеров, как в дворянских полуреспубликах Мекленбурга, Шведской Померании или Польши, где практика продажи душ была обычной. Однако и в Пруссии были такие разряды крестьян, фактическое положение которых было очень близко к холопству. Это — крепостные ненаследственные ласситы; Кнапп называет их холопами в несобственном смысле.

Крестьянские хозяйства различались по своим размерам. Западноевропейская деревня не знала уравнительных переделов, и поэтому даже за Эльбой, где было очень сильно вмешательство помещика в хозяйственную деятельность крестьянина, дифференциация крестьянства достигала больших размеров. Наряду с пашенными крестьянами, владевшими полными, половинными или четвертными наделами, встречались огородники, в большинстве случаев не имевшие даже рабочего скота (коссеты), и, наконец, крепостные сельскохозяйственные рабочие — домовники, кутники или бобыли.

Повинности крестьян помещику состояли из поборов натурой или деньгами, но и те, и другие были в общем незначительны. Основной повинностью на востоке была барщина, ибо на ней зиждилось хозяйство самого помещика. В зависимости от размеров крестьянского наде-

ла барщина могла быть конной или пешей. Крестьянин мог отбывать барщину или сам, или с помощью своего заместителя. Обыкновенно крестьянин, особенно полнонадельный, держит лишний рабочий скот, специально предназначенный для работы на барщине. С точки зрения помещика крестьянское хозяйство вообще существует только для того, чтобы содержать необходимые для его хозяйства рабочий скот и людскую силу. Интересно отметить, что современники прямо называлиласситов «оседлыми батраками», как бы желая этим сказать, что мнимая хозяйственная самостоятельность крестьянина (ведь последний был иногда даже наследственным владельцем «двора») скрывала в себе факт превращения крестьянина в «крепкого» земле рабочего, едва-едва выручающего из своего хозяйства те необходимые для него средства существования, которым в развитом капиталистическом хозяйстве соответствует заработная плата.

Каким образом, когда и в каких условиях мог сложиться тот аграрный строй, какой мы встречаем на востоке Германии в XVII и XVIII столетиях?

Мы видели, что здесь в XVII и XVIII вв. существовало три ступени крестьянской зависимости: крепостничество (барщина, прикрепление к поместью и несвободные браки) при наследственном владении землей; крепостничество со владением землей на праве наследственного лассита (по Кнаппу — холопство в несобственном смысле) и холопство в собственном смысле, т. е. прикрепление к личности господина, отсутствие права на приобретение движимого и недвижимого имущества. Последнее редко встречалось в Пруссии, но довольно часто в Мекленбурге и Шведской Померании (и, прибавим мимоходом, как общее правило — в Польше и России). Указанные ступени до известной степени совпадают с процессом развития крепостного права на востоке Германии и представляют собой лишь юридическое выражение двух основных социально-экономических процессов, лежавших в основе развития крепостного строя заэльбской Германии: неуклонного расширения рыцарской запашки за счет крестьянства и все большей потери крестьянами их вольностей, в том числе весьма часто и наследственного права владения на свои наделы.

Впервые законченную теорию происхождения крепостного хозяйства мы находим у Г. Кнаппа. Заэльбская

Германия есть область немецкой колонизации, начавшейся в XII в. и почти закончившейся в середине XIII в. Колонизация встретилась с довольно упорным сопротивлением славян и литовцев и могла осуществиться лишь благодаря завоеваниям. Вслед за завоевателями-рыцарями шли крестьяне-переселенцы. Первоначально они занимали места на своей новой родине, считая себя совершенно свободными людьми, подвластными только маркграфу. Ему они уплачивали чинш и особый налог «беде», церкви — десятину. Кроме свободных крестьян были еще несвободные, например, побежденные славяне или, в северо-восточной части области колонизации, литовское племя пруссов. Но этот вид несвободы не имел ничего общего с позднейшим крепостным правом, в которое одинаково попали и завоеватели, и побежденные. Для судьбы крестьянства в будущем решающим оказался тот факт, что во главе колонизации шло рыцарство. Рыцарь скоро превратился в сеньора — Grundherr'a, а затем в помещика-крепостника—Gutsherr'a. Как это произошло?

«Неясным, — говорит Кнапп, — представляется собственно начальный фазис развития, а именно — возникновение вотчинной власти и превращение рыцаря в сеньора (Grundherr). Напротив, вторая стадия — превращение землевладельца в помещика (Gutsherr) — совершенно ясна» [10].

Завоевание остэльбской территории велось рыцарскими ополчениями. К концу XIII в. захват этой территории в основном был закончен, и рыцари стали получать за свою службу от маркграфа небольшие лены-имения (как правило, не более 6 гуф). Окрестные крестьянские держания принадлежали в большинстве случаев свободным поселенцам, которые ни в какой зависимости от рыцарей, своих соседей не находились. Они платили налоги маркграфу, имели собственные органы управления и суда во главе со старостой и подлежали конкреции маркграфского земского суда.

Однако скоро соседи-рыцари превратились в господ-помещиков, а крестьяне — в их крепостных. Исходным моментом в этом процессе было наделение рыцарей судебно-административной властью с правом (правда, вначале ограниченным) использовать в личных интересах

[10] Г. Кнапп. Ук. соч., стр. 25.

общественные повинности крестьян (транспортные обязательства по отношению к маркграфу, общественная барщина по починке дорог, постройке и ремонту замков и т. д.). Право рыцарей требовать в свою пользу эти повинности (три, четыре, в некоторых случаях — до семи дней в году) к концу XV в. превратилось в повсеместный обычай. В XVI в., когда на Балтике создались благоприятные условия для торговли сельскохозяйственным сырьем, рыцарь, пользуясь своей властью сеньора, стал захватывать крестьянские земли, расширять свое имение, а самих крестьян привлекать на барщину сколько ему заблагорассудится. Итак, к началу XVII в. барщинно-крепостное имение появилось на свет. Рыцарь, неограниченно распоряжающийся трудом крестьян, стал смотреть на них как на своих подданных.

Весьма возможно, и, пожалуй, даже чаще, этот процесс совершался несколько иным путем. Слой феодальной знати с самого начала колонизации на востоке был значителен и силен. Часто колонизация велась рыцарями, захватившими территорию и вербовавшими для заселения людей в Западной Германии через посредство особых предпринимателей — локаторов, которые впоследствии, выполнив возложенные на них поручения, становились шульцами, привилегированными крестьянами, земледельцами, деревенскими судьями и представителями деревни перед рыцарем-колонизатором.

На каких условиях были приглашаемы крестьяне, сказать трудно. Но весьма возможно, что рыцарь сразу становился в отношении крестьян в положение сеньора и сохранял по отношению к земле, которой он наделял вновь прибывших поселенцев, несравненно большие права, чем рыцарь, который становился сеньором деревни, заселенной до и помимо него. Кнапп предполагает, что в деревнях, возникших в результате заселения территории самим рыцарем, с самого начала могло образоваться нечто подобное ласситскому праву с его ограниченным для крестьянина правом распоряжения своим наделом.

Каким бы путем, однако, ни возникала сеньориальная власть рыцаря, можно считать вполне установленным, что немецкий колонист вначале в массе был лично свободен. Что касается холопов из славян — факт, в котором националистически настроенные историографы хотели видеть чуть ли не причину позднейшего крепостного

права в заэльбской Германии — то можно вполне определенно утверждать, что холопство, возможное среди побежденных славян, ни в какой связи с поздним крепостным правом не стоит.

Каким же образом рыцарь, сделавшийся сеньором, превратился затем в помещика?

В конце XV — начале XVI в. падает значение рыцарского ополчения. Рыцарь забрасывает свой меч и становится сельским хозяином. Сеньор превращается в помещика, увеличивая свою запашку, за счет крестьянской земли. Рыцарское имение растет, крестьянская земля исчезает; так возникает крупное помещичье хозяйство. Этот процесс начинается в конце XV в. и идет непрерывно в XVI и XVII вв. Обезземеление крестьянства происходит и насильственным, и легальным путем. Население колонизованных областей было не так плотно, как в старой Германии. «Черная смерть», свирепствовавшая в XIV вв., уход крестьян в города, междоусобные войны приводили к запустению крестьянских дворов, и помещику, если он не желал допустить их окончательного развала, оставалось только одно — присоединить их к своему поместью. Одновременно с увеличением запашки помещика растет и принудительный труд крестьян в виде дворовой службы и барщины. В XVI в. барщина из фиксированной превращается в неопределенную, а чтобы предупредить отказы крестьян от принудительно даваемого ему надела и бегство их от «египетской» барщины, издается ряд постановлений, прикрепляющих крестьян к территории поместья. Помещики стремятся превратить наследственные держания крестьян в ненаследственные и тем поставить крестьян в большую зависимость от себя, а там, где это требуется хозяйственными соображениями, и вовсе обезземелить крестьян, превратив их либо в прикрепленных к поместью батраков (Мекленбург, Шведская Померания), либо в крепостных арендаторов. Тридцатилетняя война и колоссальные опустошения, ею причиненные, лишь ускорили этот процесс. В XVIII в. возросшая власть прусских королей, выступив в защиту налоговых прав, а также в интересах военных наборов и постоев, попыталась, впрочем, с небольшим успехом, положить некоторую преграду безграничной эксплуатации, издало ряд законов, запрещавших дальнейший снос крестьянских дворов и присоединение к барской земле крестьянской земли.

В общем внешнее описание эволюции аграрного строя Восточной Германии, история аграрного законодательства XVIII в., и, наконец, история ликвидации крепостного строя в Пруссии в XIX в. даны Кнаппом верно. Но его объяснение происхождения крепостного строя не может считаться удовлетворительным уже по одному тому, что формула Кнаппа о том, что в результате упадка рыцарского ополчения к XVI в. «рыцарь превратился в сельского хозяина» («Der Ritter wird Landwirt»), просто ничего не объясняет. Этот упадок был явлением общеевропейским, и, однако, нигде к западу от Эльбы он не сопровождался превращением сеньора (Grundherr) в помещика (Gutsherr). Устремления сеньоров Юго-Западной Германии и до, и после Великой крестьянской войны были направлены не к увеличению своего хозяйства, а к увеличению ренты, а в случае, если бы общие экономические условия тому благоприятствовали, к превращению феодальной ренты в капиталистическую. Сам Кнапп, рисуя нам аграрную эволюцию на востоке Германии, принужден исходить в своем объяснении из того факта, что увеличение барской запашки, расширение помещичьего хозяйства было рассчитано на сбыт его продуктов на рынок. Именно в этом факте и следует искать ту основу, на которой сложилось крепостное хозяйство Восточной Германии, а в зависимости от него и весь ее социальный и политический строй.

Историю развития крепостного хозяйства Восточной Германии в кратких словах можно было бы определить как историю превращения колонизационной окраины Западной Европы в ее колониальную окраину, ибо Восточная Германия, служившая в XII—XIII вв. местом, куда шла немецкая колонизация с запада, с XIV в. мало-помалу превращается в колонию развитых в экономическом отношении стран европейского запада, получающих оттуда сельскохозяйственное сырье, в первую очередь — хлеб. Конкретная обстановка, в которой происходило это превращение, обусловила здесь развитие крупного предпринимательского хозяйства, основанного на принудительном труде крестьян, прикрепленных к поместью.

Процесс развития крепостного хозяйства в отдельных областях Восточной Германии имеет много вариантов, но есть целый ряд общих черт, характерных для всего восточноевропейского хозяйства в целом. Монографиче-

ская разработка этого вопроса позволяет уже теперь сформулировать некоторые общие выводы, разумеется, не окончательные, о причинах происхождения крепостного строя Восточной Германии.

Колонизация Восточной Германии сопровождалась распылением населения, уходом его из-под влияния начинавшегося развиваться на западе городского хозяйства (как бы ни были скромны размеры этого явления). Основывающиеся на востоке иногда очень многочисленные города (например, на землях Тевтонского Ордена) были почти исключительно военными опорными пунктами колонизации, а не центрами торговли и ремесла. Одновременно с этим на востоке мы повсюду встречаемся с другим явлением, имевшим не меньшее влияние на будущий социальный строй крепостной Германии. Это — ослабление центральной власти и усиление роли рыцарства. Одним словом, отсутствие тех социально-экономических предпосылок, которые способствовали на западе укреплению власти одного из феодалов — короля, отсутствие города, как центра денежного хозяйства и зачатков торговли и промышленности привело на востоке к восстановлению или по крайней мере к усилению феодальных черт как в хозяйстве, так и в социально-политическом строе.

Это регрессировавшее в результате колонизации хозяйство и общество было сразу затем вовлечено в рыночные отношения с высокоразвитыми странами запада, систематически поглощавшими большое количество сырья. Восток Германии, таким образом, не знал промежуточной ступени, свойственной западу — органического роста местного городского хозяйства. Это обстоятельство оказалось решающим для формирования социального строя на востоке. Рыцарю, прежде чем он стал, по формуле Кнаппа, сельским хозяином, предшествовал сеньор, сделавшийся хлебным торговцем. Хлебным торговцем был и рыцарь — помещик, наследник сеньора.

В результате на востоке сложились совсем особые отношения между деревней и городом, между дворянством и буржуазией, повлекшие за собой торжество той системы хозяйства, в основе которого лежала отработочная рента.

С самого начала колонизации отношения господствующих слоев города и деревни складывались на востоке

иначе, чем на западе. На западе ведущая роль в экономическом развитии принадлежала местным городам, бывшим организационными центрами зарождавшегося капиталистического хозяйства, проникновение денежных отношений в деревню шло именно через город, поэтому рост города неуклонно повышал удельный вес бюргерства и понижал удельный вес сеньоров. Деревня, сельское хозяйство в целом зависели от города; деньги, которые просачивались в деревню, были лишь частью торговых оборотов, совершавшихся в городе; хозяйство деревни, поскольку оно становилось денежным, зависело от процветания города. Город, его система хозяйства и его система труда оказывались господствующими. Борьба между буржуазией и феодалами в области хозяйственной организации закончилась победой буржуазии задолго до того, как последняя одержала политическую победу над дворянством. Сеньор, благосостояние которого в конечном счете зависело от того же города, принужден был мириться со свободой своих подданных, ибо это было необходимо для города. Отсюда — усиление значения буржуазии в западноевропейских государствах в эпоху разложения феодального строя.

Совершенно иным было взаимоотношение города и деревни на востоке Германии. Старые северные германские города, входившие в Ганзейский союз, были типичными продуктами чисто средневекового торгового развития. Они занимались транзитной торговлей и в очень незначительной степени опирались на производство собственной округи. К XVI в. и они стали хиреть, уступая место более счастливым западным конкурентам. Колонизация востока не успела создать вместо них новых городских центров, подобных тем западным городам Англии, Франции или Голландии, которые вытеснили Ганзу и вытеснили ее потому, что они чем дальше, тем больше втягивали в свою торговлю производство собственной страны. Наоборот, рыцари-колонизаторы на новой почве с самого начала оказались более сильными и сплоченными как класс, чем на своей западной родине. Но самым важным фактом, предопределившим в дальнейшем социально-политическую слабость буржуазии, было образование с конца XIII в. западноевропейского хлебного рынка, развивавшегося паралелльно развитию западных торговых и промышленных центров. Восточные города в луч-

шем случае стали посредниками в хлебной торговле с западом. Посредническая роль их была очень ограничена и территориально, и функционально. Они в большинстве случаев даже не были организаторами доставки хлеба на рынки Западной Европы — англичане, голландцы и шведы забирали хлеб на свои суда. Иностранные купцы проникали по рекам в глубь страны и уже с XIV в. часто давали землевладельцам задаток под хлеб на корню.

Таким образом, между рынками Западной Европы и восточногерманскими производителями хлеба сложились прямые связи, минуя местный город, который для производителя был далеко не всегда удобным и вовсе не обязательным посредником. Связав себя с заморскими городами, сельское хозяйство востока накапливало свои денежные ресурсы, черпая из источника несравненно более мощного, чем местные города, оказавшиеся к тому же вдали от главных торговых путей Западной Европы. Класс сельских хозяев на востоке оказался несравненно более сильным экономически, чем города Балтийского побережья. Поэтому свою политическую власть он употребил на то, чтобы вопреки городам узаконить ту систему труда, которая была наиболее для него выгодной при современных условиях хлебного рынка — систему крепостного труда, эксплуатируемого в барском хозяйстве, как предприятии, работающем на сбыт. В своей идеальной форме, к которой стремилось конкретное крепостное поместье, барское хозяйство расширяло свою запашку за счет крестьянской до таких пределов, при которых земля, оставшаяся в пользовании крепостного, была достаточна для поддержания его семьи и его инвентаря, ибо его труд и инвентарь были необходимы помещику. Таким образом, в крепостном хозяйстве нового времени на востоке крестьянский надел являлся до известной степени формой натуральной заработной платы, а барское поместье было предприятием.

Само собой разумеется, что конкретное крепостное хозяйство не везде развилось до своей идеальной формы. Дробность и разнообразие процессов — характерная черта аграрного развития на востоке так же, как и на западе. Интересным примером может служить история аграрного развития на землях Тевтонского Ордена, вошедших в состав Прусского королевства.

Орден появился на Балтийском побережье в XIII в., продолжая огнем и мечом крестоносную борьбу с «язычниками». Рыцари, принимавшие участие в завоевании, скоро превратились в сеньоров. Орден охотно наделял рыцарей судебно-административной властью, во-первых, потому, что при больших пространствах он сам не в силах был взять на себя выполнение подобных функций, а во-вторых, жалуя рыцарям доходы, связанные с отправлением судебных и административных обязанностей, он надеялся получить в свое распоряжение дешевое войско, так как пожалование было связано с обязанностью военной службы. Так создана была основа для будущего рыцарства. Однако первое время не рыцарство, а сам Орден воспользовался теми особо благоприятными условиями, которые оказались налицо на его новой родине. В конце XIII столетия начинается вывоз хлеба с востока. Этот вывоз имел значение не только для земель, занятых Орденом, но и для всего Балтийского побережья, а также для территорий, охватываемых бассейнами полноводных рек Вислы, Преголи, Одера, Эльбы, по которым не труден сплав таких громоздких и тяжелых товаров, как хлеб и лес. Поэтому вкратце остановимся на истории этой торговли.

Уже в первой трети XIII в. Англия и особенно Фландрия были заинтересованы в ввозе хлеба. Во Фландрии — центре тогдашней текстильной промышленности — ввоз хлеба начинал приобретать в это время регулярный характер. Хлеб ввозили также Норвегия и Швеция. Интересно отметить, что первоначально потребность в хлебе указанных стран покрывалась вывозом из местностей, лежавших по нижнему Рейну, Шельде и Маасу. С середины XIII в. хлеб начинает вывозить Бранденбург. Первые сведения о хлебном вывозе имеются в документах, относящихся к истории Ганзы, но они очень скудны и не дают нам возможность судить о его размерах. К началу XIV в. торговля упомянутых выше стран вытесняется вывозом хлеба с востока, из заэльбской, особенно прибрежной Германии, а с XV в. — из Польши. Причина упадка хлебного вывоза из Западной Германии — развитие внутреннего рынка в области нижнего Рейна и Северной Франции. Города экономически господствуют над сельской округой и ставят разнообразные преграды вывозу хлеба, а то и просто запрещают его, стараясь

понизить его цену на внутреннем рынке. Первое упоминание о хлебе во Фландрии из «восточных стран», без точного, правда, обозначения откуда именно, относится к 1287 г. В XIV в. хлеб делается главным предметом оживленной торговли на Балтике. Рига, Данциг, Эльбинг Торн, позже и сравнительно скромнее — Кенигсберг, были важными торговыми пунктами, замыкавшими собой речные системы Западной Двины, Вислы и Преголи, сделавшимися центрами хлебного вывоза. В первой половине XIV в. главная роль принадлежала Торну, с конца XIV в. взял верх его конкурент Данциг. Большая часть хлеба шла из Польши, но значителен был вывоз и из территорий немецкого Ордена.

Тевтонский орден, возникший в условиях развития южноитальянской торговли, перенес хозяйственные навыки, приобретенные в Малой Азии, на свою новую родину. Здесь он скоро вырос в крупную торговую организацию, прекрасно использовав благоприятную для своей коммерческой деятельности обстановку на Балтийском побережье. Хлеб, продававшийся Орденом, он получал в виде натуральной ренты со своих земель. На последнее обстоятельство следует обратить особое внимание, ибо в этом частном случае отразилось общее правило. Продажа натуральной ренты была важнейшим источником хлеботорговли. Впрочем, некоторую часть хлеба Орден получал и из своих доменов, обрабатываемых при помощи покоренных пруссов и наемными руками немецких переселенцев, в XIV в. шедших широким потоком из Западной Германии.

Вслед за Орденом хозяйственную деятельность в том же направлении стали развивать и рыцари. Рыцарское хозяйство этого времени не имело ничего общего с рыцарским поместьем XVII и XVIII вв. Оно было немногим больше обыкновенного крестьянского двора. Но исключительно благоприятные условия хлебного сбыта скоро втянули рыцарей в торговлю хлебом, оставшимся от собственного потребления. Развитию торговли хлебом способствовало то обстоятельство, что Орден в интересах собственной торговли поддерживал систему свободного хлебного вывоза, предвосхищая на много веков экономический либерализм прусских консерваторов юнкеров. Магнаты Ордена, соединившись с рыцарством, в течение всего XV в. отбивали атаки городов, домогав-

шихся монополии хлебной торговли, и строго блюли два принципа экономической политики: свободу вывоза и допуск в страну иностранных купцов. Одновременно Орден издает распоряжения, ограничивающие свободу торговли хлебом; он требует от своих крестьян-чиншевиков, чтобы они продавали хлеб только приказчикам Ордена и определял высоту покупной цены этого хлеба. Сеньориальное право неожиданно превращалось, таким образом, в право предпочтительной покупки с целью перепродажи за границу. Как крупный торговец хлебом, Орден стоял за свободу торговли, но как государь, он стремился к государственной монополии в пределах своей сеньории.

Развитие хлебной торговли впоследствии послужило причиной крестьянского закабаления; но в XIV в. и даже в первой половине XV в. пока еще никаких признаков крестьянской неволи на землях Тевтонского Ордена не было. Лишь с середины XV в. начинает складываться новая хозяйственная система. Раньше, чем в Германии, она развивается в Польше. XV век — период ожесточенной и неудачной для Ордена борьбы с Польско-Литовским государством. Разгром немецких войск при Танненберге и Грюнвальде, колоссальные опустошения и разорения, понесенные Орденом в первой половине XV в., и, наконец, потеря им Данцигского Поморья и Западной Пруссии (Торунский мир 1466 г.) повергли его в финансовую пропасть. Рядовое рыцарство, с завистью смотревшее на шляхетские вольности в Польше, начинает в свою очередь добиваться от ослабевшего правительства привилегий и распространяет свою власть на крестьянство и его землю. Запустевшие крестьянские дворы, разоренные войнами первой половины XV в., массами присоединяются к рыцарским имениям. Приток новых колонистов из Западной Германии прекратился еще к началу XV в.; а между тем спрос на хлебные продукты не только не уменьшался, но, наоборот, обнаруживал непрерывный рост и приобретал все более устойчивый характер. Перед рыцарским хозяйством открывались самые широкие перспективы. Но они встречали важное препятствие недостаток рабочей силы.

С середины XV в. и во владениях Ордена, и в Польше происходят параллельные социально-экономические процессы. Идет борьба рыцарства с крупными магнатами. В Польше она принимает форму борьбы за власть в го-

сударстве с польским можновладством; в землях Ордена рыцарство создает союз с целью борьбы против самого крупного сеньора — самого Ордена. Смысл борьбы и там, и здесь один и тот же. Расслоение феодального класса и борьба двух его слоев — крупных магнатов и рыцарей — выражало смену натуральной ренты рентой отработочной, а вместе с тем борьбу двух форм хозяйства: хозяйства, построенного на отчуждении натуральной ренты, с хозяйством, построенным на барщинном труде. Исход борьбы был предрешен тем, что при данных хозяйственных условиях барщинное хозяйство оказалось более интенсивной формой эксплуатации труда, чем сеньория. При устойчивом и все повышающемся спросе на хлеб и непрерывном росте хлебных цен, с втягиванием в торговлю все более отдаленных территорий в верховьях рек Балтийского бассейна, создался особый тип хозяйства, несравненно меньшего, чем прежние феодальные сеньории территориально, но зато более компактного и допускавшего большее хозяйственно-организующее участие его владельца в интересах получения большего дохода. Польский шляхтич и орденский рыцарь и были тем слоем феодального общества, который соответствовал этой хозяйственной форме. Шляхтич и рыцарь были не только собирателями ренты, государями феодальных государств — сеньорий старого времени, но и предпринимателями, причем более многочисленными, чем сеньоры, и опиравшимися на более интенсивную эксплуатацию труда. Вмешательство рыцарства в управление шло в первую очередь в сторону усиления крестьянских повинностей дворовой службы и барщины, а классовая солидарность рыцарства и его влияние на государство оформили эти новые хозяйственные тенденции в законодательстве, превратив польского крестьянина в холопа, юридически — в настоящего раба, а немецкого крестьянина в Пруссии — в крепостного, описанного нами выше.

XVI век — время, когда центр экономического развития Европы окончательно переходит на запад, когда вслед за этим происходит новое расширение хлебного рынка, — был вместе с тем и временем окончательной победы шляхетского и рыцарского предпринимательского барщинного хозяйства Восточной Европы. Если крестьянство на землях бывшего немецкого Ордена оказалось впоследствии все-таки в лучших условиях, чем польские

холопы (среди орденских крестьян многие сохранили держания на «лучших» правах и меньшую зависимость от помещика), то это скорее всего объясняется тем, что польские победы и присоединение Данцига к Польше означали для Ордена потерю лучшего порта и потерю значительной части самых удобных территорий для хлебного хозяйства на вывоз. Орден, оттесненный на менее плодородные земли, неудобные для массового производства хлеба, не был в состоянии конкурировать с польским хлебом, шедшим с плодородных польских равнин по удобным речным путям. Торговля Кенигсберга становится значительной лишь в XVII в. Вывоз его в 1573 г. достигает 7730 ласт, в 1623 г. — 3300 ласт и в 1631 г.— 8145 ласт. Но что значили эти цифры по сравнению с экспортом Данцига, который в 1608 г. вывез 87 438 ласт, 1618 г. — 115 721 ласт и в 1619 г. — 102 981 ласт. Впрочем, аграрная эволюция XVII и XVIII вв. на землях бывшего Тевтонского Ордена остается наименее изученной и до сего времени. Все же, как показывают иследования Плена[11], в начале XVIII в. барское поместье использовало не один только барщинный труд крестьян. В Восточной Пруссии в довольно значительных размерах имел место и наемный труд, и обработка барской запашки орудиями и живым инвентарем барского двора. Оба эти явления встречаются на востоке Германии в общем довольно редко и тем реже, чем дальше от моря. В Силезии, например, как показал Цикурш[12], и то и другое явления стали распространяться только в конце XVIII в. вместе с довольно сильным подъемом цен на хлеб и были связаны с более интенсивными системами полеводства, знаменовавшими собой начало перехода к чисто капиталистическим формам хозяйства XIX в. В это время агрономы подняли свой голос против принудительного труда вообще, находя его слишком экстенсивным.

У нас нет достаточно данных для того, чтобы объяснить распространение наемного труда в поместьях Восточной Пруссии в XVII и XVIII столетии, но интересно отметить, что около Данцига в польских королевских до-

---

[11] H. Plehn. Zur Geschichte der Agrarverfassung von Ost und Westpreussen. Forschungen zur Brandenburg und Preussischen Geschichte. Bd. 17—18, 1904—1905.

[12] Y. Ziekursch. Hundert Yahre silesischer Agrargeschichte Breslau, 1915.

менах в XVI в. наемный труд применялся в довольно больших размерах. Это обстоятельство исследователь аграрной истории Польши Рутковский [13] прямо ставит в связь с сравнительно небольшими затратами на доставку хлеба к месту погрузки (Данциг), тогда как в глубине Польши, на средней и верхней Висле, помещичье хозяйство оказывалось выгодным только при эксплуатации барщинного труда крепостных, так как расходы на транспорт уменьшали цену хлеба вдвое (18 злотых за ласт на месте и 36 злотых за ласт в Данциге).

Если из только что нарисованной нами картины эволюции аграрного строя устранить ее некоторые местные конкретные стороны, замедлившие или ослабившие развитие барщины и крепостного строя на территории Восточной Пруссии, или, наоборот, ускорившие и усилившие те же явления в Польше, то мы будем иметь условия аграрного развития, общие для всего Балтийского побережья, начиная от Шлезвиг-Гольштейна и кончая остзейскими провинциями России XVIII в. Мы встречаем здесь три основных этапа в развитии крепостного хозяйства. Первый предварительный этап — видоизменение старой сеньории под влиянием вывоза хлеба. В XV в. она начинает играть роль организации, при помощи которой сеньор получает натуральную ренту, реализуемую затем на заморском рынке. В этот период барщинное хозяйство в собственном смысле слова еще отсутствует, но тем не менее этот период очень важен для экономической и социальной истории Восточной Германии. Именно в это время происходит рост капиталов аристократии, повышается ее удельный вес в общественных отношениях, и она начинает пользоваться своей политической властью в организовавшемся новом государстве для закрепления своего исключительного экономического превосходства в ущерб крестьянству и буржуазии. Дворянство успешно борется с городами и стремится пробить брешь в средневековых принципах городской торговой и промышленной монополии. Замечается ухудшение в положении крестьянства. Сеньоры стремятся использовать свою судебно-административную власть как орудие принуждения в отношении крестьян и стара-

---

[13] См. Я. Рутковский. Экономическая история Польши. М., ИЛ, 1953.

ются повысить долю принудительного крестьянского труда в интересах хлебной торговли (например, увеличение подводной повинности).

С XVI в. наступает второй этап в развитии аграрных отношений. Социально-политическое господство аристократии, выросшее на основе реализации на заморских рынках натуральной ренты, влечет за собой коренные перемены как в хозяйственном строе сеньории, так и в системе труда. Сеньория сменяется поместьем, расширяющимся за счет крестьянской запашки; натуральная рента вытесняется рентой отработочной. Но эта последняя так же, как и натуральная рента в XV в., имеет иной смысл, чем в раннее средневековье. Отработочная рента, барщина превращается в систему труда, лежащую в основе предпринимательского хозяйства, работающего на рынок, и эта новая черта сближает крепостное барщинное хозяйство с капиталистическим. На основе административных и судебных прав, приобретенных в предшествующий период, дворянство распоряжается сельским населением, постепенно прикрепляемым к территории поместья, сообразуясь почти исключительно лишь со своими хозяйственными расчетами. Политическая форма, соответствующая наиболее законченному типу такого развития — вовсе не абсолютная монархия, а аристократически-дворянская полуреспублика, полумонархия, подобно Польше, Мекленбургу или Померании. Впрочем, ослабление центральной власти в XVI и XVII вв. характерно даже для Бранденбурга — Пруссии.

Третий этап датируется большим хозяйственным подъемом конца XVIII в. Этот начальный период перехода к капиталистическому хозяйству, к новой сельскохозяйственной технике, связан с частичным или почти полным обезземелением крестьянства и с постепенным его освобождением от крепостной зависимости. При общем хозяйственном подъеме крепостной труд оказывается малопроизводительным. На этом периоде мы не будем здесь останавливаться, так как главное событие его — законодательство, направленное к освобождению крестьян — относится к XIX в. Для первого же и второго этапа мы приведем несколько примеров.

В Мекленбурге, например, герцог Магнус (конец XV — начало XVI в.) был одним из самых крупных хлеботорговцев. Его примеру следовали дворяне. Герцог-

кий казначей Трутман был первым из аристократии, занявшимся хлебной торговлей. Между 1510—1637 гг. два других представителя мекленбургской аристократии Берд Мальцан Вольдский и Генниг Гольштейн Анвергаенский начали вести крупную торговлю хлебом на вывоз, сплавляя его по рекам к морю.

В Бранденбурге в 1488 г. дворяне добились отмены старого обычая, в силу которого крестьяне имели право продавать хлеб только в город и по установленным городом ценам. Смысл этой отмены не подлежит никакому сомнению: города стояли на пути дворян, ибо почти повсюду дворяне вслед за этим добиваются преимущественного права покупки хлеба у крестьян и прежде, чем стать помещиками, превращаются в перекупщиков крестьянского хлеба. В руках гольштейнской аристократии и монастырей в XV в. скопились огромные капиталы. Приток этих капиталов, получаемых сеньорами от реализации натуральной ренты, в значительной мере способствовал процветанию ганзейских городов. Когда в XVI в. в ущерб немецкой торговле поднялась голландская, огромные суммы денег потекли из Гольштейна в Нидерланды. Гольштейнский аристократ Генрих Рантцау хвалился, что испанский и английский государи были его должниками, а датские короли не без страха смотрели на то, что их кредит не пользуется успехом у гольштейнской знати.

Развитие хлебной торговли среди дворянства было, говорит прусский историк Гинтце [14], «предвестником» будущего крупного барского хозяйства. От торговли хлебом, который рыцарь покупал у крестьян, был один шаг до возможно большего собственного производства этого предмета экспорта. Стремление дворянства к хозяйственной деятельности было явлением, которое становится заметным с конца XV в. по всей области, лежавшей за Эльбой, в пограничных с нею северовосточных территориях; одновременно (а может быть и несколько раньше) — в Польше.

Толчком к организации новой хозяйственной системы на востоке были дальнейшие улучшения хозяйственной конъюнктуры. В XV в. усилился хлебный вывоз, так как

[14] O. Hintze. Wesen und Verbreitung des Feudalismus. Sitzungsbericht der Preuss. Ak. d. Wissensch., Phil.—hist. Kl., Berlin, 1929.

наряду с Нидерландами в качестве стран, ввозящих хлеб, выступили Англия и Испания и замечается сильный рост хлебных цен. Рёриг прямо сводит причину появления крупных барских хозяйств в Шлезвиг—Гольштейне к увеличению спроса на хлеб и увеличению хлебных цен вдвое и втрое в течение XVI в. [15]. Специально занимавшийся «революцией цен» Фибе устанавливает такую картину движения цен на хлеб в XVI и XXII вв.: быстрый подъем цен после 1550 г., еще более усилившийся в следующие десятилетия. Наиболее сильный прирост цен падает на 60-е и 70-е годы. С конца 90-х годов XVI в. подъем цен на хлеб как общеевропейское явление исчезает и дальнейшая их эволюция принимает в каждой стране самостоятельный характер. Но как раз вторая половина XVI в. и была временем наибольших успехов крепостного хозяйства.

На примере Пруссии мы видели, чем было крепостное хозяйство в целом. В областях, лежавших непосредственно около моря, а также в Польше, процесс сноса крестьянских дворов принял еще более острый характер. В Шлезвиг-Гольштейне (в восточной части герцогства) сносились целые деревни сразу. «Нельзя указать ни одного дворянского поместья, — говорит историк аграрного строя Гольштейна Зеринг, — которое бы в большей своей части не включало в себя снесенную деревню» [16]. Эпидемии XVI и XVII вв. и Тридцатилетняя война облегчили этот процесс присоединения крестьянских земель к барской запашке, но вовсе не были его причиной. То же самое мы видим повсюду в заэльбской Германии. Одновременно идет прикрепление крестьян и ухудшение их правового положения. В XVII веке юрист Мевус не без возмущения говорил о том, что крепостные в Померании являются предметом торговли наравне с лошадьми и коровами и восставал против обычая продажи крестьян без земли, находя его незаконным. В XVIII в. другой юрист — Балтазар прямо считал крестьян частью недвижимого имущества, которым можно распоряжаться как вещью. У крестьян нет никаких прав на землю, и

[15] На этой точке зрения стоит в своих последних работах и польский историк Кутшеба.

[16] M. Sering. Die Umwälzung der osteuropaischen Agrarverfassung. Archiv für innere Kolonisation. Bd. 13. Berlin, 1921.

это как нельзя лучше свидетельствовало о крестьянском бесправии.

Dominium directum (право сеньора), соединенное с dominium utile (совокупность владельческих прав крестьян), было абсолютным правом собственности на землю, оказавшимся в руках помещика. Крестьянин мог быть лишен своего участка, когда это заблагорассудится помещику. Личное и имущественное положение крестьян в Польше слишком хорошо известно, чтобы на нем долго останавливаться. По выражению Дрезнера, писавшего о правовых обычаях Польши в начале XVII в., «польское дворянство пользуется такой же абсолютной властью по отношению к своим подданным, какую некогда имели римляне в отношении своих рабов» [17].

Формирование крепостного барщинного хозяйства, таким образом, получило свое окончательное завершение.

Несколько слов о русском крепостном праве. Часть историков СССР отказывается применять к крепостному праву в России XVI—XIX вв. понятие, предложенное Энгельсом для характеристики порядков Восточной и Средней Европы — «второе издание крепостничества». Делают они это на том основании, что в России с самого начала установления феодальных порядков и до конца их существования крепостное состояние крестьян не знало временного ослабления и становилось все более и более суровым. Однако, если даже принять их объяснение безоговорочно и согласиться с тем, что усиление со второй половины XVI в. крепостничества еще нуждается в дополнительном объяснении, все же несомненно, что окончательное закрепощение и суровые формы крепостного права, установившиеся в России XVII и особенно XVIII в., по мнению классиков марксизма имели те же причины, как и повсюду к востоку от Эльбы. Энгельс говорит по этому поводу: «До конца XVII в. русский крестьянин не подвергался сильному угнетению, пользовался свободой передвижения, был почти независим. Первый Романов прикрепил крестьян к земле. Со времени Петра началась внешняя торговля России, которая могла вывозить только земледельческие продукты. Этим

[17] См. L. Mises. Die Entstehung des Gutsherrlich-bäurlichen Verhältnisses in Galizien (1772—1848). Wien, 1902.

было вызвано угнетение крестьян, которое все возрастало по мере роста вывоза, ради которого оно совершалось, пока Екатерина не сделала этого угнетения полным и не завершила законодательства. Но это законодательство позволяло помещикам все более притеснять крестьян, так что гнет все более и более усиливался» [18]. Можно, конечно, выразить сомнение, знал ли точно Энгельс, когда он писал Анти-Дюринг (1873 г.), фактическую историю России, но несомненно, что он связывал суровые, близкие к рабству формы русского крепостного права XVIII в. с ростом вывоза из России сельскохозяйственных продуктов, подобно тому, как это было везде к востоку от Эльбы.

---

[18] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 645.

Глава XII

НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ КРЕСТЬЯН В СРЕДНИЕ ВЕКА

Роль классовой борьбы в общественном развитии. К. Маркс и В. И. Ленин о классовой борьбе; формы классовой борьбы в средние века. Особенности классового сопротивления крестьянства в позднее средневековье.

Классовая борьба есть факт исторически конкретный и только из конкретного изучения событий классовой борьбы мы можем вывести общие синтезирующие положения. В данном случае речь идет о классовой борьбе при господстве феодальных производственных отношений, и поскольку основными классами этой формации являются феодалы и крестьяне, речь идет о классовой борьбе между ними, осложняемой на более поздних ступенях существования формации вмешательством в эту борьбу городских элементов, свойственных средневековью, т. е. города, в котором господствующими являются феодальные производственные отношения. Последнее обстоятельство чрезвычайно осложняет историю классовой борьбы между основными классами феодального общества, ибо город в средние века является главным центром развития производительных сил, развития, подготовлявшего переход феодальных производственных отношений в капиталистические.

Общее замечание о том, что классовая борьба есть факт конкретный, быть может, не имело бы места, если бы в этом, казалось бы, ясном вопросе не было разно-

гласий и не были высказаны с моей точки зрения неправильные положения. Кое-кто из советских историков, исходя из важности и исторической неизбежности классовой борьбы во всяком обществе, склонны рассматривать классовую борьбу вообще как изначальный факт, обусловивший само всемирно-историческое развитие. Всем нам хорошо известно начало Коммунистического Манифеста — этого гениального наброска всемирной истории: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» [1]. Прибавляя к этому неоднократное высказывание В. И. Ленина о классовой борьбе как единственном реальном двигателе истории, некоторые историки склонны видеть в классовой борьбе причину тех изменений, которые составляют содержание всемирно-исторического развития общества. Такой взгляд с необходимостью влечет за собой признание того, что классовая борьба логически предшествует развитию производительных сил и соответствующим изменениям производственных отношений и в качестве такого логического prius'а имеет свои собственные имманентные законы развития, законы, обусловливающие всемирно-историческое общественное развитие в целом. Такова, например, точка зрения проф. Б. Ф. Поршнева [2]. Нетрудно, однако, показать, что такая точка зрения прямо противоречит взглядам классиков марксизма-ленинизма и нарушает логику их теории классовой борьбы. Поэтому постараемся выяснить действительное значение классовой борьбы в историческом развитии, а вместе с тем и в жизни феодального общества.

Основное положение, заключающее в себе сущность исторического материализма и вместе с тем и марксизма-ленинизма в целом, поскольку дело идет об открытии Марксом истории как науки в собственном смысле этого слова, выражено Марксом в сжатом виде в знаменитом предисловии «К критике политической экономии»: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материаль-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 424.

[2] См. Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М., «Наука», 1964.

ных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции»[3]. Из этого отрывка следует, что в основе всего исторического развития лежит развитие материальных производительных сил, которому соответствует всякий раз изменение производственных отношений; причем само развитие производительных сил с соответствующим изменением производственных отношений Маркс рассматривает как процесс, а социальную революцию как констатируемый с естественнонаучной точностью переворот в экономических условиях производства. А классовая борьба? Последняя есть сознательная деятельность людей, направленная к изменению производственных отношений в интересах эксплуатируемых. Всякая социальная революция есть наиболее полное выражение классовой борьбы в том смысле, что чаще всего она выражается в прямом восстании, движущими силами которого являются трудящиеся массы, хотя далеко не всегда именно они в истории пользовались плодами победы. Но при этом следует помнить (и на это Маркс особенно обращает внимание), что сама классовая борьба, поскольку дело идет о переходе от одной формации к другой, является производным от производственных отношений, которые в свою очередь зависят от развития производительных сил. «Ни одна общественная формация, — продолжает Маркс там же, — не погибает раньше, чем

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 6—7.

разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления» [4]. Продолжая и развивая этот тезис К. Маркса, В. И. Ленин создал свое учение о революционной ситуации, в котором он дал конкретные объективные условия, которые предшествуют революции и создают ее условия, хотя и не обязательно заканчиваются ею [5].

В приведенном выше отрывке следует также обратить внимание на следующее; говоря о развитии производительных сил, Маркс не употребляет термин «развитие» в приложении к производственным отношениям, и это не случайно. Развиваются производительные силы, а производственные отношения как определенное качественное явление остаются неизменными до тех пор, пока они не становятся оковами дальнейшего развития производительных сил, и тогда наступает пора социальной революции, т. е. революционного перехода к более прогрессивной формации, более прогрессивным производственным отношениям. О развитии производственных отношений можно говорить лишь в том смысле, что система производственных отношений как определенное качество общественных отношений все более и более охватывает данное конкретное общество, становится в нем все более господствующей; и, наоборот, упадок формации может быть понимаем только как факт возникновения в недрах менее прогрессивной формации элементов, а затем и уклада более прогрессивной формации, идущей на смену первой. Эта смена осуществляется в процессе классовой борьбы, а так как борющийся класс ставит перед собой определенные цели, которые он формулирует, имея в виду определенные производственные отношения, то со-

---

4 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 13, стр. 7

5 См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 69—70.

держание классовой борьбы определяется каждый раз конкретно из обстановки, в которой она происходит, из тех целей, которые люди класса, вступающего в борьбу, себе ставят. Об особенностях феодального способа производства и связанной с ним классовой борьбы Маркс говорит: «Частная собственность работника на его средства производства есть основа мелкого производства, а мелкое производство составляет необходимое условие для развития общественного производства и свободной индивидуальности самого работника. Правда, этот способ производства встречается и при рабовладельческом, и при крепостном строе, и при других формах личной зависимости. Однако он достигает расцвета, проявляет всю свою энергию, приобретает адекватную классическую форму лишь там, где работник является свободным частным собственником своих, им самим применяемых условий труда, где крестьянин обладает полем, которое он возделывает, ремесленник — инструментами, которыми он владеет как виртуоз» [6].

Таковы цели борьбы, которые ставят себе крестьянин и ремесленник при господстве феодальных производственных отношений. Эта борьба, временами открытая, а обычно скрытая, была той целью, которую себе сознательно ставил мелкий производитель. Но сознательность этого основного класса феодального общества была предельно ограничена и не шла далее указанной выше цели. Ни рабы, ни феодально-зависимые крестьяне не могли представить себе объективных последствий своей борьбы. Средневековые крестьяне не понимали, что объективно они стремятся к установлению буржуазной собственности и к капиталистическому строю, который рано или поздно должен был покончить и с мелким производством, и с его представителями — самостоятельными мелкими производителями.

Говоря о мелком производстве, Маркс в цитируемом отрывке из 24-й главы пишет: «Этот способ производства предполагает раздробление земли и остальных средств производства... Он совместим лишь с узкими первоначальными границами производства и общества..., на известном уровне развития он сам создает материальные средства для своего уничтожения. С этого момен-

---

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 771.

та в недрах общества начинают шевелиться силы и страсти, которые чувствуют себя скованными этим способом производства. Последний должен быть уничтожен и он уничтожается. Уничтожение его, превращение индивидуальных и раздробленных средств производства в общественно концентрированные, следовательно, превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, экспроприация у широких народных масс земли, жизненных средств, орудий труда, — эта ужасная и тяжелая экспроприация народной массы образует пролог истории капитала. Он включает в себя целый ряд насильственных методов... Экспроприация непосредственных производителей совершается с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей. Частная собственность, добытая трудом собственника, основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы» [7].

Совершенно очевидно, что классовая борьба при столь сложных объективных условиях, создаваемых развитием производительных сил, сама будет явлением, в высшей степени сложным и многообразным. В. И. Ленин в своей замечательной лекции «О государстве» говорит об этом так: «Демократическая республика и всеобщее избирательное право по сравнению с крепостническим строем были громадным прогрессом: они дали возможность пролетариату достигнуть того объединения, того сплочения, которое он имеет, образовать те стройные, дисциплинированные ряды, которые ведут систематическую борьбу с капиталом. Ничего подобного даже приблизительно не было у крепостного крестьянина, не говоря уже о рабах. Рабы, как мы знаем, восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов» [8]. Правда, здесь В. И. Ленин не

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 771—772.
[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 82.

говорит о крепостных крестьянах так прямо и развернуто, как он говорит о рабах(хотя это, как будто, подразумевается), но другие его высказывания не оставляют сомнения в том, что В. И. Ленин невысоко оценивал революционные возможности крестьянства феодального общества. «...Начиная с средневековой «крестьянской войны» в Германии и продолжая всеми крупными революционными движениями и эпохами вплоть до 1848 и 1871 годов, вплоть до 1905 года мы видим бесчисленные примеры тому, как более организованное, более сознательное, лучше вооруженное меньшинство навязывало свою волю большинству, побеждало его.

Ф. Энгельс особенно подчеркивал урок опыта, объединяющий до известной степени крестьянское восстание XVI века и революцию 1848 года в Германии, именно: разрозненность выступлений, отсутствие централизации у угнетенных масс, связанное с их мелкобуржуазным жизненным положением. И с этой стороны подходя к делу, мы приходим к тому же выводу: простое большинство мелкобуржуазных масс еще ничего не решает и решить не может, ибо организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев *только* руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата» [9].

И далее В. И. Ленин заключает: «В конце концов, решает, как известно, вопросы общественной жизни классовая борьба в ее самой резкой, самой острой форме, именно в форме гражданской войны. А в этой войне, как и во всякой войне, решает — это тоже известный и никем в принципе не оспариваемый факт—экономика» [10].

Придавая исключительное значение классовой борьбе в движении всемирно-исторического процесса, В. И. Ленин с исключающей всякие кривотолки ясностью показал, зачем и как должна быть изучаема классовая борьба. «...прямая задача науки, по Марксу, — говорил он, — это — дать истинный лозунг борьбы, т. е. суметь объективно представить эту борьбу, как продукт определенной системы производственных отношений, суметь

[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 40—41.
[10] Там же, стр. 41.

понять необходимость этой борьбы, ее содержание, ход и условия развития. «Лозунг борьбы» нельзя дать, не изучая со всей подробностью каждую отдельную форму этой борьбы, не следя за каждым шагом ее, при ее переходе из одной формы в другую, чтобы уметь в каждый данный момент определить положение, не упуская из виду общего характера борьбы, общие цели ее — полного и окончательного уничтожения всякой эксплуатации и всякого угнетения» [11]. И говоря в другом месте о прогрессивности и неизбежности гражданских войн, т. е. войн угнетенного класса против угнетающего, рабов против рабовладельцев, крепостных крестьян против помещиков, он добавляет: «И от пацифистов, и от анархистов мы, марксисты, отличаемся тем, что признаем необходимость исторического (с точки зрения диалектического материализма Маркса) изучения каждой войны в отдельности» [12], т. е. прибавим мы от себя, конкретно-исторического изучения. А что значит конкретно-историческое изучение, В. И. Ленин определил весьма выразительно: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их *целом,* в их *связи,* не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже» [13].

Только на основе марксистско-ленинской теории можно правильно изучить формы классовой борьбы и правильное их истолкование возможно только на базе ясного представления о той конкретной обстановке, в которой они происходили, и о тех целях, которые борющиеся себе ставили. Формы классовой борьбы изменяются прежде всего в зависимости от изменений самого феодального способа производства, изменений в базисе и надстройке феодального общества.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 1, стр. 341.

[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 26, стр. 311.

[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 350.

Мы уже видели, какие цели и какие формы классовой борьбы были характерны для первого периода средних веков, периода закрепощения непосредственных производителей, превращающихся в класс зависимого крестьянства. Это была борьба крестьянства против новых господ, которая часто принимала оболочку восстановления «старого закона» или «старой правды», т. е. возвращения к свободным порядкам первобытнообщинного существования. В действительности эта борьба была вызвана основным противоречием феодального способа производства, заключавшимся в том, что наиболее законченной адекватной формой мелкого производства является собственность производителя на все средства и орудия производства, в то время как при господстве феодального способа производства существеннейшее средство производства — земля находится в руках господствующего класса и владение землей крестьянином оплачивается феодальной рентой. Поэтому борьба крестьян против феодалов, несмотря на оболочку, которую она принимала, имела революционный характер, была борьбой за максимально благоприятные условия для мелкого самостоятельного производства.

Мы видели затем, что в XIII—XIV вв. борьба крестьян против феодалов развертывается в условиях развития города и товарно-денежных отношений. Конкретные условия, в которых протекает эта борьба, следующие. В тех случаях, когда торговая связь деревни с городом осуществляется через крестьянское хозяйство (или по крайней мере преимущественно через крестьянское хозяйство), там мы видим постепенное забрасывание сеньором его собственной запашки; сдачу домениальной земли крестьянам в держание главным образом краткосрочное; исчезновение барщины в ее обычном виде, но возрождение ее в скрытом виде (поскольку тяжесть и риск реализации сельскохозяйственных продуктов на рынке перекладывается на плечи крестьян); полная или частичная коммутация феодальной ренты в денежную форму, углубление имущественной дифференциации крестьянства; ликвидация (полная или частичная) личной зависимости крестьян и увеличение хозяйственной самостоятельности мелкого производителя при сохранении, однако, поземельной и судебной зависимости крестьян от сеньоров. Все это вместе взятое, несомненно, повыша-

ет производительность труда и увеличивает доход крестьянского хозяйства, т. е. мелкого хозяйства, основанного на мелком производстве.

Иначе обстоит дело с крупным хозяйством, базирующимся на мелком производстве, т. е. с домениальным хозяйством сеньора. До тех пор, пока это хозяйство не становится капиталистическим, т. е. до тех пор, пока крупному хозяйству не придано соответствующей формы крупного производства, доход на единицу площади в мелком хозяйстве выше, чем в крупном. Это с цифрами в руках показал В. И. Ленин, говоря о господстве системы отработков в русском пореформенном хозяйстве в «Развитии капитализма в России». Да это вытекает и из существа самого дела: мелкий хозяин заинтересован в работе на своем наделе и в своем хозяйстве, тогда как при работе на барском поле и в барском хозяйстве такой заинтересованности у него нет. Система некоторой оплаты барщинного труда (и не только барщинного, но и вообще принудительного) деньгами и натурой (харчи), которая практиковалась в позднее средневековье в тех немногочисленных барских хозяйствах, которые еще кое-где существовали — яркое свидетельство того, что крупного хозяйства на мелком производстве построить нельзя. Но самое неопровержимое доказательство этого тезиса — общая ликвидация домениального хозяйства в Европе к западу от Эльбы. В тех редких случаях, когда такое хозяйство все же сохранилось, как это показал Е. А. Косминский для некоторых юго-восточных графств в Англии XIII в., его живучесть объяснялась наличием особых условий, которые позволили Е. А. Косминскому отнести их к типичным хозяйствам областей с так называемым «вторым изданием крепостного права». Едва ли можно сомневаться в том, что именно эта невозможность вести рационально крупное хозяйство на базе мелкого производства заставила феодалов в этот второй период средневековья пойти не по линии использования крестьянского труда в своих доменах, а по линии увеличения феодальной ренты по преимуществу в денежной форме, так как именно денежная форма феодальной ренты обеспечивала ее большую сохранность и большую мобильность. Меццадрия, которая развивается в это время в Италии, т. е. переходная к капитализму форма срочного держания исполу, за продукт, объясняется специфиче-

скими итальянскими условиями, интенсивностью городской жизни, легкостью и прибыльностью реализации сельскохозяйственных продуктов. Но это явление чисто итальянское и в остальных частях Европы в это время мало распространенное. Крестьянские восстания этого времени и были вызваны новым нажимом со стороны феодалов, попыткой повысить феодальную ренту, особенно в денежной форме, и обратить, таким образом, в свою пользу повышение доходов в мелком крестьянском хозяйстве, использующим выгоды от развития городов и товарно-денежных отношений. Большие крестьянские восстания XIII—XIV вв. имели своей целью, во-первых, сохранить главное условие своего относительного благополучия — свою хозяйственную самостоятельность, и это выражалось в том, что одним из важных программных или фактических требований восставших была личная свобода крестьян; во-вторых, сохранить феодальную ренту на прежнем уровне, зафиксированном столетиями обычного права, и, в-третьих (но это не везде) — сохранить альменду от расхищения ее феодалами «при благосклонном участии правителей страны» (Энгельс). Но и в последнем случае речь шла об отмене новых платежей за пользование альмендой, т. е. опять-таки о сохранении старых обычаев пользования общинными угодьями, которые господствующий класс превратил в источник своих доходов.

Положение крестьянства в третий период существования феодальной формации, в период, когда в недрах ее зарождаются элементы капитализма, весьма существенно изменяется, а вместе с ним изменяются и формы классовой борьбы. Первая причина такого изменения — новое соотношение классовых сил борющихся классов. Третий период средневековья — время создания централизованных монархий, завершающихся, главным образом в XVI в., монархиями абсолютными. И если крестьянство в предшествующий период господства сеньорий-поместий, а тем более в период монархий с сословным представительством оказалось бессильным в своей борьбе с господствующим классом феодалов и самое большое, на что оно могло рассчитывать в открытой борьбе с эксплуататорами — сохранение степени эксплуатации на более или менее определенном уровне, то такая борьба по мере растущей консолидации господствующего

класса в централизованной монархии становилась безнадежной вообще. Именно к этому времени подходит та характеристика борьбы, какую мы находим у Ленина: «Когда было крепостное право,— вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»[14]. Это сказано о России XVII—XIX вв., но в такой же мере с известными поправками конкретного характера верно и для Западной Европы. Крестьянство, чувствуя тяжелую руку феодалов, вооружённых недоступной для него по своей сложности и дороговизне военной техникой (достаточно вспомнить огнестрельное оружие, особенно артиллерию), отлично понимало безнадежность прямой борьбы и вынуждено было думать об иной, чем прежде, стратегии и тактике. И оно неизбежно пришло к мысли противопоставить новому объединенному государству свое «мужицкое государство», противопоставить крепостному обществу и государству свое вольное общество и автономное от феодального государство политическое устройство. Любопытно отметить, что много раз пытавшееся восстать в XV—XVI вв. юго-западное немецкое крестьянство прямо заявляло устами участников этих восстаний, что их целью было «мужицкое управление», имея, вероятнее всего, перед своими глазами организацию лесных кантонов Швейцарии, своих соседей, которым они завидовали и куда они бежали, когда их попытки кончались неудачей. И если здесь, в тесно населенной Юго-Западной Германии, подобного рода попытки были обречены на неудачу, то этого нельзя сказать о других частях Европы. Достаточно вспомнить об испанских бегетриях, австрийских (сербских по происхождению) граничарах, вольные полувоенные общины которых оберегали государство Габсбургов от турецких нашествий, Запорожскую сечь и казачество вообще в России XVI—XVIII вв. Чаще всего это были беглые крестьяне, вольные общины которых создавались на окраинах государства, где их не могла достать (по крайней мере, внача-

[14] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 194.

ле) рука центрального правительства. Напротив, оно само до известной степени и до поры — до времени вынуждено было поддерживать такие вольные общины и мириться с казацкой вольностью, защищавшей государство от наседавших на него врагов, и даже вынуждено давать им новое оружие, вместо утерянного в раннее средневековье старого вооружения, выпавшего, так сказать, из рук простого народа вместе с ликвидацией народных ополчений (Московское правительство, как известно, снабжало в XVII в. казаков порохом, свинцом, а иногда даже и пушками). Конечно, не надо преувеличивать степень свободы таких «мужицких государств». Рано или поздно они подчинялись центральному правительству; естественная имущественная дифференциация порождала в конечном счете собственное дворянство, которое обзаводилось собственными крепостными, и вольное общество мало-помалу превращалось в обычное феодально-крепостническое... Но это — обычная судьба даже успешных крестьянских восстаний. Осталась лишь светлая память о великих смутьянах и народных заступниках вроде Степана Разина и Емельяна Пугачева, да песни об удалых вольных дружинах.

Однако на этом классовая борьба крестьянства не кончается. Следующим этапом этой борьбы было постепенное превращение крестьянства в движущую силу буржуазных революций. Получить, наконец, землю в свою полную собственность — такова основная цель этой борьбы. Лозунги ее — «аграрный закон» во время Французской революции, «Земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает», идеи «черного передела»; таков идеологический багаж революционного крестьянства этой стадии классовой борьбы. Известно, что и эта форма классовой борьбы повсюду дала и дает осечку. Лишь союз крестьянства с пролетариатом может привести крестьянство к окончательной победе. Но этот вопрос уже выходит за рамки средневековья.

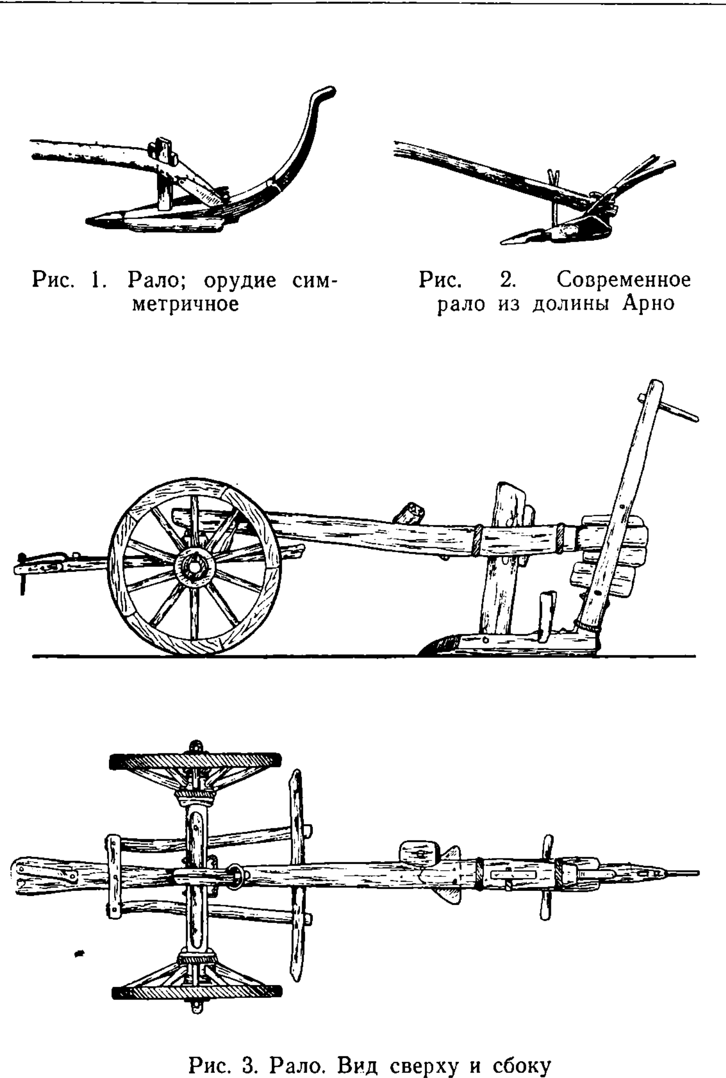

Рис. 1. Рало; орудие симметричное

Рис. 2. Современное рало из долины Арно

Рис. 3. Рало. Вид сверху и сбоку

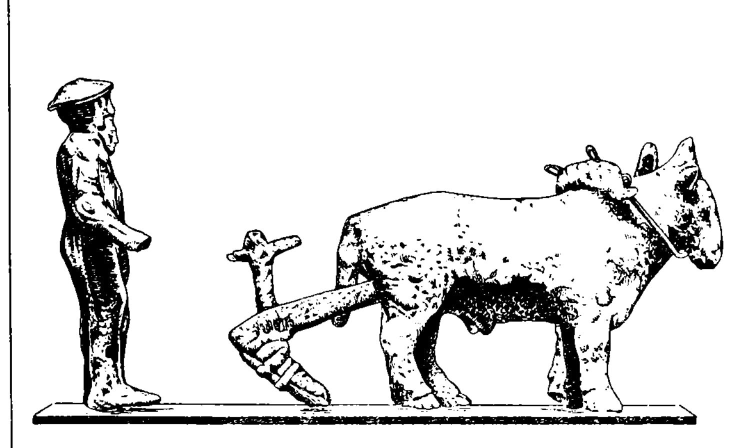

Рис. 4. Статуэтка из Ареццо

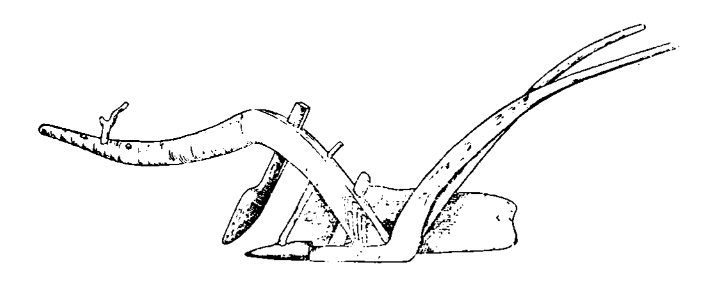

Рис. 5. Плуг; орудие асимметричное

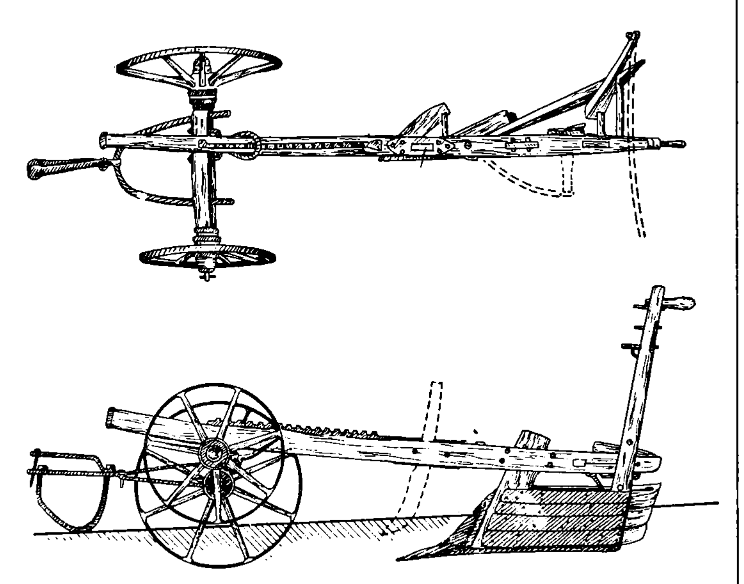

Рис. 6. Плуг. Вид сверху и сбоку

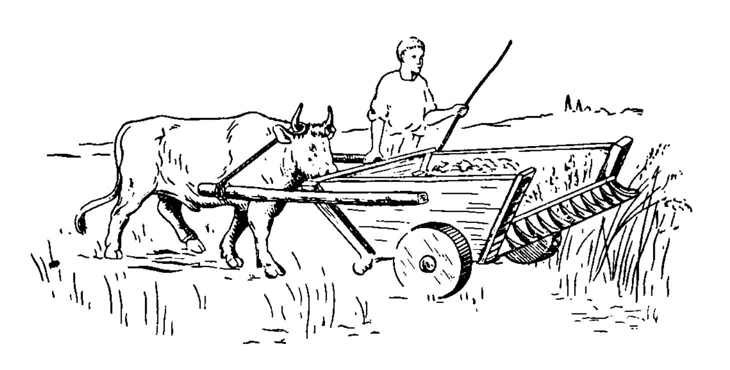

Рис. 7. Галльская «жатка»

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Агрикультура в памятниках западного средневековья. Под ред. О. А. Добиаш-Рождественской и М. И. Бурского. М.— Л., 1936.

Акты Кремоны, т. I (X—XIII вв.), подготовил к изд. С. А. Аннинский, предисл. О. А. Добиаш-Рождественской, М.— Л., 1937; т. II (XIII—XVI вв.), под ред. В. И. Рутенбурга и Е. Ч. Скржинской. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1961.

Английская деревня XIII—XIV вв. и восстание Уота Тайлера. Сост. Е. А. Косминским и Д. М. Петрушевским. Вводн. ст. Е. А. Косминского. М.—Л., 1935.

Варрон. Сельское хозяйство. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1963.

Вестминстерские статуты, пер. Е. В. Гутновой. М., Изд-во Министерства юстиции СССР, 1948.

Древние германцы. Сб. документов. Под ред. А. Д. Удальцова. М., 1937.

Итальянские коммуны XIV—XV вв. Под ред. В. И. Рутенбурга. М.—Л., «Наука», 1965.

Капитулярий о поместьях (Capitulare de villis). Перевод в «Хрестоматии по истории средних веков», под ред. С. Д. Сказкина, т. I. М., Госполитиздат, 1961.

«Социальная история средневековья», т. I под ред. Е. А. Косминского и А. Д. Удальцова, М.—Л., 1927.

Катон. Земледелие. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.

Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. О сельском хозяйстве. М., Сельхозгиз, 1957.

Крестьянские движения в Западной Европе в XIV—XVI вв. Сост. Ю. М. Сапрыкин. Изд-во МГУ, 1960.

Крестьянские движения в Германии перед Реформацией. Сост. В. А. Ермолаев. Саратов, 1961.
Памятники истории Англии XI—XIII вв. Пер. введ. Д. М. Петрушевского. М., 1936.
Полиптик аббата Ирминона. Polyptique de l'abbaye de Saint-Germain des Prés, redigé au temps de l'abbé Irminon et publié par August Longnon, vol. I—II. Paris, 1885—1886. Перевод отрывков в книге «Агрикультура в памятниках западного средневековья». М.— Л., 1936; «Социальная история средневековья», т. I. М.—Л., 1927; «Хрестоматия по истории средних веков», под ред. С. Д. Сказкина, т. I. М., Госполитиздат, 1961.
Салическая правда. Перев. Н. П. Грацианского. Под ред. В. Ф. Семенова. М., «Уч. зап. МГПИ», т. LXII, 1950.
Сборник законодательных памятников древнего западноевропейского права. Под ред. П. Г. Виноградова и М. Ф. Владимирского-Буданова. Вып. 1—3. Киев, 1906—1908.
Социальная история средневековья, тт. I—II. Под ред. Е. А. Косминского и А. Д. Удальцова. М.—Л. 1927.
Французская деревня XII—XIV вв. и Жакерия. Документы. Пер., ввод. ст. и прим. Н. П. Грацианского. М.—Л., 1935.
Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в Новое и новейшее время. Под ред. В. П. Волгина, М.— Л., 1929.
Хрестоматия по истории средних веков. Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина, тт. I—II. М., 1938—1939.
Хрестоматия по истории средних веков. Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина, тт. I—III. М., Учпедгиз, 1949—1950.
Хрестоматия по истории средних веков, тт. I—II. Под ред. акад. С. Д. Сказкина. М., Соцэкгиз, 1961—1963.
Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. Под ред. В. И. Корецкого. М. Изд-во юридической лит-ры.
F. Beyerle. Die Gesetze der Langobarden. Weimar, 1947.
P. de Beaumanoir. Les coutumes de Clermont en Beauvaisis. Publ. par A. Salmon. Paris, 1899—1900.
P. de Crescenzi. Studi e documenti. Bologna, 1935.
Domesday Book, vol. I—IV, London, 1783—1816.
Fleta sev commentarius juris Anglicani... London, 1735.
Isidori Hispalensis. Ethymologiarum sive originum libri XX.
Migne. Patrologia latina. vol. 81—84.
Rotuli Hundredorum, vol. I—II. London, 1812—1818.

Литература

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4.
Маркс К. Капиталл тт. I—III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. тт. 23—25.
Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21.
Энгельс Ф. Франкский период. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 19.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. К. Маркс Ф. Энгельс. Соч., т. 7.
Энгельс Ф. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19.
Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21.
Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3.

Абрамсон М. Л. Вотчина в Южной Италии IX—XI вв. «Византийские очерки». М., Изд-во АН СССР, 1961.
Абрамсон М. Л. О состоянии производительных сил в сельском хозяйстве Южной Италии (X—XIII вв.). Земледелие. Сб. «Средние века», вып. 28. М., «Наука», 1965.
Архангельский С. И. Аграрное законодательство английской революции, чч. 1—2. М. — Л., 1935.
Архангельский С. И. Крестьянские движения в Англии в 40—50-х годах XVII века. М., Изд-во АН СССР, 1960.
Ачади И. История венгерского крепостного крестьянства. М. ИЛ, 1956.
Авдеева К. Д. Огораживания общинных земель в Англии XIII в. «Средние века», вып. 6, 1955.
Брагина Л. М. Общинное землевладение в Северо-Восточной Италии XIII—XIV вв. «Средние века», вып. 12, 1958.
Бернадская Е. В. К истории аграрных отношений Северной Италии XIV—XVI вв. Сб. «Из истории трудящихся масс Италии». М., Изд-во АН СССР, 1959.
Бернадская Е. В. Из истории сельских коммун Моденской провинции. «Средние века», вып. 14, 1959.
Барг М. А. Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв. М., Изд-во АН СССР, 1962.
Барг М. А. О так называемом «кризисе феодализма» в XIV—XV вв. (К историографии вопроса). «Вопросы истории», 1960, № 8.
Барг М. А. Концепция феодализма в современной буржуазной историографии. «Вопросы истории», 1965, № 1.
Бауэр О. Борьба за землю. Очерки по аграрной политике Австрии. Л., 1926.
Бессмертный Ю. Л. О некоторых изменениях в социально-экономическом положении лотарингского крестьянства во второй половине XII и в XIII вв. «Средние века», вып. 17, 1960.
Бессмертный Ю. Л. Изменение структуры межсеньериальных отношений в Восточной Франции XIII в. «Средние века», вып. 28, 1965.
Бромлей Ю. В. Становление феодализма в Хорватии. М., «Наука», 1964.
Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., ИЛ, 1957.
Вейс В. Д. К вопросу о природе фогства в Германии X—XII вв. «Исторические записки», т. 19, 1946.
Венедиктов А. В. Государственно-социалистическая собственность М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948.
Виноградов П. Г. Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887.

Виноградов П. Г Средневековое поместье в Англии. СПб., 1911.
Горфункель А. Х. Из истории экспроприации итальянского крестьянства. «Уч. зап. Ленинградского ун-та», № 192, сер. истор., вып. 21, 1956.
Граменицкий Д. С. К вопросу о происхождении и содержании франкского иммунитета. «Средние века», вып. 2, 1946.
Грацианский Н. П. Бургундская деревня в X—XII столетиях. М.—Л., 1935.
Грацианский Н. П. Из социально-экономической истории западно-европейского средневековья. Сб. статей. М., Изд-во АН СССР, 1960.
Гуревич А. Я. Английское крестьянство в X—начале XI в. «Средние века», вып. 9, 1957.
Гуревич А. Я. Основные этапы социально-экономической истории норвежского крестьянства в XIII—XVII вв. «Средние века», вып. 16, 1959.
Гутнова Е. В. Возникновение английского парламента. Изд-во МГУ, 1960.
Данилов А. И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в. М., Изд-во АН СССР, 1958.
Данилов А. И. К критике допшианской концепции раннесредневековой вотчины. «Средние века», вып. 9, 1957.
Данилов А. И. К вопросу о роли светской вотчины в эпоху генезиса феодализма. «Средние века», вып. 12, 1958.
Дембо Л. И. Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе. Изд-во ЛГУ, 1954.
Жуковский П. М. Происхождение культурных растений. М., «Знание» 1951.
Зеленин Д. Русская соха, ее история и виды. Очерки из истории русской земледельческой культуры. Вятка, 1908.
Звавич И. С. Классовая природа манориальной юстиции. «Уч. зап. Ин-та истории РАНИОН», т. III. М., 1929.
Звавич И. С. (рец.) М. Добб. Исследования по истории развития капитализма. «Вопросы истории», 1947, № 4.
Карасс М. Б. О хозяйстве толедской деревни. «Средние века», вып. 7, 1955.
Кареев Н. И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в. М., 1879.
Кауфман А. А. Крестьянская община в Сибири. СПб., 1897.
Кауфман А. А. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М. 1907.
Кауфман А. А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908.
Качоровский К. Р. Русская община. М., 1906.
Керов В. Л. Восстание «пастушков» в Южных Нидерландах и во Франции в 1251 г. «Вопросы истории», 1956, № 6.
Кнапп Г Ф. Освобождение крестьян и происхождение сельскохозяйственных рабочих в старых провинциях прусской монархии. СПб. 1900.
Ковалевский М. М. Общинное землевладение. Причины, ход и последствия его разложения. М., 1879.

Ковалевский М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства, тт. I—III. М., 1898—1903.
Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939.
Колесницкий Н. Ф. Эволюция раннефеодальной системы областного и территориального устройства и рост вотчинной власти в Германии в IX—первой половине XII в. «Средние века», вып. 9, 1957.
Конокотин А. В. Очерки по аграрной истории Северной Франции в IX—XIV вв. «Уч. зап. Ивановского гос. пед. ин-та», т. XVI. сер. «Ист. науки», 1958.
Конокотин А. В. Жакерия 1358 г. во Франции. «Уч. зап. Ивановского гос. пед. ин-та», т. 35, 1964.
Конокотин А. В. Классовая борьба во французской деревне IX—XI вв. «Французский ежегодник, 1958». М., Изд-во АН СССР, 1959.
Корсунский А. Р. Проблема революционного перехода от рабовладельческого строя к феодальному в Западной Европе. «Вопросы истории», 1964, № 5.
Корсунский А. Р. О развитии феодальных отношений в готской Испании V—VII вв. «Средние века», вып. 10, 1957; вып. 15, 1959; вып. 19, 1961; вып. 23, 1963.
Косминский Е. А. Английская деревня в XIII в. М.—Л., 1935.
Косминский Е. А. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947.
Косминский Е. А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. Сб. статей, М., Изд-во АН СССР, 1963.
Косминский Е. А. и Лавровский В. М. История манора Брамптон в XI—XVIII вв. Средние века, вып. 2, 1946.
Котельникова Л. А. Земельная рента в Тоскане в XI—XIII вв. «Средние века», вып. 24, 1963.
Котельникова Л. А. Освобождение крестьян в Тоскане в XII—XIII вв. «Средние века», вып. 27, 1965.
Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы, тт. I—II. М., 1931.
Лавровский В. М. Проблемы исследования земельной собственности в Англии XVII—XVIII вв. М. Изд-во АН СССР, 1958.
Лавровский В. М. Исследование по аграрной истории Англии XVII—XIX вв. М., «Наука», 1966.
Лампрехт К. История германского народа, тт. I—III. Пер. П. Николаева. М., 1894—1896.
Лесников М. П. Некоторые вопросы балтийско-нидерландской торговли хлебом в конце XIV — начале XV в. «Средние века», вып. 7, 1965.
Лесохина Э. И. Движение крокaнов (1592—1598). «Средние века», вып. 6, 1955.
Луццатто Дж. Экономическая история Италии. М., ИЛ, 1954.
Лучицкий И. В. Поземельная община в Пиренеях. «Отечественные записки», 1883, № 10—12.
Лучицкий И. В. Раздел общинных земель в Германии XVIII в. «Вестник Европы», 1909, кн. 7.
Лучицкий И. Крестьяне и крестьянская реформа в Восточной Австрии. «Киевская старина», 1901, № 3, 5.

Лучицкий И. В. Крестьянское землевладение во Франции накануне революции (преимущественно в Лимузене). Киев, 1900.
Лучицкий И. В. Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции и аграрная реформа 1789—1793 гг. Киев, 1912.
Люблинская А. Д. Франция в начале XVII в. Изд-во ЛГУ, 1959.
Майер В. Е. Уставы как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV — начале XVI в. «Средние века», вып. 8, 1956.
Маслов Р А. Крестьянское восстание в Нижней Бретани в 1489—1490 гг. «Уч. зап. Башкирск. пед. ин-та», вып. 7. сер. ист., № 1, 1956.
Маурер Г Л. Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти. М., 1880.
Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства, т. 1. М., 1894.
Мильская Л. Т. Светская вотчина в Германии VIII—IX вв. и ее роль в закрепощении крестьянства. М., Изд.-во АН СССР, 1957.
Мильская Л. Т. Очерки из истории деревни в Каталонии X—XII вв. М., Изд-во АН СССР, 1962.
Михайловская Н. С. Каролингский иммунитет. «Средние века», вып. 2, 1946.
Неусыхин А. И. Крестьянство и крестьянские движения в Западной Европе раннефеодального периода (VI—IX вв.). Сб. статей к семидесятипятилетию акад. В. П. Волгина. «Из истории социальнополитических идей». М., Изд-во АН СССР, 1955.
Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., Изд-во АН СССР, 1964.
Неусыхин А. И. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., Изд-во АН СССР, 1964.
«Освобождение крестьян на Западе и история поземельных отношений в Германии». Сб. статей, перевод с немецкого, под ред. Н. Водовозова и С. Булгакова, 1897.
Павлушкова М. А. Венгерское крестьянство XI—XIII веков. «Вопросы истории», 1955, № 1.
Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства, изд. 5. М. 1922.
Петрушевский Д. М. Восстание Уота Тайлера. М., 1937
Петрушевский Д. М. Очерки из экономической истории средневековой Европы. М., 1928.
Пискорский В. К. Крепостное право в Каталонии в средние века. Киев, 1901.
Пичугина И. С. О положении крестьянства Леона и Кастилии XII—XIII вв. (По данным фуэрос). «Средние века», вып. 21, 1962.
Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. М., Изд-во АН СССР, 1948.
Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., Изд-во АН СССР, 1962.

Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Львов, 1957.
Романова Е. Д. Прекарий на землях Сенгалленского аббатства в VIII—IX вв. «Средние века», вып. 15, 1959.
Рубцов Б. Т. Исследования по аграрной истории Чехии. XIV — начала XV века. М., Изд-во АН СССР, 1961.
Рутенбург В. И. Народные движения в городах Италии. XIV — начало XV века. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958.
Рыдзевская Е. А. Некоторые данные по истории земледелия в Норвегии и в Исландии в IX—XIII вв. «Исторический архив», т. 3. М., 1940.
Савин А. Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903.
Савин А. Н. Лекции по истории английской революции. М. 1937
Савин А. Н. Английская секуляризация. М., 1906.
Савин А. Н. История Западной Европы в XIV—XVI вв. Линотип. изд. М., 1912.
Самаркин В. В. Эволюция либеллярного держания в Северо-Восточной Италии в XII—XIV вв. «Вестн. Моск. ун-та», сер. IX, № 3, 1964.
Самохина Н. Н. Феодальная реакция в Австрии во второй половине XVI в. «Средние века», вып. 5, 1954.
Сапрыкин Ю. А. Английская колонизация Ирландии в XVI — начале XVII вв. Изд-во МГУ, 1959.
Семенов В. Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.
Сергеенко М. Е. Пахота в древней Италии. «Советская археология», вып. VII, 1941.
Сергеенко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958.
Себенцова М. М. Восстание тюшенов (Из истории народных движений во Франции XIV в.). «Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», т. 68, вып. 4, 1954.
Серовайский Я. Д. Манс и надел зависимого крестьянина во Франции по материалам клюнийских грамот (X—XII вв.). «Уч. зап. Казахского гос. ун-та», т. VII, X. Сер. ист., вып. 6. Алма-Ата, 1960.
Серовайский Я. Д. К вопросу о распределении прав собственности среди бургундских феодалов в X—XII вв. «Средние века», вып. 28, 1965.
Серовайский Я. Д. Изменение системы земельных мер, как результат перемен в аграрном строе на территории Франции в период раннего средневековья. «Средние века», вып. 8, 1956.
Сидорова Н. А. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции. М., Изд-во АН СССР, 1953.
Сказкин С. Д. Исторические условия восстания Дольчино. (Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме.) М. Изд-во АН СССР, 1955.
Сказкин С. Д. Дифференциация крестьянства во Франции накануне революции. «Историк-марксист», 1936, № 2.
Сказкин С. Д. Февдист Эрве и его учение о цензиве. «Средние века», вып. 1, 1942.
Сказкин С. Д. и Лавровский В. М. Энгельс как историк кре-

стьянской войны в Германии 1525 г. «Доклады и сообщения историч. ф-та МГУ», 1947, вып. 5.
Сказкин С. Д. Классики марксизма-ленинизма о феодальной собственности и внеэкономическом принуждении. «Средние века», вып. 5, 1954.
Сказкин С. Д. и Мейман М. Н. Об основном экономическом законе феодальной формации. «Вопросы истории», 1954, № 2.
Сказкин С. Д. Первое послание Дольчино. Сб. статей к 75-летию академика В. П. Волгина «Из истории социально-политических идей». М., Изд-во АН СССР, 1955.
Сказкин С. Д. и Мейман М. Н. К вопросу о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства. «Вопросы истории», 1960, № 1.
Сказкин С. Д. В. И. Ленин и некоторые проблемы медиевистики. «Средние века», вып. 18, 1960.
Сказкин С. Д. К вопросу о генезисе капитализма в сельском хозяйстве Западной Европы. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959». М., Изд-во АН СССР, 1961.
Сказкин С. Д. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе. «Вопросы истории», 1958, № 2.
Сказкин С. Д. Отражение феодальной реакции в наказах некоторых бальяжей Шампани в Северо-Восточной Франции накануне Великой революции. «Памяти А. Н. Савина. 1873—1923». М., 1926.
Смирин М. М. Очерки истории политической борьбы в Германии перед реформацией. М., Изд-во АН СССР, 1952.
Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М., Изд-во АН СССР, 1955.
Соколова М. Н. Свободная община и процесс закрепощения крестьян в Кенте и Уэссексе в VII—X вв. «Средние века», вып. 6, 1955.
Соколова М. Н. Возникновение феодального землевладения и класса феодалов в Англии VII—X вв. «Средние века», вып. 12, 1958.
Удальцов А. Д. Свободная деревня в Западной Нейстрии в эпоху Меровингов и Каролингов. СПб., 1912.
Удальцов А. Д. Из аграрной истории Каролингской Фландрии. М.—Л., 1935.
Удальцова З. В. Италия и Византия в VI в. М., Изд-во АН СССР, 1959.
Ульянов Ю. Р Рост нового дворянства в Англии XV в. «Из истории средневековой Европы (X—XVII вв.)». Изд-во МГУ, 1957.
Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе. М., 1941.
Файнберг Л. А. Вклад американских индейцев в мировое земледелие. «Культура индейцев». М., Изд-во АН СССР, 1963.
Фролова И. И. Значение исследований Н. И. Кареева для разработки истории французского крестьянства в эпоху феодализма. «Средние века», вып. 7, 1955.
Фрязинов С. В. Некоторые данные о крестьянских движениях в Кастилии XV века. «Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», вып. 43, 1957.
Фюстель де Куланж. История общественного строя древней Франции, тт. I—VI. СПб., 1901—1916.

Хилтон Р. и Фаган Г. Восстание английского народа в 1381 г. М., ИЛ, 1952.
Чистозвонов А. Н. Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI века. М., «Наука», 1964.
Чистозвонов А. Н. Некоторые основные теоретические проблемы генезиса капитализма в европейских странах. М., Изд-во «Наука», 1966 (ротапринт).
Чистозвонов А. Н. (рец.) Б. Х. Слихер ван Бат. Аграрная история Западной Европы (500—1850 гг.). «Вопросы истории», 1961, № 12.
Шевеленко А. Я. К вопросу об образовании класса крепостных крестьян в Шампании в IX—X вв. «Из истории средневековой Европы (X—XVII вв.)». Изд-во МГУ, 1957
Шушарин В. П. Крестьянское восстание в Трансильвании (1437—1438). М., Изд-во АН СССР, 1963.
Abel W. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert, 1935.
Abel W. Die Wüstungen des ausgehenden Mittelalters, 1955.
Aubin G. Zur Geschichte des gutscherrlich — bäuerlichen Verhältnisses in Ostpreussen, 1910.
Bennett H. S. Life on the English manor, 1150—1400. London, 1948.
Bloch M. Rois et serfs. Paris, 1920.
Bloch M. Les caractéres originaux de l'histoire rurale française, 2 vols. Paris. 1956.
Boutruche R. La crise d'une société: seigneurs et paysans du Bordelais pendant la guerre de cent ans. Paris, 1947.
Bozic J. Promene u društvenoj strukturi srpskih zapadnih oblasti noči turskoj osvajanja. «Yugoslovenski istorijski časopis», 1964, N 1.
Curschmann F. Hungersnöte im Mittelalter, 1900.
Deffontaines P. L'homme et la forêt. Paris, 1933.
Dobb M. Studies in the development of Capitalism. London, 1947.
Dollinger Ph. L'évolution des classes rurales en Bavière depuis la fin de l'époque carolingienne jusqu'au milieu du XIIIe siècle. Paris, 1949.
Dopsch A. Die ältere Wirtschafts-und Sozialgeschichte der Bauern in den Alpenländern Osterreichs. Oslo, 1930.
Dopsch A. Naturalwirtschaft und Geldwirtschaft in der Weltgeschichte. Wien, 1930.
Doren A. Italienische Wirtschaftsgeschichte. Jena, 1934.
Duby G. L'économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiévâl (France, Angleterre, Empire, Xe—XVe siècles). Essai de synthèse et perspectives de recherches, vol. I—II. Paris, 1962.
Ernst V. Die Entstehung des niederen Adels. Berlin, 1916.
Grand R. L'agriculture au moyen âge, 1950.
Grebenščikov I. Mais als Kulturpflanze. Wittenberg, 1954.
Hahn Ed. Die Haustiere und ihre Beziehungen zur Wirtschaft der Menschen. Leipzig, 1896.
Hahn Ed. Die Entstehung der Pflugkultur. Heidelberg, 1909.

H a m i l t o n E. J. American treasure and the price revolution in Spain 1501—1630. 1934.
H a m i l t o n E. J. The decline of Spain. «Economic History Review», 1938, № 8.
H a m i l t o n E. J. War and prices in Spain 1651—1800. 1947
H a m i l t o n E. J. Prices as a factor in business growth. «Journal of Economic History», 1952, № 12.
H a u d r i c o u r t A. et. H é d i n. L. L'homme et les plantes cultivées. Paris, 1943.
H a u d r i c o u r t A. et D e l a m a r r e M. L'homme et la charrue à travers le monde. Paris, 1955.
H i l t o n R. H. Peasant movements in England before 1381. «Economic History Review», 2nd ser., 1949, vol. II, N 2.
Cambridge Economic History of Europe. 2 v. Cambridge, 1942—1952.
H i n t z e O. Wesen und Verbreitung des Feudalismus. Sitzungsbericht der preussischen Ak. d. Wissensch. Phil.-hist. Kl. Berlin, 1929.
J o h n s e n O. A. Norwegische Wirtschaftsgeschichte, 1939.
K l e i n J. The Mesta 1237—1836. 1920.
L ü t g e F. Das 14/15. Jahrhundert in der Sozial — und Wirtschaftsgeschichte. «Jahrbuch für Nationalökonomie u. Statistik», 162, 1950.
N a u d é W. Die Getreidehandelspolitik der europäischen Staaten vom 13. bis zum 18. Jahrhunderts, 1896.
N i c h t w e i s s J. Das Bauernlegen in Mecklenburg. Berlin, 1954.
N i e l s e n A. Dänische Wirtschaftsgeschichte, 1933.
R ö r i g F. Mittelalterliche Weltwirtschaft. Jena, 1933.
R a v e a u P. L'agriculture et les classes paysannes: La transformation de la propriété dans le Haut Poitou au XVI-e siècle, 1926.
S a l a m a n E. N. The history and social influence of the potato. Cambridge, 1949.
S é e H. Les classes rurales et le régime domanial en France au moyen âge. Paris, 1901.
S é e H. Les classes rurales en Bretagne du XVI-e siècle à la révolution. Paris, 1906.
S é e H. Esquisse d'une histoire du régime agraire en Europe aux XVIIIe et XIX siecles. Paris, 1921.
S l i c h e r v a n B a t h. B. H. The agrarian History of Western Europa. A. D. 500—1850. London, 1963.
S l i c h e r v a n B a t h. B. H. Jield ratios, 1810—1820. Wageningen, 1963.
«The Transition from Feudalism to Capitalism». London, 1954.
W i e b e G. Zur Geschichte der Preisrevolution des XVI und XVII Jahrhunderts. Leipzig, 1896.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сказкин Сергей Данилович

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Тематический план 1967 г. № 87

Редактор *В. В. Самаркин*
Оформление художника *Е. А. Михельсона*
Художественный редактор *К. И. Журинская*
Технический редактор *Е. Д. Захарова*
Корректоры *Н. П. Стерина, И. С. Хлыстова, Л. С. Клочкова*

Сдано в набор 2/VI 1967 г.
Подписано к печати 3/VI 1968 г.

Л-95805 Формат 84×108[1]/32.
Физ. печ. л. 11,875. Усл. печ. л. 19,95
Уч.-изд. л. 21,11. Изд. № 264.
Зак. 530. Бумага тип. № 1.
Тираж 2500 экз. Цена 1 р. 55 к.

Издательство Московского университета
Москва, Ленинские горы,
Административный корпус.
Типография Изд-ва МГУ.
Москва, Ленинские горы

10 000=

1р. 55к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА